

Вернер Хеллфри

*На Пути
в неизвестность*

Первая белая книга

История наполненная закрученными детективными поворотами, страхами, отчаянием и запретными желаниями. Дружба, любовь и счастье переплетутся и станут единым целым на городских улицах города Гротеск заставив читателя влюбиться в его жителей и приезжих. История четырнадцатилетнего мальчишки поможет вспомнить о желаниях детства и фантазиях юности, подступающая к стенам города война добавит опасной интриги заставив усомниться читателя кто же тут добро а кто зло. Сама Вера станет на защиту северного города Гротеск, стоящего неприступной стеной на пути бесконечных орд смерти. Сможет ли наш герой открыть в себе великую силу, чтобы справиться с врагами и открыть тайну своих родителей читайте в первой книге из Цикла произведений "Эпоха перемен".

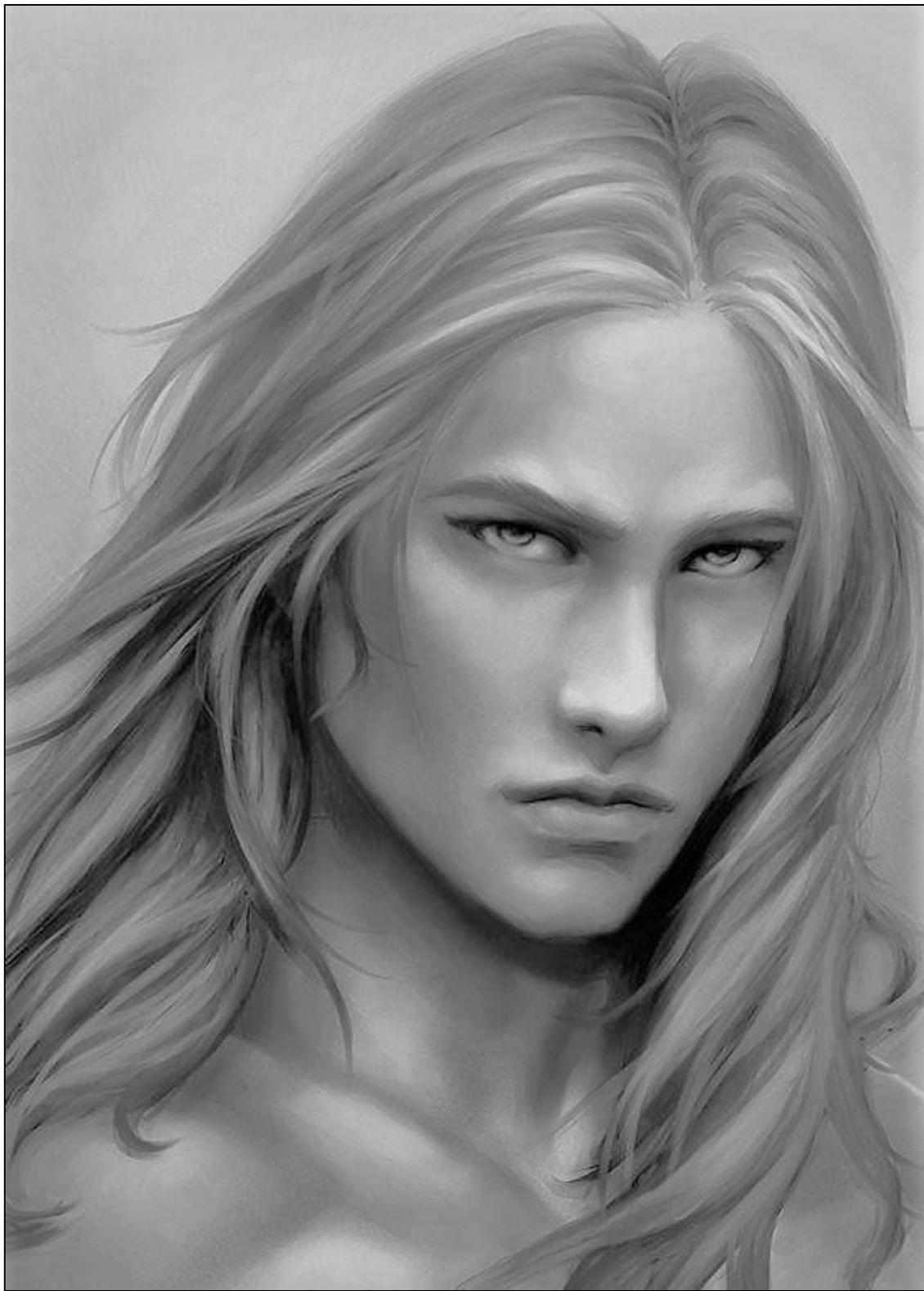
Первая белая книга "На пути в неизвестность"

Вступление

Я молча стоял, всматриваясь в ночное небо над моей головой, совершенно не понимая, что же мне делать дальше. Совсем один посреди леса, на берегу озера, в черных водах которого отражались бесконечные звезды, рассыпанные кем-то и теперь мерцавшие у самых моих ног. Дождь только что закончился, а я все продолжал стоять, чувствуя каждой частичкой своего тела, что теперь я совсем один, посреди этого огромного мира, который мне еще предстоит открыть. Я не знал, что меня ждало впереди, но отчетливо помнил, момент за моментом, что пережил за эти последние недели, теперь с недоумением, вглядываясь в ночное небо, качающееся на черной глади воды, не понимая, что же мне делать дальше.

Отчаяние, боль, страх, шок, безумие? Все смешалось в моем сознании, на отрез отказавшему воспринимать действительность, в которой я сейчас нахожусь. Мне хотелось зарыдать и убежать от этого места прочь, но даже этого я сделать не мог, ведь сил для слез больше не было. Как мне быть дальше, как поступить, как сделать верный шаг? Звезды молчаливо продолжали висеть над моей головой и не давали мне никакого ответа, молчаливо мерцая. И лишь луна, единственная свидетельница моего убийства, насмехаясь выглядывала из-за редких облаков, продолжая с интересом наблюдать за мной, гадая не меньше меня самого, что же я буду делать дальше.

Я расскажу эту историю, и пусть в ней останется все как есть, а вы уж сами решите, как мне нужно было поступить. Ведь теперь не вернуть того что и так произошло. Я глянул на свои мокрые ладони и сжав их в кулаки направился обратно в лес. Прочь от этого живописного места, которое для меня чуть не стало последним.

Лад.

Солнце ярко заслепило глаза так неожиданно, будто бы я появился здесь, после долгого пребывания во тьме. Прикрываясь рукой от слепящих меня лучей, я пытался понять, где же я сейчас нахожусь в этот самый момент, переключив все свое внимание со зрения на слух. Вокруг был только шум или скорее гул, где-то далеко внизу у меня под ногами, волны на

большой скорости ударялись о каменный вал, разлетаясь сотнями мелких брызг. Картинка появилась у меня в самом сознании на одно мгновение, но я ее отчетливо смог разглядеть. Каждую мельчайшую деталь, даже почувствовал всем своим лицом порывы холодного бриза, окатившего меня своими холодом и влагой.

Я снова открыл свои глаза, чтобы удостовериться что картинка, возникшая в моем разуме, была на самом деле реальностью, в которой я теперь непосредственно находился. Мои ноги были на самом краю каменного вала, о который далеко внизу, бурные потоки пенящейся соленой влаги тщетно пытались пробиться, чтобы поглотить в своем синезелёном мареве лежавший за это преградой город.

Гротеск — город, спрятавшийся в самой западной точке суши посреди скал и лесов, затаившийся хищным зверем, глядящим своими огнями в сторону северного моря, кишящего пиратами и контрабандистами. Обитель нелегальной торговли, место разврата и пристанище для любого, кому нужен самый редкий и запрещённый товар на всем западном берегу огромной северной империи Астория.

Я только теперь понял, что мое сердце, будто и не билось до этого начало наконец-таки выстукивать тревожную барабанную дробь. Ветер и холод начали медленно захватывать мое тело, а страх пробирается ко мне под одежду, заставляя меня думать, что я в любой момент могу упасть вниз и исчезнуть посреди бесконечных пены и волн, там внизу. Нужно было гнать все эти сомнения прочь и заставить свою замершую на таком ветру голову, наконец-то вспомнить зачем я здесь.

— Лад, ты снова провалился в свои бесконечные раздумья?! — голос был совсем рядом, но из-за шума волн невозможно было разобрать кому он принадлежал, толи парню, толи девушке.

— Солнце уже садиться, если мы не вернемся до заката в школу к учителю Серо, он нас точно убьет, вот увидишь?! — голос принадлежал девчонке или все-таки нет.

Я посмотрел на этот раз на говорящего, но передо мной стоял только подросток с ног до головы, замотанный в черные тряпки, через которые еле пробивались редкие клочки рыжих густых волос, но даже этого мне точно не хватало чтобы определить кто же это был. Мысли в голове не давали мне никаких зацепок, проклятая память отказывалась вспоминать, мерцая какими-то редкими образами и картинками.

— Ладно. Давай за мной... — «она» ловко спрыгнула с края стены на одну из ближайших крыш и метнулась пушенной стрелой почти растворившись посреди серо-черной черепицы:

— Не отставай! У нас совсем не осталось времени.

Глядя убежавшему «напарнику» вслед, я провел холодной рукой по горящему словно огнем лицу, ловя себя на мысли, что мне непременно хотелось бы чтобы под черными тряпками оказалось рыжеволосая девчонка. Я ловко спрыгнул, вслед за ней, и положившись на свою мышечную память, гоня любые сомнения прочь, стал ускоряться широкими шагами нагоняя черную тень, слившуюся среди грязи, мха и черных просмоленных крыш.

Несколько раз чуть не поскользнувшись, но так и не сорвавшись вниз с покатых крыш, я настиг свою напарницу, наслаждаясь каждому движению и грацией, с которой она передвигалась, минуя любые препятствия и двигаясь только по одной прямой.

Преодолев несколько парапетов и перепрыгнув столько же довольно больших пролетов, мы в нерешительности остановились у очередного края, на несколько мгновений чтобы перевести дух.

Я не отрывал от нее своих глаз, а она своих от меня. Мне даже начинало казаться что она играет со мной и в этот момент улыбается мне. Я все это время продолжал гадать как же ее все-таки зовут, но ответом мне была только пустота. Она отошла от края и хорошенько разбежавшись прыгнула на крышу, до которой на первый взгляд допрыгнуть было просто невозможно. Ей с лёгкостью это удалось и теперь черед был за мной. Я снова понадеялся на память своих мышц, которые только разогрелись и были готовы для чего-то куда большего чем эти прыжки по крышам под покровом сумерек. Хорошенько разбежавшись, я что есть мочи прыгнул, оттолкнувшись от самого края и легко перелетел на другую сторону удивляясь своей силе и ловкости. Мои ноги легко пробили глиняную черепицу и основательно в ней застряв не дали мне завершить спасительный кувырок, который бы непременно смягчил мое падение. Завершением моего пируэта был удар одновременно локтем и лицом о оказавшуюся такой хрупкой черепицу. Я кое как поднял свое разбитое лицо, только теперь осознав, что та часть крыши, на которую я приземлился с грохотом рухнула на пол верхнего этажа, где-то прямо подо мной.

— Ла-а-а-ад!!! — душераздирающий крик разорвал сумеречную тьму, в которую медленно и неумолимо все вокруг погружалось, последние лучи солнца скрылись далеко на западе за далекой гладью воды.

— Ну теперь то тетка от тебя и мокрого места не оставит?! — черная тень за несколько прыжков преодолела крышу и скрылась во тьме верхнего балкона. Я, разрушая дальше глиняную черепицу своими неловкими движениями пытался бежать вслед за своей спутницей.

— А как же ты? — только и смог бросить я во тьму балкона, уже и не пытаюсь хоть что-то рассмотреть, тьма поглотила все вокруг.

— А меня здесь вообще с тобой не было... — дверь тихо приоткрылась, и невидимая тень скрылась за ней оставив меня в сумерках совсем одного.

Крыша, на которой я находился имела форму квадрата с огромной площадкой внутри постройки. Очертания стен этого здания стали появляться в свете факелов, которые зажигались почти в каждом из окон. В самом низу кто-то осветил парк из нескольких десятков деревьев и бетонную площадку в самом центре. Будто для того, чтобы я с лёгкостью смог сориентироваться и благополучно покинуть крышу. В какой-то момент мне захотелось последовать вслед за своей спутницей, но последние сказанные ей слова остановили меня.

— Вот, ты где проклятый стервец!!! Будет тебе, ой будет... — на крыше повисли тучных форм дама в зеленом переднике поверх серого платья. Она тяжело дышала, после большого количества ступеней что ей пришлось преодолеть чтобы подняться сюда наверх.

— Тетка?! — я в нерешительности удивился ее появлению, двухметровая женщина, слаженная не хуже самого крепкого мужчины, смотрела на меня серыми добрыми глазами жаждущая в любой момент меня хорошенько проучить за сломанную мной крышу.

— Да какая я тебе тетка? Дрянь не благодарная, а ну брысь вниз к учителю... — держа в одной руке факел, она попыталась несколько раз ударить меня ладонью, но я мгновенно уклонялся от всех ее ударов.

— Дерзкий мальчишка, а ну стой на месте! Не вертись! — долго уклоняться было невозможно, и наконец ее огромная мясистая ладонь обожгла мне лицо с такой силой что я даже кувыркнулся назад, мотая головой и потеряв ориентацию во времени и пространстве.

— Так-то лучше... А то не хватало мне еще с тобой драться, паразит... — она подняла меня за складки черных обмоток, в которые я был одет и потянула меня вслед за собой,

крепко держа за шею, так чтобы я не вырвался.

— Для тебя я всегда буду госпожа Тильда, и ни как иначе... — ее негодованию не было предела:

— Ты каждый раз меня называешь Теткой при любом удобном тебе случае, а потом я тебя не кормлю несколько дней! Тебе самому не надоело? Мы миновали несколько этажей и коридоров прежде, чем я попытался ей хоть что-то ответить все также тщетно пытаюсь собрать картинку воедино в своей голове, которая болела после удара о крышу и теперь пылала огнем прочувствовав всю силу ладони Тильды.

— Благодарю учителя Серо, за то, что он тебя столько лет терпит! Будь на то моя воля... — мы наконец то остановились, и Тильда словно котёнка швырнула меня под открытую дверь, в которую я кубарем влетел, распластавшись на полу, совсем беззащитный и такой уязвимый. Переполюнявшие чувства о своей безграничной силе и ловкостью полностью улетучились из всех закоулков моего разума.

— Спасибо Тильда, о его наказании мы поговорим завтра, а пока вы можете быть свободны, моя дорогая! — человек с черными густыми усами и бородой жестом поблагодарил свою помощницу и приказал ей удалиться, скрывая эмоции своего лица за густыми волосами, спадавшими до самых плеч. Его глаза, в которых отражался свет от нескольких факелов, висевших на стенах вокруг, не отводили от меня взгляда молча ожидая что же я скажу.

Когда шум удаляющихся шагов Тильды стих в конце коридора, я перевел дух и сев на колени стал осматривать комнату, в которой теперь очутился. Украшенные бархатом цвета крови занавески со всех стороны закрывали многочисленные окна, служа не преодолимой преградой теплу, что ровными, плавными потоками исходило от огромного камина, который находился прямо за учителем, что молча стоял, ожидая того, когда же я наконец-таки заговорю. Я же опустил свои глаза на пол, причудливыми узорами разбегающийся в разные стороны, коричневый, черный и серый, не ведомый мне рисунок из разноцветной деревянной мозаики, смешавшейся с запахом горящих факелов и погрузивший мой разум в тлеющий дубовый лес.

— Лад, почему ты молчишь? «Отвечай, когда с тобой говорит учитель...» — это снова говорила моя спутница с крыши. То, о чем говорил учитель я совершенно не слышал, образы тлеющего дубового леса поглотили меня целиком.

«Так все-таки она девушка или парень?» — эта проклятая мысль засела камнем в моей голове и не давала мне покоя с самого начала всей этой истории. Даже не смотря на пульсирующую боль, запекающую кровь на моих руках и ногах, я продолжал думать о совсем других вещах, витая посреди своих фантазий, напрочь отказываясь воспринимать реальность такой какой она была на самом деле.

— Салли, помолчи, пусть он все расскажет... — учитель резко взмахнул указательным пальцем, и я ощутил, как сам воздух разрезал до крови мне лицо в тоже мгновение. Я снова был на ногах, готовый защищаться в любой момент, глядя с не скрываемой ненавистью на своего учителя.

— Мастер Серо он снова упал, и снова ничего не помнит! На кой он нам вообще нужен? — Салли ловко сбросил с себя черные тряпки и обнажив в свете факелов свои густые рыжие волосы, спадавшие до самых плеч и с презрением, посмотрел на меня принявшись дальше раздеваться.

— Салли я сам решу, как мне поступать! — еще один взмах рукой и воздух рассек

нежную кожу на спине рыжеволосого мальчишки заставив его от неожиданности вскрикнуть от боли. Я нервно прикусить губу, но только не от того, что Салли было больно, а скорее от того, что он оказался мальчишкой.

— Не испытывайте мое терпение, в моем доме вы дерзить не будете?! А ну-ка Лад быстро отвечай мне что тебе удалось узнать в порту, а не то я исполокую Салли так сильно что он неделю не сможет спать на спине! — Учитель несколько раз взмахнул теперь уже двумя пальцами на своей руке и потоки воздуха с легкостью разрезали нежную юную плоть заставляя Салли неожиданно вскрикивать каждый раз от пронизывающей всю его спину боли. Он покорно стоял, оголившись по пояс и терпел боль, страх и медленные потоки крови, сочащийся из его неглубоких порезов изредка всхлипывая, получив новый удар. Он с ненавистью и надеждой в глазах смотрел на меня требуя от меня лишь одного, чтобы я все вспомнил.

— Ну? — рука учителя остановилась и его взгляд переключился на меня в тот самый момент как воспоминания нахлынули огромной соленой волной, напрочь перекрыв мне дыхание. Я сопротивлялся этому чувству отчаяния всего несколько мгновений пока не провалился наконец то во тьму, во тьму прошлого, которое уже произошло.

***

Сквозь пелену, что меня поглотила я слышал отрывки слов и видел, как Салли размахивая руками что-то объясняет учителю Серо. Я закрыл глаза чтобы вспомнить как снова наступило утро этого злополучного дня с повествования, вечера которого я и начал свой рассказ.

— Как думаешь, Лад, Орден Воскрешения прорвется сквозь лесные засады наших к самому городу? — Салли стоял ко мне спиной, когда я его заматывал в черные тряпки-бинты, служившие нам одеждой и маскировкой одновременно.

— Все только и говорят про Орден! Вот только никто так и не видел ни одного религиозного фанатика... — я ответил с безразличием и скептицизмом, напрочь отвергая все эти слухи про войну, которую в нашем городе все жду уже года четыре не меньше.

— Думаешь, все лгут?! Ха... Я посмотрю, что ты заговоришь, когда орды фанатиков прорвутся сюда, в наш город! — Салли сморщил свой лоб и надув щеки скорчил рожицу для убедительности.

— Да враки это все! — я снова отмахнулся от его речей и став на колени принялся заматывать его ноги поочередно, отвернувшись от его голого паха, в сторону.

— Враки, про войну? В городе народу куда больше, чем было до этого в несколько раз! Вот увидишь они непременно нападут! — он смотрел на меня с ухмылкой сверху вниз, продолжая убеждать в своей правоте. Его ухмылка показалось мне издевкой, и я хорошенько ударил ему левой рукой прямо в пах, так что он шумно выдохнул и нагнулся к самому полу, корчась теперь от боли.

— Хватит уже ныть, нападут, фанатики Ордена! Четыре года не нападали, а теперь нападут? — я продолжил заматывать своего напарника в черные тряпки молча погрузившись в свои раздумья, ведь он мог быть и прав.

— А давай спросим учителя! Он то наверняка должен знать? Нападут или нет? — Салли оправился от моего подлого удара и казалось не держал на меня никакого зла.

— Если ты не заметил, то это мы все время бегаем по городу используя крыши, чтобы остаться незамеченными. Подслушиваем, наблюдаем и обо всем рассказываем учителю! — я наконец то закончил заматывать бинтами Салли и он, отойдя на несколько шагов назад

несколько раз подпрыгнул на месте, проверяя хорошо ли я его замотал и не развалится вся эта конструкция. Салли хорошо знал, что стоит ему некоторое время усердно подвигаться как сок, которым были пропитаны тряпки приклеивался к коже и не давал нам остаться совсем нагими. Пока мы двигались бинты служили нашей одеждой и маскировкой.

Теперь настала очередь Салли заматывать, он ловко орудовал бинтами, гораздо лучше и быстрее меня. Иногда останавливаясь и размахивая руками и ногами заставляя кровь в своем теле пульсировать и согревать бинты. Он очень быстро замотал меня до пояса и теперь став на колени был на уровне моего паха, заставляя меня нервничать. Мне начинало казаться что он воспользуется ситуацией и ударит меня также как я его до этого.

— Так все-таки может учитель знает? Вдруг слухи не врут, поговаривают что бои идут в лесах в двух днях пути от нас?! — Салли говорил это очень медленно, а я напрягся всем телом готовясь получить удар от него.

— Единственное что ваш учитель точно знает, так это что у него голова уже разрывается на части от ваших утренних разговоров! — в комнату совершенно бесшумно вошел учитель Серо, облаченный в синий балахон с трубкой в руке. Запах табака, смешанного с вишней, заполнил все вокруг, а его тяжелый взгляд, сфокусированный на нас, заставил меня еще больше нервничать, а Салли заматывать меня еще быстрее. Когда учитель, делая еще одну долгую затяжку закрыл глаза и поднял вверх указательный палец намереваясь изречь что-то мудрое мы уже были готовы сигануть из окна на свободу.

— Куда же вы собрались? Сегодня я дам вам очень важное задание! — учитель смотрел на нас совершенно не собираясь использовать палец для того, чтобы наказать нас разрезая нашу нежную плоть своей волшебной силой.

— Вы уже очень хорошо знаете город и легко в нем ориентируетесь. Поэтому я хочу, чтобы вы проследили за определенным человеком и выяснили что он привезет в город, а он непременно появится на восточных воротах в течении дня. — сделав еще одну глубокую затяжку и закрыв от удовольствия глаза учитель посмотрел на Салли и поманил его жестом к себе.

Мой напарник повиновался и молча подошел к учителю, тот приложив ему ладонь на лоб через мгновение оттолкнув его снова закрыл свои глаза.

— Теперь ты знаешь, как он выглядит... — учитель отвернулся от нас и направился к выходу бросив напоследок:

— Времени у вас до заката солнца. Выясните что он привезет в город.

Салли, разбежавшись прыгнул за окно на довольно широкий парапет и пробежав по нему несколько метров перепрыгнул на соседний балкон, а уже с него на следующий этаж, через несколько прыжков оказавшись на крыше. Я последовал его примеру, настигнув его только среди черных просмоленных крыш. Мы на большой скорости бежали прямо на восходящее солнце, туда, где под тенью множества каменных зданий прятались восточные ворота.

Ловко перепрыгивая препятствия и не испытывая никакого страха, мы очень быстро достигли своего наблюдательного пункта, который находился на крыше церкви, нависшей неприступным пиком из шпилей и башен. Осмотревшись, я заметил справа здание городской стражи, с которого мы, хорошо разогнавшись попали на первую покатую крышу пристройки храма. Пользуясь как лестницей ограждением, состоящим из скульптур святых и других героев священного пантеона, мы достигли главного здания храма. Цепляясь за выступы на стенах и углах здания, я наконец то достиг одной из башен, до главного шпиля церкви от

сюда было просто рукой подать. Через несколько мгновений Салли был рядом со мной, мы перевели дух и успокоив свое дыхание заняли свой наблюдательный пост, с высоты которого были хорошо видны восточные ворота.

— Интересно, как ты понял, что теперь узнаешь этого... Того кого нам надо найти? — я без особого интереса смотрел на проходящих через ворота людей, тем более Салли совсем замолчал, а смотреть за пришлыми мне совершенно наскучило. Напарник мне ничего не ответил, и мы молча продолжили стоять долгое время. Стража, стоявшая возле ворот, тоже недовольно переминалась с ноги на ногу, время неумолимо двигалось к обеду, а смены все не было. Я не меньше них устал пялиться в лица прохожих, ища того, кого не мог даже опознать. Радовало лишь одно что большинство пришлых в город не пускали и отправляли их обратно за ворота преграждая дальнейший путь своими огромными алебардами; по началу мне это было интересно, но и оно довольно быстро наскучило, ведь никто из пришлых после словесной перепалки так и не вступил в драку со стражей молча уходя прочь. Мне осталось только считать тех, кого пропускали в город, от чего начало клонить еще больше в сон. Я замотал головой и покинул свой пост, чтобы не много размяться и нагревая сок, покрывавший черные бинты резкими движениями прогнать прочь сон, медленно начавший опутывать мой разум.

— Я его вижу... — довольно тихо промолвил Салли махая из башни мне рукой, так чтобы я непременно услышал. Я понял и за несколько прыжков снова очутился на ограждении, вглядываясь туда куда указывал рукой Салли.

Четверо мужчин сопровождали повозку, ведя запряженную лошадь за поводья. Лица троих были скрыты под капюшонами и лишь один из них совершенно лысый с улыбкой, перерезавшей его лицо от уха до уха, направился напрямиком к стражникам раскрывая свои руки для объятий.

— Наконец то мы прибили, а нас встречают лучшие солдаты гарнизона... — лысый не смог договорить свою похвалу, как стражники направили острые лезвия своих алебард в его сторону преграждая ими путь дальше.

— Если у вас нет клейма раба, кого-то из уважаемых горожан или вольной грамоты хозяина вам нельзя в город! — стражник был не возмутим.

— Да бросьте любезнейший!? Какое клеймо? Какие грамоты? — лысый снова улыбнулся так широко, как только мог и немного поклонившись перед стражей выудил незаметным движением мешочек из своего заднего кармана и ловко бросил его говорившему.

— Надеюсь здесь будет достаточно? — стражники в нерешительности посмотрели на своего командира, поймавшего мешочек, который без сомнения был набит серебряными монетами.

— Если нет клейма или грамоты, то вам запрещено находиться в городе! — стражник был не много взбешен от того, что лысый не перестает ухмыляться и намеривался забрать серебро себе оставив его совершенно не с чем. Командир облизнул свои пересохшие губы, радуясь в душе как же легко ему досталось столько серебра, как резкий удар по шее привел его в чувства, вернув самообладание.

— Командир, с каких пор наша стража берет взятки? — в этот самый момент к посту на восточных воротах подоспела смена, которую возглавлял сам комендант Трюдо, командовавший всей восточной заставой. Высокий, сухопарый светловолосый усач Трюдо ударил по шее своего подчинённого, только что пойманного на взятке.

— Я...я...? — растерянно замямлил командир, глядя то на мешочек в своих руках, то на коменданта.

— Отдайте серебро обратно, я лично займусь досмотром. Ваша смена окончена, командир! — его голос был совершенно спокоен и его подчинённому даже на мгновение показалось что кара его миновала, и он прощен за свой мимолетный проступок. Комендант отсалютовал ему и потом получив приветствие в ответ положил командиру руку на плечо и сказал уже шепотом:

— Если я от кого узнаю, то ты берешь взятки и порочишь честное имя моей любимой стражи, я лично распоряжусь чтобы тебя повесили на восточной площади на потеху толпе и в нареkanie остальным!

— Виноват... — только и смог выдать из себя командир, и уже с ненавистью глядя на своих молчаливых подчиненных покинул свой пост опустив голову и тяжело выдохнув.

— П-шел прочь... — сказал сквозь зубы комендант, обращаясь к уходящему командиру и бросил забранный мешочек с серебром назад лысому.

— Ваше благородие, извините меня за мои манеры — лысый теперь не улыбался и был абсолютно серьезен.

— Куда вы так торопитесь, не могли дождаться моей смены? Проходите не задерживайте остальных! — комендант приказал стражникам расступиться и пропустить повозку и четверых мужчин внутрь города.

— Даже не проверите мой товар? — не успокаивался лысый.

— Надеюсь Сольвани доплатит мне и за это тоже... — комендант обдал злобный взглядом всех четверых и уже переключился на следующую за ними процессию из уставших и измученных долгой дорогой торговцев.

— Непременно, непременно... — лысый снова поклонился отвернувшемуся от него коменданту и погладив за холку лошадь взял ее под уздцы и направился дальше, совершенно не зная, что в этот самый момент мы с Салли пристально за ним наблюдаем. Я, прокрутив снова всю эту сцену со стражей в своей голове еще больше заинтересовался содержимым повозки, которую охраняли эти четверо.

— Ну что? Узнаем, что же они прячут в своей повозке? — мои глаза горели живым интересом, предвкушая дальнейшее развитие событий, но Салли снова мне ничего не ответил. Он ловко перепрыгнул через ограждение башни уже по бежал к ближайшей крыше, которая была гораздо ниже крыши пристройки храма.

Троица и лысый медленно брели по улочкам Гротеска, направляясь на север, в самое логово грабежей и разврата. Прошлый раз, когда мы с Салли были тут то очень долгое время наблюдали за женщинами, торгующими своим телом. Мы не сильно понимали, что происходило, но с живым интересом наблюдали за криками и стонами, за которые мужчины платили звонкой серебряной монетой. Мне снова захотелось чтобы моей напарницей непременно оказалась девушка, а не это рыжеволосый Салли, уж я-то попробовал бы с ней проделать все эти крики и стоны. Из моих фантазий меня вывел мой напарник, ткнув меня кулаком в плечо и шёпотом добавив:

— Трое сняли себе девочку и потянули ее в переулок, лысый остался совсем один охранять повозку! — Салли указывал мне на удаляющихся во тьму переулка троицу, я же глазами искал лысого, который остался стоять возле повозки, отодвинув полы плаща в сторону и положив свою руку на рукоять меча, будто предлагая нам на него напасть. Нет, мы совершенно не боялись, я почувствовал, как комок подступил к горлу, медленно соображая,

как нам воспользоваться моментом, но Салли уже все решил и мне оставалось ему только подыграть. Мой напарник взял несколько горшков на ближайшем из балконов и заняв позицию прямо на нем что есть силы бросил его на каменную мостовую. Горшок разлетелся на несколько десятков осколков заставив лысого среагировать на звук, на соседней улице. Балкон был за углом, и лысый не видел бросавшего, помедлив несколько мгновений он выхватил меч из ножен и направился, озираясь по сторонам посмотреть, кто ж так шумит. Салли бросил еще один горшок и притих на балконе ожидая от меня каких-либо действий.

Второй горшок со звоном разбился, заставив лысого перейти на бег и уже не обращать на повозку никакого внимания, теперь у меня было совсем немного времени, которым я и воспользовался. Ловко спустившись по одной из водосточных труб, я через мгновение очутился рядом с повозкой, лысый уже ушел за поворот в переулок пытаюсь понять кто же бьет горшки. Я быстро залез в один из мешков, которых на повозке под тканью оказалось множество, схватил рукой что-то твердое и теплое, а еще через мгновение, сжимая свою добычу, я бежал по улице прочь пытаюсь увидеть догонявшего меня по крыше Салли.

Я бежал несколько минут, пока окончательно не понял, что оторвался от преследователей если они и гнались за мной. Переведя дух, я конец то начал рассматривать свою находку, такую теплую и гладкую. Моему разочарованию не было предела это был обыкновенный хлеб, черный, свежееиспечённый и приятно пахнущий каравай.

— Ну что там? — рядом появился, немного запыхавшись Салли с интересом пытаюсь понять, что же я верчу в своих руках в этом темном переулке.

— Просто хлеб... — я разочарованно бросил каравай Салли и задумчиво замолчал.

— Надо было лучше искать, может там еще что-то было? — Салли вертел хлеб в руках тоже недоумеая и виня во всем только меня.

— Да смотрел я, больше не было ничего... — разводил в растерянности я руками, пытаюсь оправдаться:

— Во всех мешках был только хлеб и больше ничего.

— Врешь! Нужно еще раз проверить, в чем-то тут подвох, надо вернуться... — Салли злился и бросил мне хлеб обратно, недовольно сжав свои кулаки.

— Доверили настоящее задание, а ты все испортил! Поэтому старик показал только мне лицо этого лысого, а не тебе... — Салли брезгливо сплюнул мне под ноги на каменную мостовую и подымаясь по водосточной трубе отправился на поиски четверки с повозкой оставив меня совсем одного посреди переулка.

Я в нерешительности продолжал смотреть на хлеб, не понимая толи броситься вслед за Салли, толи продолжать смотреть на каравай. Меня на мгновение осенило, а вдруг внутри него и была разгадка. Я разломил его на пополам, но кроме мякиша внутри ничего не было, лишь приятный запах свежееиспеченного хлеба защекотал тмином мне нос. Хотел ли я с досады выбросить хлеб? Наверное. Хотел ли я разобраться что я сделал неправильно? Безусловно. Я бесцельно побрел по переулку вперед погружившись в свои мысли, думая о том, как прошло этих первых пол дня, зачем же им нужен был хлеб, да еще целый воз? Почему я вспомнил слова Салли о том, что в городе народу стало в несколько раз больше, да и сегодня стража почти никого не пропускала за городскую стену. Точно? Может в городе заканчивается еда? Да и в округе тоже? Нужно непременно рассказать об этом Салли.

Я ускорился и готов был в любой момент выпустить два куса хлеба зажатых в моих руках, что теперь мне мешали, с ними я бы не смог взобраться на крышу. Как вдруг услышал тихий женский голос и остановился.

— Эй малыш? Постой... — голос принадлежал женщине, сидевшей на каменном полу в темном углу одной из подворотен, она, сжимая какой-то свёрток смотрела с надеждой на меня. Хотя нет не на меня, а именно на хлеб, запах которого заполонил все вокруг.

— Малыш, прошу! Да, ты, черный... — она откашлялась и прижимая свертки к груди попыталась встать.

— Мы с моим сыном не ели несколько дней... Серебро кончилось, да и еды нет совсем.

Я в нерешительности посмотрел на хлеб, а потом снова на женщину, на ее высохшее белое лицо и уставшие серые глаза, передо мной пронеслись больше сотни лиц, несчастных и отчаявшихся, что довелось мне увидеть за эти пол дня. В какой-то момент мне даже стало стыдно, ведь вечером меня ждал ужин, приготовленным Тильдой. Я уверенно сделал несколько шагов в сторону нищенки и протянул ей оба куса хлеба. Она встала на колени склонив передо мной голову и схватилась за оба куса своими освободившимися от свертка руками. Я еще раз на нее глянул и в этот момент зарыдал ребенок, мирно спавший все это время в свертке.

— А мне кусочек?

— Я тоже хочу?

— Дай мне... У тебя еще есть! Этот запах... Какой же запах?! — голоса зароптали со всех сторон, руки и головы тянулись ко мне из-под старых дырявых одеял, кусков ткани, скрипя старыми ржавыми доспехами; нищие, одурманенные запахом тмина, были готовы в любое мгновение броситься на меня чтобы растерзать. Я совершенно не боялся их, худых, слабых и почти обезличенных, ставших единым с серой каменной массой под моими ногами, я испытывал к ним жалость и радовался глубоко в душе своей собственной доле.

— Пошли прочь мерзкие твари... — женщина выхватила из-за пол своей поношенной одежды длинный тупой нож и грозя им во все стороны заставила остальных нищих остановиться.

— Еще шаг и я вас всех порежу! — шатаясь, вцепившись покрепче в свой свертки, она сложила оба куса хлеба прямо под одежду и подняв из-за спешки упавший неожиданно на мостовую нож, бросилась бежать прочь. У остальных нищих просто не было сил чтобы броситься за ней, и они с ненавистью смотрели на меня, будто бы я был виноват в том, что весь хлеб достался именно ей, а не им.

Уже через несколько мгновений я забрался по водосточным трубам на крышу и бежал что есть сил назад к церкви, надеясь там найти Салли. Хотя может стоило бы повернуть на север, где мы в последний раз видели повозку? Нет! Нужно было обратно бежать к восточным воротам, если Салли не найдет меня, то непременно тоже туда явится.

Добравшись до церкви, я все продолжал думать о нищих и хлебе, разгадка была совсем рядом я это чувствовал и поэтому продолжил наблюдение за восточными воротами. Просидев один несколько часов, я насчитал как минимум еще два десятка таких же повозок, которые без досмотра пропускала стража в город. Каждый раз комендант подходил к повозке, не давая возможности ее осмотреть своим подчинённым, перекидываясь парой фраз он пропускал их в город. О том, что же было в остальных повозках я мог только догадываться, но мои подозрения подтвердились, когда я увидел троицу, что мне довелось видеть раннее идущих с пустой повозкой назад, за ворота города. Теперь я был абсолютно уверен, бандиты свозили в город хлеб.

До заката оставалось всего несколько часов, как на соседней от меня башне, священники забили в колокола, привлекая внимание всех горожан, устремивших свои

взгляды на церковь. Колокольный звон заставил меня спрятаться во тьме башни, и после ругать себя и надеется, что никто меня не успел тут заметить.

— А вот и я! — Салли появился неожиданно со стороны пристройки через мгновение, как только колокольный звон прекратился.

— Ну что, нашел лысого? — Салли остался за ограждением не собираясь забираться ко мне в башню.

— Да я честно и не искал? — опешил я, намереваясь рассказать Салли о моих догадках.

— Народ потянулся к площади у самой пристани. Будет казнь! — глаза Салли горели живым интересом, по нему было видно, что он и не собирался меня слушать. Стоило мне только начать объяснять мою теория с хлебом, как он тут же бросился в сторону порта, совсем меня не слушая.

— Давай не отставай, а то на казнь не успеешь!

Я поднялся с пола башни и перепрыгнув через ограждение бросился вслед за ним.

Хотя колокольный звон давно прекратился, горожане плотной лавиной продолжали стягивались со всего города чтобы посмотреть, кого же будут казнить на этот раз. Уставшие, голодные и измученные, они позабыли обо всех своих проблемах и делах, желая насладится чужим отчаянием, чтобы осознать, что именно им живется куда лучше, чем этим дуракам на эшафоте.

Площадь была забита до отказа, просто яблоку негде было упасть. Народ, толкаясь и шумя устремил свои взгляды на пока еще пустующую виселицу, предвкушая быструю расправу. Наконец то забили барабаны, заглушив гул толпы.

— Гляди, гляди... Сейчас поведут, вон там! — Салли удивленно показывал пальцем куда-то в самый край толпы.

Я старался понять кого же ведут к эшафоту, но так и не смог разглядеть, лишь копья и алебарды стражи, что высились над всей остальной массой собравшихся подсказывали мне куда глядеть. Горожане вытягивали от любопытства головы и даже старались залезть повыше на водосточные трубы чтобы увидеть первыми кого же ведут на казнь, но даже нам двоим стоявшим на крыше не было этого видно.

Смотри, смотри, сейчас! — Салли улыбался в предвкушении снова указывая рукой, туда, где из толпы наконец то появились командир стражи и несколько заключенных, все в лохмотьях и грязи. Даже отсюда мне виделось что единственное что они могли вызвать всем своим ничтожным видом, так это только жалость. Я хмыкнул носом и без интереса отвернулся, посмотрев назад на восточные ворота, спрятанные в тени высоких пиков церкви. Мы должны были находиться там или искать лысого, я же сам видел, как остальные трое покинули город. Из моих раздумий меня вывел Салли, толкнувший меня в плечо и снова указывающий в сторону казни.

— Ты не смотришь... Ну редко же такое бывает!?

— Нам это сейчас совершенно не нужно! А нужно искать того лысого... — бросил я и отвернулся назад к церкви.

— Мы быстро, посмотрим и снова к воротам. Будь уверен ничего не пропустим. Еще часа три есть до заката. — Салли повернул меня обратно лицом к площади и обнял. Я понял, что смотреть все-таки придется.

На эшафоте кроме охраны и командира стражи стояло, вытянувшись в линию семеро нищих с мешками на головах и связанными руками. Лишь у одного из обреченных был какой-то сверток на груди, от мысли о котором меня всего затрясло и бросило в холод.

— Лад, а где хлеб? Я бы не отказался его сейчас отведать.

Я ничего не ответил Салли, меня начало мутить, ужас сковал мой разум, а мысли держали меня мертвой хваткой прямо за шею. Я затаил дыхание не в силах проронить хоть слово, ожидая развязки на эшафоте в глубине души веря, что я ошибаюсь.

— Сегодня у нас прекрасный осенний день. Счастливый, я бы даже сказал, не обычный так это точно! Нашей доблестной страже сегодня посчастливилось поймать самих шпионов Ордена Воскрешения... — командир сделал паузу, в надежде что толпа, собравшаяся на площади, взвост от восторга, но по рядам лишь пошел ропот неодобрения.

— Они не похожи на мерзких тварей, каких нам описывают их в рассказах приезжие. Они не обладают магическими силами или бессмертием, которое им приписывают. Они грязные, мерзкие шпионы, что под видом обычных граждан, нашего неприступного города проникли к нам и сеют раздор и смуту! — толпа оживилась от сказанных слов, но продолжала с презрением и непониманием смотреть на стражу и заключённых.

— Что они сделали? Они не похожи на шпионов ордена? За что их судят? — крики слышались с разных краев площади, толпа загудела, готовая в любой момент выплеснуть свое недовольство.

— Я знаю, что еды в городе все меньше, поэтому Орден затеял самую грязную и мерзкую игру, играя на наших желаниях. Таких как голод! — командир поднял вверх кусок хлеба, того самого хлеба, что до этого Лад украл из повозки.

— На хлебе есть клеймо. Этот хлеб испек Орден Воскрешения, он платит им за предательство и обман, кражи и убийства. Эти шпионы предали наш город, продавшись за кусок хлеба, они предали наших отцов, мужей и жен, а также детей что воюют на северных границах с этой напастью, состоящей из фанатиков и лжецов. Будь проклят Орден и эти предатели.

— Будьте прокляты, мерзкие отродья... Предатели! Смерть предателям... — толпа взвыла, услышав причину и вынеся заочно приговор. Голод мог победить здравый смысл, но только не в этот раз, сама мысль о скором голоде в таком богатом городе, была отброшена прочь, и толпа взревела с новой силой требуя быстрее расправы над теми, кто продался за жалкий каравай хлеба.

Я практически не дышал, до последнего не веря, что это был тот самый хлеб что я сегодня раздобыл и после отдал нищенке. Я просто не верил в то, что видел. Стража накидывала петли на шеи связанных, а двое бугаев перекинув веревки через перекладину резким движением затягивали петлю, поднимая извивающаяся тело вверх на добрый метр. Толпа визжала, подбадривая стражу, требуя еще большей жестокости. Когда очередь дошла до нищенки, которой я отдал хлеб, она так же резко взмыла вверх, извиваясь в петле и выронив сверток, которой разразился звонким детским плачем. В этот самый момент один из стражников схватил сверток и хорошенько ударил им об один из столбов, на которых стояла перекладина. Ребенок умер на несколько мгновений раньше своей матери, что, цепляясь за жизнь продолжала извиваться на тонкой нити между жизнью и смертью. Моча, брызжа хлынула на старые почерневшие доски и тело безжизненно повисло на веревке, а толпа горожан все продолжала ликовать.

«...это я их убил, я!» мысль застыла у меня в голове и выплеснулась из меня густой липкой рвотой прямо на стоящих под нами с Салли горожан. Я бросился прочь, трясясь от страха и ужаса что заполнил весь мой разум. Это я, все я! Глупец, какой же я глупец! Я же хотел как лучше, дурак, дурак! Слезы лились градом из моих глаз не от того, что этих нищих

убили, а от того, что я просто хотел сделать как лучше, помочь. Просто помочь! Я поскользнулся и стал падать с крыши вниз, картинка перед глазами закружилась, и я просто закрыл их от страха, совершенно не думая о своем спасении.

Я не помню, как оказался на каменном валу, что отделяет город от величественных зелено-синих волн, что безрезультатно разбивались о стену внизу подо мной. Я выдохнул и закрыл глаза, чувствуя, как все мое лицо горит от соленых слез.

«Я хочу забыть, просто хочу все это забыть!» К кому я обращался? Кому это говорил, может самому себе? Нет, тут было что-то другое?!

Приятный женский голос ответил моим молитвам:

«Просто попроси снова, и ты все забудешь, абсолютно все что случилось с тобой сегодня!»

— Обещаешь?! — Еле слышно переспросил в пустоту я боясь открывать свои глаза, чтобы спугнуть спасительное наваждение.

— Конечно, для тебя все что угодно... — сладкий женский голос успокаивал и был совсем рядом у самого уха.

— Я хочу забыть, хочу...

В этот момент я снова оказался на полу, сидя на коленях с разбитым лицом глядя в пустоту перед собой. Салли, весь в порезах, истекая кровью что есть силы тряс меня. Его слезы ручьем лились на мое лицо, а я совершенно не понимал, что же происходит. Я помнил, как мы бежали по крыше, потом я провалился, тучную Тильду... Ах да тетка должна была приготовить сегодня что-то вкусное... Память смеясь продолжала играть со мной в прятки.

С этими мыслями я стал медленно проваливаться в глубокий сон, ведь сил у меня совсем не осталось. Учитель Серо приложил руку к моей голове и закрыв глаза снова стал пересматривать мои воспоминания... А тем временем в моей голове приятный женский голос запел колыбельную, такую знакомую и нежную, вот только когда я ее до этого мог услышать?

Салли.

Торговый район города Гротеск был не самым плохим на свете местом чтобы провести тут свое детство. Первые десять лет я провел в стенах школы фехтования мастера Серо, совершенно не заботясь о том, что за этими стенами школы что-то происходит. Я видел как раз в месяц к нам приходят новые ученики. Больше половины пропадало уже через неделю, еще через одну исчезала треть, ну а к концу месяца хорошо если из тридцати пришедших в самом начале оставалось пятеро. Так продолжалось снова и снова, из дня в день из недели в неделю из года в год. Никто не хотел изнурять себя тренировками, пока не пришла война. Она изменила абсолютно все заставив толпы молодежи хлынуть за знаниями в школу фехтования, вот только теперь сам учитель старался не тратить свое время на огромное количество учеников. Он подвергал их изнурительным тренировкам вместо вступительного экзамена, пытаясь с самого начала сломить их волю и веру в себя. Люди постарше приносили дары, серебро, посуду, оружие, еду и даже золото лишь бы учитель взял их детей на обучение. Серо получая хорошее подношение, соглашался, но напрочь отказываясь давать какие-либо гарантии о будущем своих учеников. Наемники, охранники караванов, стражники.

Так пролетело еще несколько лет изнурительных тренировок, пока наконец я не познакомился с Салли. Рыжеволосый малец был куда ловчее и проворнее меня, хотя до этого момента, как мне казалось, я в школе фехтования родился и вырос, и был куда лучше подготовлен для своих лет, нежели остальные мои сверстники. Может именно по этому учитель Серо со временем перестал меня изнурять строгими тренировками, а больше учил языкам, правописанию и давал мне любые монотонные поручения по дому. Я таскал ведрами воду, на это могло уйти больше, чем пол дня, занимался уборкой, красил заборы, чистил инвентарь для тренировок или читал вслух возле учителя какую ни будь скучную книгу. С того момента как появился Салли все что я до этого делал один мы теперь делали вместе. Учитель давал нам куда больше свободы чем у нас было раньше. Мы, скрываясь среди серо-черных крыш перемещались по всему городу изучая его, каждый раз возвращаясь и рассказывая учителю о увиденном. Учились пользоваться картой города что висела на стене в комнате учителя. Ориентироваться, делать пометки на карте, чтобы они нам после помогли. Так на карте из нескольких сотен домов нарисованных в виде квадратов, я наносил на них пометки. Так появились булочная, цирюльня, дом стражи, рынок и многое другое. Мы не только изучали и наблюдали, как город медленно погружается в хаос, но и подкрадываясь к расторопным горожанам поближе, непременно старались что-нибудь украсть после каждой нашей вылазки. Так, выбрав одно из густых деревьев во внутреннем саду нашей школы, мы начали собирать вместе с Салли нашу коллекцию богатств. Всякие безделушки на первый взгляд, начиная от пряжек поясов и заколок и заканчивая старыми оленьими рогами, и конечно большой фетровой шляпой, добычей которой Салли особенно гордился. Это все было нашим богатством, надежно спрятанном в ветвях старого дуба, что рос посреди двора нашей школы.

Чудесная пора, пора, когда ждешь с нетерпением нового дня, переживая что не успел что-то сделать в текущем. Да, тренировки изматывали и валили с ног, да, иногда из-за наших глупостей учитель был очень строг с нами, располосовывая нам спины до крови. Тильда часто кричала на нас давая самые унижительные и мерзкие задания, унижала за проступки привязывая голыми во дворе к столбу. Но вся эта наука была нам во благо, по крайней мере я

так думал до тех пор, пока мне не стала снится «она».

Как-то раз, после очередных тренировок с деревянными палками, которые нами использовались вместо мечей; мы, распаленные долгой тренировкой и ярким солнцем, прятались от жары в кронах одного из деревьев которых было больше десятка в нашем дворе. Я постоянно тренировался с лишним весом, которым служили маленькие камни, собранные ранее на берегу моря и теперь аккуратно сложенные в мешочки и примотанные к моим рукам и ногам. Мне жуть как хотелось их снять с себя, но я прекрасно понимал, что за этим последует мгновенное наказание. Даже к этой мешающей ноше я и Салли уже привыкли. Дыхание постепенно выравнивалось, и мы просто растянувшись на траве улыбались глядя сквозь кроны деревьев. Остальные же ученики, особенно те, кто занимались один или несколько месяцев, без сил лежали посреди двора, кто-то потерял сознание от жары, а кто-то со слезами на глазах просто хотел уйти не взирая на волю тех, кто их сюда привел. Те кто оставался лежать и не мог закончить свою тренировку после получали свои собственные мешочки с камнями, так же как я и Салли. Дальше им становилось все сложнее и сложнее с каждым днем, вот только они не понимали что скоро мешочки на них вешать просто не куда будет и они со временем привыкнут к этому лишнему весу, если конечно раньше не сломается их воля. Вообще интересно было наблюдать со стороны за тем, что уже давно прошел и осознал сам.

— Ты когда ни будь думал о маме? — философски спросил Салли перейдя на шепот чтобы другие нас не слышали.

— Интересно, а чего ты спрашиваешь? — я даже удивился, а ведь в правду, я давно перестал думать, что когда ни будь за мной придет мама и заберет меня отсюда, далеко-далеко. Да и думал ли я об этом, странно кроме чужих рассказов и нытья на ум ничего мне приходило.

— Да смотрю я на них на всех. Они помнят, они хотят домой, потому что скучают своему дому. А мы с тобой уже нет. Ведь здесь наш дом! — Салли был серьезен, но на последнем слове подмигнул мне и улыбнулся.

— А я даже не знаю, если у меня мама? — почему-то именно в этот момент мне захотеть открыть Салли душу, ведь роднее него у меня никого не было теперь на всем белом свете.

— Ну конечно есть! Ты же асториец, у нас ведь у всех есть мамы...

— Дурья ты голова, разве я похож на вас?! — я потрепал себя сам за волосы, которые были светло-русого цвета.

— Вы вон все как один рыжие да черноволосые, а с белыми волосами я один такой!

— А вот и не один... — Салли надулся в голове перебирая чтобы ему придумать чтобы переплюнуть мои слова своими.

— Я как-то видел одного моряка, с такими же волосами, как у тебя, белыми словно сам снег!

— Да хорош заливать, и как его звали? — возмутился я, на что Салли нечего мне уже ответил притворно задумавшись.

— Может волосы у тебя и в правду другие, но мать у тебя точно где-то есть, как не крути! а ну признавайся, думаешь о ней или нет?!

— Вот не поверишь, пока ты не сказал, я даже о ней ни разу не думал.

— Так уж и не разу! Я хочу к маме! — не переставал кривляться Салли, глядя на валяющихся по двору учеников без сил.

— Да чего о ней думать то, вот закончится наше обучение, тогда и думать вместе будем... — сказал я чтобы закончить эту тему.

— Знаешь Лад у меня вообще нет мамы, она ведь давным-давно умерла... — Салли совсем разоткровенничался и сопя простывшим носом продолжил:

— Если бы не знал, что она мертва, вот точно бы сбежал бы еще два года назад...

— А я думал ты из-за меня тут остался? — с улыбкой сказав, опешил я.

— И это тоже! — Салли обнял меня и пуская редкие слезы мне на плечо звонка смеялся вместе со мной.

После этого разговора я, не переставая стал думать о "ней" о маме, где она может быть, жива ли, знает обо мне, помнить, любит? Если до этого разговора я не думал о другой жизни кроме той, что давала мне школа фехтования, то теперь у меня появилась цель, идея во чтобы то не стало разыскать хоть кого-то из моих родителей.

Так почти все свободное ото сна время мы тренировались, снова и снова отработывая монотонные быстрые движения импровизированными мечами. После голыми руками дрались с манекенами, что заменяли нам противника, делая перерыв на отдых, и только сами молчаливые манекены с утра до самой ночи продолжали тренироваться, не смотря на любую погоду. Учитель сам уже не проводил с нами занятий, только изредка выходил из зала, где тренировались наши старшие товарищи и молча наблюдая за всем нами, а нас было около ста, молча курил опершись о стену. Когда учитель появлялся на улице об этом знали абсолютно все, ведь стоит кому-то допустить хоть малейшую ошибку и мастер Серо сделает замечание, после которого, если ошибка вновь повторится, он применит силу своих пальцев, что разрезают сам воздух. А бывали дни, когда учитель сам выбирал учеников и давал им разные изнурительные и на первый взгляд бесполезные тренировки. Так он делил выбранных учеников по двое, и первые запрыгивали на плечи вторых, будто на коней и у нас начинался настоящий бой не на жизнь, а на смерть. Истекая кровью, все в синяках и не чувствуя своих ног и рук мы по команде учителя менялись, кони становились наездниками, а те, наоборот, конями и все начиналось вновь. После боя наступала настоящая церемония награждения. Тут, наверное, не было победителей и проигравших, скорее каждый получал по своим заслугам в бою. Самые сильные были обречены все неделю таскать воду и помогать Тильде, а самые слабые и избитые не получали еды несколько дней. Ведь теперь пищу им нужно было заслужить, напросившись на какую ни будь работу, будь то уборка отходов, уход за растениями в саду и просто выполнение любых приказов, исходящих от любого из старших товарищей школы, чтобы получить пищу от них. Мы же с Салли не старались быть лучше или хуже остальных, поэтому продолжали тренироваться, изредка за свои проступки оставаясь привязанными на ночь у позорного столба во дворе.

Лето неумолимо подходило к концу, а я все продолжал думать о своих родственниках, которых никогда не видел, да и до разговора с Салли никогда об этом не задумывался. В это августовское утро учитель позвал нас к себе в комнату, наполненную бесконечными полками из книг, что высились на несколько метров до самого потолка. Карта города, изрисованная моей рукой, была на своем месте, как и тумба с которой я и делал свои пометки. Бордово красные занавески, деревянный выступ в самом углу рядом с промасленными копотью свечей подсвечниками, маски и статуи. Завершал весь этот интерьер, исполосованный диковинными узорами пол, от которого в глазах начинало рябить и погружать в мир дерева и его запахов, смешиваясь с вишней и табаком. Здесь, развалившись в кресле, одетый в легкие зеленые штаны до самых пят, был учитель,

выпускавший густые клубы дыма под самый потолок и походивший на огромное волосатобородатое чудовище. Все его тело настолько было покрыто черными вьющимися волосами, тянувшимися от самого низа живота до самого кончика его носа, что это просто не могло не вызывать у нас с Салли улыбок. Мы звонко засмеялись, на что учитель прекратил выдыхать дым и открыв один глаз уставился на нас, также улыбаясь.

— Лад сегодня такой прекрасный день, что ты мне просто обязан сегодня что-нибудь прочитать... — учитель снова затыкнулся трубкой и указал на тумбу, на которой лежала книга в хорошем кожаном переплете. Нельзя было сказать, что я любил это делать, но была одна вещь, без которой не проходило ни одно наше чтение.

— Ах да, камни ты можешь снять, нечего их тянуть с собой в комнату. Да и ты Салли снимай их тоже. Оставьте все у входа, позже заберете! — учитель опять закрыл глаза, погрузившись в свои раздумья.

— Ну что же, если вы оба готовы, то Салли принеси-ка сюда медный таз полный горячей воды. Я уверен, что на кухне его непременно нагрели. Мне нужно хорошенько распарить ноги прежде, чем ты будешь стричь мои ногти. Лад я не слышу, чтобы ты начал читать! — учитель снова открыл один глаз и довольно зевнув затыкнулся трубкой.

Пока Салли стрелой мчался по коридору петляя мимо слуг и служанок, я направился напрямик к книге, оставив все свои мешочки с камнями за дверью комнаты. Я аккуратно взял книгу и прочел ее название вслух, чуть повысив голос, зная, что учитель обязательно сделает мне замечание.

— Мистериум — тайна эликсира вечной молодости! — я проговорил каждое слово четко и без запинки, и перевернув первую страницу принялся читать очередную книгу, смысла, в которой я совершенно не видел и не понимал, все они казались мне скучными и абсолютно не интересными.

Станный ученый из далекой южной страны, что находилась где-то далеко за океаном, решил, что сможет обмануть саму смерть. Ученый Чуфу, ну и имечко конечно, принимал очищенную киноварь вместе с селитрой в течении тридцати лет и в результате внешне стал походить на подростка, а его волосы сделались ярко рыжими. Я остановил чтение и глянул на появившегося в дверях Салли, уж не он ли скрывался под личиной подростка и был тем самым ученым. Но мальчишка с преданностью собаки начал гладить своими руками ноги учителя омывая их водой. От этих мыслей на моем лице заиграла улыбка и я продолжил чтение не дожидаясь того, что Серо сделает мне замечание. Дальше в книге шло перечисление способов и рецептов, которые для меня были словно набор слов и звуков, я стал сбиваться и останавливаться, не понимая значения слов. Хотя можно было подумать будто бы я понимал, что такое киноварь или тем более селитра, да куда там.

Учитель явно был не доволен и жестом приказал мне прекратить читать. Салли уже хорошенько распарил ноги учителю и собирался начать ему стричь ногти. Я же отложил книгу обратно на тумбу и ждал дальнейших приказаний, Серо же вытряхнув содержимое трубки в один из небольших кувшинов, достал из сумки что лежала рядом несколько щепоток табака и принялся снова ее забивать. Наконец то прикурив от одной из свечей подсвечника что стоял на тумбе он снова уставился на меня взглядом, заставившим меня всего, съёжится.

— Ты знаешь Лад я ведь тебя никогда не спрашивал, а нравится ли тебе мое обучение? — Серо снова затыкнулся и закрыл свои глаза, запрокинув голову назад.

— Да и интересно как ведут себя остальные ученики в мое отсутствие, им хорошо

здесь? Может быть я чего-то не знаю...

— Да, все очень хорошо! — я сказал это и отвел свои глаза в сторону почему-то именно в этот самый момент вспомнив о том, о чем мы говорили с Салли утром.

— Разве? — Серо выпустил густые клубы дыма и снова глянул прямо на меня своими серыми, или скорее мраморными, наполненные безразличием и пустотой глазами.

— Ну да... — еще не решительнее ответил я, чувствуя, что этим пустым взглядом учитель видит меня абсолютно насквозь.

— Я не верю, что такие способные ученики как вы с Салли будете год за годом продолжать делать одно и то же, снова и снова. Тренировки, манекены, спарринги и наказания, снова и снова?!

— Ведь согласитесь, нужно что-то менять? Стремиться к лучшему, требовать большего и не бояться рассказывать мне об этом. Я же вижу, что еще совсем чуть-чуть и вам совсем станет скучно. Наказания не работают, вы все равно нарушаете правила, к весу в мешочках с камнями вы уже совсем привыкли, а вашу волю, как скалу не разрушить уже ничем. Да и ваше тайное место, на старом дубе, я не сразу заметил, наверное, старею? — Серо сделал паузу и снова затянувшись сладковатым дымом вишни и табака продолжил, обратившись теперь к Салли:

— Ну что малыш, попробуешь побрить своего любимого учителя? — от этих слов, что Салли, что меня бросило в дрожь, но рыжеволосый ученик повиновался.

На полу у медного таза с горячей водой, в котором все это время находились ноги учителя лежал кожаный сверток, принесенный Салли для того, чтобы постричь ногти. Развернув его, он увидел, что теперь среди привычных инструментов красовался и острый серебряный нож, блестящий в свете свечей.

— Ну так как Салли ты готов попробовать побрить мне лицо? — Серо был серьезен настолько на сколько это было только возможно. Я же в глубине души даже радовался, что не мне придется это делать, ведь стоит руке дрогнуть и на коже останется глубокий порез.

— Возьми нож и подымайся с колен! — голос Серо стал более грубым, и Салли предчувствуя что учитель может его в любую секунду наказать, тотчас же повиновался. Я же все это время замерев словно мышь на полу молча наблюдал за всем этим, придя в себя только тогда, когда учитель позвал и меня.

— Ну что готовы поработать в паре? Возле тумбы на полу стоит сосуд с кремом, который ты нанесешь мне на лицо, ну а ты мой дорогой Салли все это непременно сбреешь. Пока же держи нож в горячей воде, до тех пор, пока не почувствуешь, что лезвие стало не таким холодным... — Учитель отложил дымящуюся трубку в сторону и запрокинув голову приготовился к тому, что мы начнем его брить. Мы же, я и Салли переглянувшись посмотрели друг на друга глазами полными страха, но поделаться мы ничего не могли, раз учитель приказал, то нужно было это выполнять.

Я запустил кончики пальцев в сосуд, и набрав теплого и липкого крема сколько помещалось в ладонь, принялся его растирать по обеим кистям. Я стал аккуратно водить своими измазанными маслом-кремом руками по густой бороде на шее учителя, чувствуя какой же от него исходит жар.

— Начинай Салли, снизу-вверх, приставив лезвие к моему горлу, медленно чуть надавив. Не спеша и аккуратно, ну же смелее! — Серо говорил это почти смеясь, будто подбадривая моего друга, который приставил блестящий нож к самому его горлу. Салли набрался смелости и аккуратно держа учителя за подбородок начал скрести лезвием по его

шее, наконец то волосы поддались и начали падать срезанными после каждого его движения прямо на пол. Я только успевал намазывать снова и снова шею с подбородком учителя, как движения Салли стали все увереннее и быстрее. Уже через пару минут с шеей было покончено и мне в какой-то момент даже, казалось, что это скорее нож не выдержит, а не шея учителя. Ловко орудуя острым лезвием Салли продолжил, аккуратно сбривая волосы со щек, представляя нашему взору мертвецки белую кожу.

— Скажи мне Салли чего ты больше всего хочешь? — учитель был совершенно спокоен, будто бы знал, что мальчишка даже если и захочет, то не сможет перерезать ему горло. Тот не отвечал, продолжая брить бороду изредка останавливаясь чтобы перевести дух и отогнать страхи прочь.

— Салли? — более строго повторил учитель.

— Я, я... — запнулся на мгновение мальчишка, но в вовремя убрал от шеи руку с ножом, от чего я тоже на мгновение замер боясь пошевелиться.

— Я хочу научиться, так же, как и вы одним движением пальцев разрезать плоть и доспехи на расстоянии.

— Все здесь этого хотят, но боюсь мой мальчик у тебя это не получится, да если и получится что-то подобное, то тебя повесят или того хуже церковь пришлет инквизитора, который будет тебя непременно пытаться, до самой смерти.

— Ну вы же этого не боитесь? — Салли продолжил брить учителя, совсем свыкшись с мыслью что порезать-таки он его не сможет, ну а я продолжил намазывать учителю бороду стараясь поспевать за ним.

— Я? От чего же? Я тоже боюсь, ведь магия у нас в городе вне закона. Монополия на ее использование у самой церкви, как бы они это все не называли религией или верой, но это именно магия, а они это понимают и боятся конкуренции.

— Ясно. — Ответил Салли, хотя мы оба прекрасно понимали, что не поняли и половины из того, что нам сказал учитель.

— Не разочаровывай меня, не уже ли та сила, которой я обладаю нужна тебе также, как и всем остальным кто учится в стенах нашей школы? Да ты только подумай, все кто до этого были здесь, на твоём месте, отказались меня брить. Все до единого и только ты один согласился. Ты хоть понимаешь, что именно ты особенный, ты не испугался...

— Хорошо, учитель! Можно я подумаю над ответом, дайте мне еще время!

Салли снова остановил свою руку с ножом и посмотрев на меня притворно улыбнулся:

— А спросите лучше Лада, чего он хочет больше всего?

— А вот и в правду интересно?! Хорошо, Лад чего же ты хочешь больше всего, неужели тоже познать мою силу и больше ничего, как и все остальные? — учитель даже поднял свою голову и посмотрел на меня чувствуя, что Салли убрал руку с ножом в сторону.

В этот момент я понимал, что ответить, как Салли у меня уже не получится и нужно было что-то быстро придумать ну или не пытаться соврать и сказать все как есть.

— Я хочу узнать кем были мои родители, и есть ли еще у меня живые родственники? — я сказал это так быстро, как только смог и не много зажмурив глаза был готов понести любое наказание за свой ответ, будто бы он был не правильным, да и был ли вообще правильный ответ на такой вопрос.

— Вот как? А это интересно! — учитель снова запрокинул свою голову назад и жестом приказал Салли продолжить бритье.

— Но ты ведь еще не готов покинуть стены моей школы, или ты уже решил, что всему

научился? Раз ты здесь, рядом со мной, ты должен понимать, что я возлагаю большие надежды на тебя и Салли. Мне еще учить и учить тебя чтобы сделать настоящим мастером фехтования.

— Я готов пройти сквозь все ваши испытания, научиться всему что только вы мне не скажите, но расскажите мне хоть что ни будь о моих родителях! — в это мгновение я понимал, что отступать назад нет никакого смысла, ведь настал тот самый момент, когда нужно спрашивать прямо.

— Ну хорошо, я ничего не знаю про твою мать. Зато я лично был знаком с твоим отцом...

— Правда, а что вы можете о нем рассказать? Кем он был, что делал? — мои глаза горели огнем надежды и отчаяния одновременно, я даже не заметил, как не дал учителю договорить.

— Лад я думаю одного этого будет вполне достаточно чтобы ты продолжил свое обучение, а потом, возможно? Я посмотрю, что стоит тебе рассказать, а что нет?!

— Учитель прошу, расскажите хоть что-нибудь сейчас, пожалуйста... — я заскулил словно преданная собачонка в надежде получить от хозяина долгожданную кость.

— Ты забываешься, несносный мальчишка! Тебе моих слов уже недостаточно? Всеу свое время! Хотя... — учитель отодвинул Салли с ножом в сторону и поднявшись с кресла и резким движением схватив мою голову своей рукой.

— Ну так теперь слушай внимательно... — голос прогремел внутри меня словно яркая вспышка и я погрузился в сон, потеряв связь с реальностью, растворившись в неизвестно откуда взявшейся колыбельной, которую напевала мне "она" моя мама. Я ее, наверное, никогда не видел, а только слышал приятный женский голос, от которого что-то внутри меня начинало петь вместе с ним. Я провалился в сон, сквозь который если что-то и слышал, то это мне казалось наваждением, и только сам сон был реальностью.

***

— Опять этот мальчишка заладил про свою семью! Я никак не могу стереть воспоминания, потому что каждый раз капаясь в его голове, просто не могу их найти. Будто и не было их никогда. Проклятый Салли! — глаза учителя будто бы вспыхнули огнем, когда он глянул на своего ученика, все это время стоявшего на коленях рядом с креслом.

— А ну признавайся паршивец, зачем ты ему говорил про мать? А? Какого, я тебя спрашиваю? — гневу учителя не было предела, он поднял свои пальцы вверх намереваясь хорошенько ударить ими по лицу, но вовремя остановился, зло сказав:

— Про твою особенность, я погорячился, ты не лучше и не хуже всех остальных!

— Учитель? — надежда не угасала в глазах Салли, но он понимал, что виноват и был готов понести наказание.

— Впредь лучше присматривай за Ладом, и не давай мне поводов хотеть тебя хорошенько выпороть! Ты же знаешь, как для меня важен этот эксперимент, сколько поставлено на это, а сколько уже погибло!?

— Простите учитель...

— Хватит. Ты же прекрасно понимаешь зачем я это делаю. Ведь знаешь?! Знаешь, что мне нужно научиться выборочно стирать память чтобы освободиться от оков Владыки Вечности.

— Знаю... — шмыгнув носом Салли опустил в покаянии свою голову.

— Он очень проницателен и непременно догадывается, о том, что я задумал, он смеется

надо мной приходя ко мне во снах каждую ночь... — учитель обхватил свою голову руками: — Он не верит в то, что я смогу научиться стирать его из своей памяти, не лишив себя разума. Он просто смотрит на меня, своим молчанием давая понять, что у меня ничего не получится! Но я верю, и буду продолжать верить, потому что этот мальчишка Лад, не сходит с ума как все другие до него. Я снова и снова стираю ему воспоминания, и они исчезают из его головы, также аккуратно как ты меня бреешь мой мальчик. Я начинаю терять контроль и терпение, чувствуя будто бы от меня ускользает какая-то мелкая деталь? До последней инициации остается совсем чуть-чуть и у меня непременно все получится! Либо я найду Владыке новое тело, либо сотру его из своей памяти, отказавшись от его власти навсегда! Да именно так и будет! — учитель совершенно позабыл о том, что был не один в комнате и глядя сквозь пустоту разговаривал сам с собой.

— А если Лад снова начнет вспоминать, и захочет бросить школу, вас, меня? — Салли в растерянности вслух перебирал варианты что приходили в этот момент к нему в голову.

— Я каждый раз смазываю руки древесным соком, чтобы эффект от моих прикосновений был сильнее, но теперь я решил перейти к более радикальным мерам. Подготовлю для вас обоих специальные бинты, которые будут служить для вас одеждой и маскировкой! — Серо замолчал и взяв с тумбы трубку и хорошенько ее раскурив он наконец-таки не много успокоился и продолжил:

— А тебе я приказываю смазывать эти бинты специальной древесной мазью чтобы они прилипали к вашим телам, без нее я не смогу внушать образы тебе и стирать память Лада, в любой момент, когда захочу. Так я смогу залезть к нему в голову на расстоянии, а также это убережет тебя от не обдуманных слов?! Ты меня понял?

— Да, учитель. Я сделаю все что вы прикажете!

— И Салли не переживай, я знаю, что больше всего на свете ты хочешь, чтобы этот белокурый мальчишка Лад всегда оставался твоим другом. Обещаю тебе что так и будет всегда. Если ты будешь присматривать за ним и следить чтобы он постоянно носил бинты в специальном древесном соке, он обязательно забудет и о родителях, и о матери, и будет всегда рядом с тобой, чтобы не случилось. Помоги мне завершить начатое, а я помогу тебе никогда не расставаться с ним. — учитель снова выпустил густые клубы дыма и откинулся в кресле головой назад, добавив:

— А пока можешь продолжить меня брить раз Лад еще не пришел в себя!

***

Насколько я провалился в сон, на минуту или больше, а может на одно мгновение? Я совершенно потерял счет времени, но кажется, что мы уже закончили брить своего учителя. Куча черных волос была разбросана повсюду вокруг, казалось, они были у меня во рту и под одеждой. Но глядя на учителя, смотрящего на себя в ручное маленькое зеркало, было видно, что он остался доволен. Салли аккуратно приглаживал волосы учителя руками и собирал их в один пучок сзади, я же восторженно смотрел как лицо учителя, которому на первый взгляд было не больше сорока. В какой-то момент мне даже почудилось, что это был и не наш учитель вовсе. Серо глянул на меня будто бы прочитал мои мысли и улыбнувшись поднял два пальца вверх, будто отвечая на мои мысли что в любое мгновение сможет применить силу своих пальцев чтобы доказать, что он это он.

Из-за окон подул первый холодный ветерок, это лето медленно, но уверенно уходило вместе с жарой и солнцем, давая дорогу холодному ветру с морозящим дождем. Учитель потрепал меня за русые волосы и тоже глянув за окно наставнически сказал:

— Лад совсем уже скоро, я вам обоим обещаю, вы устанете от моих поручений за стенами школы и будете меня умолять вернуть все как было! Или я не прав, и вы готовы продолжать снова и снова делать одно и тоже оттачивая свои навыки, здесь в стенах школы?

Только теперь я задумался о том, о чем говорил учитель, может я что-то и пропустил, но в глубине души я теперь точно понимал, что моя история в стенах школы не может закончиться, мое сердце было там за пределами, этих стен, стен этого города, да даже всей империи Астория.

Глава 3 "Все новое это хорошо забытое старое"

Z.P.

Церковь на Восточных воротах.

Утро было пасмурным и холодным, косой дождь моросил за окном заполнив своим громким шуршанием и переменчивым воем ветра всю комнату. Я проснулся от холода и боли, которой до кроев была наполнена моя голова. Присмотревшись, я заметил рядом спящего Салли, всего замотанного в серые тряпки, из-под которых проступали бурые пятна от запекшейся крови. Я отшатнулся в сторону на мгновение, подумав, что он мертв, но прикоснувшись к нему я успокоился, почувствовав тепло его дыхания. Солнце было еще где-то далеко за восточными холмами, а я уже одевался, намереваясь пойти к Тильде, чтобы она поскорее дала мне все необходимое для починки крыши. Одев на себя льняную рубашу и перетянув ее на поясом из обрезка ткани я еще раз глянул на спящего Салли и в душе поблагодарил его за вчерашнее. Мои руки сами нащупали на моем лице запекшуюся кровь, и боль снова пульсацией ответила мне на мгновение возвратив снова назад, во вчерашний день.

«...- Просто хлеб... — я разочарованно бросил каравай Салли и задумчиво замолчал.

— Надо было лучше искать, может там еще что-то было? — Салли вертел хлеб в руках тоже недоумевая и виня во всем только меня.

— Да смотрел я, больше не было ничего... — разводил в растерянности я руками, пытаюсь оправдаться:

— Во всех мешках был только хлеб и больше ничего.

— Врешь! Нужно еще раз проверить, в чем-то тут подвох, надо вернуться... — Салли злился и бросил мне хлеб обратно, недовольно сжав свои кулаки.

— Доверили настоящее задание, а ты все испортил! Поэтому старик показал только мне лицо этого лысого, а не тебе... — Салли брезгливо сплюнул мне под ноги...»

Я снова стоял посреди комнаты и смотрел в полумраке на свои руки, поднеся их к своему носу, уловив еле заметный запах тмина. Значит мне все это не привиделось, вчера мы и в правду украли зачем-то хлеб. Опять замотав начавшей болеть головой, я отправился на поиски Тильды зная наверняка чем быстрее я начну чинить крышу, тем быстрее она успокоится и покормит меня.

Пробираться в общую столовую, в которой через час все ученики соберутся для утренней трапезы у меня не было никакого желания, поэтому я отправился напрямиком на кухню, туда, где трудилась денно и ночью, казалось никогда не спя управительница Тильда.

С самого раннего утра вся школа фехтования шумела будто пчелиный улей с той лишь разницей что пчелы все время трудились, а тут с самого утра чесали языками. Слухи что возникли с первыми лучами солнца превратились в кошмар и ужас стоило солнцу хоть чуть-чуть подняться за далекими холмами. Вести о казни шпионов Ордена облетели всю школу и кинулись из нее в разные стороны обрастая ужасными подробностями с каждым новым пересказом событий, которые превратились из свершившегося факта в безумную фантазию, обросшую со всех сторон городскими домыслами. Мол хлеб не поделили, решили, что озолотятся на его продаже. Толи пять пудов толи десять решили сбить, не платя налогов на рынке. Деньги то большие, вот один другого и зарезал, а третий побежал к страже, боясь смерти, но смерть то не обманешь. Поговаривали что во всем этом был замешан сын местного графа. Хотя, да и не сын — это графа был, а кто-то из охраны, что взбунтовалась на самого графа, весь он де не платит им из казны. А если и платит, то мало, но они терпят, вот

только один стражник и взбунтовался. А граф возьми его голову и отрежь в наказание остальным и скорми ее собакам, чтоб другим бунтарям не повадно было. Слухи переходили от человека к человеку и продолжали обрастать новыми подробностями. Мол дело — это может и не в Гротеске было, может и не с нищими из приезжих, да и сын графа не причем, а казнь вообще для потехи была.

Так сплетня, облетев за пару часов все окрестности вернулась назад, на кухню, туда, где, тихо ступая в этот самый момент оказался я, прячась среди кухонной утвари, прислушиваясь к шуму разговоров.

Старые, молодые и совсем юные ученики, а теперь слуги на кухне работали как единое целое, одни нарезали, другие мешали, чистили, мыли, жарили, парили, варили, тушили, снова нарезали, украшали, выкладывали, забирали и наконец убегали, разнося все по столам что находились в общей кухне. В какой-то момент этот ручеек из живой плоти и огромного количества приятно пахнущих блюд остановился, и вся цепочка стала рушиться на глазах управительницы Тильды. Слуги махали руками о чем-то споря перейдя на шепот, и окончательно бросив заниматься своей работой, будто позабыли зачем они здесь. Я совсем притих в темноте угла, только теперь увидев, как Тильда до этого месившая тесто, поставила большой таз на стол и вооружившись скалкой, осторожно, чтобы никого из бездельников не спугнуть, вынырнула из тьмы своей кухни в общий зал. Пятнадцать открытых настежь ртов замороженно слушали еще один, не менее увлеченно рассказывающий о событиях прошедшего дня, добавляя уникальных подробностей и донося лишь, только горькую правду, от которой, даже у старой управительницы волосы чуть от ужаса не встали дыбом.

— Бедный мальчик, вы просто не представляете... — рассказчик лет двадцати, еле сдерживая свои слезы, рыдал, боясь перейти на вой: ...столичные мрази заставили его танцевать голым, а потом, оглушив, начали его есть!!!!

— Какой мальчик? — только и смогла выдать из себя опешившая мужеподобная Тильда, стоя на перевес со скалкой.

— Сын конюха, маленький такой, рыжий... — рассказчик, махая руками, продолжал рыдать: он, он, он живой еще был, когда они его ели, после того как накачали вином....

— Какой сын конюха? — кто-то замороженно спросил из толпы, совершенно не понимая, что Тильда перешла в наступление, подняв скалку над головой и идя прямо на толпу своих подчинённых.

— Я ж говорю, ма-а-а-а-нький, такой, ой, ой — запричитал рассказчик, получая по своей голове удар за ударом.

— У нашего конюха нет сына!!!! Дармоеды, спиногрызы проклятые!!! — уже кричала на помощников управительница, усыпая их спины и головы ударами скалки. Они же, только теперь, опомнившись от ужаса, разбежались в стороны, кто-куда, толкаясь и мешая друг другу, разбрасывая еду под ноги и катаясь по полу.

— Сына конюха съели!!! Я сейчас устрою так, что старшие ученики точно съедят вас всех на завтрак, бездельники!!! — из дверей на шум выглянул еще кто-то, за что был мгновенно наказан точным ударом промеж глаз скалкой: А, кого-то, особо бесполезного и на обед еще раз съедят!!!

Через несколько мгновений общая кухня была почти пуста, остались лишь раненые и искалеченные.

— Битва окончена, сплетники и сплетницы, я вам спуску не дам! За работу все! Живо! — она подталкивала ногами лежавших, но уже не так сильно скорее любя, как мать

львица — повелительница всего этого зверинца.

Наконец единое целое снова заработало, ученики-слуги снова начали резать, жарить, парить, варить, доставать, выкладывать, украшать, приправлять, и быстро хватая убежать с подносом в руках прямо за дверь.

— Вот ведь, дураки! — Тильда аккуратно похлопала ладонью себя по низу живота:

— Я сколько себя помню, у конюха палка его никогда не работала, что с ней только не делай. Глупость все это, да и только! Сын конюха это тот, кто разве что его перепить сможет?

Женский хохот залил всю кухню своим звоном, заглушив собой топот десятков ног, я же, наблюдая за всей словесной перепалкой вперемешку с рукоприкладством, надеясь на снисхождение Тильды вынырнул на свет прямо перед ней.

— О, явился! Вот как дала бы по этой светлой головушке, да сил уже нет на вас всех окаянных!? — Тильда села на табурет и пододвинув к моему удивленному лицу тарелку с дымящейся на ней лепешкой, просто погладила меня по голове.

— Чего замер ешь давай, тебе еще весь день крышу чинить... Погода, видишь какая началась, дожди да ветер, того и гляди зима раньше в этом году придет! Ты давай поторапливайся, инструменты и доски спросишь у конюха, если он, конечно, не в стельку пьян, будь он не ладен.

Я безоговорочно подчинился и принялся есть, молча наблюдая за тем, как Тильда покрикивает на своих кухонных помощников и думал про себя, что она на самом деле очень хорошая женщина — будто бы наша общая мама, а мы все ее не послушные капризные дети. Закончив с утренней трапезой и тайком прихватив с собой помидор из стоявшей на столе корзины; я направился к конюху, а оттуда уже на саму крышу, где меня кроме кучи дел ждали порывистый ветер и косой дождь, что будут помогать мне восстанавливать, все что я вчера разрушил. Конюх, встретил меня громким храпом, он, валяясь в сених с пустой кружкой предавался сладким сновидениям. К моему удивлению, пилу, несколько досок, гвозди и молоток он всё-таки сумел приготовить для меня заранее. Всего этого мне с лихвой должно было хватить для начала моей работы, поэтому, не теряя зря времени я взял инструменты и направился на крышу, намереваясь за остальным вернуться чуть позже.

Дыра была довольно большой, сломанные сгнившие деревяшки торчали словно острые пики в разные стороны. Я оценил сколько мне понадобится досок и отправился за ними, думая о том, как же мне придется сюда тянуть лестницу одному. Но мои мольбы были услышаны и проделав несколько спусков и подъёмов с материалом, я наконец-таки встретил Салли. Рыжеволосый мальчишка, жуя булочку, оперся о стену и потирая свободной рукой бурые бинты наградил меня вместо приветствия широкой улыбкой.

— Ты хоть поел с утра, день может оказаться очень длинным! — Салли протянул мне надкусанную булочку, но я наотрез отказался, предлагая жестом мне помочь.

Лестница была приставлена к балке и я, поднявшись на самый верх принялся выламывать остатки гнилых досок: опилки, влага и куски черепицы летели мне прямо в лицо мешая работать, но я продолжал, не замечая всего этого. Сделав края более ровными, я принялся выкладывать на балку новые принесённые доски, застелив ими всю дыру. Пока Салли отправился с мешком за опилками, которыми придется засыпать все пространство между досками и черепицей, я поднялся на крышу и вооружившись молотком и гвоздями принялся приколачивать доски к балке. К середине дня мы засыпали все пространство опилками и приколотив второй слой досок начали таскать на верх черепицу.

Дождь почти прекратился, но мы оба уже были промокшими почти насквозь. Салли недовольно хмыкал носом, а я дрожал от холода, со злобой глядя на облака, совершенно не собирающаяся расходиться на небосводе, давая дорогу ярким лучам еще греющего осеннего солнца.

— Не заболеть бы, учитель снова ругаться будет?! — Салли глядел вниз с крыши, не боясь от резких порывов ветра в любой момент упасть.

— Ты как себя чувствуешь? Голова не болит? — я присел возле небольшого ограждения и тяжело вздохнул, ощущая резкую головную боль.

— Есть немного, но скоро все пройдет! — Салли дотронулся до бинтов на своей голове и недовольно сморщился.

— Это я виноват, подвел тебя, да и это падение... — я тоже потрепал свою голову, в душе ругая самого себя:

— Если бы не я, то все бы было по-другому!

— Поздно извиняться, я зла на тебя не держу, в следующий раз уверен ты меня не подведешь! — Салли улыбнулся в этот раз как-то фальшиво и отвернувшись от меня принялся смотреть куда-то во двор. Он перегнулся через небольшое ограждение и увлеченно куда-то смотрел между деревьев, заставив и меня обратить внимание, на то, что там творилось.

Несмотря на шедший все утро дождь ученики тренировались все это время во дворе, кого-то от влаги спрятали кроны деревьев, а кто-то, как и я сам промок до нитки. Тренировки прекратились только на время обеда, но там нас Салли никто не ждал до тех пор, пока мы не закончим с крышей. Во дворе появилась группа из нескольких человек, явно настроенных не дружелюбно, глядя на них я понял, что заинтересовало так Салли. Среди пришедших был тот самый лысый, на которого охотились мы вчера, от этих мыслей голова снова ответила мне резкой болью. Образы на мгновение вспыхнули в моей голове и исчезли. Мы вместе Салли молча наблюдали, он, всматриваясь в каждого из пришедших чтобы хорошенько запомнить каждую мелочь, а я же больше смотрел на их губы стараясь прочесть по ним все что они говорят. Не помню пробовал ли я это делать до этого, но откуда-то я непременно был уверен в том, что прочитать по губам у меня получится.

— Где ваш мастер? — кучерявый, одетый в меховую шапку и потрепанный ватник мужчина встал среди двора обращаясь к пробегающим мимо него ученикам, которые ничего ему не ответили и скрылись за одной из множества дверей длинного здания школы. Незнакомцев было шестеро они молча смотрели на проходящих учеников и лишь один, этот кучерявый, допрашивал всех вопросами и размахивая руками пробовал угрожать, на что ученики, извиняясь убегали ничего ему не отвечая. Терпения у пришедших надолго не хватило и вот уже кучерявый схватил кого из учеников за волосы и повалил на землю намереваясь хорошенько его отделать, но в последний момент остановившись и повторив свой вопрос.

— Где ваш мастер, учитель? Где этот старик, к которому мы пришли?

— Мне что начать избивать здесь каждого поочередно чтобы он наконец появился? — вторил кучерявому его соратник, изрядно осмелевший, после действий первого.

— Мы пришли сюда чтобы предостеречь тебя! Передать послание господина Сольвани, что теперь он не ведет никаких дел с тобой! И твоя помощь больше ему не нужна! — кучерявый кричал эти слова в пустоту перед собой, все время мотая головой из стороны в сторону пытаясь увидеть хоть кого-то кому он это говорил. Как только в одной из дверей

появилась Тильда, наступила неожиданная тишина, ведь мужеподобная великанша была выше пришедших незнакомцев на добрую голову, а то и полторы; оценив их силы, она молча и с довольной улыбкой последовала прямо к ним. На управительнице все так же был утренний серый фартук, перепачканный в муку и капли жира. Она медленно шла то сжимая, то разжимая свои огромные кулаки, заполнив все пространство вокруг своим хрустом. Битва вот-вот должна была начаться и лысый незамедлительно отошел в сторону и стал молча у стены, будто бы он не пришел с этими крикунами и выскочками.

— Если сделаешь еще хоть шаг, я разможу этому ребенку голову! — уверенность и злоба, смешанная с превосходством в одно мгновение, сменились страхом и отчаянием перед надвигающейся на него скалой из мышц. Глаза кучерявого смотрели прямо на великаншу, когда ученик, лежавший на песке, ударил его резким движением в пах. А после вставая на ноги, прямо с колен, хорошенько ударил своей головой согнувшегося от боли кучерявого в подбородок, окончательно его оглушив. Для Тильды это стало сигналом для начала серии молниеносных атак в рукопашной.

— Клянусь Владыкой Вечности, ты только посмотри Лад! — Салли замороженно выпучил свои глаза пытаясь уловить каждое движение, казавшейся до этого не поворотливой великанши.

В два прыжка Тильда оказалась возле первого обидчика, правой рукой, прямо на бегу раздробив ему челюсть в нескольких местах сразу. Потом уклонившись от сделавшего в ее сторону выпад мечом второго, она своей ногой практически оторвала ему ногу. Теперь он истошно кричал, катая по земле, глядя на то, как его колено повисло на лохмотьях из разорванных мышц и перебитых вен, из которых хлестала кровь. Третий успел выхватить нож, но неожиданно у него в груди стало на целых шесть ребер меньше, ведь они как острые пики пронзили его левое легкое, ну а четвертый упав на песок встретился своим лицом с педикюром этой огромной леди. Великанша рубанула что есть мочи с ноги и крутнувшись вокруг своей оси сделала его один прыжок вперед и оказалась возле пятого незнакомца все это время ошарашенно глядящего на своих товарищей, корчащихся от боли или лежавших без движения на земле. Этого даже бить не пришлось он, сделав шаг на зад оступился и упав на свой тощий зад взмолился о пощаде, закрывая лицо руками и трясясь от страха.

— Знаете свое место, бесовы псы! — Тильда, зло плюнула под ноги и повернувшись к лысому наградила его взглядом полным презрения.

— Франко, зачем ты явился с этими недоносками, не уже ли есть еще кто-то кто не знает нас в этом городе? Это было неуважение или попытка самопожертвования? Да и на что ты рассчитывал? Пытался их проучить? Думал мастер Серо выйдет разговаривать с этим жалкими псами?

— Я рассчитывал, что вы не станете лезть в наши дела. Теперь я здесь для того, чтобы донести до вас, что все наши договоренности теряют любую силу! Если до этого вы могли давать какую-то гарантию и страховку торговцам чьи караваны вы охраняли, то теперь мы не будем смотреть кто их охраняет... — лысый скалился своими острыми зубами и казалось несколько не боялся великаншу, больше восторгаясь беспомощностью, с которой его подопечные пытали уползти из этого места прочь, оставляя после себя кровавые следы на дворе школы фехтования.

— Ваш учитель перешел черту! Мы не лезли в его дела, а он не совал нос в наши. Передай ему, то, что сказал мне господин Сольвани. Между нами, больше нет и может быть никакой сделки.

— Так что же могло его так взволновать, что он вдруг отказался от всех наших договорённостей? — медленно ступая по еще мокрому от недавно окончившегося дождя во дворе появился учитель с трубкой, с которой он теперь никогда не расставался.

— Я прекрасно знаю, что вы вчера присылали своих мальчишек! Из-за их безрассудства стража считает, что мы заключили сделку с Орденом Воскрешения! — лысый бросил эти слова в лицо учителю Серо, требуя от него ответа.

— Интересно вы и вправду заключили с Орденом сделку, чтобы разорвать сделку со мной?

— Значит проделки детей, ваших рук дело?! — продолжал настаивать лысый, чувствуя, как напряжение заставляет его мышцы сжаться стальными канатами чувствуя опасность.

— Ну это очень дерзкие и бездоказательные обвинения! Этих домыслов достаточно чтобы бросить все чего мы достигли? Честно признаться я даже не знаю, о чем ты говоришь!? Но буду очень признателен если ты просветишь меня в подробности происходящего... — мастер снова раскуривал трубу искоса наблюдая за реакцией Франко, все так же нагло и зло смотрящего на него.

— Я ухожу. Я просто передал вам слова Сольвани.

— Слова вашего хозяина ничего не стоят если они сказаны из уст его преданного раба, даже не так? Его верного пса.

— Можете этих глупцов оставить себе, они не смогли пройти проверку... — лысый указал на расползавшихся соратников и отправился к большим воротам, ведущим со двора.

— Передай своему хозяину, что я все еще могу помочь ему избавиться от обещаний данных им Владыке вечности!

— Сольвани знал, что вы так скажите, чтобы проверить ваши слова он предлагает вам убить любого из этих жалких ничтожеств. — лысый остановился и посмотрел на реакцию безмятежно курящего Серо и довольно заулыбавшись направился дальше к воротам.

— Вы все так же ничего не можете сделать...

Мастер Серо ничего не ответил ушедшему прочь помощнику Сольвани, он лишь провел своей рукой по спине Тильды и одобрительно кивнув направился обратно в здание школы. Тильда, совершенно беспристрастно добивала недавних нарушителей спокойствия переламывая им шеи, так легко, будто она это делала с маленькими куриными шеями. Вытерев свои кровавые руки о фартук, управительница позвала своих помощников, которые в мгновение ока убрали все тела и разрыхлили бурю почву, через несколько минут нельзя было и подумать, что во дворе произошло что-то ужасное. Еще через несколько мгновений двор заполнили ученики, обед был окончен, а тренировки вновь продолжались.

— Круто, тетка их, скажи Лад? — Салли перевернулся спиной к ограждению и удовлетворенно выдохнул, будто бы до этого и не дышал, наблюдая за боем.

— Смотри, однажды и мы с тобой так накосячим, что и нам не меньше их достанется! — молча слушая Салли я провел рукой по своей шее на мгновение представил, как великанша легко ее переламывает, одним касанием своих крепких пальцев. Сегодняшняя смерть меня ничуть не страшила, будто бы этих пятерых обреченных мне было совершенно не жаль.

— Да нет, Тильда очень добрая, она бы никогда так с нами не сделала... — растеряно ответил я Салли, чуть после добавив:

— Может ты и прав, кстати о каких договорённостях говорил этот лысый? Да и Тильда его знает... — я постарался переключиться с кровавых картинок перед глазами, на слова,

подслушанные мной.

— Эх ты столько лет в школе, а до сих пор так и не понял, чем зарабатывает наш учитель? Ну ты, конечно, голова! — Салли заулыбался и похлопал себя двумя пальцами по рыжей макушке, показывая, что он своей головой хотя бы думает, а я нет.

— «Наш учитель — мастер Серо зарабатывает серебро и содержит все нас не за то что обучает всех приходящих фехтованию. На самом деле он является главой страховой компании, что охраняет любые товары и торговцев, что въезжают и выезжают из города, стоит им только обратиться в компанию за такой услугой. Сольвани как давний друг учителя Серо тоже ведет с ним кое какие дела. Если торговец, состоящий в гильдии, не страхует свой товар, то Серо узнавая об этом выясняет богат ли торговец или просто беден. Если он богат, но не хочет страховать свой товар, то есть платить страховой компании учителя Серо, то в дело вступают разбойники Сольвани, которые забирают товар себе. Так серебро все равно попадает из карманов зажиточных торговцев в руки разбойников или наши. Выпускники Школы фехтования становятся охранниками караванов или простыми наемниками, которые не перестают помнить своего учителя и конечно же школу, продолжая жертвовать на то что бы новые ученики, такие как мы с тобой могли продолжать наше общее дело.»

— Так тебе понятно, пустая ты голова... Вроде ровесники, а память только у тебя куриная! — Салли засмеялся и оттолкнувшись от ограждения уверенно направился чинить крышу, оставив меня наедине со своими мыслями. Я ведь прекрасно осознавал, что все это хорошо знаю, но почему-то для самого себя вел себя странно.

«Не верь ему! Он лжет тебе...» — приятный женский голос зашептал мне это на ухо и совсем тихо рассмеявшись замолчал, заставив меня обернуться, чтобы увидеть, что кроме меня и Салли на крыше никого не было.

«Ты и вправду думаешь, что я где-то рядом? Нет же глупенький я у тебя в голове... Внутри, с самым потаенном ее уголке, скрытом от любопытных рук и глаз твоего учителя!» — она снова смеялась, говоря все эти слова очень медленно и приятно.

«Можешь ничего не говорить, я прочитаю все твои мысли вслух, а если захочешь найти ответы?! Спроси своего рыжеволосого друга, кто такой Владыка вечности. Тебе будет это куда полезнее и интереснее чем засыпать меня бесконечными вопросами, которыми ты заполнил теперь свою голову!» — ее голос шептал и убаюкивал одновременно, я же в оцепенении смотрел на спину Салли, который все это время работал и ничего странного совершенно не замечал.

— Кто же ты? — почти шепотом спросил я приятный женский голос сказав все это вслух.

«— Спроси лучше у рыжеволосого паренька про Владыку Вечности? Еще совсем недавно он клялся именно им. Если он скажет тебе правду, ты непременно узнаешь о том почему ты не помнишь, хотя нет, почему ты забыл! Ха-ха-ха... Просто спроси у него! Даже твой учитель Серо, да, пусть будет просто Серо, упоминал Владыку в разговоре внизу, там во дворе! Просто спроси у рыжеволосого, и я подскажу тебе врет он или нет...» — голос снова исчез в неизвестности, из которой он и появился.

— Так если ты все знаешь, от чего мне не расскажешь? — не унимался я, снова прошептав перед собой слова вслух.

— Задавай вопросы не мне, я здесь только для того чтобы помочь. Просто поверь мне... — она снова рассмеялась, продолжив уже более игриво: Если ты конечного этого в самом деле хочешь?

— Ты что-то говорил Лад? — Салли с интересом смотрел на меня удивленно глядящего на него широко открытыми глазами.

— Лад?

— Кто такой Владыка вечности? Ты ведь именно им совсем не давно поклялся?

— Давай может сначала покончим со сломанной крышей? И тогда я непременно тебе расскажу! — Салли снова заулыбался и обнял меня.

— Салли, я хочу знать сейчас! — не унимался я, продолжая настаивать и прислушиваясь ко внутреннему голосу, который снова исчез.

— А я хочу ущипнуть за зад вон ту стройную помощницу Тильды, так что с того... Подождешь, за мной не станется, расскажу, раз ты и это позабыл! — Салли опять выкладывал черепицу повернувшись ко мне спиной.

— Обещаешь? — только и промолвил я, снова почувствовав, как же мне холодно и влажно, меня всего затрясло, но скорее от страха, страха перед чем-то настолько ужасным, что не хотелось даже об этом думать.

— Обещаю... — буркнул мне в ответ Салли, встав на колени и принявшись доделывать сломанную крышу.

Я молча погрузился в свои мысли пытаюсь понять, что же это за голос был в моей голове и куда он делся. Почему он был непременно женским, может это был голос моей выдуманной мамы. Теперь я еще больше запутался в своих размышлениях к тому моменту как мы закончили, сделав неверный вывод, что я либо медленно схожу с ума, либо как говорят священники просто одержим бесами. Отбросив все размышления прочь и недовольно замотав головой я, собрав инструменты, отправился вслед за Салли, думая о том, что же он мне все-таки расскажет. Время медленно шло, а я не переставал ругать себя за то, что из-за частых падений я все напрочь позабыл. Теперь все казавшееся для меня таким новым постепенно становилось просто хорошенько позабытым старым.

Глава 4 "В стенах школы фехтования"

Дуб внутри школы.

Мы ловко спрятались в густой листве высокого старого дуба, где находился наш с Салли тайник, о существовании которого кроме нас теперь знал еще и учитель. С ремонтом крыши было уже покончено и мы, рассказав обо всем Тильде и получив от нее несколько лепешек, отправились на один час заслуженного отдыха. Тайком пробравшись наверх нашего тайного

убежища, мы притихли, вглядываясь сквозь листву не заметил ли нас кто-нибудь из других учеников. Салли смотрел в сторону дверей столовой и мастерской со складами, боясь, что кто из помощников Тильды появится и увидит нас, поднимающимися по стволу дерева. Я же глядел во двор, где во всю шла борьба между ребятами, старавшимися во чтобы то не стало победить вторую группу, сражавшуюся не менее ожесточенно, чем первая. Первые сидели верхом на вторых, а старшие ученики отдавали команды, выстраивая противоборствующие стороны в ровные ряды и бросали свои импровизированные полки прямо в бой. Старшие кричали, подбадривали младших ударами по спинам и затылкам, требовали продолжать упавших в грязь. Салли дал мне знак рукой с его стороны было пусто, я же кивнул ему в ответ, ведь только теперь мы оба были уверены, что никто не заметил нас на дереве.

— Ну давай, рассказывай... — стал говорить я, начав жевать одну из лепешек, что припрятал под рубаху, перед тем как мы стали подниматься наверх.

— Про Владыку? Да ну, зачем тебе это... — Салли откинулся назад и вытерев рукавом, припасенный заранее яблочек откусил от него кусок, довольно поморщившись от того какой же он был все-таки кислый.

— Ты обещал мне, а ну-ка признавайся? — мои глаза вспыхнули огнем, внутри меня начало закипать пламя гнева, будто бы от ответа Салли теперь зависела моя жизнь.

— Сказки, легенды... Да ты ведь и сам знаешь! Чего вдруг вспомнил о нем? — Салли запустил свободную руку в большое дупло, где были спрятаны все наши богатства и выудив из его тьмы фетровую шляпу, прикрыл ей свое улыбающееся лицо.

— Хватит! Ты пообещал, что расскажешь мне о нем! — рассердился я и даже повысил свой голос перейдя с шёпота, на тон выше.

— Да тише ты, не горячись! Все из-за этой детской сказки или рассказов нашего учителя? — Салли пододвинулся ко мне в плотную приподняв шляпу и глядя мне прямо в глаза продолжил:

— Чего вдруг опять, память отшибло? Брат, ты меня пугаешь... — он искал во мне суть моего беспокойства, будто пытаюсь мне помочь без всякой злобы или осуждения.

— Так расскажи мне, раз все это сказки, чего ты тогда боишься о нем говорить? — я снова позабыл о том, что нас могут услышать, и Салли резким движением прикрыл мне рот рукой, чуть не выронив недоеденный яблочек.

— Замолчи горлопан! — проговорил он шёпотом, сквозь зубы, после отпустив меня и быстро доев остаток яблока, проглотив его целиком.

— Мастер Серо дал клятву самому Владыке Вечности, что он никогда не убьет никого с помощью данной ему богом силы которая теперь у него есть! — сказал Салли и откинувшись снова назад, и прикрыв лицо шляпой добавил:

— Владыка Вечности — это могучий бог, бог замершего времени. Далеко на севере в ледяном замке, он заточен на веки вечные там самой Судьбой, Судьбой что создала весь наш мир. Об этом каждый ребенок с самого детства знает!

— Так что получается мы все теперь ему служим? — опешил я, совершенно не понимая, как это все может быть связано со мной.

— Вот же прилип, как клещ. Это ж сказка, с детства все знают, кто попадает в ледяной замок Владыки Вечности, тот остается там навсегда! — Салли достал свою лепешку и отламывая руками по небольшому кусочку принялся жевать, через несколько мгновений замолчав.

— Так что получается, мастер Серо дал клятву богу, которым пугают маленьких детей?

Бог настоящий раз о нем говорит учитель Серо и все это правда? Салли ты что спишь? — я дернул рыжеволосого за рукав, ведь глаза его были закрыты, а рот немного приоткрыт.

— Да, что ж еще то? Я только на мгновение глаза закрыл! Дай поспать, а? Сдался тебе этот владыка. Учитель говорит, что учился у Владыки Вечности. Я ему верю, ты ему веришь да все ему верят! Кто, как, почему? Мы служим учителю Серо, за возможность получить знания самого Владыки Вечности. Попробуй только это оспорить, и кара непременно тебя настигнет, вот увидишь! Я даже больше тебе скажу, наш учитель даже сейчас слышит о том, что я тебе говорю!

— Хоть, теперь тебе понятно, насколько велика его сила? Да ты все эти годы пытаешься научиться махать мечом и быть быстрым и ловким, только для того чтобы в самом конце обучения получить уникальную возможность прикоснуться к тайным знаниям! К знаниям, которые дал учителю Владыка Вечности, ты же Лад не давал ему клятву, в отличии от мастера Серо?! Ты сможешь применить эту силу для того чтобы лишить врагов жизни, а он нет! Он ведь дал клятву, поклявшись своей жизнью.

— Салли, как учитель смог выбраться из ледяного замка тогда? Ты же говоришь что попавший туда останется там навечно! — я ткнул его ногой в бок и недовольно отвернулся, расположившись на одной из веток, понимая, что ответа на свой вопрос я так и не получу.

— Так кто такой Владыка Вечности? Может и нет его вовсе и ты Салли просто лгун! — Прошептал я и отвернулся, погружившись в свои мысли, в надежде снова услышать женский голос, что даст мне так нужные ответы, но его не было.

— Я ты безмозглый дурак! — буркнул мне в ответ Салли и уже через несколько мгновений засопел, провалившись снова в сон.

Час пролетел практически мгновенно, я проснулся от шума внизу. Битва между учениками была окончена. Победители, опираясь и держась друг за друга стояли и улыбаясь, все в синяках они радовались своей маленькой, но такой важной для них победе. Проигравшие же лежали на земле, кто без сознания, кто, просто, корчась от боли и истекая кровью. Старшие товарищи перевязывали раненых и приводили в чувства ребят что не смогли дойти до конца, потеряв сознание. Раз состязание подошло к концу нужно было слезить с дерева и приниматься снова за изнурительные тренировки, не забыв повесить на себя мешочки с камнями. Я же все так же был не доволен ответами Салли и еще больше запутался, зачем мне вообще было нужно знать о Владыке. Я учился владению мечом, изнурял свое тело тренировками, становясь сильнее и быстрее. Но я точно понимал, что сейчас не хочу отнимать ни одну из жизней, ведь если мне и был бы нужные эти тайные знания, то только не для того чтобы просто кого-то убивать. Так же легко и молниеносно как сегодня это сделала Тильда, а ведь она могла бы это сделать с любимым из нас в любое для себя время. От этих мыслей меня даже бросило на мгновение в холодный пот, только теперь я понял, что такое сила или скорее осознал, что могу умереть в любой момент. Моя жизнь, прожитая в стенах школы фехтования, мне практически не принадлежала, держась все это время просто на терпении и доброте окружающих меня учителей и их старших помощников. С этими мыслями я поднял импровизированный деревянный меч и принялся бить им по манекену, не переставая обращаться к самому себе чтобы снова услышать приятный женский голос, который от своих вопросов сделал мне еще только хуже. Сомнения поселились в моей голове и теперь не давали мне покоя всплывая в моем сознании самыми глупыми идеями и не обоснованными домыслами. Нужно было сосредоточиться на желании найти своих родных и продолжить тренировку, отбросив все сомнения прочь, что я

и сделал. Успокоившись я улыбался самому себе и тому контролю, которым я смог подчинить свои сомнения, медленно начав вырабатывать глубоко внутри самого себя уверенность и непробиваемый максимализм. Чувство собственной правоты заполнило меня и я, ускорив движения продолжил бить манекен с такой скоростью и жестокостью, что импровизированный меч не выдержал и раскололся, почти на пополам. Некоторые ученики остановились и перестали тренироваться, глядя на меня и мой сломанный меч. Ведь им так, как и мне не разу еще не приходилось видеть, чтобы меч ломался о манекен, из такого прочного дерева они были сделаны. Я довольный своей неожиданной выходкой смотрел прямо на остатки своего меча, как подбежавший ко мне Салли вырвал меня из транса моего превосходства человеческой силы над орудием, пускай и тренировочным.

— Учитель хочет нас видеть. Пошли скорее, мне сказали явиться к нему как можно быстрее, но так чтобы нас никто не видел и не слышал! — Салли даже потрянул меня, видя, что я его все еще не слышу.

— Ага! — только и смог ответить я, замешкавшись, толи оставить тренировочный меч, толи снять мешочки с камнями.

— Да приди ты в себя!? Лад, ты меня все чаще пугаешь! Оставь меч и пошли скорее... — Салли с недоумением смотрел на мою кривую ухмылку и недовольно замотав головой направился в комнату учителя, намереваясь попасть в нее через балкон, также как он сделал это прошлой ночью. Мне нужно было непременно спросить самого учителя о Владыке Вечности, раз Салли так и не смог мне объяснить кто это. Не заметно для самого себя я начал верить внутреннему женскому голосу цепляясь за возможность узнать больше о Владыке в надежде что это знание мне непременно поможет.

***

— Не надо только думать, что мы сбегает из-за этой проклятой войны! Это не так, ну или почти не так. Скорее это меры предосторожности, я все-таки торговец, а не воитель?! — черноусый мужчина, лет сорока, не переставая гладил свою аккуратно стриженную бороду и нервно отводил свои глаза от глаз мастера Серо, боясь с ними хоть на мгновение встретиться.

— Я все прекрасно понимаю наместник гильдии торговцев Вальс! Да и твой страх в общей неразберихе потерять все что мы заработали за все эти годы было еще большей ошибкой чем попробовать покинуть стены города, который для нас стал таким родным? Неправда ли, ты все уже посчитал и взвесил все риски? Или эта дурная весть от нашего бывшего компаньона Сольвани заставила тебя сняться с насиженного места и броситься бежать куда подальше?! — Серо сидел в привычной для себя позе и медленно курил совершенно спокойно в отличии говорившего с ним мужчины.

— Я не получал вестей от Сольвани или его бандитов! Я знаю, что караваны нашей гильдии покидают город! Если раньше их здесь было около двух десятков, то теперь караванов в городе только четыре, да и то один из них мой! Мне как никогда нужна ваша защита! Мы же не хотим, чтобы все наше серебро стало добычей мародёров? — набравшись смелости просящий торговец Вальс снял свой коричневый берет с вышитыми шёлком кроями и прижав его к своему большому животу взмолился, глядя прямо в глаза владельцу школы.

— Значит гильдия торговцев считает, что Орден захватит Гротеск со дня надень?! Можете не отвечать. — Серо поднялся и снова затянувшись сладковатым дымом табака стал

ходить по комнате только теперь казалось, заметив наше с Салли присутствие на балконе, за занавеской.

Он приложил палец к губам приказывая нам молчать и повернувшись к балкону спиной продолжил:

— Вы бросаете все и уходите со всеми богатствами! Я правильно понимаю?

— И, да и нет. — торговец нервничал, вытирая пот со лба.

— Я спасаю наши будущие инвестиции. Подальше от боевых действий им будет гораздо спокойнее!

— Хорошо. Я доверюсь вашей проницательности и не превзойденному таланту торговца! Сорока лучших учеников для охраны каравана вполне достаточно, думаю мы можем обговорить цену, мой друг? — Серо остановился и глядя на золотой медальон на шее торговца прикидывал сумму на которую мог бы рассчитывать, но улыбнувшись самому себе отбросил эти мысли прочь.

— А не слишком ли много? Сорок наемников... — начал было торговаться мужчина.

— Это вы потом у разбойников на южной дороге будите спрашивать! Думаю, в нашей ситуации оплаты не нужно. Главное, чтобы наш груз достиг своего места назначения в целостности и сохранности.

— Сорок наемников, даром? Вы не темните, господин Серо? — торговец облизнул свои губы, не веря подвернувшейся так неожиданно удаче.

— Ну что вы мой друг. Я все улажу, они не доставят вам ни каких хлопот и не будут требовать за вашу охрану серебра. Главное, чтобы они были накормлены и напоены! Ведь это организовать куда дешевле чем платить им серебром.

— Вы правы, мой добрый друг, вы правы! — радости торговца не было предела, он будто бы провел лучшую сделку за свою жизнь.

— Пожалуй предоплатой будет не большая услуга. Суший пустяк, так безделица. Я бы хотел узнать от вас, как от человека, не обделенного властью в определенных кругах одну не большую тайну, если вы мне конечно позволите? — Серо остановился посреди комнаты и приложив руку к своему заросшему подбородку призадумался.

— Я бы хотел узнать, кроме тех запасов провизии, в частности зерна, что есть у города сейчас, кто еще прячет в своих закромах достаточно еды чтобы переждать осаду, если ей конечно суждено случиться?

— Ну... — призадумался торговец, отводя глаза в сторону.

— Мы же с вами понимаем, что о осаде знаем не только мы и непременно к ней готовимся? Кто-то бежит, а кто-то должен ее непременно переждать в стенах города.

— Думаю это не будет для вас какой-то удивительной новостью! Самые большие запасы сейчас у церкви. Куда большие чем у города. Да и если учесть, что церковь не торгует хлебом, а ей принадлежат все земли за городом, а также разрешения на владение рабами и наравне с мэром возможность даровать любому свободу, то именно у нее есть такое количество еды чтобы пережить любой голод. Я ответил на ваш вопрос?

— Да спасибо, он более чем исчерпывающий. Я распоряжусь по поводу охраны.

— И последнее уточнение. Охрана пробудит со мной только до самой столицы? — торговец задержался в дверях, все не веря в то что Серо так просто отдал ему своих лучших учеников.

— На ну что, что вы! А вдруг вас ограбят в самой столице. Теперь эти ребята станут вашей личной охраной. Гарантом сохранности нашего с вами серебра.

— Так... — опешил торговец, понимая, что Серо оказался не так прост. Ведь кормить большую охрану и лошадей было не такой накладной задачей, но делать это на протяжении долгого времени было не выгодно и обременительно.

— Как только в Гротеске все снова придет в норму вы вернетесь сюда со всем необходимым что бы снова зарабатывать не меньше четверти с каждой сделки. Ну а с такой охраной у нас с вами самые большие шансы снова встретиться!

— Спасибо за вашу доброту и щедрость! — сказал торговец Вальс и поклонившись вышел, дивясь хитрости и дальновидности Серо и радуясь, что ему не приходилось с ним торговаться до этого.

Еще раз поклонившись торговец вышел из комнаты поспешив поскорее убраться из города в окружении своей новой охраны.

Если не считать нас на балконе, затаившихся и впитывающих каждое слово, мастер Серо в комнате был один, погруженный в свои мысли и говорящий вслух:

— Что же ты задумал повернуть с хлебом, Сольвани? Ах, да! Чуть не забыл...

Учитель наконец вспомнил о нас и вытряхнув трубку в один из стоявших кувшинов снова сел в свое любимое кресло.

— Вы все слышали мои маленькие помощники? — он говорил это хитро улыбаясь и глядя свою понемногу начавшую отрастать бороду.

— Каждое слово! — выпалил Салли первым покинув балкон и войдя в комнату, я же последовал его примеру, не менее заинтересованный для чего же нас позвал учитель. В моей голове все вертелся вопрос про Владыку Вечности, ведь Салли мне ничего не ответил, а мне непременно следовало расспросить об этом самого учителя.

— Теперь вы понимаете, что война подкралась к самым воротам нашего города, раз даже такой зажиточный торговец как этот Вальс бежит из Гротеска в столицу поджав хвост! Нам непременно нужно действовать на опережение, быстрее и больше не сдерживаться, просто наблюдая со стороны! Вы готовы пойти даже на убийство, ради того, чтобы спасти наш город? — учитель больше не улыбался, он напряжено смотрел на нас обоих в стоявших в нерешительности и не знавших что же нам ответить.

— Хорошо скажу по-другому, если вы выполните мое новое задание вы на один шаг продвинетесь к своей цели! Каждый из вас. — учитель сделал глубокую затяжку и повторил свой вопрос.

— Вы готовы?

— Да! Приказывайте мой учитель! — Салли снова ответил первым решительно сделав шаг вперед.

— Ну а ты Лад чего медлишь? Ты же знаешь, я могу просто приказать, и вы выполните мое любое поручение, каким бы оно не было?!

— Да, учитель. — ответил я, продолжая колебаться, стоит ли спрашивать о Владыке, которому он дал клятву прямо сейчас.

— Я просто хочу, чтобы вы понимали, как я дорожу вами! Вы моя опора и надежда. Особенно ты Лад. — учитель встал и подойдя ко мне положил руку на плечо:

— Не сомневайся, я непременно расскажу тебе обо всем что знаю. Ведь у друзей не может быть секретов друг от друга.

— Я хочу... — я было спохватился спросить, но мастер Серо резко положил мне указательный палец на губы, оборвав на полуслове.

— Хорошо, этого будет достаточно. У меня для вас есть одно очень деликатное дело,

которое не потерпит отлагательства на потом. Его непременно нужно сделать сегодня.

— Приказывайте... — перебил учителя Салли и получил от него в ответ взгляд, наполненный гневом.

— Запомните самое главное, вы должны остаться не пойманными, во что бы вам это не стало! Вы нужны мне непременно живыми, оба! Вы меня поняли? — в ответ мы с Салли молча закивали головами и принялись дальше слушать мастера Серо.

— Вы же видели, что случилась у нас сегодня днем во дворе? Думаю, непременно видели и конечно же узнали этого наглеца Франко. Вам пришлось раньше наблюдать за ним, и он как-то догадался что тот хлеб украли именно вы?! В этот раз вы должны разыскать место где они прячут провизию, ту что им удалось тайно привести в город. Я уверен, что местная стража им в этом помогала. — учитель подошел к карте, висевшей на стене и указал на место где-то на севере города.

— Думаю это где-то здесь. Найдите склад с провизией и подожгите его. Все не обходимое для поджога получите у моего помощника, который выдает вам инвентарь для тренировок. Я не знаю, что на самом деле задумал Сольвани и его бандиты, но очень хочу помешать этому. А еще вы должны сделать так чтобы во всем этом была замешана церковь!

Учитель повернулся к нам и выудил на свет из-под пол своей одежды два позолоченных медальона в виде креста.

— Как только подожжете склад подбросьте эти медальоны так чтобы их непременно смогли найти, это спутает все следы и отведет от нас подозрения.

— Вы меня поняли? — учитель отдал каждому из нас по медальону, и мы молча их одели.

— Хорошенько изучите карту и марш бегам выполнять задание! Все должно случиться именно сегодня!

— Да, да! — ответили мы друг за другом и бросились назад к балкону.

— Можно вернуться в свои комнаты через дверь. Не подведите меня. Я хочу, чтобы колокола звенели всю ночь известив меня о вашем поджоге раньше вас самих! И да...

Я почему-то сразу понял, остановившись что эти слова были обращены именно ко мне:

— Я попробую ответить на вопрос, который ты задавал Салли?

От этих слов меня бросило в холодный пот: «мастер Серо и вправду мог нас дослушивать!»

Чувствуя взгляд учителя на своей спине, я принялся догонять Салли, впереди нас снова ждало заматывание бинтами, ночной город и конечно же поджог.

Глава 5 "Ночное приключение"

Крыши Гротеска.

Город медленно начал погружаться во тьму, а крыши домов встречали наши тени клубами белого густого дыма, струящегося из дымоходных труб. Мы аккуратно бежали в полумраке, не толкая и не обгоняя друг друга, двигаясь все дальше на север Гротеска. Домов, в этой части города, было куда как меньше, нежели в центре, откуда мы и начали свой путь под покровом ночи, спустившейся после заката. Мы не спешили, прекрасно осознавая, что стоит нам только упасть или не дай бог уронить наши ноши на крышу, произойдет возгорание и взрыв.

Ранее помощник, к которому нас отправил учитель, не гнушаясь разного рода бранных слов объяснил нам, как пользоваться зажигательными бомбами. Эти были не большие, показавшиеся, после мешочков с камнями, совсем легкими, шары, с два моих кулака не больше, заполненные какой-то дурно пахнувшей смесью. Как до этого осыпая нас угрозами говорил помощник, нам стоило ими пользоваться с просто невероятной осторожностью,

дабы не поджечь самих себя.

Теперь, я бежал по крыше, во тьме, чувствуя на своей груди холод от стекла, из которого и были сделаны эти самые бомбы. Напряжение все не спадало, хотя я прекрасно ориентировался в нашем городе, все прокручивая в голове картинку с картой, что была на стене в комнате учителя. Каждый раз останавливаясь у очередного края крыши, я умолял судьбу благоволить мне и перепрыгивал на соседнюю, надеясь, что мои ноги не соскользнут, а я не разобью свою груз и после, не разобьюсь сам. Салли был всегда рядом и тоже тяжело дышал, казалось прямо мне в спину, но также, как и я сам, больше от волнения, чем от усталости. Дальше высокие крыши центра города закончились и начинался бедный северный район — скопление небольших лачуг, мелких базаров, разросшихся в разные стороны и конечно же амбаров, один из которых нам и предстояло поджечь этой ночью.

Я уже не думал о вопросах, которые предстояло задать по возвращении мастеру Серо и сосредоточился на нашем новом задании. Салли был также удивительно молчалив и стоял рядом со мной на краю последней высокой крыши, глядя на северный район Гротеска. Горожане, там внизу, слонялись без дела, кто-то спорил, кто-то выпивал, а кто-то просто спал прямо в своей базарной лавке, не обращая внимания на проходящих мимо рабочих из порта, нищих или пьяных жуликов, да просто зевак. В воздухе стоял стойкий запах тушеных овощей и рыбы, которой, казалось, пропахло все вокруг. Это, непременно бы нам очень пригодилось, так как наши бомбы воняли не менее ядовито, а из-за этой вони нас можно было бы обнаружить даже в такой крошечной тьме. Я понял по молчанию Салли, что пора бы брать инициативу в свои руки, тем более что мой внутренний голос был также молчалив.

Отдав свою стеклянную бомбу удивленному Салли, я всего в несколько прыжков, цепляясь за выступы и парапеты, спустился вниз на мостовую, представляющую из себя смесь грязи, рвоты и рыбных очистков. Оглядевшись и не заметив никого постороннего рядом, я поднял вверх свои руки, намереваясь ловить бомбы, что остались у Салли. Он не протестовал против моей затеи и глядя на мой еле различимый силуэт во мраке бросил первую из бомб. Мое острое зрение меня не подвело, поэтому я без проблем поймал первую, а затем и вторую, брошенные Салли бомбы. Тяжело выдохнув и улыбнувшись самому себе, я только теперь заметил, что мой товарищ уже стоял со мной рядом.

Дальше двигались не так быстро, все время озираясь и прячась за маленькими палатками этого базара и бочками, будто специально кем-то здесь оставленными тут, для нашего укрытия. Среди длинных рядов лавок и рыбных закусовых, тянувшихся до самих черных силуэтов складских построек, нам и предстояло, прячась от взглядов случайных прохожих, пробираться дальше, к поставленной нашим учителем цели. Стараясь двигаться совершенно бесшумно, я озирался по сторонам, глядя на выпивающих горожан, неволей судьбы коротающих свой недолгий век в этих провонявших тухлой рыбой трущобах. Рядом, где-то за тканью, обтянувшей одну из палаток закричала женщина, тут же, посреди мостовой, началась драка, которую свистом и улюлюканьем подбадривала толпа зевак, высыпавшая поглядеть на это пьяное побоище. Нас чуть было не заметили стражники, прибежавшие на крики, в их руках были факелы, света от которых непременно было хватило, чтобы нас обнаружить, но все их внимание было приковано к толпе собравшихся. Лязгая своими тяжелыми доспехами трое стражников пробежали мимо нас и принялись разнимать дерущихся. Толпа, раздосадованная таким быстрым завершением боя, устало разбрелась обратно, в забегаловки и лавки, где медленно вслед за дневным светом продолжила погружаться в хмельную тьму. Мы перевели дух, прячась за бочками, и осторожно озираясь,

продолжили свой путь, надеясь больше никого не встретить по дороге к складам. Эти здания высились черными силуэтами над остальными постройками, так что было совершенно невозможно разобрать, в какое из строений нам нужно было попасть, да и целой ночи, наверное, бы не хватило, чтобы найти нужный нам склад в такой крошечной тьме, что тут теперь царила.

— Пстой... — еле слышно прошептал мне на ухо Салли, отдернув назад за плечо, продолжив еще тише:

— Смотри, там справа, у самого дальнего дома, видишь? На самом краю?

Я присмотрелся, туда куда указывал мне Салли, и вправду заметил небольшой свет, пробивавшийся меж досок самого дальнего амбара. Там точно кто-то был, в столь позднее для работы время. Мы оба, пригнувшись и озираясь по сторонам, двинулись вдоль городской стены, туда где был свет от огня. И в этот раз Салли оказался прав, стоило нам подойти совсем близко к дому, очертания которого тонули во тьме, как из-за его угла появилась тень, заставившая нас, остановиться в нерешительности и замереть, надеясь только на скрывающую нас тьму.

— Кто здесь? — хриплый голос проговорил слова в пустоту, куда-то намного левее нас.

— Я вас слышу! Выходите! — голос разразился громким кашлем и добавив несколько ругательств, наконец-таки замолчал.

— Гарри, да это чертовы крысы, уже вторую ночь подряд сводят тебя с ума! Дуй давай назад... — второй голос был куда моложе первого и говорил из-за стены, через которую пробивался свет огня.

— Кости ждать не будут! — сказал третий голос, хохотнув:

«А то мы твою долю в миг разделим, скажи Вико!»

— А то! — снова сказал второй и тоже заржал.

Силуэт во тьме так и не шевелился несколько мгновений, но наконец поняв, что никого не может разглядеть, ответил своим товарищам внутри:

— Не начинайте только игру без меня, дайте хоть пописать спокойно. Да, иду я, иду! — струя мочи звонко полилась по мостовой и темный силуэт облегченно выдохнул, потеряв всякий интерес к нашим дальнейшим поискам.

— Чертовы крысы, второй день здесь скребутся, твари. Да, когда этот Франко надумает уже, вернется! Будто, он про нас здесь забыл?! — темный силуэт смачно сплюнул под ноги, и зайдя за угол, исчез из нашего поля зрения, еще через мгновение скрипнула дверь, теперь он вошел в амбар.

Конечно именем Франко могли звать кого угодно, но что-то мне подсказывало, что мы нашли нужное нам место. Осталось только удостовериться, что весь хлеб тут и можно было бы наконец заняться поджогом. Прислушавшись к тишине вокруг, мы, пригибаясь, добежали на щели в амбаре, через которую лился единственный лучик света. Снова прислушавшись и не услышав никаких подозрительных шорохов вокруг, принялись наблюдать через щель по очереди, за тем, что же творилось там внутри.

За маленьким столиком, прямо на начавшем гнить сером полу, сидело трое головорезов. Тот, кого называли Вико, долговязый крепыш в коричневом кожаном бушлате, натачивал свой не менее огромный меч камнем и ехидно улыбался остатками гнилых зубов, комично торчавшими из черной гниющей пустоты его рта. Второй это, наверное, Гарри, выходявший на улицу ранее, был очень тощим, седеющим и усатым, одноглазым стариком, не довольным тарачимся своим единственным глазом на третьего. Последний, самый молодой из них,

одетый в засаленные от жира портки, да красную рубашу, поизносившуюся от времени, с несколькими заплатками на рукавах, чистил ножом картофелину, которую только достал из костра, медленно потрескивающего там же. Его маленькие серые глазки бегали как заведённые, он не переставая дул на горячий плод, в надежде как можно быстрее его почистить. Имя третьего мы пока еще не знали, но именно это нам и не было нужно.

— Вот же дубина. Ты себе так все руки обожжешь, дурень. Подождать не можешь, пока остынет? — старик Гарри поправил широкую саблю на своем поясе и уселся к остальным за стол так, чтобы оружие ему не мешало.

— Да сколько ждать то можно? Два дня прошло, а Франко все нет. У нас столько хлеба, что можно накормить целую армию, а этот проклятый Вико не разрешает его даже попробовать! — жаловался третий, продолжая чистить свою картошку. По его, все время бегающим, глазенкам было очень сложно определить, куда именно он сейчас смотрит.

На последнюю реплику молодого в красной рубаше долговязый Вико ответил своим тяжелым молчаливым взглядом, и опустив свою мясистую голову, продолжил чистить оружие.

— Так, и чья же очередь бросать кости? — спросил старик, подняв кружку и опустив в нее два кубика сделанных из хлебного мякиша, с разным количеством точек на гранях.

— Так твоя же, думаешь, чего мы ждем?! — молодой закончил чистить картошку и вытерев свои грязные руки прямо об штаны, принялся аккуратно выуживать монеты из своего мешочка по одной двумя пальцами, добавив:

— Вико ты в игре?

Здоровяк отложил свой огромный меч в сторону и выудил на свет пять медяков.

— Ну что, чет или нечет? — старик поднял кружку над своей головой и прикрывая второй рукой отверстие, так чтобы кубики не выпали, стал ей трясти.

— Ставлю три на чет! — молодой швырнул монеты на стол, глядя на долговязого.

— Ставлю пять на нечет! — Вико аккуратно стопкой положил монеты на стол, глядя на старика с кружкой.

Еще несколько взмахов руками старика и кубики полетели на стол, заставив приковать все свое внимание сидевших к себе. Кубики перекатывались, прыгая через весь стол и ударившись о его край отскочили назад к центру, наконец остановившись.

— Что там Гарри? — Вико даже привстал чтобы посчитать, из-за спины старика, количество точек на гранях, но молодой уже праздновал свою победу, сгребая поставленные монеты со стола.

— Так не пойдет, давай еще раз! — взревел бугай, хлопнув кулаком по столу и снова бросая пять медяков и требуя продолжать.

Старик взял кубики и положив их обратно в кружку проделал все тоже самое. Так повторялось еще несколько раз, пока бугай не лишился еще как минимум сорока медяков и не потребовал поменяться в игре ролями, забрав кружку и кубики себе. Старик на это только довольно хмыкнул и забрав со стола свою долю выигрыша, поставил несколько монет на нечет, теперь играя против молодого, который не мог нарадоваться своему, так легко полученному, богатству.

— Тебе сегодня не везет Вико! — язвительно заметил самый молодой, выудив откуда-то из-за спины бутылку с пойлом и сделав несколько глотков, довольно рыгнул.

— Вчера все также начиналось, или ты не помнишь, Чак! — ухмылялся здоровяк, сжав кулаки и принявшись с еще большим интересом за игру.

Наблюдая как трое этих головорезов играют в кости, я продумывал план наших дальнейших действий. Пока на ум мне больше ничего не приходило, кроме того, как дожидаться, когда же они окончательно не опьянеют, потеряют бдительность или попросту не уснут. Мы молчали и просто ждали, все понимая без слов. Нам нужно было, во чтобы то не стало, поджечь именно этот амбар, ведь у нас не было абсолютно никаких сомнений, что это именно то место, о котором говорил наш учитель.

— Как думаешь, старик? Сольвани нет уже больше недели. Неужели Франко и в правду теперь всем тут заправляет?

— А разве не Сольвани дал идею подкупить стражу? — вмешался молодой в разговор, перебивая здоровяка.

— Да откуда ж мне знать? Как по мне, так отдать столько серебра стражникам было очень глупой затеей. На кой пес нам сдалось столько хлеба? Даже если посчитать сколько стоит весь этот амбар вместе с ним, будет и того меньше?

— Да, Гарри, дело говоришь! — снова вставил молодой, принявшись за поедание картофелины, ведь она уже совсем остыла.

— Да кто ж нам правду скажет? Сидим тут вторую ночь подряд, будто нас этот проклятый Франко наказал за что-то? — недовольно забурчал старик, разворошив палкой угли в костере и бросив ее догорать.

— Вот вернется Сольвани, надо будет ему рассказать про хлеб! — сказал молодой запивая картошку пойлом из бутылки и протягивая ее старику.

— А будто он не знает про это — дурни? Доиграется этот выскочка Франко, вот увидите! — процедил, зло морщась, Вико.

— Ну что, я снова в игре! — сказал молодой Чак и схватив кружку с кубиками принялся ими трясти, предлагая товарищам делать свои ставки. Игра продолжалась снова и снова, то под гогот Чака открывавшего новую бутылку, то под рычание ликующего Вико. Усталость медленно, но неумолимо, откладывала свой отпечаток на всех кроме, пожалуй, здоровяка с мечом.

Время будто бы остановилось, головорезы несколько раз покидали свое жилище чтобы справиться свою нужду, а старик, старающийся успевать в распитии пошла вслед за молодым Чаком постепенно погружался в сон, выбиваемый из глубины своих грез, только после удара гардой меча в бок от здоровяка Вико.

Теперь этот здоровяк стал нашей главной проблемой, он не пил пойло и был всегда на чеку. Вико прислушивался к каждому шороху вокруг, поворачивая на любой звук свою мясистую голову будто хищный филин в поисках добычи. Полумесяц был уже высоко в небе, когда мы с Салли всё-таки решили действовать. Стоило только нам перебраться на другую сторону улицы чтобы попытается обойти амбар с другой стороны ища там выход, как по мостовой раздалось лязганье доспехов, а после появился и свет от нескольких факелов. Так, ни от кого не прячься и никого не боясь, появился Франко в окружении своих новых охранников, что стало с прошлыми я отчетливо помнил, по произошедшему у нас во дворе сегодня. Одетый в железные доспехи, поблескивающие из-под тёмно-зелёного плача, он больше походил на дворянина, нежели на разбойника коим и являлся. Группа из четырех головорезов и самого Франко прошла в каком-то метре от нас, и не заметив наши тени за бочками, направилась прямо к амбару, где кроме Вико все уже пол часа как спали.

— Ну что сволочи, спите небось? — Франко толкнул амбарную дверь ногой и исчез из нашего поля зрения внутри здания.

Дальше был какой-то шум и обрывки фраз, мы с Салли притаились, решив не рисковать понапрасну, для того чтобы подслушать перепалку этих головорезов. На улице было пусто совсем не долго, наконец из амбара вышли все семеро, Чак опустив глаза, шатаясь, вышел самым последним.

— Вам троим ничего нельзя доверить! Такое чувство будто меня окружают одни идиоты? Да, как только Сольвани вами управлял до этого, жалкие и никчёмные...

— Вы сказали охранять хлеб. Я бы никого не пустил, жизнь бы отдал, но не пустил... — здоровяк остановился и принялся в свете тлеющих факелов объяснять Франко, как же он старался.

— А как костер? Вы же, владыка меня забери, развели его прямо посреди амбара? А если бы все сгорело, что тогда? Жалкие ничтожества...

— Да не сгорело бы ничего! Вторая ночь пошла, не сгорело ведь до этого?! — Чак допивая остатки из бутылки, тоже оправдывался, как мог. Франко такое неуважение еще больше взбесило, и его рука потянулась за клинком на поясе, что еще больше насторожило его молчаливую охрану, приготовившуюся к атаке. Старик Гарри ударил своим тощим кулаком прямо в солнечное сплетение пьяному Чаку и принес извинения, теперь довольно улыбавшемуся Франко за такую быструю реакцию своего подручного. Лысому и самому хотелось ударить этого пьяного сопляка, но еще приятнее было, когда по велению, только одной его мысли, это делали за него другие.

— Прекрасно, хоть кто-то из вас видит дальше своего носа. Понимаешь без слов старик. Уже завтра вы все поймете, зачем нам столько провизии, ведь совсем скоро она станет на вес золота, если не еще больше. Сейчас же, нам нет никакого смысла ждать здесь. Если кто-то захотел бы нас ограбить, то непременно бы уже пришел. Нам нужно спешить к восточным воротам, уже совсем скоро у этого города появится новый хозяин, и я буду один из самых первых, кто предложит ему свою помощь, чтобы заслужить его милость!

Никто из стоявших в переулке ничего не ответил на реплику Франко, безумно глядевшему в пустоту перед собой и злорадно улыбнувшемуся наваждению, которое видел только он один.

— Надеюсь хоть в бою вы меня не подведете? — он с недоверием посмотрел на своих троих охранников почему-то вспомнив стычку в школе фехтования и недовольно поморщился, ускорив шаги на восток. Остальные, заливая все светом факелов, бросились следом за ним, освещая путь и охраняя своего нового главаря.

Как только лязг доспехов стих далеко во тьме и свет факелов полностью исчез, мы с Салли наконец-таки принялись за дело, ради которого сюда и пришли. Осторожничать теперь не было никакого смысла, в амбаре никого не было, между нами была лишь только тьма, в которую погрузилось все вокруг. Держа в памяти все матерные слова, сказанные нам помощником, перед тем как он дал нам бомбы, мы трусцой направились к амбару. Чувствуя запах догорающего костра, я водил пальцами по стене из досок и наощупь продвигаясь до самой двери, которую также смог нащупать во тьме. Дверь не была заперта на засов или замок и легко поддалась, заполнив тишину своим резким скрипом, царившую вокруг. Сердце от страха на мгновение ушло в пятки, будто бы нас кто-то мог слышать, но Салли уверенно толкнул меня вперед и закрыл за нами дверь, с еще большим скрипом.

Угли еще полностью не сотлели и оранжево щурились, наблюдая за нами. Мой напарник нашел одну из оставленных тройцей головорезов палок и положив ее в почти затухшие угли, принявшись на них дуть, заставляя их еще больше мерцать, с каждым своим

новым вздохом. Постепенно пламя разгорелось и наконец-то принялось, пританцовывая лизать сухое дерево. Тусклый свет залил комнату вокруг, я только теперь заметил, что бывшие постояльцы, просидевшие здесь два дня, были не так просты, как нам показалось на первый взгляд. Костер был огорожен от остальных деревянных конструкций и пола, аккуратно сложенными камнями, пламя не вырвалось бы из-за каменных стен наружу и не спалило бы все вокруг. Также, то тут, то там на полу, где-то прикрытые пустыми мешком, где-то пучком соломы повсюду стояли капканы, кстати один из них был у самой двери, через которую мы оба сюда вошли. Как мы только хоть в один из них не угодили, мне на ум даже не приходило. Удача была с нами даже сейчас, и я стараясь не наступить ни в одну из ловушек, отправился вглубь амбара искать заветные хлеба. Под массивными деревянными балками, стянутыми брусками и досками между собой, находились огромных размеров ниши, в который покоились и ждали своего часа, меха полные хлебов. Салли светил мне своим импровизированным факелом, ну а я вытащил один из хлебов, чтобы убедиться в том, что на нем присутствует печать Ордена. Наощупь хлеб был таким же мягким и теплым, как и тогда, когда я держал его в первый раз, запах тмина снова защекотал мне нос, на мгновение вернув в прошлое. «Женщина тянула ко мне свои тощие руки умоляя поделиться с ней хлебом...». Я выронил каравай на пол и наваждение исчезло, вернув меня в действительность. Нужно было непременно все сжигать и убираться прочь, пока кто-нибудь из головорезов Сольвани не вернулся.

— Быстро поджигаем и бежим обратно на высокую крышу! Я брошу бомбу в левый угол, а ты кидай в правый! — Салли отбросил свой факел на пол и достал из нагрудного мешка зажигательные бомбы.

— Может отойдем подальше? Вдруг побежим назад и угодим в один из капканов? — я перешел на шепот в душе боясь, что в любое мгновение в амбар кто-нибудь войдет.

— Как бросишь свой, повторяй за мной все движения! — сказал Салли и швырнул свою стеклянную бомбу прямо в одну из балок и бросился стрелой к выходу. Я последовал его примеру швырнув в другой угол свою, и стараясь повторять за ним каждое движение, побежав к заветному выходу. Мне почти ничего не было видно, только мерцающие угли, да спина Салли, бегущего передо мной. Я пытался рассмотреть капканы под ногами и надеялся снова на удачу, вжав голову в плечи после первого хлопка сзади. Только после второго хлопка ударная волна из пламени и едкого дыма просто вытолкнула нас обоих наружу. За несколько мгновений столб огня поглотил все внутренне пространство амбара, начав своими голодными языками облизывать открытую дверь и перекидываться на стену снаружи.

Я потирал руками ушибленные колени, а Салли сидел рядом на грязной мостовой держась за голову, замотанную в бинты. Если бы он и разбил ее, то сейчас это было бы очень трудно понять. Салли несколько раз замотал головой и начал подыматься на ноги, сорвав со своей груди позолоченный медальон в виде креста и швырнув его прямо под дверь амбара. Теперь мы оба стояли друг против друга в свете яркого пламени, черные, полностью замотанные в бинты, шпионы, как никто другие, теперь похожие на лазутчиков Ордена.

Колокольный звон раздался далеко на востоке, наверное, с той церкви что была у восточных городских врат. Я снова остановился, глядя вслед убегающему Салли, понимая, что набат колоколов если и был, то не из-за пожара, устроенного нами. Теперь учитель непременно знал, о том, что мы все сделали. Теперь нам нужно было добраться до самой школы, оставаясь не замеченными. Но именно с этого самого момента что-то в нашем ночном приключении пошло совершенно не так, как мы задумывали.

Салли на всем бегу, почти ничего не видя, налетел на что-то, ударившее его так сильно, что он, перегнувшись пополам, отлетел на добрый метр назад ко мне.

— Смотрите в оба, тут должен быть еще один?! — из окружавшей нас темноты на свет вышел командир стражи, которого мне уже приходилось видеть ранее на восточных воротах. Как минимум еще пятеро стражников было вместе с ним. Они вглядывались в царившую вокруг тьму, ища в ней тело Салли.

— Я точно попал по нему копьём, отвечаю, он где-то здесь! — кто-то водил зажжённым факелом и пытался понять, куда же делся Салли. Глядя из темноты на стражников, я прекрасно видел своего напарника, прячущегося за одной из бочек, мне нужно было ему непременно помочь — вот только как, пока было не понятно.

— Эти твари подожгли склад с провизией! — стражники наконец догадались об источнике света дальше по улице и начали кричать, требуя действий от своего командира, занятого нашими поисками.

— Проклятые шпионы, вот увидите, вам никуда не деться! Парни, нужно больше факелов, мы непременно их отыщем! Трое со мной, остальные будите лавочников! Больше света, мне нужно больше света и людей! — командир, крича эти слова, подошел вплотную к бочке, за которой прятался Салли, мне непременно нужно было действовать прямо сейчас.

«...Остановись! Глупец, ты что хочешь погибнуть прямо сейчас? Разве ты забыл то, о чем говорил тебе учитель? — женский голос в моей голове говорил спокойно и одновременно властно, приказывая мне повиноваться его воле.

— Заткнись! Тебя на самом деле нет! Ты все лжешь, ты же обещала, что я все забуду, а я постепенно вспоминаю... День за днем! Ночь за ночью! — я говорил про себя, начав медленно двигаться в сторону затаившегося за бочкой Салли.

— За то об этом не знает твой учитель, а это уже прекрасно! Я же не виновата, что ты не спросишь у него про Владыку, раз этот рыжеволосый мальчишка не хочет тебе отвечать?! Ну сам подумай, зачем тебе его спасать? Он бы такого для тебя никогда бы не сделал? Этот маленький лгунишка... — ее смех прокатился от одного моего уха и пропал в глубине второго.»

Стражников, как и простых горожан вокруг становилось все больше и больше.

— Где же ты, мерзкий шпион? — спросил в пустоту командир стражи, намереваясь заглянуть за бочку, как вдруг я выскочил прямо на него, ударив ногой по лицу. Я крутанулся на одной ноге вокруг своей оси, не давая командиру опомниться и сделав ему подсечку увидел, как Салли бежит вдоль палаток к заветной высокой крыше. Матерясь, от моих стремительных, но не таких сильных, как мне того хотелось, ударов, командир распластался на мостовой, а я же принялся убегать вслед за напарником, только теперь осознав, что что-то душит мою шею.

«Самонадеянный глупец! Нужно было меня слушать!» — женский голос в моей голове принялся на меня кричать. От этого мне было еще труднее бежать по мостовой, задыхаясь от обжигающего медальона на своей шее. В глазах темнело, лицо начали застилать слезы, дыхания почти не было. Я начинал терять сознание, медленно проваливаясь в пустоту перед собой. Кто-то ударил меня по голове, и я упал на землю, вцепившись что есть силы в медальон в виде креста. Мои руки отказывались меня больше слушаться и сами не отпускали его. Я же закрыл глаза от жгучей боли, что теперь раздирала мою голову. Белая пелена застилала все перед глазами, и я чувствовал, как теплая влага сочится из моей раны.

«И вот ты снова сделал не правильный выбор. Нужно было слушать меня, пока у тебя

есть еще такая возможность?! Ой, была... — женщина в моей голове не закончила говорить, громко рассмеявшись.»

Где-то там в реальности, а не внутри моей головы, два стражника сковали мне кандалами руки, а командир продолжал меня бить по животу ногами, пока его внимание не привлек крест на моей груди. Он поднял мое полностью лишившееся чувств тело и попытался размотать бинты, намертво прилипшие от жара, который исходил от огромного пламени, которое до сих пор так и не удалось потушить горожанам. Снова взглянув на крест, он хорошенька меня пнул и приказал нести мое тело к церкви, туда, откуда без конца продолжался колокольный звон, непременно именно теперь извещавший о пожаре, которой мы с Салли устроили.

«— Еще несколько таких выходов, мой мальчик, и мне придется вмешаться самой!» — женский голос в моей голове шептал мне эти слова словно колыбельную, под которую я медленно проваливался в небытие, прекрасно понимая, что если я снова увижусь с учителем, то тот меня непременно убьет.

Восточные ворота.

Да, не спору, все должно было закончиться гораздо хуже для меня и очень просто, легко и не принужденно, для вас мои читатели. Двое стражников волокли меня до пристройки у той высокой церкви, с башен которой мы совсем не давно с Салли наблюдали за восточными воротами. Прямо за церковью, которая гудела от раскатов колокольного звона, находилась дверь, скрытая от не нужных глаз густой тернистой лозой. Ударив хорошенько по железной двери и бросив несколько фраз, стражники швырнули меня за распахнувшуюся дверь и ушли прочь. Мое тело совершенно не слушалось, стража хорошенько меня отделала своими кованными сапогами, так, что ног я почти не чувствовал. Две новые пары заботливых крепких рук подхватили меня, словно пушинку, и потянули дальше по коридору, плохо освещенному тусклым мерцанием совсем слабых факелов, вдоль промасленных стен. Один мой глаз очень опух и совсем заплыл, а второй был рассечен, но кровь местами запеклась, и я мог через небольшую щель, хоть что-то видеть. Боль бесконечными волнами перекатывалась по моему телу, от кончиков пальцев на руках, до кончиков ног, все чаще и чаще барабаня, прямо у меня в голове. Я полностью переключился на слух: медленное шорканье тяжелых ног, мерзкое сопение, капанье воды, приглушённые стоны и крики, где-то далеко и одновременно совсем рядом. Вместо запахов была пустота, вместо зрения боль, одни сплошные: шарканье, сопение, стоны, крики и капли воды, ударяющие словно молот, каждый раз по моей голове.

Наконец, мы остановились, дверь со скрипом отворилась и заботливые руки подвесили меня за кандалы на цепи, что свисали из-под самого потолка. Шелест металла, перешел в лязганье, как только цепь хорошенько натянули, и я снова абсолютно не почувствовал своих

ног. Дверь передо мной закрылась, я даже ощутил, как поток теплого, нет даже горячего ветра, приятно окутал мое избитое лицо. Я висел на цепях, весь замотанный в черные бинты, которые, для тех, кто меня избивал, стали единым целым с моей кожей, ведь их им так и не удалось с меня снять. Теперь, рядом со мной, в полумраке, среди запекшейся крови, черного как смоль пота и остатков надежды был еще кто-то, точно также висевший, как и я сам, еле дыша и кашляя. Я слышал его, а он слышал меня. Моя история должна продолжиться именно здесь, в подвалах церкви у восточных ворот, через боль, пытки и признание своей вины, какой бы она не была. Вот только история творилась наверху, прямо надо мной. Там, за маленьким окошком, через которое должен был пробиваться днем солнечный свет, ну а ночью потоки мочи и других нечистот. Целый букет самых отвратительных запахов, которые я не мог ощущать, в виду того, что мой нос был сломан и заполнен кровью. Именно там, за моей спиной, прямо на улице, происходило самое важное, то без чего вся эта история так бы и не была раскрыта.

***

Свет нескольких факелов разорвал ночную мглу и заполнил мостовую лязганьем металла. Дворянин в блестящих доспехах, в окружении своей охраны, ускорял свой шаг, следуя прямо к восточным воротам. Скучающий стражник, зевая, потупил свой взгляд на идущую факельную процессию и удивленно поднял защищавший лицо шлем. Он сделал это, чтобы убедиться еще раз, не привиделось ли ему все это через защитную решетку. Испуганно вскочив и расталкивая таких же, как и он сам, протяжно зевавших стражников, бросился за двери сторожки, чтобы встречать дворянина в железных поблескивающих доспехах. Еще четверо стражников стояли у самых ворот, не обращая на пришедших никого внимания, все не переставая о чем-то спорить на повышенных тонах. Стража на крыше, пристройке возле городских ворот, состоявшая из десятка лучников, даже не обернулась на шум пришедших, все продолжая вглядываться в темноту за пределами городских владений.

— Вы обязаны нас пропустить! — скомандовал один из охранников в тяжелых доспехах, идущий самым первым позади дворянина. Он опустил руку на эфес своего меча и стал вглядываться через защитные решетки стражников, будто пытаясь разглядеть сквозь забрала шлемов их лица.

— Вы что, не поняли приказ!?! — охранник еще раз приказал, заставив стражников на восточных воротах еще больше нервничать.

— Кто бы вы ни были, но я не могу вас пропустить за городские стены! Там скопились нищие и бездомные, всякие проходимцы, да простые селяне! — начальник караула, наконец-то пришел в себя, только теперь осознав, что это была не проверка от коменданта или охрана самого герцога, владельца этого славного города. Пожалуй, кроме них двоих, никто не имел над ним власти в столь поздний час.

— Назовите себя? — начальник караула еще больше посмелел и сделал шаг вперед, давая жест остальному караулу приготовиться.

— Я поверенный самого герцога, рыцарь Франко де Барзани, прибыл с проверкой вашего поста на восточных воротах! — дворянин в плаще и блестящих доспехах говорил уверенно и властно, припираться с ним было совершенно бесполезно:

— Мне велено его высочеством покинуть город! За воротами сейчас находится много нуждающихся, и я непременно должен поговорить с ними от имени нашего герцога!

Начальника караула на мгновение начал медленно охватывать страх. Перед его глазами пронеслось все три года его безупречной выслуги, потом молодая жена, двое детей,

повышение и конечно, теперешняя похотливая любовница, еще вчера стоящая на коленях и удовлетворявшая все его низменные желания. Начальник сделал еще один шаг назад и прогнав нахлынувшие наваждения прочь, буркнул виновато себе под нос:

— Извините, проходите! Как вам будет угодно... — сделав растеряно паузу и не договорив до конца.

— Франко де Барзани! Запомните это имя, чтобы впредь, более не ошибаться! — помог вспомнить дворянин и наградив всех окружающих довольной улыбкой, последовал вперед к воротам. Остальные стражи ворот расступились с еще большей опаской глядя на странно скалящуюся охрану в тяжелых доспехах, все не убирающую рук с эфесов мечей.

— Поднять ворота! Дайте рыцарю и его охране покинуть город! — услышав приказ, лучники на верхнем этаже, над самой сторожкой, начали крутить механизм, заставив железные решетки прийти в движение. Со скрежетом и скрипом, ворота, закрытые на всю ночь, наконец-то распахнулись, давая возможность холодной ветру попасть внутрь города.

— Когда вернетесь назад скажите громко свое имя, и стражники откроют ворота! — начальник караула приподнял свой шлем, чтобы еще раз заглянуть в глаза дворянина, наполненные самодовольным безразличием ко всем вокруг. Факельная процессия ступила за городские стены в кромешную тьму, из которой теперь появлялись силуэты селян, спящих вдоль самой дороги. Грязные и уставшие, старые и молодые, с безнадежным отчаянием, все лежавшие на земле люди смотрели на появившихся господ, этой ночью покидающих Гротеск. Всех тех, кто добрался сюда, к самому западному городу великой Асторийской империи объединяло лишь одно чувство, этим чувством был голод. Они, сидя прямо в грязи, смотрели на рыцаря в блестящих доспехах, скорее с брезгливым безразличием, нежели с какой-то надеждой, ведь веры в свое спасение у них почти не осталось.

— Эй, начальник! Я вижу сигнал... — лучник указывал куда-то на северо-восток, теперь продолжая кричать еще громче:

— Наши разведчики зажгли сигнальный огонь! Враг совсем близко! Закрывайте ворота! Быстро! Подымайте тревогу! Никого не пускать!

Стража растерянно смотрела на кричащего дозорного, даже нищие, селяне и совсем случайно оказавшиеся голодные путники, от удивления выпучили свои глаза. Все с холодящим душу ужасом впитывали каждое его слово, понимая, что война совсем близко.

Франко прекрасно был осведомлен о том от чего же разведчики Гротеска подали сигнал именно сейчас. Только по этой причине он так спешил, и он успел. Раньше, еще днем, как только он покинул школу фехтования, находясь в скверном настроении, после разговора с мастером Серо. Франко наконец то получил новую сообщение от Ордена. Грязный мальчишка передал ему клочок бумаги, в котором было написано следующее:

«Ночью загорится сигнальный костер, вы должны открыть восточные ворота, чтобы Орден смог попасть в город. Помогите ему встретиться с герцогом Гротеска.»

Он жаждал этого момента как никто другой, Сольвани пропал неделю назад и скорее всего был уже мертв, ну а учителю Серо Франко хорошенько спутал карты. Старик отправил сорок лучших своих учеников вместе с последним караваном в столицу и теперь был абсолютно не опасен. Убить кого-то сам он не мог, в отличии Франко, для которого этот сигнал, поданный городским дозорным, стал призывом к решительным действиям.

Франко резким движением выхватил свой меч и ударил им с разворота, наотмашь, точным движением разрезав шею ближайшему из стоящих к нему стражников. Уклонился от замаха еще одного из защитников города и нырнув ему под руку, вонзил свой меч в живот.

Его хмурые охранники, чуть поспедали за ним, разя своих противников не так ловко и быстро, как он. Стражники сопротивлялись, кто-то из них уже тревогу. На его призыв отозвался звон колоколов, послуживший сигналом для всех кто был за пределами ворот бросится за спасением внутрь, во что бы это не стало. Стражники сопротивлялись, пытались копьями и алебардами преградить путь лавине из живой плоти, хлынувшей внутрь спасительных городских стен, но жажду жить, было так просто остановить. Первые несколько человек, ведомые толпой вперед, наскочили прямо на острые наконечники копий и истошно вопя повисли прямо на них, отчаянно махая своими руками из последних сил и боли. Толпа напирала и слева и справа, толкаясь и топча друг друга, уже через мгновение поглотив не многочисленную городскую стражу.

Франко, еще мгновение назад, бывший в первых рядах нападавших, куда-то исчез и чудом не попав под удары острых и длинных копий, появился уже позади стражи, орудуя мечом как мясник, рубя им сверху вниз. Его спутники прорубались к нему через несчастных, что пытались прорваться в город, чтобы спастись от не минуемой смерти застигнувшей их врасплох.

На верхнем этаже сторожки еще трое головорезов, все это время прятаясь во тьме и ждавших сигнала своего главаря, теперь прорубались с боем к воротам сверху. Старик Гарри ловко орудовал своим коротким мечом, находя бреши в доспехах стражи. Вико не был таким ловким и махая своим огромным мечом, просто сминал всей своей силой металл брони, ломая под ней кости и дробя своей тяжелой гардой черепа противников. И только молодой Чак, отчаянно пытавшийся напасть из-за могучей спины здоровяка, угодил прямо на меч одного из стражников и повалился на дощатый пол. Мясорубка продолжилась и на лестнице, стражник проткнул своим копьем старика Гарри, но Вико выждав момент перерубил это копьё своим мечом, а ударом ноги оглушил противника. Старик был снова на ногах, рана показалось ему не глубокой и он, переступая через поверженного Вико стражника, продолжил бой в уже сторожке, ловко уклоняясь от всех атак.

Колокольный звон и толпа несчастных бегущих в разные стороны, подалее от главной улицы, дали хороший задел по времени Франко и его головорезам. Двое его охранников были легко ранены, отделавшись лишь легкими порезами и ссадинами. Наконец-то из сторожки, весь в крови, появился здоровяк Вико, придерживая истекающего кровью старика Гарри за талию, Чака с ними уже не было, скорее всего, он был мертв.

— Франко, мы перерезали их всех до единого! — Вико тяжело дышал и оперев стонущего старика о каменную стену вытер кровь со своего лица, по-звериному ухмыльнувшись.

Франко скинул с головы капюшон, ничего не ответив своему головорезу и глядя на с десяток раненых и еще стонущих тел, приказал своим людям добивать выживших в этой ночной мясорубке. Еще последний стон не стих, как в заваленном трупами проеме городских ворот появились всадники в темно-зеленых плащах, в таких же, что был одет и сам Франко. Хмурые молчаливые лица, закалённые долгое войной; сухие, изрезанные ветром и долгим отсутствием изобилия пищи, фигуры. Энергетика самой смерти, исходившая от этого немногочисленного отряда, напрочь перекрывала всю самоуверенность и жестокость, которую проявили в бою Франко и его головорезы.

— Ворота открыты для новых хозяев города! — глаза Франко с восхищением глядели на каменные белые лица своих новых союзников, с которыми ему предстояло захватит это не покорный город. Вместо ответа вся группа подняла вверх руки и оголив свои запястья

показала вместо приветствия знак Ордена Воскрешения, две руки вокруг солнца, набитые в виде татуировки черной краской.

— Вы думаете, что так смогли выполнить наш уговор? Устроив эту мясорубку? Да сейчас сюда сбежится вся стража города! — женщина выехала на своей лошади вперед, ее изуродованные глубокими следами от топоров доспехи, были куда богаче украшены серебром и принадлежали какой-то из знатных особ Астории. Все солдаты Ордена были одеты в доспехи Астории, явно добытые в бою.

— В этой суматохе, вас никто не отличит от Асторийских солдат. Вы уже позаботились о своей маскировке заранее, — Франко развел своими руками в стороны, будто указывая на трупы, что лежали вокруг:

— Это безумие, охватившее всех этих глупцов вокруг, пришлось нам как нельзя кстати?! Вы так не находите?

— Я не нахожу их смерть смешной, так как делаете это вы?! Самодовольный глупец! — еще раз сказала она, подъехав на лошади еще ближе.

— Не нужно меня оскорблять. Вы же попали в город. Ваша провизия в надежном месте. Стража должна появиться с минуты на минуты, но не стоит о ней беспокоиться, комендант Трюдо на нашей стороне! — чувствуя опасность Франко отступил назад, в какой-то момент схватившись за полу плаща одного из своих охранников, пытаясь им прикрыться.

— Вы правы, сейчас кто угодно поверит, что мы прибыли из отступающей Асторийской армии, для большей правдоподобности, мне стоит всех вас убить?! — на лице черноволосой женщины, так и не появилось никаких эмоций.

— Стойте. Меня зовут Франко, по нашему уговору вы не можете меня убить... — Франко растворился прямо в воздухе, будто слившись с тенью от стены и через мгновение появившись на несколько метров дальше от того места, куда ударило копьё, брошенное женщиной, попытавшейся его убить.

— А ты не так прост? Ты еще сможешь нам пригодиться!? Я непременно найду тебя Франко... — она рассмеялась, наконец-таки улыбнувшись, и посмотрела прямо на охранников, снова поднявших свои мечи, в тщетной попытке защитить своего главаря.

— Всех убить во имя Империи! — закричала воительница, заставив свою лошадь встать на дыбы. В этот момент на главную улицу высыпало несколько десятков стражников, преграждая путь всадникам, так неожиданно появившимся в городе посреди ночи, полной хаоса и колокольного звона. Группа в темно-зеленых плащах быстро расправилась с охранной Франко и будто не замечая севшего на мостовую и истекающего кровью Гарри, набросились на здоровяка Вико.

Женщина пустила своих подручных вперед, а сама стала кричать на стражу в несколько рядов оцетинившуюся копьями и алебардами, направленными на нее.

— Я Маркиза де Тэрау, мне нужен комендант Трюдо! Быстро, я сказала! — стража не спешила слушать незнакомку, будь та хоть трижды дворянкой и подругой их коменданта, начальника всей городской стражи. Страх был велик, как и паника среди горожан, ночь и бесконечный колокольный звон, вызывавший к милости господ. Ничто не могло остановить движение оцетинившейся шеренги, идущей вперед во всю ширину улицы, кроме самого епископа, прекратившего оглушительный колокольный звон. Теперь повисшую тишину заполнили лязг мечей и крики горожан, с ужасом смотрящих из окон на кровавую картину у восточных ворот.

Вико весь в ранах упал на одно колено, опираясь только на свой огромный меч. Он был

весь в крови, как в своей, так и своих противников. Этот здоровяк, во тьме, при свете нескольких факелов на стенах, стал первым кого увидели горожане, признавшие в нем разведчика Ордена. Кровавое исчадие ада, низвергнутое самой преисподней, зарубившее всех защитников города вокруг. Он улыбнулся своей гнилой беззубой улыбкой и попытавшись последний раз атаковать, был сражен ударом булавы, прямо по своему мясистому лицу, одним из отряда темно-зеленых плащей, откуда-то сбоку.

В этот момент стража расступалась, пропуская вперед рыцарей в красных доспехах и самого епископа, идущего вслед за ними. Они устрашающе держали свои огромные мечи, готовые отдать свои жизни, за его святейшество епископа.

— Какая трагедия, господь всемогущий! — начал было молиться, крестясь епископ, расталкивая своих рыцарей защитников, чтобы поближе взглянуть на побоище.

— Ваше высочество?! Я Маркиза де Тэрау! — женщина спрыгнула со своей лошади и поклонилась епископу встав перед ним одно колено, весь темно-зеленый отряд последовал ее же примеру.

— Мы с отрядом разведчиков прибыли с донесением для самого герцога! — епископ будто бы не слышал то, о чем она говорила и больше был поглощён рассматриванием убитых стражников, а также прорвавшихся и теперь висевших на копьях совсем худых бродяг, и нищих.

— Его святейшество! — поправил епископ говорившую женщину и сложив руки за своей спиной улыбнулся, увидев, что старик, возле сторожки городской стражи, зашевелился и попытался подняться на ноги.

— Так как вы говорите, вас зовут?

— Маркиза де Тэрау... — женщина в смущении подняла свою голову, на мгновение подумав, что ее раскрыли.

— Ну что вы, дитя, вставайте же с колен, — епископ подошел к ней ее ближе, все время, не отводя взгляда от старика, теперь притаившегося за трупами.

— Я? — в ее голубые бездонные глаза, на мгновение закрался страх, приятный овал лица, без единой морщинки, оставался абсолютно каменным, но пухлые розовые губы задрожали.

— Все мы дети божие, — епископ положил руку ей на плечо, а сам скомандовал своим рыцарям и остальной страже:

— Брать живьем!

Его голос был таким громким, что женщина даже захотела встать, но оказавшееся крепкой, хватка епископа не дала ей этого сделать, ее же товарищи в темно-зеленых плащах, глядя на свою предводительницу даже не шелохнулись.

— Ну что вы, мое дитя, не надо, стражники все сделают сами! — успокоил женщину епископ и предложив ей свою руку аккуратно подняв с земли, глядя в ее, на мгновение, испугавшееся голубые глаза.

— Вы, наверное, очень устали? Я думаю, что его высочеству герцогу, сейчас хватает других забот, а я непременно готов слушать всю ночь, о ходе нашей победоносной войны до самого утра.

— Ваше святейшество! — за ее спиной рыцари уже скрутили старика Гарри и потащили его по улице в сторону храма. Остальная стража осторожно переворачивала трупы, ища среди них других раненых. Вот уже подъехала повозка и люди начали грузить мертвые тела прямо на нее, освобождая ворота, чтобы потом их закрыть. Новые лучники сбрасывали тела

своих товарищей вниз и занимали их места, глядя как далеко-далеко за полоской леса догорает сигнальный огонь. Горожане постепенно сбегались посмотреть на то что случилось у восточных ворот. Кто-то плакал, кто-то кричал от ужаса, толпа зевак становилась все больше и больше. Епископ вел свою спутницу за руку, изредка озираясь, наблюдая как группа в темно-зеленых плащах, взяв лошадей под уздцы, последовала за своей госпожой.

— Как же хорошо, что хоть кто из нападавших остался жив, нам непременно нужно будет его допросить! Слава богу ваш неожиданный приезд, помог справиться нашей глупой страже с этими проклятыми лазутчиками Ордена, будь он не ладен!

— Мы зажги сигнальный костер, враг уже очень близко! Мне непременно нужно попасть к герцогу! — женщина остановилась, изображая на своем юном, будто вытесанном из белого камня, лице нужду.

— Ну что вы так переживаете. Я же сказал, что герцог сейчас очень занят. Я обо всем, что вас сейчас гложет, вы можете рассказать мне! Кто как не наместник нашего бога на этой брэнной земле, не сможет помочь Маркизе... — епископ снова улыбнулся, переведя взгляд на своих рыцарей и дав им жестом понять, что они больше не нужны.

— Ваши рыцари могут последовать вслед за моей охранной, думаю вы понимаете, что лишние уши нам сейчас не нужны!? — епископ наблюдал за тем, как эта, совсем еще молодая женщина отдает своим подчинённым приказы, и заинтересовался их броней. Ведь абсолютно все доспехи были будто изрублены топором, каким-то чудом не задевшим и не убившим тех, кто носил теперь их. Маркиза будто перехватила взгляд епископа и тихо проговорила:

— На самом деле все очень плохо... — продолжив еще тише:

«— Гораздо хуже, чем вам доносят ваши шпионы!»

— Давайте лучше уйдем с улицы... — епископ хмуро посмотрел прямо в глаза Маркизе, толкнув дверь храма перед собой, продолжив:

— Лучше расскажите мне откуда вы знаете нашего коменданта Трюдо?

Толпа зевак медленно расходилась, стража оттеснила ее подальше от сторожки и восточных ворот. Лучники продолжали складывать тела на телеги и наконец-то освободив ворота, закрыли их. Народ расходился, страх и сомнения начал закрадываться в их сердца, деля место наедине с верой и голодом.

Франко выглянул из темной подворотни, провожая взглядом женщину и епископа, мысленно ненавидя себя за то, что именно он устроил всю это кровавую мясорубку. Хотя, пытаться подкупать стражу было бы гораздо рискованнее, но теперь Орден был в гостях у самого епископа, что тоже те было его заслугой. Они не смогли добраться до герцога, так доберутся теперь до самого епископа. Его смерть посеет гораздо большую смуту в городе. Франко ухмыляясь сплюнул себе под ноги.

— Надеюсь старик умрет быстро?! — сказал он куда-то в пустоту и накинув капюшон растворился во тьме.

Маркиза.

Мой дорогой читатель мы обязательно вернем к Ладу, висящему на цепях в одной из камер где-то под храмом. А пока продолжим с того же места, на котором остановились в прошлой главе.

Внутри храма было просторно. Несколько десятков деревянных скамеек стояли ровными рядами в зале, который заканчивался огромных размеров алтарем, на котором сияло солнце, все из сусального золота. Символ веры, большой позолоченный круг с разной длины лучами, тянувшимися во все стороны, обозначал солнце, светившее каждый день. Свет отражался от поверхности символа и казалось слепил глаза вошедшим в храм людям. Сотни свечей стояли по обоим сторонам тянувшихся вдоль стен парапетов, что придавало внутреннему убранству храма еще больше таинственности.

Епископ перекрестился при виде символа веры и сложив свои руки вместе поклонился золотой святыне. От его глаз не ускользнуло удивление, появившееся на лице женщины называющей себя Маркизой, будто бы она никогда до этого не вида того богатства, которым обладала церковь в больших городах. Стулья у алтаря, стенка у молитвенника и даже вся утварь, стоявшая на столах, были золотыми. Также двенадцать колон, которые держали на себе всю нагрузку высоких потолков церкви также были украшены золотыми кольцами, находившиеся на уровне глаз пришедших.

— Вы я вижу очень удивлены? Неужели вам не удавалось до этого бывать в церквях нашей столицы. Они куда богаче мой скромной обители, фрески столичных храмов расписаны золотом. У меня же пока хватает времени запечатлеть на стенах под самым небосводом храма события минувших дней. Эх! — расстроился епископ, поправляя свою коричневую рясу прошитую золотой ниткой.

— Извините. — Маркиза отвела свои глаза от золотой святыни.

— Ну что вы не извиняйтесь. Мне очень приятно что мое скромное жилище смогло вас удивить. Здесь храм для разговоров с богом. Поэтому прошу следовать за мной в место более уединённое. — епископ указал ей на дверь справа ведущую куда-то ниже уровня, на котором они сейчас находились. Между пришедшими и дверью были перила, которые пришлось обойти, пройдя через весь храм до самого алтаря. Здесь епископ снова перекрестился и поклонившись святыне последовал дальше, вдоль перил, ведя свою спутницу за собой.

— Так откуда вы приехали? Нет не так. Где же вы родились, раз до этого не бывали в таком храме?

— Я родилась в небольшой деревушке, в Реймсе. — сухо ответила маркиза не переставая пожирать глазами все богатства вокруг.

— Это, наверное, где-то очень далеко на северо-востоке.

— Вы правы, наши земли еще называют землями морозной вечности.

— Мне бывать там никогда не приходилось. Идемте, чего же вы остановились — женщина не ответила на сделанное епископом замечание и проследовала молча за ним.

За дверью был длинный коридор, тускло освещенный факелами, несколько десятков ступеней вели куда-то вниз. Пройдя этот путь молча, они повернули направо и оказались посреди большой комнаты с несколькими столами и скамейками возле них, это была обедня при церкви. В этой комнаты было четверо дверей, кроме той из которой они вошли, куда же вели остальные было пока не известно.

— Я думаю, что уже слишком поздно для ужина. Но я надеюсь вы не откажете мне в

возможности вас накормить, дорогая Маркиза? — епископ остановился и повернувшись заулыбался. От его широкой улыбки морщинки, до этого не так заметные на его лице разрезали весь его лоб причудливыми бороздками.

— Вы правы. Хороший ужин будет как нельзя кстати. — Маркиза остановилась и сняла свой тяжелый шлем и положила его на один из столов.

— Очень хорошо. — епископ взял, ранее не замеченный, все это время, лежавший на столе маленький колокольчик и позвонил в него. Из самой дальней от вошедших двери появился священник в черной рясе и поклонившись епископу и его спутнице спросил:

— Ваше святейшество желает ужинать?

— Да. Принеси чего ни будь, но сильно не скупись. У нас очень важные гости. Думаю, непременно стоит накормить и ваших спутников. Они сейчас с рыцарями в другой обедне, где-то под нами.

— Как вам будет угодно. — священник поклонился и снова исчез за деревянной дверью, оставив Маркизу и епископа наедине.

— Ну что же, давайте перейдем к делу... — епископ устало зевнул и сел на одну из скамей предлагая жестом последовать его примеру, продолжив:

— К делу, по которому вы приехали к герцогу. Ведь у нас с его высочеством мэром славного города Гротеск нет никаких секретов, и вы непременно можете все рассказать мне.

В этот момент в каменной комнате повисло гробовое молчание, с каждой секундой все больше давящее своей тяжестью на плечи двоих оставшихся за столом.

— Мы... — Маркиза отвела свои глаза в сторону от пронзительного, будто видящего ее насквозь взгляда епископа.

— Мы несем огромные потери, Асторийский легион почти полностью уничтожен. Наши войска завтра на рассвете пребудут в город, чтобы держать оборону за его стенами.

— Но позвольте... Я знаю из первых уст, что войска Ордена разбиты и рассеяны в лесах далеко отсюда на севере. Я знаю, что они не представляют угрозы для города. Их войско разбито.

— Ваши разведчики вам нагло врут! — лицо Маркизы изменилось, она хищно глянула на епископа, не веря не единому его слову.

— Орден силен как никогда. Провизии нет, наши воины голодают, все время отступают, неся тяжелые потери в ночных стычках с врагом. — она с фанатичной уверенностью повторяла каждое слово веря на самом деле в то что она говорит.

— Какой ужас! — воскликнул епископ, тревожно посмотрев еще раз прямо в лицо Маркизе и отведя глаза в сторону продолжил:

— Я совершенно сбит с толку! Как же так, этого просто не может быть! Четыре дня назад я узнал о нашей крупной победе. Безусловно наш край испытывает некоторые трудности. Количество грабежей на дорогах участилось, селяне убегают из своих деревень стремясь попасть в город. Но это все разрозненные маленькие группы Орденских прихвостней, а не регулярная армия. Они ничего не могут сделать нашему не приступному городу!

— Может быть и так, но эту войну мы проиграли.

Епископ был очень встревожен и растерян после всего сказанного этой женщиной. Он был абсолютно уверен в том, что она не коим образом ему не врет, веря в каждое сказанное свое слово. Но его разведчики тоже не могли ему врать, им просто не было никакого смысла это делать. Мысли смешались в какую-то непонятную субстанцию в голове епископа, и он

чуть смог успокоиться и не поддастся нахлынувшей на него панике. Разрядить обстановку помогли монахи, принесшие к столу, приятно пахнувшее мясо, кашу и хлеб. Также на столе появился кувшин с вином, несколько кружек и красные ягоды барбариса, которых было огромное множество в здешних лесах. Епископ подождал, когда монахи снова исчезнут за одной из дверей и продолжил, затворнически, почти шёпотом:

— Ладно, давайте лучше поедим, а то от ваших новостей у меня голова кругом идет. Кто бы мог подумать, что все изменится за эти четыре дня. Господь храни нас всех. — на последнюю реплику Маркиза ничего не ответила и принялась жадно есть, она так истосковалась за этот долгий поход по домашней еде и вину.

— Об этом непременно нужно доложить герцогу, вы правы, как же вы правы! — епископ налил себе немного вина в кружку и осушил ее за один глоток.

— Теперь вы меня понимаете? — Маркиза подняла свою голову и снова хищно посмотрела на своего собеседника, будто бы она была равной ему по статусу.

— Да, конечно! Я непременно пошлю слугу с донесением к его величеству. Герцог непременно будет искать с вами встречи, но уже утром, конечно. А пока, что же нам делать? — последнее епископом сказал не Маркизе, а самому себе просто сделал это, вслух не заметив и задумавшись.

— Так сколько вас прибудет в город? Нужно будет вас всех где-то разместить, да и не мешало бы начать готовиться к обороне прямо сейчас. Я так понимаю?!

— Тысяча триста девяносто четыре солдата, но это вместе с ранеными... — сказала сквозь зубы Маркиза продолжая жевать мясо.

— По моим скромным знаниям в ратном деле это довольно большая армия, не ужели вы бессильны против Ордена? Я все еще не могу поверить...

— На нас нападают посреди ночи, убивают дозорных и потом убивают спящими солдат перерезая им горло. У нас уже почти вошло в привычку спать днем, так гораздо больше шансов чтобы выжить ночью.

Епископ все пытался уловить в голосе говорившей хоть не большую нотку фальши, но у него так это и не получилось. За долгие годы служения в церкви он научился безошибочно узнавать, когда человек ему врет, а когда нет. Поэтому решив для себя что разговоры с Маркизой больше ничего ему не принесут, он снова позвонил в колокольчик. Шепнув на ухо несколько фраз на латыни своему помощнику, епископ остался доволен наблюдая за реакцией Маркизы, совершенно не понявшей ни единого слова сказано слуге.

— Ну что же герцог скоро обо всем узнает, ну а нас с вами ждет допрос. Нужно непременно допросить единственного оставшегося в живых, того старика. Он явно много сможет нам рассказать о планах Ордена...

— М-м-м-м... — Маркиза хотела было что-то сказать, но передумала, прервав своим мычанием епископа.

— Его сейчас приведут, он ранен, но хвала нашему господу не смертельно.

Епископ и Маркиза только закончили свою трапезу, как ближняя из четырех дверей отворилась и из нее появились двое рыцарей в красных доспехах, которых Маркиза уже видела ранее, ведущих тощего старика в кандалах. Он выглядел как иссохший труп, седой и одноглазый, с усами, перепачканными в запекшейся крови, одетый в одежду превратившуюся, толи после пыток, толи после прошедшего ранее у ворот боя в сущие лохмотья. Единственное что мог вызывать у присутствующих этот оборванец, так это отвращение, он явно не мог быть разведчиком Ордена. Да и если хоть на мгновение

задуматься и признать, что армия противника была сплошь из таких вот оборванцев, то мысль о не минуемом поражении могла вызывать толь растерянность и стыд. Епископ налил еще вина в кружку и приказал рыцарям снять кандалы с заключенного, который в теперешнем своем виде вряд ли мог представлять какую-то угрозу. Выполнив приказ, рыцари молча удалились из комнаты оставив мнущегося с ноги на ногу молчаливого старика наедине с Маркизой и епископом.

— Ну что же стоите, подходите к столу вкусите с нами пищу? Я же вижу вы устали и очень напуганы. Поверьте, теперь вам ничего не угрожает. — епископ спокойно говорил каждое слово следя за реакцией старика, видя, что тот с большой опаской смотрит на Маркизу нежели на него самого.

— Смелее, еда не отравлена я вам обещаю. — епископ даже встал, предлагая жестом присоединиться к столу.

Старик осторожно сделал шаг, а за ним еще один все продолжая со страхом глядеть на Маркизу. Наконец добравшись прихрамывая до скамьи, он сел ближе к епископу держась за рану на боку, из которой снова засочилась тонкой струйкой кровь.

— Вас даже не перевязали, мой друг я прикажу наказать своих слуг за это!

— Не надо. — сухо ответил старик, продолжая с опаской глядеть на продолжавшую молча сидеть Маркизу.

— Как вас зовут? — епископ пододвинул кружку наполненную вином ближе к старику и принялся нарезать ножом мясо, перекладывая его куски на тарелку с общего блюда.

— Гарри. — выпалил старик после того как жадно глотая вино осушил целую его кружку и ударил ей о стол.

— Хорошее, не точно наше пойло. — со знанием дела сказал о вине одноглазый и принялся за приятно пахнувшее мясо.

Маркиза с ненавистью глядела на старика, в отличии от епископа, пододвигавшего все новые тарелки с едой к заключённому еще несколько мгновений трясущемуся от страха. Выпив еще кружку и в конец осмелев, он принялся за остальные блюда. Так наевшись мяса и даже не притронувшись к каше, Гарри зачерпнул грязной рукой горсть ягод барбариса и принялся их есть сплевывая косточки прямо под стол. От столь неслыханной наглости Маркиза даже привстала из-за стола, но епископ усадил ее на место, начав свой допрос:

— Ты знаешь Гарри почему ты здесь?

— Конечно. Мы с парнями убили два десятка стражников.

— Господь всемогущий. Вы так спокойно это говорите?

— А что теперь с того? Они все мертвы, как и мои друзья! — он зло посмотрел своим единственным глазом прищурившись и сделав еще один глоток из кружки с вином.

— Я тоже очень скоро отправлюсь вслед за ними, вот хоть наемся да напьюсь вдоволь. — одноглазый громко отрыгнул и продолжил поглощать нарезанное кусками мясо, перепачкавшись весь в капающем жиру.

— Скажи мне, ты из Ордена? — епископ аккуратно подбирая слова.

— Нет конечно! Нас наняли только для нападения на гарнизон. Разовое дельце.

— Кто нанял, сколько вас? — епископ даже разозлился, слушая как легко обо всем говорит этот старик.

— Умерший Вико меня бы не простил бы, если я вам все так легко расскажу! — он опять со злобой глянул на все это время молчавшую Маркизу.

— А кто такой этот Вико?

— А вы лучше у нее спросите? Она вам точно ответит и про Орден, и про все остальное! — Маркиза рванула было через стол чтобы заткнуть это наглое самодовольного старика, но епископ не дал ей сделать задуманное остановив, чем только рассмешил одноглазого.

— Хватит, остановитесь, держите себя в руках! — сказал, как можно строже епископ.

— Я не собираю слушать бредни этого проходимца, возможно он всего лишь один из несчастных что пытались во время нападения попасть в город.

— Поверьте мне это не так! — епископ схватил старика за руку и обнажив его запястье показал Маркизе татуировку в виде большой буквы С. Одноглазый попытался вырваться, но так и не смог, сил у него для этого явно уже не хватало, да и рана снова раскрылась, заставив его скорчить гримасу от боли.

— И что это значит? — с презрением спросила Маркиза.

— Он местный, попал скорее всего в рабство за долги. Один из людей Сольвани. — епископ отпустил руку старика и продолжил, чтобы у Маркизы не осталось больше вопросов:

— Сольвани это один из местных подонков, живущих в северной части нашего города, возомнивший себя главой банды, которая там всем заправляет. Уж будьте уверены, я непременно положу этому конец, ведь мое терпение не безгранично!

Гарри испуганно встал из-за стола и начал пятиться назад, понимая всем своим нутром, что епископ узнал все что хотел и все сказанное им было тоже чистой правдой.

— Ну что же вы медлите Маркиза? Да убейте ж вы его наконец! — епископ рассерженно оперся на руку и отвернувшись от старика стал наливать себе в кружку вино.

Маркиза запрыгнула на стол и уже оттуда, выхватив свой меч взмахнула им перерезав одноглазому Гарри шею. Он сделал еще несколько шагов назад и только потом упал, все еще не понимая, что же сейчас произошло.

— Уберите его отсюда! — епископ тряс что есть сил колокольчиком и жадно пил вино. Маркиза вытерла кончик своего меча от крови об штаны бьющегося в конвульсиях старика и обратно села за стол. Монахи потянули истекающее кровью тело за дверь, а еще несколько слух принялись вытирать тряпками пятна крови. Через несколько минут епископ и Маркиза снова остались наедине, теперь они молча пили вино, сидя рядом.

— Сольвани, вот же мерзкий ублюдок! Да простит мне господь эти слова под стенами храма. Он довольно давно проворачивает свои дела прямо за спиной городской стражи, но, чтобы пойти на сговор с Орденом Воскрешения? Зачем им нужно было нападать на сторожку этой ночью, чтобы впустить кого-то в город? Или может они уже в городе, готовятся прямо сейчас? Эта история с хлебом Ордена, мне все не давала покоя, потом эти шпионы, теперь вот нападение? — епископ сделал несколько жадных глотков вина и все никак не мог успокоиться.

— Почему вы решили именно сегодня ночью явиться к восточным воротам? — в этот момент в одну из дверей постучали, и епископ сразу замолчал.

— Входите!

На пороге появился один из его монахов и поклонившись епископу и его госте подошел к столу в нерешительности можно ли говорить при Маркизе.

— Ну что там, не молчи, при ней говорить можно!?

— Кроме старика нам удалось схватить еще одного из шпионов Ордена, он поджог склады в трущобах, что в северной части города. Теперь он в подвале, но мы его еще не

допрашивали. Стража его хорошенько избил, прежде чем привела к нам. Он замотан в какие-то черные бинты, которые не оторвать от тела... — епископ жестом руки приказал прекратить говорить своему слуге.

— Ты сегодня чересчур многословен. Чего встал, веди давай своего шпиона, посмотрим на него! — услышав приказ монах поклонился и побежал выполнять поручение исчезнув за одной из дверей.

— Давайте в этот раз я буду вести допрос сама! — Маркиза была очень напряжена и явно отчего то нервничала, это не могло не ускользнуть от внимательного взгляда епископа, принявшегося наливать вино своей собеседницу в кружку.

— Как пожелаете... — безразлично бросил в ответ на ее слова епископ, погружившись полностью в свои собственные мысли. Его все не покидали сомнения в том, что эта женщина выдает себя за другую. Да, она не врала ему не разу сегодня говоря о потерях в армии и нападениях на своих солдат. Но она не разу не говорила об Империи и других дворянах, всегда отвечала так что и не разобрать о какой армии шла речь. Может стоило спросить ее на прямую о том не из Ордена ли она. Епископ решил для самого себя, что, если допрос этого шпиона ничего не даст, так и сделать. Интуиция его еще не разу не подводила, эти изуродованные доспехи, удивление богатству в храме, она даже не разу не помолилась при нем, и эта попытка убить старика раньше времени. Нет, что-то в этой женщине было слишком много странностей. Если все сказанное Маркизой всё-таки окажется правдой, то город ждет неминуемый голод, который можно использовать в целях привлечения новых верующих, готовых за кусок хлеба отдать все что угодно чтобы продлить свою жалкую никчёмную жизнь.

Пока епископ продолжал себя мучить сомнениями и планами на будущее я все также продолжал висеть в кандалах в подвале ожидая своего допроса.

Темница церкви.

— Ты так и будешь продолжать здесь висеть, безмозглый дурак? — женский голос в моей голове заставил меня застонать от боли, которую излучало все мое тело.

— Я скоро собьюсь со счета твоих глупостей и окончательно выйду из себя, то есть тебя! Ты меня совершенно не слушаешься, а я между прочим хочу тебе помочь? — голос в

моей голове все продолжал говорить, доставляя мне просто не выносимую боль.

— Один, два, три, четыре... — она смеясь принялась считать цифры, которым просто не было конца.

— Да заткнись ты! — я закричал что есть сил, только теперь придя наконец в себя. Вокруг была кромешная тьма, я висел на цепях в темнице, смиренно ожидая своего часа. Я вспомнил про поджог, поймавшую меня охрану, осознавая, что меня ждали еще большая боль и пытки.

— Если ты думаешь, что я заткнусь, то ты ошибаешься! Я буду продолжать считать до тех пор, пока до тебя наконец-таки не дойдет, что нам нужно отсюда выбираться.

— Двенадцать, тринадцать...

— Хватит, замолчи! Да что я могу сделать? — я умолял ее не продолжать, но она меня не слушалась.

— Так, а с чего мне тебя слушаться, ты же меня не слушаешься, вот и я тоже не буду? Раньше ты был куда смысленнее.

— Помолчи прошу, я что ни будь придумаю — взмолился я пытаюсь осознать все отчаяние сложившейся ситуации. Я висел на цепях в полной темноте, рядом со мной никого не было, но я готов был поклясться, что до этого к камере вместе со мной был кто-то еще.

— Был, был, не сомневайся! Этот тот одноглазый старик, что охранял амбар, который вы вместе с Салли подожгли.

— Откуда ты это знаешь? — спросил я, шепотом прислушиваясь не ли за дверями камеры кого ни будь из охранников.

— Все просто. Ты потерял сознание, а я-то все это время наблюдала за происходящим. Здесь висел тот самый старик, из амбара. Охрана увела его, скорее всего на допрос. Поэтому давай выбирайся из кандалов и уходим отсюда назад в школу.

— Но я не могу?

— Не может он? Да все ты можешь, хватит мне заливать. Я лучше знаю на что ты способен!

— Ну так подскажи мне, а то в голову ничего не приходит? — я не заметил, как совершенно позабыл о боли и начал ругаться с голосом в своей голове.

— Ты же у нас умнее всех, ты же у нас все знаешь!

— Ну наконец то до тебя дошло. Так что давай, снимай кандалы и пошли отсюда — в этот раз она была со мной согласна.

— Да что ж с тобой не так? Не могу я, понимаешь, не могу? Да что ты вообще такое? Все это какое-то безумие! Проклятый морок! А-а-а-а! — я снова кричал что есть сил и стал извиваться змеей, пытаюсь вырваться из державших меня кандалов:

— Да убейте вы меня кто ни будь, убейте!!! Я больше так не могу!!!

— Заткнись! Скоро придет и твоя очередь. — грубый голос за дверями принадлежал охраннику, все это время молчаливо стоявшему и слушавшему мою перепалку с самим собой.

— Сам заткнись! — неожиданно для самого себя я сказал эти слова вслух, не представляя, что этим мог еще больше ухудшить и без того патовую ситуацию, в которой я теперь находился.

— Что сказал, гаденьш?

— То, что слышал, придурок! — мои слабоумию и отваге не было придела, не ужели я и в самом деле так жаждал скорейшей смерти.

— Молодец, давай! Делай все еще хуже! Это у тебя лучше всего получается! А я же послушала тебя, жалко мне тебя дурака стало. Молился он, божился. Спасите, помогите! — женский голос продолжил истерику в моей голове.

Стражник несколько раз провернул ключ в замке и сняв один из факелов со стены вошел в камеру.

— Ну что змееныш, как думаешь двух ударов тебе будет достаточно или лучше трех? — здоровяк ухмыльнулся своими редкими зубами и что есть силы ударил меня прямо в живот.

— Это тебе за не послушание, а это за придурка! — второй удар у него сделать уже не получилось, я ногами обхватил его шею и начал что было сил душить. Он рычал и сопротивлялся, уронив факел на каменный пол, ну а я, крича от боли по всему телу продолжал его душить, получая от него удары по спине.

— Давай малыш, у тебя все получится! Ты оказывается не так прост! — женский голос подбадривал меня, как мне казалось делая еще только хуже. Удары здоровяка становились все слабее и слабее, пока он наконец совсем не престал сопротивляться и не повалился на пол, наконец окончательно не испустив свой дух.

— Ну вот можешь же, когда хочешь! А то заладил он. Не могу, не могу!

— Замолчи! Мы все также висим на цепях и ничего я так и не сделал! Ключи то на полу теперь лежат, и я их точно не достану! — я отчаянно говорил эти слова куда-то в пустоту перед собой понимая, вот теперь это точно конец.

— За то я могу их достать.

— Как? — я удивленно выдохнул не понимая, о чем она говорит.

— Ну ты должен меня попросить, как тогда. Помнишь, когда ты стоял на каменном валу, возле самой воды и умолял меня помочь тебе. Ну помнишь, ты еще рыдал как девчонка! Просто попроси...

— Пожалуйста подыми ключи с пола!

— Не так, не убедил. Умоляй меня. В мольбах одного пожалуйста будет слишком мало.

— Хватит... — я с ненавистью сказал это слово и замолчал, обдумывая стоит ли продолжать это бессмысленный разговор.

— Ну просто попробуй, пожалуйста. Ты же можешь! — кажется она продолжала издеваться надо мной, но я всё-таки решил попробовать.

— Умоляю, прошу, помоги мне. По-жа-луйста! — протяжно с надрывом выдавил из себя я, в какой-то момент на самом деле поверив, что она сможет мне помочь. В ответ на мольбы она разразилась громким смехом:

— Ты что на самом деле подумал, что я смогу поднять ключи, и открыть кандалы? Вот же дурень!

Она продолжала смеяться что есть сил, низвергнув все мое самообладание в пучину отчаяния. Теперь я еще больше стал извиваться змей на цепях, не веря, нет не желая верить, что я останусь тут висеть и ожидать, когда же за мной придут. Я пытался вырваться словно загнанный на охоте зверь, не чувствовавший боли, готовый переломать себе кисти, чтобы только вырваться из державших меня цепей. Она резко перестала смеяться, прочитав каждую мою мысль, наполненную безумным отчаянием, охватившим меня.

— Вот теперь ты понимаешь, что же я чувствую, когда ты меня не слушаешься! Я также, как и ты скованна цепями твоих желаний и ничего не могу с тобой поделать!

После сказанных ей слов я перестал трепыхаться, без сил повиснув на цепях. Факел медленно догорал на каменном полу возле тела мертвого охранника, которого я мог видеть

через щель почти полностью заплывшего левого глаза, второй же уже не мог видеть ничего. Что-то фиолетовое и прозрачное, будто какая-то дымка материализовалось в руку и подняла ключи с пола. Аккуратно подняв их на уровень моих глаз, фиолетовая прозрачная рука затрясла ключами, снова дразня меня.

— Ну так что, будешь слушаться меня или нет? — она сказала эти слова уже без всякой насмешки.

— Буду. — недовольно ответил я еще до конца не понимая. Толи — это наваждение, толи и вправду из меня выросла фиолетовая прозрачная рука и подняла ключи с пола. Замок на моих сандалях два раза щёлкнул, и я упал, снова напомнив всем моим мышцам, как же это больно быть простым человеком. Боль пульсировала по всему моему телу, и я практически не чувствовал своих ног. Также моя шея просто пылала огнем, будто бы от ожогов, не понятно откуда появившихся. Она услышала мои мысли и сразу же ответила мне на них:

— Это от того медальона, в виде креста, что тебе дал учитель. Не знаю знал ли он это или нет. Но стоило мне начать с тобой разговаривать, как медальон стал нагреваться, оставив на твоей шее ожоги. Хорошо хоть стражники с тебя его сняли. Больше я ничего про это не знаю. Фиолетовая рука стала уменьшаться, превратившись в полоску прозрачной ткани исчезнув где-то у меня за спиной.

— Да что ты такое? — тяжело дыша в попытках подняться на ноги спросил я, ища стену, чтобы на нее опереться. Мне становилось очень холодно, хорошо хоть ноги начали слушаться. Кое как поднявшись, прижимаясь к каменной стене, я, глядя на кучу черных бинтов на полу, понял, что теперь был полностью голым.

— Ну же, чего же ты теперь молчишь? Что ты такое?

— Думаю, как тебе ответить? Давай так... Вы люди называете это силой. Силой воли если быть точной. Это последнее на что вы можете наедятся. Кто-то в большей, кто-то в меньшей степени. Твой случай, мой милый мальчик, священники называют одержимостью, даже печатью демона. Не суть. Надеюсь тебе понятно? Можешь называть меня просто — Воля.

— Ты хочешь сказать ты живешь не только во мне?

— Живешь? Ну ты тоже скажешь... Я существую, пока существуешь ты, мой мальчик. Пока существует твое желание жить, существую и я, твоя Воля!

— Так если я умру, то и ты исчезнешь. Перестанешь существовать! — меня начало трясти от холода, каменный пол начинал казаться мне просто ледяным.

— Ну пусть и так. Неужели я не могу не много покапризничать, я же всё-таки женщина? — она снова рассмеялась.

— Ты так могла меня убить?! — я медленно начал водить своими руками по телу пытаюсь согреться.

— Но не убила же? Давай лучше выбираться отсюда, пока сюда не пришел еще кто-нибудь из охраны. Тебе стоило бы одеться, хотя твое юное хорошо натренированное тело мне очень нравится! — она снова смеялась, сказав последнее слово и даже чмокнула губами будто поцеловала меня.

Я поднял с пола факел и вышел в коридор из камеры, начав весь дрожать от холода. Я почти ничего не видел своим единственным смотрящим глазом и держась за стену пошел по коридору, чувствуя легкое дуновение теплого ветра. С каждым своим шагом я ощущал, что вокруг становится все теплее и теплее. Растрепав свои волосы, в которых запеклась кровь, рукой и наконец сбросив с головы остатки черных бинтов, я почувствовал своим разбитым

лицом горячий поток воздуха, исходящий от двери, которой заканчивался коридор. Мой чуткий слух уловил, еле различимые звуки женского голоса, нет скорее даже шепота. Этот голос не принадлежал Воле в моей голове, да и язык говорившей мне был совершенно не знаком, возможно она просто молилась.

— Ты же не собираешься проверять, кто же за этой дверью, правда, Лад? — Воля была не довольна моим решением непременно открыть дверь, благо связка ключей, добытая у мертвого охранника, была все еще при мне.

— А ты что, опять против? — я стал подбирать ключи в замочную скважину.

— Я не меньше твоего хочу отсюда поскорее выбраться. Так что давай не будем никого спасать и просто уйдем отсюда. Я прекрасно помню путь, по которому тебя несли, и подскажу где же ты сможешь найти одежду...

Я больше ее не слушал, мои руки наконец то подобрали нужный ключ и дверь, немного скрипнув, поддавалась вперед. Жар ударил прямо мне в лицо, заставив даже отступить на шаг. Женский шепот прекратился, передо мной была только тьма камеры. Я выставил руку с факелом вперед осветив наконец силуэт, висевший безмятежно на цепях в полумраке.

Страшная картина открылась моему взору, заставив оцепенеть от ужаса. Женское тело без рук и ног, распятое цепями, торчащими из тех мест где, были до этого ее конечности, висело посреди камеры. Я чувствовал, она была еще жива, жар исходил именно от ее тела, нагревая все вокруг, даже стены и пол, ступив на который, я понял, что долго на нем не простою. Желтые, с зеленым оттенком зрачков, кошачьи глаза, смотрели на меня с ненавистью и болью. Абсолютно лысая голова, широкий круглый лоб, незримые брови без волос, переходящие тонкой линией переносицы, которая заканчивалась на ее опухших губах. Вся ее кожа была полностью черной будто покрыта смолой, мой взгляд задержался на небольшой вздрагивающей при ее дыхании груди, оцетинившейся на меня парой острых коричневых сосков. Она оскалилась на меня двумя рядами белых клыков и что-то прокричала на совершенно не понятном мне языке.

— Если ты хочешь, я могу тебе сказать, что же она у тебя сейчас попросила? — Воля в моей голове была полностью серьезной, она не шутила в этот раз, говоря эти слова уверенно. Наверное, она была шокирована не меньше моего.

— И что же она мне сказала? — я переминался с ноги на ногу чувствуя, как жар исходящий от пола начинает меня обжигать ступни.

— Она просит, чтобы ты ее убил!

— Нет... — ответил я, не веря в то что говорит мне мой внутренний голос.

— Я существую уже очень давно и знаю многие языки! Уверена, она хочет именно этого! — в этот момент черная женщина повторила свои слова. Будто бы услышала, то, о чем мне говорит моя Воля.

— Нет она нас не слышит. Я знаю ты не сможешь выполнить ее просьбу, так что нам нужно уходить отсюда и очень быстро!

Я не отрываясь продолжал смотреть на ее черное как смоль тело, которое мне показалось очень привлекательным, от этих мыслей в такой неподходящий момент мне самому стало отвратительно и мерзко. Она была совсем юной и по-своему экзотически прекрасной, так мне показалось. Я отвернулся и вышел из камеры, ужасная картина, этой несчастной, растянутой на цепях, все стояла у меня перед глазами. Я понимал, что не могу ей помочь, помочь избавить ее тело от мучений. Она, грозно шипя что-то еще прокричала мне вслед, рассмеявшись так громко, что ее хохот отразившись от стен камеры практически

оглушил меня. В этот самый момент я даже понял без перевода смысл ее последней фразы, она назвала меня жалким трусом, так мне по крайней мере показалось. На душе стало еще только хуже, я повернулся и побрел прочь от этого жуткого места, понимая, что ничего не могу с собой поделать, картинка распятой никак не пропадала, намертво врезавшись в мое сознание.

— Бедная девочка, она потеряла надежду, уже очень давно, как и волю к тому чтобы продолжать бороться! — я не обращал внимания на слова моей собственной Воли решив во чтобы то не стало выбраться из этой темницы и рассказать обо всем учителю Серо.

Находясь под жутким впечатлением после всего увиденного, я вдруг вспомнил то что произошло со мной два года назад в школе фехтования, причем так неожиданно и ярко, будто бы это все произошло еще вчера.

***

Мы сидели посреди одного из залов для тренировок на коленях ожидая для чего же учитель нас всех здесь собрал. Всего нас было двенадцать, мальчишек и девчонок, учеников, старшему из которых было не больше пятнадцати. Учитель молча ходил по комнате взад-вперед заложив свои руки за спину. Наконец остановившись он почесал свою бороду и улыбнувшись всем нам начал свой рассказ:

— С самого детства вы все знаете сказку о Владыке Вечности, божестве, живущем в ледяном замке далеко на севере, в царстве вечного холода. Все это правда, ну или почти все. Вы знаете, что если попасть в его замок, то вы никогда уже оттуда не вернетесь.

Учитель сделал паузу вглядываясь в наши напряженные лица и продолжил, сделав свой голос еще более серьезным:

— Я живой пример того, что оттуда можно вернуться. Я провел в ледяном замке огромное количество лет, сотню или может даже целую тысячу. Пережил много поколений своих родных и близких, потеряв всякий ход времени. Но я вернулся и теперь здесь, учу вас мастерству меча, которое я познавал все эти долгие годы, проведенные в заточении. Владыка взял с меня обещание никогда и никого не лишать жизни с помощью моих знаний, и я поклялся ему в этом. Да я не могу никого убить, обладая такой разрушительной силой, но я могу научить вас, мои ученики ей пользоваться, чтобы вы могли использовать ее во благо или во зло.

Учитель прекратил говорить и подняв свою руку вверх махнул ей по направлению к одному из стоявших в зале манекенов, одним движением разрубив его на пополам, простым взмахом невидимого для наших глаз меча.

— Все вы здесь лишь только потому что поклялись мне что готовы отдать свои жизни ради того, чтобы постичь знания, которыми я обладаю. Не каждый пройдет это путь до конца и лишь поэтому я с вами так откровенен, вы все дали мне клятву. Я уверен, что смогу попытаться стереть вашу память полностью или хотя бы частично, я смогу научиться этому, чтобы наконец стереть из своих воспоминаний эпизод о клятве данной мной Владыке Вечности и вы, вы все, поможете мне в этом. Это не убьет вас, нет, скорее лишь лишит вас какого из ваших воспоминаний.

Мы молча сидели, впитывая каждое его слово, кто-то здесь был потому что его просто продали, кто попал сюда сам и хотел постичь тайные науки, а кто-то, как и я, не имея какой-либо цели в жизни поклялся ради того, чтобы стать частью идеей мастера Серо. Боялись ли мы в тот момент, того что произошло потом, скорее всего нет, потому что мы пока еще не понимали или не осознавали того что нас всех ждало.

— Вы все видели, как я взмахом руки разрубил тот манекен. Продолжайте думать об этом, а я постараюсь стереть этот эпизод из вашей памяти одним лишь своим прикосновением. И повторюсь, я больше всего желаю стереть воспоминания о данной мной клятве Владыке Вечности, чтобы избавить себя от тяжелого бремени, которое несу. Каждый раз, когда я засыпаю, он приходит ко мне во снах, он видит, то что вижу я, он знает, то что знаю я, он смеется над моим желанием, не веря тому, что я смогу это сделать. Как только я забуду об этом, он уже не сможет приходить ко мне, так он мне сказал. Вы готовы мне помочь?

Мы хором ответили «Да» все еще до конца, не осознавая, что же нас ждало впереди. В этот момент в комнату вошла Тильда, а учитель, снова положив руки за спину удалился в соседний зал, поменьше и закрыл за собой дверь. Главная управительница звала нас по одному, и мы заходили в комнату, туда где нас ждал учитель. После того дня пятеро из тех, кто стоял со мной на коленях и слушал каждое слово учителя, больше не появлялся в стенах школы фехтования. Я вспомнил это все так быстро и неожиданно для себя стоя голым посреди коридора темницы. Вспомнил то, что забыл, вспомнил то, что было стерто из моей памяти учителем в тот день. Вспомнил лица, тех ребят, что были в тот момент со мной. Вспомнил Салли, ведь после, теперь, сейчас, был только один Салли, никого из тех учеников я больше никогда не видел.

***

— Я вижу ты вспомнил про Владыку Вечности. Странно, мне казалось, что эти воспоминания были стерты твоим учителем.

— Ты что, все время об этом знала и не говорила мне об этом? — я зло спросил свою Волю.

— Да знала, но не могла тебе сказать ничего. Твой учитель постарался.

— И много чего еще он стер из моей памяти? — озадаченно спрашивал я, пытаюсь в своем сознании найти хоть малейшие подсказки.

— Я не могу тебе ответить, силы учителя распространяются и на меня тоже. То, что ты вспомнил про данную клятву сам, дает нам небольшую надежду на то, что ты обязательно все сможешь вспомнить. А пока открывай ближайшую дверь справа по коридору, за ней будет комната с вещами охраны, возможно нам удастся тебя там одеть.

Странная черная женщина источающая жар, стирание моей памяти, все эти мысли, заполонившие разум, напрочь перекрывали и отвлекали от боли, разрывающей все мое избитое тело. Наконец дверь передо мной отворилась, и я принялся искать в местном гардеробе себе одежду по размеру. Хвала удаче что шагала со мной где-то по пятам, мне таки удалось одеться в подходящие вещи и нацепив на себя железные доспехи, спрятать свое избитое лицо под шлем. Теперь меня было совсем не отличить от остальных охранников этой каменной темницы. Подтянув ремешки железных тяжелых наплечников, так чтобы они с меня не спадали вместе с доспехом, я сказал, обращаясь к своей Воле:

— Веди меня дальше!

Доспехи жутко скрепили, а ремешки постепенно начали мне везде натирать. Через щель в защитной решетке шлема я еле-еле что-то мог разглядеть, скорее двигался слушая приказы, исходившие от Воли. Ее умение видеть все вокруг не используя моих глаз было как нельзя кстати, и я, уверенно лязгая своими железными доспехами, шел вперед, минуя коридор за коридором, так никого и не встретив на своем пути.

Когда же я выбрался наружу, покидая полумрак темницы, я облегченно выдохнул,

поднимаясь по каменной лестнице, что вела меня обратно в город. В Гротеске до меня никому совершенно не было никакого дела. На улицах к моему удивлению для столь поздней ночи было слишком многолюдно. Стража пробежала мимо меня, спеша куда-то. Горожане толпясь что-то громко обсуждали, указывая в направлении восточных ворот. Я не предавал теперь этому никакого значения, четко постав перед собой цель добраться до центра города, где находилась школа фехтования. Доспехи лязгали и скрипели, привлекая много внимания, но другого выбора у меня просто не было, как и сил чтобы бросить их и попытаться залезть на крышу. Я молча шел, погружившись в свои тяжелые раздумья, ужасная картина распятой чернокожей женщины все продолжала стоять перед моими глазами. Она хищно глядела на меня своими желто зелеными кошачьими зрачками умоляя себя ее убить.

Откуда это чувство вины, будто бы я мог ее все-таки спасти...

Глава 9 "Атака обреченных"

Битва за Восточные ворота.

Пока Лад, одетый в доспехи охраны храма, двигался к заветному спасению в стенах школы фехтования, епископа, ждущего его на допрос, уже начало кончаться терпение от долгого ожидания. Маркиза все это время молча пила вино, изредка покашливая в кулак и недовольно барабанила пальцами по столу. Молчание настолько затянулось, что епископ поймал взгляд Маркизы на маленьком колокольчике и что есть сил стал в него звонить. На его призыв откликнулись не сразу, дверь отворилась и из-за нее вышел, опустив свою голову, один из монахов:

— Ваше святейшество, мы нигде не можем его найти?

— Он что сбежал? — епископ стиснул зубы от ярости и ударил кулаком по столу, готовый убить своим пронзающим насквозь взглядом:

— Найти, поймать и вернуть на допрос!

— Так нет его, уже везде обыскались, ваше... — виновато начал оправдываться монах, но не смог договорить по взгляду епископа понимая, что нужно выполнить, как можно быстрее его поручение, а не стоять столбом, извиняясь.

— Господь всемогущий, помоги мне справиться с гневом моим, ниспошли мне ясность ума и чистоту духовную. А кажется мне что добр слишком стал я со слугами своими, и требуют их спины хорошего кнута! — на все переживания епископа поп поводу пропажи и обращение в этот момент к его богу, у Маркизы вызывали только злорадную ухмылку.

— Мне кажется я уже очень сильно устала. Да и засиделись мы сегодня с вами. — Маркиза зевнула и улыбнувшись посмотрела на взбешённого плохими новостями епископа.

— Ну что вы дитя, давайте еще немного посидим. Мы же совсем не поговорили с вами о делах мирских?

— Ваше святейшество, вы меня извините, но не может ваш допрос подождать до утра?

— Да, да, конечно! Может быть еще вина? — епископ поднес кувшин, чтобы налить напиток в кружки, но его собеседница накрыла свою кружку рукой, не давая ему такой возможности.

— Нет спасибо. Я и вправду очень устала и очень хочу спать — Маркиза снова зевнула, подымаясь прямо из-за стола и забирая с собой свой шлем.

— Мои люди проводят вас в вашу комнату, Маркиза де Тэрау.

— Спасибо, ваше святейшество — она поклонилась епископу и последовала за монахом жестом предлагающему пройти в коридор за дверями.

— Надеюсь, хоть вы моя дорогая не сбежите? — говоря это епископ заметил, как Маркиза ему улыбнулась, сочтя его слова за банальную шутку, вот только он совсем не шутил.

— Ну что вы, только если не явиться слуга от герцога и мне не придется явиться к нему самой — ответила она ему уже стоя в темном коридоре.

— Непременно он явиться к вам как можно скорее. — сказал епископ уже закрывающейся двери, от такого неуважения к своей августейшей особе ему захотелось бросить кружку о стену. Зло ударив кулаком по столу, он снова позвонил в колокольчик.

— Как вы посмели допустить побег из моей темницы? Такого просто не может произойти, я в замешательстве? Куда смотрели рыцари, не уже к нему не была приставлена охрана? — повышая свой голос вопрос за вопросом, епископ смотрел на своих слуг молчаливо ждущих, когда их господин успокоится и не пошлет их выполнять новое поручение.

— Ваше святейшество, мы сделали все как делали обычно...

— Молчать! Вы допустили ошибку, которой заключенный воспользовался и сбежал. И вообще, будете говорить, только тогда, когда я вас спрашиваю! А я вас спрошу, обязательно спрошу! Кто-то же мне надо будет наказать за этот побег? Чего молчите, отвечайте! Кого? — подчинённые продолжали молча стоять, прекрасно понимая, что любой из предложенных ими вариантов епископ отвергнет, а то и накажет сказавшего.

— Кучка жалких трусов, у вас даже нет храбрости, чтобы взять вину на себя, прикрыв товарища! Ну что же, кто ни будь из вас мне скажет, где теперь нам искать этого беглеца? — епископ одним только взглядом заставлял своих подчинённых отводит глаза в сторону, топя их самообладание в этот момент в чувстве вины, даже за поступок, который этот слуга не совершал.

— Ваше святейшество, он оставил это... — один из монахов принес в руках какие-то лохмотья из ткани, оказавшиеся черными бинтами не меньше десяти метров в длину. Епископ взял полоску ткани, она оказалась на ощупь довольно мягкой и растягивалась при усилии прямо в руках. Он принюхался, поднес ее к самому носу, пытаясь разобрать запах, которой от нее исходил. Ткань явно была пропитана каким-то соком, но епископ все никак не мог подобрать названия в своей голове.

— Это сок, получаемый из коры дуба, это дерево и причем довольно редкое в наших краях!

Епископ в какой-то момент захотел отругать монаха, но потом решил этого не делать, посчитав его проницательность не ошибкой или не уважением к самому себе, а скорее своевременной помощью.

— Молодец. Узнай где еще можно найти такое дерево. Да и вообще узнай варить ли кто ни будь такой сок и для чего?! — монах поклонился, слушая внимательно каждое слово

епископа и молча удалился, когда тот закончил говорить.

— Остальные, чтобы глаз не спускали с Маркизы и ее людей. Обо всем что она делает докладывать только мне. Дайте ей в подчинение двух служанок, я хочу знать абсолютно все. Если Маркиза и ее люди попытаются покинуть стены храма, вы обязаны их задержать и поместить в темницу, до тех пор когда завтра утром я сам не разрешу им отсюда уйти! Ах да... — епископ остановил одного из монахов, положив руку ему на плечо и молча стал ждать, когда остальные покинут комнату.

— Нужно усилить охрану темницы храма как минимум вдвое. Я не хочу, чтобы из моего подвала еще что ни будь пропало, ты же понимаешь, о чем я говорю? И я надеюсь, что у меня еще есть время чтобы спокойно поспать? — оставшийся монах утвердительно кивнул и собирался уже удалиться из комнаты, как епископ продолжил:

— Лично для тебя у меня отдельное поручение. Отправляйся к восточным воротам и жди там до появления нашей армии, как только ты их увидишь, разбуди меня как можно скорее. И повторяю, донеси до всех, не спускайте глаз с Маркизы и ее людей, хватит уже на сегодня побегов!

Дверь закрылась, и епископ снова остался совсем один. Столько событий произошло за эту ночь, что это непременно должно было его хорошенько вымотать, но спать сейчас ему совершенно не хотелось. Оставив на столе все как есть, епископ отправился по длинным коридорам обратно в храм, туда, где за потайной комнатой у золотой святыни были его личные покои. Волнение от событий этой ночи и сомнения в правильности своих решений на давали епископу сомкнуть своих глаз. Даже теплая постель его нервировала, он лег в нее прямо в рясе намереваясь не раздеваться, чтобы утром отправиться прямо на стену встречать отступающую армию. Слугу к герцогу, он так и не послал, чувствуя всем своим нутром какой-то подвох во всей этой истории, сейчас он, как никогда, был уверен, что герцогу не стоит покидать свой замок. Собравшись с мыслями и наконец-таки успокоившись он закрыл глаза, единственно что его теперь беспокоило это сохранность главного сокровища темницы. Желто зеленые кошачьи глаза с ненавистью смотрели прямо на него светясь в темноте камеры, он поднес свое запястье к ее губам, и она впиалась в его плоть своими клыками пытаясь насытить своей неумный голод. Все глубже погружаясь в мир своих иллюзий, епископ всё-таки провалился в сон.

***

— Ульрик, Ульрик! Ваше святейшество, они идут, наша армия идет! — стараясь как можно громче, говорил монах, боясь прикоснуться к спящему епископу.

— Какая армия, пошел прочь, как там тебя... — епископ, не вставая с постели отмахнулся от монаха рукой и перевернулся на другой бок, сделав вид что ничего этого не было.

— Армия отступает прямо в город, их очень много! Ваше святейшество вы же мне сами приказали?! Армия отступает! — монах, набравшись смелости всё-таки начал трести епископа понимая, что, если сейчас он его не подымет с постели, то его самого будет ждать смерть за непослушание.

— Как, армия наступает? Господи, который час, где Маркиза? — епископ вскочил с постели, схватив удивлённого монаха за шею и оттолкнул его на деревянный пол.

— Где Маркиза? Который час, я спрашиваю? Какая армия наступает? — епископ пока не мог понять сквозь негу сна где он вообще сейчас находится.

— Наша армия отступает, я же вас разбудил... — монах уже сам не знал, что еще

говорить епископу.

— Тогда нам нужно спешить! Быстро назад, давай веди меня к воротам! — епископ пришел в себя после глубокого сна и затрясая своей головой из стороны в сторону попытался прогнать прочь от себя навалившуюся на все тело утреннюю слабость.

— Собирай всех рыцарей храма у восточных ворот, быстро! — епископ сказал эти слова одному из охранников, что стояли у входа в его покои. Сначала опешив от волнения, но потом поняв поставленную задачу, охранник побежал ее исполнять, позабыв про свой пост.

Дозорные продолжали указывать куда-то в дымку тумана, когда епископ наконец добрался до стен города. Солнце только начинало медленно облизывать верхушки деревьев своими редкими лучами, поднимаясь все выше и выше, с интересом пытаясь рассмотреть не меньше самого епископа, бегущего на крепостной вал, войска, пребывающие к восточным воротам. Вот только непреступная высокая стена из хвойных деревьев так и не дала этого сделать лучам солнца, оставшимся облизывать лишь верхушки елей, которые скрывали сотни силуэтов неспешно идущих солдат к городской стене. Молчание на крепостном валу затянулось, мрак стал медленно отступать перед неминуемой победой света на небосводе, света, который гнал повисшую над полем мглу обратно в лесную чащу. Наконец солнце поднялось достаточно высоко чтобы своими лучами показать кто же отступает к городу. И вот среди повисшей легкой дымки подхваченной ветром стали появляться еле различимые силуэты солдат, медленно бредущих широкой колонной к воротам города. Увиденное воинство растянувшийся широкой линией, состоящей из обозов с ранеными и пеших воинов, теперь трудно было назвать армией. Они просто молча брели, не шли нога в ногу друг за другом, с развивающимися на ветру знамёнами и конницей во главе колонны, а именно брели. Отсюда, ещё невозможно было разобрать их лиц, но епископ был абсолютно уверен, что сейчас на них были лишь отчаяние и усталость. Невозможно было разобрать были ли это отступающие Асторийские полки или это Орден отправил остатки своего некогда огромного войска в последний бой. Колонна отступающих растянулась еще более широким фронтом и продолжила свое неспешное движение.

На городской стене у самых ворот начали толпиться лучники, всматриваясь в лица все прибывающих и пребывающих солдат, ища среди них своих родственников и друзей ушедших на войну. Молчание вместе с пробирающим до самых костей холодом разорвал крик одного из дозорных:

— Кто вы, назовите себя!?

Ответом ему было лишь мерное монотонное лязганье сотен, закованных в железную доспехи и броню ног, все продолжавших свое движение к воротам.

— Я повторяю, назовите себя! — епископ видел многие лучники на стенах по обеим сторонам от него начали нервничать, опуская пальцы на рукояти своих мечей или натягивая тетиву на луках.

— Даю последнее предупреждение...

— Да свои это! Вы что не видите, это же свои... — кто-то из стражников с надеждой встретить знакомых лез к самому краю крепостного вала, чтобы получше рассмотреть прибывших. Теперь и сам епископ смог получше разглядеть воинов, оказавшихся у самых стен. Почти все их доспехи и шлема были изуродованы ударами мечей и топоров, будто бы были снятыми с убитых. "Нет это точно были враги!" Мысль на мгновение появилась в сознании епископа, и он с опаской отступил назад, подальше от края, намереваясь отдать приказ своим рыцарям у самых ворот, но он так и не успел этого сделать.

Воздух вокруг наполнился свистом сотен летящих стрел, колонна за стенами города снова пришла в движение. Больше десятка городских лучников упало замертво сраженные первым же залпом наступающих. Командиры стражи закричали, отдавая команды своим подчинённым, которые начали стрелять без разбору, высовываясь из бойниц. Вот наконец-таки затрубил рожок дозорных, ведь уже не было никаких сомнений в том, что стены города Гротеск осаждала армия Ордена, а значит епископу нужно было спешить. Спешить назад в храм, туда где была эта самозванка Маркиза и ее люди, готовые в любой момент ударить в спину защитникам города или устроить нападение у других ворот в любую минуту.

— На что они надеялись, самоубийцы? Нет ну какие же они наглецы? Пришли сами в город, что это если не хитрость или всё-таки безумие?» — думая обо всем этом епископ бежал, не замечая ничего вокруг, погружившись в свои мысли изредка останавливаясь, чтобы перевести свой дух или чтобы лицезреть смерть, настигшую прямо у него на глазах очередного защитника города.

— Она спрашивала у меня про коменданта Трюдо? Он точно не мог предать, исправно служа уже столько лет герцогу?! Что же эта Маркиза задумала, зачем она пришла этой ночью в город, ради чего, убийства? Она же спрашивала про герцога, неужели она со своими людьми задумала напасть на поместье мэра города? Какая дерзость или все-таки это отчаяние? — Епископ не верил, но продолжал тяжело дышать и ненавидеть себя за то, что не смог предугадать все это еще ночью, имея возможность прямо спросить у этой женщины кто же она такая.

Защитники Гротеска не покинули своих постов и продолжали оборонять город используя стрелы и метательные копья, не давая войскам неприятеля подобраться поближе к стенам. Во многих местах это всё-таки неприятелю удалось. Нападавшие бежали вперед с лестницами, которые они прятали до этого в задние ряды медленно идущей по полю колонны что теперь растянулась так широко, как только могла. С крепостного вала и башни на нем в нападавших полетели камни, не давая возможности им подойти к самым воротам. Враги, прикрываясь щитами обступили телеги на которых был таран до этого скрытый плащами, только из-за его огромного веса они так медленно двигались до этого по полю. Вот где-то вдалеке застучали барабаны, и на места погибших нападавших, что падали, сраженные стрелой, становились все новые и новые воины. Враг сомкнул ряды из щитов продолжил свое наступления огрызаясь на стрелы обороняющимся залпами своих стрел.

В последний раз взглянув через решетки на воротах, на наступающую армию неприятеля епископ бросился убежать назад к храму на бегу приказав своим рыцарям в красных туниках стоять насмерть, охраняя восточные ворота, по которым впервые ударил таран. Гнев и ярость разрывали епископа на части, но он знал, что ему стоит сделать в первую очередь, защитники города должны были дать ему время, которого теперь так не хватало.

Город только начал просыпаться после призыва рожка дозорных, как наконец кто-то из монахов забил тревогу в колокола. Оглушительный звон бронзы заполнил все вокруг, наверное, третий раз за ночь и первый раз за это утро. Горожане безразлично выходили из своих домов не довольны подымая свои головы к храму пока, еще не понимая, что же случилось на этот раз. Ночной пожар и нападение на ворота по среди ночи несколько не напугали сонных горожан, до глубины души уверенных в своей безопасности и неприступности стен города. Колокольный звон заглушил шум боя на городских стенах лишь самые любопытные выйдя из подворотен на главную улицу увидели завязавшийся бой на

крепостном воле. Воины Ордена перебрались через первую стену и уже пытались взобраться на крепостной вал, а также обойти стоявшую на нем башню, ища свою смерть в рядах рыцарей храма.

Епископ влетел пушеной стрелой в храм, не видя и не слыша ничего вокруг, его сердце билась так быстро, как не билось никогда до этого раньше. Нет это был не страх, скорее эйфория, желание познать неизведанное попробовать что-то запретное. То в чем отказывал себе так долго, как только мог, боясь того что все это может закончиться не удачей, провалом. Сейчас же он был уверен, как никогда раньше, перемахнув через перила, будто ему было пятнадцать, а не сорок семь.

Ему не нужно было ничего говорить он уже откуда-то знал, что же произошло. Несколько трупов в коридорах его несколько не удивили, он бежал в самое пекло, намереваясь застигнуть врасплох хотя бы молодчиков Маркизы, будучи уверенным что она уже давно была не здесь. Он не мог объяснить, он просто так чувствовал, озарение снизошло к нему, истина открылась так как не открывалась никогда. Влетев в оружейную, епископ застал двух своих монахов мирно спящими прямо за своими столами, за которыми те должны были чинить одежду. Ульрик был настолько переполнен решимости, что даже не стал кричать на них просто сбросив с себя свою рясу и разведя руки в стороны. Слуги поняли его без слов, в тот момент даже не успев испугаться, повинувшись своим внутренним инстинктам, когда их руки делали все сами. Епископ стоял абсолютно голым всего несколько мгновений до тех пор, пока монахи не начали его одевать в военно-полевую одежду, а потом и в доспехи очень быстро и точно подгоняя все ремешки, так-как они делали уже не один десяток раз. За каких-то пару минут епископ был полностью закован в доспехи и спокойно стоял в них, практически не чувствуя их веса. Серебристые, украшенные золотой окантовкой они в красоте, легкости и прочности могли по соревноваться с доспехами самого герцога, но сейчас это было совсем ни к чему. Они нацепили на него перевязь с мечом, который мог быть разве что кинжалом по сравнению с остальными мечами, но для то что задумал епископ его вполне хватало. Теперь для выполнения, задуманного епископу хватало всего одной детали, маленькой, нежной с шоколадной кожей, детали, что была спрятана от взора простых обывателей вот уже пять лет в стенах его храма темницы. Епископа переполняло возбуждение и страсть только от одной мысли что он задумал воплотить в реальность и на которую боялся решиться пока не подвернулся этот удобный случай с нападением на город.

Пять лет любопытства и страха, пять лет надежд и исследований, пять лет нарушений запрета на магию, пять лет что теперь останутся в прошлом. Епископ тяжело дыша остановился возле открытых дверей своего от всех скрываемого чуда и совершенно не обращая внимания на то что камера была открыта. Глядя на плод своих снов и запретных желанию, он остался доволен увиденной картиной. Его пленница все так же была на своем месте, переполненная гневом и яростью, беспомощно висящая на цепях не в силах что-либо изменить в уготованной только ей одной судьбе. Епископ ступил за полог зная, что она не сможет ничего ему сделать даже если и захочет, так она была слаба. Подойдя в плотную и заглянув в ее хищные желто зеленые глаза, он дал укусить себя за руку, даже не пытаясь вырвать начавшую кровоточить кисть из плена ее клыков. Пленница жадно впиалась в его плоть высасывая кровь и закрывая свою только теперь довольные глаза от удовольствия. Епископ аккуратно сделал надрез чуть выше ее аппетитной маленькой груди и наклонившись тоже стал пить ее кровь чувствуя, что с каждой каплей его начинает

переполнять пламя, которое так долго томилось в теле этой юной хищницы. Поначалу она даже стонала, сгорая от переполнявшего все ее тело желания, эйфории, что поглотила ее разум из-за долгого голода. Потом эйфория сменилась болью, теперь жизнь медленно вытекала из нее, и она зарывав отпустила кормящую руку, снова заполнив свои хищные глаза яростью и гневом. Епископ перестал пить кровь, видя, как рана на ее маленькой упругой груди начала медленно затягиваться прямо у него на глазах.

Опьянённый жаром и силой, охватившей все его тело, закованное в ставшие только теперь тяжелыми доспехи, епископ улыбаясь вышел из камеры, затворив за собой кованную дверь. Его бросало, то в холод, то в жар, силы то появлялись, то исчезали. Он двигался по коридору будто в бреду идя туда где его уже ждали люди Маркизы, сам не ведая что или кто подсказало ему это. В этот момент он просто знал об этом ничего не страшась. Эйфория наконец закончилась, и епископ почувствовал себя снова человеком, из плоти и крови, чувствующим каждый шаг и осознающим что он должен делать. Что это было, интуиция, чье-то дурное наитие, волнение после начавшегося боя или все-таки запретное желание попробовать то что хотелось так давно.

Спустя несколько коридоров он оказался в казарме, где коротали свои дни монахи, здесь же были казармы рыцарей храма, обедня и молельня. Теперь это некогда прекрасное место, украшенное картинами священников и исписанное молитвами, которым предавались денно и ночью служители храма было полностью завалено телами священнослужителей и охраны. Люди Маркизы добивали раненых, отрубая им головы и складывая у стены насмехаясь над беспомощно ползающими по полу монахами, взывающими к своему богу и молящими о прощении и пощаде.

— Дети мои примите достойно свою смерть, посланник нашего господа уже здесь! — епископ стал тяжело дышать чувствуя, что от возбуждения его скоро начнет трясти. Улыбнувшись и сжав свои кулаки, он направился прямо на своих врагов так еще и не понявших, что здесь они найдут только свою смерть. Первый, самый смелый их них, наверное, уверенный в своей легкой победе налетел на епископа размахивая своим мечом. Который старик в доспехах с легкостью поймал своей рукой, на которой ни осталось никаких следов от укусов. Кровь хлынула из раны на руке, но для нападавшего все было уже кончено, второй рукой епископ раздробил ему череп, так что тот по краям даже почернел и обуглился. Остальные нападавшие бросились на священника что так легко смог расправиться расправился с самым умелым из них, еще не осознавая кто перед ними был. Мечи не брали доспехи отскакивая от них, а те немногочисленные раны что всё-таки удавалось нанести епископу быстро затягивались. Священник убивал своих врагов одного за другим делая это с первого своего удара, оставляя после него только смерть и ожоги. Еще один противник упал сраженный грубой силой старика, а второй, случайно оказавшейся совсем рядом в момент удара удивленно глядел на свою горящую руку не в силах понять, что вообще происходит. Истошно завопив от ужаса последний солдат Ордена поднял свой меч, чувствуя запах своего собственного поджаренного мяса и бросился обреченно в атаку. Доспехи приняли на себя последний удар, а кулак размозжил голову незадачливого мечника, дымящегося теперь без головы на полу казармы. Запах жаренного человеческого мяса заполнил все вокруг, такой похожий на запах жаренной курицы, но не вызывающий стойкого желая непременно его отведать.

Кровавая бойня, что развернулась в подвалах под храмом была уже закончена, но для остальных жителей города она только начиналась. Епископ с удовольствием глядел на свои

дымящаяся кулаки видя. Как раны на них заживают, а остатки кожи, плоть и кусочки костей испаряются из жара что теперь переполнял их. Переступая через тела своих растерзанных слуг епископ уже знал, что непременно наберет на их место новых, также он знал, что его рыцари у ворот уже пали, дав драгоценное время остальной страже для того чтобы перегруппироваться, отступая в центр Гротеска. Враги наводнили восточную часть города, сея панику и хаос, заливая кровью случайных прохожих мостовые, начиная праздновать неминуемую победу. Вот только епископ был теперь абсолютно уверен, что атака на город не сможет закончиться успехом для нападавших. Гротеск станет для всех них могилой, их последней атакой, атакой обреченных умереть от рук городского епископа, ставшего на их пути.

Глава 10 "Чудо, которые я проспал"

Воля во сне Лада.

Ее тёмно-карие глаза были цвета коры дуба, дерева возле которого я провел большую часть своего времени в стенах школы фехтования. Будь то день или ночь, холод или жара, снег и дождь. Я все время был у этого большого загадочного дерева, кто и когда его мог посадить, прямо во внутреннем дворе школы, мне было совершенно не известно. Здесь было много разных деревьев вокруг: клены, кедры, ясени и даже яблони, вот только дуб был один. Только ее глаза были того же цвета что и кора на этом большом, по-своему даже волшебном дереве. Из его сока можно было получить таинственные зелья и кремы, не менее таинственные чем эти глаза, все время смотрящие на меня, такие зовущие и такие желанные. Я тонул в их глубине пытаюсь разглядеть прямо в них каждую выбоину, неровность и изгиб, причудливого узора прямо на коже дерева — на его коре. Пытаюсь понять, все изображение передо мной, я отступил на шаг назад и наконец увидел: ее черные брови и высокий лоб, тонкость и правильность линий присущая только ее лицу, лицу с глазами цвета дуба. Я захотел прижаться к ней, чтобы почувствовать этот запах и прикоснуться к ее точно очерченной шее, ощущая всем своим лицом, как солнечные зайчики, живущие на ее черных прямых волосах, разбросанных по плечам, запрыгали по моему скулам. Она засмеялась, прикрывая свою улыбку руками, будто бы не хотела, чтобы я ее видел. Но было поздно, я даже видел, как между белых ровных рядов высунулся маленький розовый язычок, которые мне непременно захотелось укусить. Теперь она смеялась еще больше, пытаюсь отстраниться от меня одной рукой, второй прикрывая свои глаза, глаза цвета дуба, больше не давая мне возможности, снова в них утонуть, спрятаться в бороздках и выбоинах коры. Я улыбался вместе с ней, зная, что она не против моих прикосновений, как и не против всех моих самых сокровенных желаний, о которых теперь может узнать и она. Сопротивления больше не было, как и той утонченной красоты, нарисованной правильными тонкими линиями

мастера, создавшего этот сон. Все стало совсем другим или именно таким, как мне хотелось на самом деле? Желто-зеленые глаза хищно на меня смотрели, из-под черного лба на голове без волос. А ее грудь медленно вздрагивала при каждом ее движении, привлекая все мое внимание именно к себе. Коричневые большие соски следили, не переставая за каждым движением моих глаз, гипнотизируя и подавляя всю мою волю. Только теперь я смог вспомнить, что она все также висит на цепях и говорит мне снова и снова, одну и ту же фразу. Я с глазами полными ужаса продолжал смотреть затем, как ее маленькое тело с отрубленными руками и ногами растянутое на цепях, должно было вот-вот лопнуть и проснулся. Я глядел с ужасом на обычный деревянный промасленный потолок, боясь проронить хоть слово, отчетливо слыша в своих ушах фразу, что она мне повторяла во сне:

— Убей меня...

***

Я проснулся в холодном поту от боли, которая, казалось, смогла захватить каждую частичку моего тела. Пожалуй, только моя голова пылала огнем от которого стала такой тяжелой, что я так и не смог ее оторвать от подушки. Я продолжал лежать, глядя на деревянный потолок, отчетливо вспоминая вчерашнюю ночь, каждой частичкой своего мозга радуясь, что помню абсолютно все до самых мелочей. Жар с моей головы медленно перемещался в область шеи, к боли можно было привыкнуть, ее было уже так много за последнее время, что я не проронил ни звука, чувствуя ожоги на моей груди.

Я знал где нахожусь, краем глаза заметив знакомую карту города на стене справа от себя. Комната учителя с такого ракурса, лежа на его собственной кровати, казалось еще больше, чем была на самом деле. Стараясь не шевелиться, ощущая, что все мое тело было намазано чем-то охлаждающим и притупляющим мою чувствительность, я продолжил наблюдать. На тумбе стояло несколько кувшинов, какие-то тряпки и медленно дымящаяся трубка учителя. На полу, повсюду, под самой картой, были разбросаны какие-то свитки и книги, также одежда и оружие: ножи, мечи и кинжалы. Откровенно говоря, я был посреди бардака, который я никогда бы не застал до этого в стенах этой комнаты. Чтобы посмотреть, что творится у самых дверей в комнату, мне бы пришлось пошевелить своей головой, чего делать я конечно не стал, опасаясь вообще упасть с кровати. Чувствительность так и не вернулась, как только я не попытался представить, как шевелю пальцами ног или рук. Пока, единственное что мне легко удавалось делать, так это просто хлопать своими ресницами и зло пялится в потолок, больше не пытаюсь смотреть по сторонам. Внизу моего живота я начал чувствовать тяжесть, которая становилась все сильнее, но запрокинутая немного назад голова не давала мне возможности посмотреть, что же на мне лежит.

— Воля? — попытался пробормотать шёпотом я, слыша, как из моего рта вырвалось что-то совсем нечленораздельное, лишь потому, что губы мне больше не подчинялись. Обреченно закрыв свои глаза и погрузившись в свои воспоминания, я попытался позвать Волю, мысленно обращаясь именно к нему. Ответом мне был скрип оконной рамы и еле слышные шаги по деревянному полу. Крепкие руки подняли мою голову и пальцы разомкнули мне веки, мастер Серо склонился надо мной, проведя по моему лбу своей рукой.

— Смотрю ты проснулся? — он аккуратно, подложив мне под голову подушку, присел на край кровати, взяв свою тлеющую трубку с тумбы.

— Извини за беспорядок вокруг, пока лежи и не пытайся шевелиться, все равно не получится, — мы смотрели друг другу прямо в глаза, не отрываясь, он с любовью и заботой, а же с нескрываемой ненавистью и страхом.

— Знаю, ты ничего не можешь сказать, это все лечебная мазь, вижу отёк с глаз почти сошел. Паралич от нее как нельзя кстати, не хватало еще, чтобы ты что-нибудь покалечил, — он снова провел по моим золотистым волосам рукой, а потом, намочив тряпку в одном из кувшинов, положил ее мне на лоб.

— Смотри, не разбуди своего защитника?! — я перестал смотреть прямо в глаза учителя и только теперь заметил спящего на моем животе Салли.

— Никого к тебе не подпустил, кроме меня. Представляешь, даже Тильда не стала его ругать за это. Даже не знаю? — учитель аккуратно провел рукой по рыжим волосам Салли:

— Начинаю завидовать вашей с ним дружбе. Меня никто никогда так не защищал. Ты ночью пришел в школу в рыцарских доспехах, с легкостью вырубил нашу охрану, кроме Салли никто тебя и не признал. Скажу честно, убить даже хотели, но этот стервец стоял возле твоего тела и не подпускал к тебе, размахивая мечом. Ума не приложу как он понял, что это ты через закрытое забрало шлема. Вы не перестаете меня оба все больше удивлять, но самое странное, здесь совсем другое?

Учитель поднялся с постели и принялся поднимать с пола все разбросанные вещи:

— Я не знаю что произошло, после того как охрана тебя поймала? Но до моей комнаты ты добрался сам и упал посреди комнаты без чувств, думаю ты и сам этого не помнишь, я так и не смог прочесть эти воспоминания в твоей голове.

— Я-а-а-а... — мои попытки начать говорить, снова не увенчались успехом, и я раздраженно отвел глаза в сторону понимая, что в таком состоянии, точно не смогу ничего рассказать.

— А еще медальоны, что я вам дал, один из них оставил ожоги на твоей груди. Боюсь, я знаю почему... — учитель стал расставлять оружие по своим местам, замолчав, что-то обдумывая и складывая разбросанную одежду в шкаф у противоположной стены.

— Сила что в тебе проявилась, какой бы она не была, заставила медальон загореться. Понимаешь, их одевают чтобы узнать, обладает кто-то запретной силой или нет. Я сделал это с тобой и оказался прав, подозревая, что что-то внутри тебя не дает мне больше стирать твою память, — учитель снова сел на край кровати и заглянул мне в глаза.

— Можешь мне не отвечать, я знаю, у тебя много вопросов, я чувствую, что теряю над тобой свой контроль. Если ты все вспомнишь, то возненавидишь меня и будешь прав. Нельзя исправить то, что уже произошло и вернуть то, что потеряно навсегда. Я никогда этого не делал, но у тебя попрошу прощения за все. За все что наделал за эти годы! — учитель похлопал меня по руке и улыбнувшись снова встал, забив трубку и сложив руки за спину, принялся шагами мерить комнату, молча что-то обдумывая.

Я хотел накричать на него, хотел даже заплакать или просто уйти прочь, исчезнуть где-нибудь, став ничем. На какое-то мгновение, мне себя даже стало жалко, такой поток совершенно разных чувств заполнил мой разум, но мое парализованное каменное лицо ничего не выражало. Каждый из нас двоих что-то знал о друг друге, такое, что смотреть в глаза было просто противно. Почему-то я снова вспомнил висящую на цепях женщину, ее взгляд, он был именно таким, каким казалось теперь был и мой.

— Салли просыпайся! — учитель легонько толкнул вбок моего рыжеволосого защитника и тот, устало потягиваясь, поднялся с коленей, на которых простоял всю ночь. Одетый в тренировочную робу с кинжалом на поясе, мой защитник все равно оставался просто мальчишкой, вызывавшим скорее смех, чем опасность или страх.

— Давай дуй на кухню, принеси чего-нибудь перекусить, похлёбку, что-нибудь жидкое,

не знаю!?! И еще что-нибудь, чтобы прогнать сон. Спросишь у Тильды, она подскажет!?! — Салли хлопал удивленно ресницами, глядя то на меня, то на учителя.

— Что встал, беги давай! Да не денется твой Лад никуда, я тебе обещаю, — Салли утвердительно кивнул и бросился на кухню, задержавшись на мгновение в дверях и еще раз взглянул на меня, одарив широкой улыбкой. Мы остались с учителем вдвоем.

— Судя по красным доспехам, что были на тебе, ты попал в темницу храма, что при церкви. Поверь, еще никому не удавалось оттуда сбежать. А если тебе удалось, то тебя будут обязательно искать, подумай обо всем, что сделал этой ночью и подумай хорошенько. Я готов выслушать любую чушь, какая бы не произошла с тобой! — учитель остановился и снова затянувшись трубкой и выпустив к самому потолку клубы густого дыма, добавил:

— Мне все равно продеться поверить в то, что бы ты мне не сказал. Читать твои мысли я все равно больше не могу, а говорить перед служителями церкви мне все-таки придется. Ты же мой ученик?!

Я больше не хотел его слушать и в знак своего протеста, просто закрыл глаза, учитель меня понял, бросив напоследок:

— Какое-то время тебе продеться провести у меня в постели.

Я услышал, как мастер Серо подошел к кровати и спустил плотный балдахин, закрывая мне возможность смотреть на то что происходит за пределами постели. Открыв свои глаза, я увидел, как темно красная ткань закрыла все пространство вокруг, погрузив меня во тьму.

Тишина продлилась совсем не долго, Салли вернулся и поставив всю принесенную еду перед учителем, забрался ко мне под балдахин.

— Молчите и не высовываетесь, чтобы не происходило! Я хочу, чтобы вы оба были в курсе всех произошедших событий. Мне не хочется объяснять все по два раза, — учитель сказал это и сев за свой стол, принялся молча есть. Салли же устроился на постели, скрестив ноги и улыбаясь уставился на меня, подмигнув.

Мастер Серо не успел еще доесть, как в дверь комнаты несколько раз постучали, прежде чем войти внутрь. Салли чуть-чуть отодвинул балдахин и начал наблюдать за тем, что происходит в комнате учителя. Дверь отворилось и за порог ступили трое, одетые в серые туники, поверх кожаных доспехов, все были вооружены пехотными короткими мечами, висевшими у них на поясах. Двое поклонились перед учителем и встали на одно колено, третий же вышел вперед, сняв с головы свой шлем.

— Давайте только без этих формальностей, вы уже давно перестали быть моими учениками и теперь несете службу при торговой гильдии, — учитель жестом приказал вставшим на колено подняться и снова опустив голову к тарелке, принялся есть.

— Мастер, мы пришли по очень срочному делу, наш город атакован, Гротеск атакован! Нам нужно помочь едой и водой простым людям, которые все потеряли.

— Да, я знаю. «Из моего окна прекрасно виден дым над городом, благо окна выходят, как раз, на восток», — сказал, без всякого интереса или переживаний, учитель, продолжая есть, не подымая своих глаз.

— Стража восточной части города почти вся убита, Орден занимается мародёрством и убийствами простых горожан и ремесленников. Враги рассеяны по городу и продолжают нести потери, хотя, пожалуй, большая их часть либо отступила за стены, либо было уничтожена. Я бы даже сказал чудом, не иначе, удалось посеять панику в их ряды, я сам был свидетелем этого чуда.

— Чуда говоришь? — учитель положил ложку и уставился на своего бывшего ученика,

пытаясь в его глазах постичь истину.

— И что же это?

— Вы же знаете епископа Ульрика? Он... — бывшей ученик, убрав руку со своего меча, подошел вплотную к столу.

— Может давай, лучше я расскажу, я ведь там был с самого начала и все видел, — перебил своего старшего товарища один из пришедших.

— Так что же, епископ мертв? Какая дерзость... — учитель встал из-за стола глядя на пришедших и в сомнениях опустил свою голову, подперев ее своей рукой о чем-то задумавшись.

— Скорее нет, чем да? Он сейчас в церкви, весь в ожогах, в жутком состоянии. Ворота снова под контролем стражи, личная охрана герцога помогла оттеснить врагов за стены. Даже не знаю, они пришли слишком уж поздно... — первый растерянно разводил руками в стороны пытаясь подобрать слова получше, но снова вмешался второй, что перебивал его до этого.

— Все-таки, давайте я расскажу, как все это произошло с самого начало. Это чудо, божественное чудо не иначе. Такого вам видеть мастер Серо еще точно не приходилось. Все горожане в городе только и говорят теперь об этом, само солнце подарило свою силу епископу. Это настоящее чудо, божественное чудо, наша церковь... — рассказчик оперся на стол и с возбуждением говорил каждое слово.

— Что ты несешь? — учитель зло ухмыльнулся и ударил ладонью своего бывшего ученика по лицу, чтобы привести его в чувства, не дав договорить.

— Ты не в себе, а ну-ка успокойся! — учитель зло смотрел на своих бывших опешивших учеников, но потом сменив свой тон на снисходительный, продолжил говорить, сложив руки за спину:

— Ладно рассказывайте все как было с самого начала. Из-за этого нападения мы все сегодня не в себе! Ну что же вы молчите, начинайте!

Потирая, свою ставшую красной, щеку, парень, сняв съехавший немного в сторону шлем, положил его на стол и начал свой рассказ о том, что же произошло у него на глазах, этим утром.

«...Горожане бежали по улицам Гротеска в сторону центральной площади, толкаясь и крича. На их лицах застыли ужас и отчаяние, никто из них не был готов к тому, что война придет в каждый их дом. Горожан охватила паника, все позабыли о своих пожитках и теперь старались лишь спасти свою жизнь. Город пылал, где-то на самом востоке, огня отсюда, с центральной площади не было видно, лишь клубы дыма, устремившегося под самое небо вверх. Я, не думая о своей безопасности, бросился в поток убежавших, стараясь протиснуться через них, чтобы по главной улице добраться до самих ворот. Наконец людской поток иссяк, и я на мостовой оказался совсем один. Нужно было бежать что есть сил вперед, чтобы защитить хотя бы то, что осталось. Ни стражников, ни рыцарей нигде не было видно, также, как и воинов Ордена, и вот я уже подбежал к церкви. К моему удивлению, это здание, высившееся над всеми остальными, было абсолютно целым. Справа от меня все заволкло дымом, а слева и где-то впереди, так же в дыму, были слышны звуки боя. Я бросился туда, ища через пелену дыма стражу или защитников города, но никого из них нигде не было видно. Вот засвистели стрелы, откуда-то сверху, как я понял стреляли с верхнего этажа сторожки, но явно не по мне. Ветер подхватил клубы дыма и моему взору предстала удивительная картина.

Епископ, а это был именно он, я просто не мог ошибиться, стоял на коленях, с добрый десяток стрел торчало из его груди, но он все еще был жив. Вот он оперся на свой меч и поднявшись, бросился снова в атаку, будто и не замечая стрел, торчащих из его груди. Ветер все нарастал и нарастал, разогнав дым окончательно. Теперь я увидел и его противников, они испуганно жались к друг другу, выставив вперед свои мечи, не боясь перейти в атаку. Их было не меньше двадцати, вокруг них, по мостовой, ползали раненые и искалеченные — картина была просто жуткая. Вот епископ поднял свой полуторный меч над головой и бросился в толпу врагов, получая удар за ударом. Я же, глядя на все это безумие, даже оцепенел от страха, понимая, что он один будет продолжать сражаться с ними со всеми. Враги протыкали его мечами, но он не сдавался и не отступал ни на шаг, будто бы сам хотел, чтобы они подобрались к нему как можно поближе. Его меч разил врагов одного за другим, пока не застрял в теле одного из противников. Дальше епископ прорубался сквозь толпу, используя только свои руки. Удары были такой силы, что в тех местах куда он их наносил, оставались лишь обгоревшие дыры, будто металл или чья-то голова. Враги, крича от ужаса побежали в сторону ворот, стараясь спрятаться за лучниками, выстроившимися в шеренгу и ждущими, когда на их линию обстрела выйдет епископ.

Наконец, оцепенение с меня спало, и я, выхватив свой меч бросился помогать, понимая, что этот бой скорее всего для меня станет последним. Епископ снова упал на колени и на мгновение замер. Мне даже показалось что он уже мертв, но каково же было мое удивление, когда он снова ожил и стал выдергивать из себя стрелы, ломая их, будто и не чувствовал боли. Когда же я к нему подбежал, то понял, что епископ будет еще сражаться. Он мотнул головой в мою сторону и начал читать молитву, снова подымаясь на ноги. На его лице сияла улыбка, он молил господу об искуплении и добивал своим мечом раненых врагов, не давая им не единого шанса на спасение. Снова засвистели стрелы, и я толкнул священника к стене стараясь прикрыть собой. Честно сказать у меня это не очень получилось, ведь стоило мне к нему прикоснуться, как я почувствовал исходящий от него жар, жар, который обжигал мне лицо и руки. Мы встретились с епископом взглядами, и я все понял, в тот момент, именно меня нужно было спасать.

Враги перегруппировались у ворот и прикрываясь щитами, снова пошли в атаку. Епископ снял свою изрубленную мечами и продырявленную стрелами броню, оголив свой торс. Ряса поверх которой была надета броня теперь представляла из себя запекшееся кровавое тряпичное месиво, а не одежду. Он отшвырнул ее и с мечом на перевес побежал вперед. На его спине, прямо у меня на глазах следы от порезов и отверстия от стрел исчезали без следа. Это было точно чудом и никак иначе, епископ не читал молитву, он ее уже пел, и я, закричав, бросился вслед за ним, подняв свой меч. Краем глаза я видел, как горожане, стражники и несколько рыцарей поддались кличу священника и тоже покинули свои убежища и бросились воодушевленные на врагов. Воины Ордена остановились, их мораль окончательно была сломлена, даже лучники перестали в нас стрелять и бросились бежать прочь. Защитников города вокруг становилось все больше и больше, врагов оттеснили к самым воротам, просто заваленным трупами сражавшихся. Бой продолжался, до тех пор, пока последний враг не упал замертво на мостовую и не испустил свой дух. Мы кричали, плакали, смеялись и ликовали обнимая друг друга, мы-таки смогли отстоять свой город.

Я искал глазами епископа, идя среди раненых и убитых, все вокруг представляло из себя кровавое месиво из плоти и стали. На мгновение, мне показалось что епископа убили, но моей радости не было придела, когда я увидел, что он все еще был жив. Теперь он лежал

на мостовой, выронив свой меч и корчился от боли. Его грудь и руки были покрыты ожогами, от которых он начал кричать, пока совсем не потерял сознание. Нужно было не медлить и мы, выжившие в этом жутком побоище, подняли его на руки и понесли в храм. Рядом наши товарищи по оружию и просто горожане делали тоже самое. Они больше не бежали и не боялись смерти, каждый кто смог отстоять свое право на жизнь в городских стенах помогал, как мог. Я видел, как вереница людей таскала ведрами воду, пытаюсь потушить пожар, вот понесли раненых, пытаюсь их спасти, кто-то переворачивал убитых, ища среди них своих родных и близких.

Когда мы вошли в храм и положили епископа на большой стол для церемоний, он снова пришел в себя и схватив мою руку заплакал. Он рыдал не от боли, нет, он рыдал от радости. Ожогов на его теле становилось все больше и больше, кто-то уже начал мазать его целебной мазью, перевязывать и успокаивать. Епископ уснул только после того, как мы напоили его целебным отваром. Какая-то женщина, даже поцеловала его в лоб и запела какую-то церковную песню, еще несколько человек подхватили вслед за ней, вот уже все в церкви молились, восхваляя господа. Я пел вместе с ними, помогал раненым, оплакивал умерших. Еще никогда до этого, мне не приходилось видеть столько людей в нашем храме, люди наконец обрели веру, поверили в чудо, став живыми свидетелями того, как наш господь наделил епископа силой. Когда мы втроем вышли из храма, на восточных воротах уже стояли люди герцога, они возводили баррикады и командовали горожанами, помогавшими им.»

— Мы решили, как можно скорее рассказать вам об этом учитель, еще никогда так не была крепка вера, как сегодня. Люди теперь молятся и верят, как никогда до этого!

Учитель ничего не ответил все это время продолжая молчать, обдумывая все выше сказанное.

— Я думаю нам пора начинать самим строить баррикады, школа станет нашей крепостью, которую ой как не просто будет взять нашим врагам.

— О чем вы говорите, мастер? — в глазах говорившего, бывшего ученика, было недоумение:

— Мы смогли отбить атаку, мы же их победили!

— Нет, это не так! — учитель остановился и снова что-то обдумывая, продолжил:

— Эта была только первая атака, я уверен, что, это нападение, которое вам удалось отразить, было не последним. Скажу больше, враги уже в городе и главная битва еще впереди. Мы будем оборонять нашу школу.

— Но учитель, если нападения продолжаться, город ждет осада и голод!

— Я не отвечаю за горожан, за них отвечает герцог. Я должен защищать своих учеников, тех кто в стенах моей школы и оборону мы будем держать здесь. У нас достаточно еды, чтобы переждать любую осаду!

— Но учитель, это же неправильно, нам нужно объединить усилия вместе с герцогом и городской стражей?!

— Не тебе меня учить, мальчик, как поступать. Вы пришли сюда за помощью, и вы ее не получите! Вам самим нужно охранять склады торговой гильдии в порту, а не заниматься самоуправством! Или вы думаете голод не заставит людей прийти вас грабить? Вы должны выполнить свой долг перед гильдией, а не бегать по городу, спасая его жителей.

— Но учитель...

— Вы свободны! — учитель отвернулся от стоявших в полной растерянности бывших

учеников и снова погрузился в свои мысли. Пришедшие, недовольно покачали своими головами и забрав шлема со стола, ушли прочь, ни с чем.

Я продолжал лежать на кровати, молча обдумывая то, о чем говорили последние посетители. Хлеб с клеймом Ордена, трущобы, головорезы Сольвани, последние задания вертелись, не переставая у меня в голове. Вопросов стало еще только больше и не было ни одного ответа. Салли сидел рядом и тоже что-то молча обдумывал, изредка кусая пирожок, который принес с собой, продолжая наблюдать за учителем, начавшим мерить шагами комнату. Я от навалившейся на меня усталости уснул, сквозь сон слыша, как к учителю приходили все новые и новые посетители, прося о помощи. Как мне показалось, он всем до единого отказал. Воля, что пряталась где-то в моей голове, так и не откликнулась на мой призыв, но за то я почувствовал, что снова могу шевелить своими ногами и руками.

— Мастер, Лад снова может двигаться! — Салли выглянул из-за балдахина, обращаясь к учителю Серо.

— Спасибо мой мальчик. Лад, пожалуйста, полежи еще какое-то время, пусть раны окончательно заживут. Теперь вы оба знаете, что происходит в городе. Все эти люди, приходившие ко мне, хотят помощи, но мои ресурсы не безграничны. Я не хочу тратить их впустую, мне вас всех еще нужно защитить. Вы же мои ученики, — учитель подошел к постели и потрепав Салли за рыжие волосы, сел рядом со мной на самый край.

— Нас ждут очень страшные времена, но мы их обязательно переживем. Я вам обещаю. И да, хочу, чтобы ты знал, с завтрашнего утра, ты будешь заниматься только со мной!

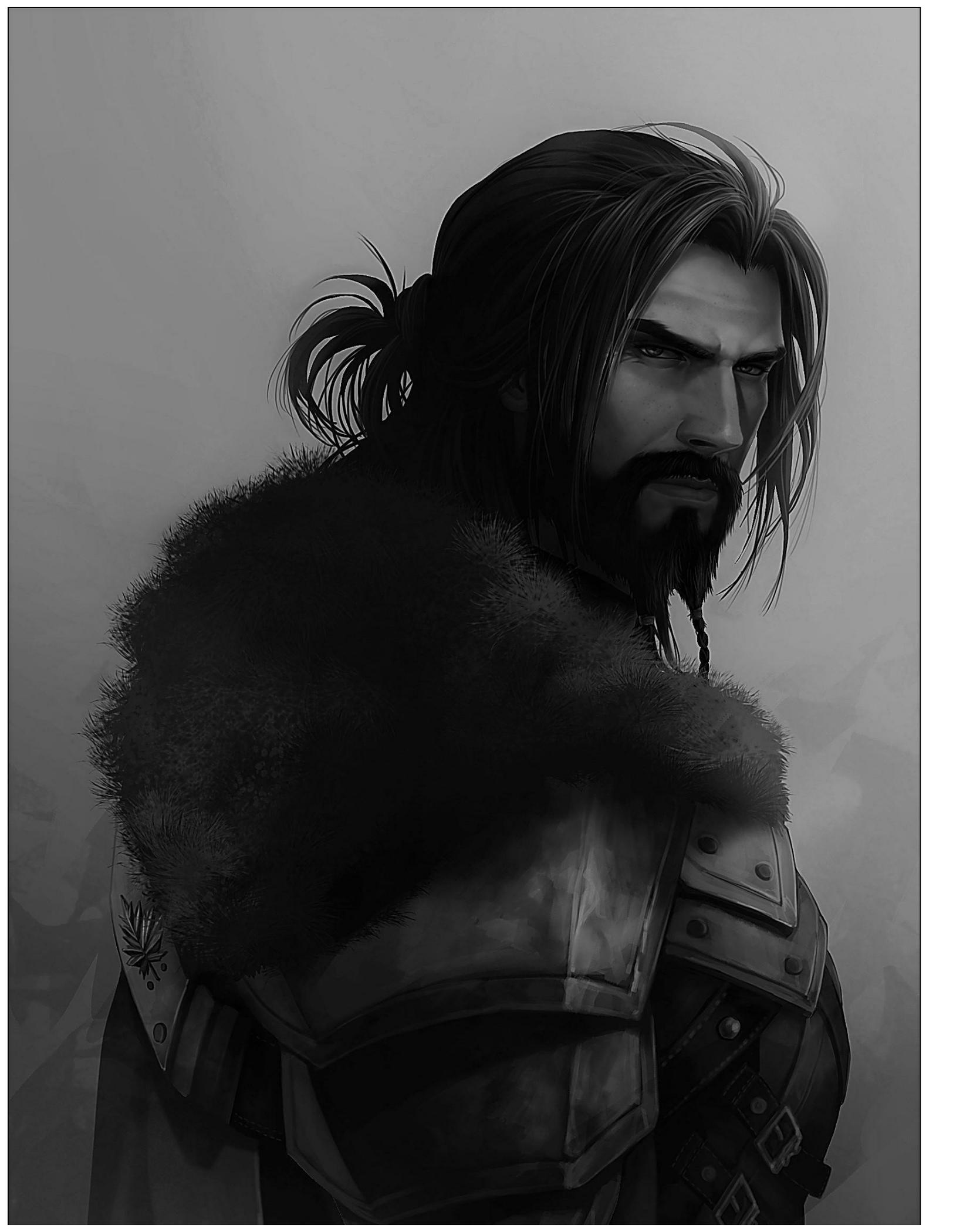
— Кто, я? — глаза Салли загорелись от неожиданности.

— И ты тоже, но чуть позже, пока я буду учить только Лада! А тебя, мой мальчик, ждет еще столько дел, что ты совсем позабудешь о тренировках.

— Ладно, пойдем во двор, пусть Лад отдыхает. Нам с тобой предстоит успокоить всех учеников. Так что беги, скажи всем чтобы собрались во дворе. Мы будем готовиться к обороне.

Я снова остался один на один со своими мыслями. Я не знал, поступает учитель правильно или нет, решив не помогать горожанам. Единственное в чем я точно был уверен, так это в том, что после всех его опытов над нами, ожидать чего-то хорошего от него не приходилось. Он же дал обещание Владыке Вечности, что никого не убьет своей силой и теперь, был полностью бесполезен. Окажусь ли я прав, покажет только время.

Мастер Серо.

Целый день проведя в постели, я, то засыпал, то снова просыпался. Ближе к вечеру боль по всему телу совсем исчезла, и лишь ожоги на моей шее продолжали о себе напоминать, стоило только к ним прикоснуться. Мне бесконечно хотелось подняться с постели и поесть, благо та еда, которую оставил после себя учитель все еще продолжала лежать на столе. Голод смог победить здравый смысл и я, прислушиваясь к шуму за стенами комнаты попытался встать с постели чтобы добраться до стола. Ноги у меня были как ватные, опираясь на них я чувствовал, как сотни невидимых иголок под моей кожей колются прямо изнутри. Сделав еще несколько попыток и стараясь держаться за кровать, я понял, что учитель был прав, мне нужно было лежать до самого утра. Ночь предстояла быть скучной и однообразной, в кромешной тьме, ведь никто так и не пришел, и не зажгёт свечи что стояли на стенах. Спать мне больше не хотелось, и я просто наблюдал как комната погружается во тьму, мгновение за мгновением. Ожидание становилось просто не выносимым, до тех самых пор пока последний лучик света не скрылся за горизонтом, и тьма снова не победила свет за окном.

Потеряв возможность что-либо видеть, все мои чувства переключились на слух и как показало время вокруг оказалось очень шумно и многолюдно. Я прислушался, за окном разговаривали ученики, они были обеспокоены нападением на город. Услышал, как птицы, барабанят по черепице, бегая на своих коротеньких ножках. За стеной справа от меня кто-то тяжело зевая переминался с ноги на ногу, наверное, учитель оставил кого-то приглядывать за дверью. Я слушал голоса людей что проходили по коридору, кто-то нес одежду в стирку, кто-то шутил, а кто-то без умолку просто болтал, рассказывая смешную историю, начало которой для меня так осталось неизвестным. Постепенно школа начала погружаться в сон, шагов становилось все меньше и меньше, даже мой телохранитель за стенкой перестал зевать и притих. Наконец стало настолько тихо что я еле слышал, как ветер качает ветви деревьев, медленно набирая свои силы. Но и он проклятый уже совсем скоро стих, оставив меня в полной тишине. Я попытался обратиться внутрь самого себя, поговорить со своей Волей, но она была в это раз глуха к моим мольбам. Недовольство начало пожирать меня прямо изнутри, время будто остановилось, были лишь тьма и тишина, один на один со мной. Воля продолжала молчать, и это взбесило меня настолько что хотелось кричать, но я не стал этого делать. Терпение было уже совсем на исходе, я не знал, о чем еще мне думать и чем занять себя в такой ситуации. Мучиться бессонницей мне никогда еще не приходилось и поэтому я продолжал молча лежать, пытаюсь удержать внутри себя остатки терпения, которое ближе к полуночи окончательно иссякло.

Я снова решил добраться до стола и попробовать поесть. Моей радости не было предела, когда, поставив свои ноги на пол они наконец то начали меня слушаться, а не колоть иглами изнутри. Без света было тяжело ориентироваться в полностью темной комнате, но я положился на свою память. Меня обнадеживал тот факт, но до того момент как мой учитель начал мне ее периодически стирать, она меня еще не разу не подводила. В этот раз она меня снова не подвела, мне удалось добраться до стола без падений, нащупать рукой стул и сесть, принявшись искать миску с едой. Пожалуй, не побоюсь этого слова, но та еда была самой «наивкуснейшей» что мне только доводилось пробовать. Мясо в миске застыло, вместе с жиром превратившись в один большой ком из желе, а картофель с

овощами был таким острым, что даже холодным обжигал мне все горло. Нащупав рукой кувшин с водой, я налил в кружку, ориентируясь только наощупь и используя свой слух. Как только журчание воды в кружке стало менять свой звук, я перестал наливать и принялся жадно пить, только через несколько глотков почувствовав, что это было вино. Проклятая тьма перехитрила меня окончательно, еще и опоив. Я доел всю еду с тарелки запив вином, ощущая, как слабость снова одолевает мое тело. Уже возвращаясь из-за стола в постель меня посетила мысль, с которой я и провалился в глубокий сон позабыв обо всем. «наверное, учитель все так и задумывал?»

***

Утро застало меня отвратительным запахом из рта, он будто повис вокруг, заполнив всю комнату своим смрадом. Я стал размахивать руками пытаясь отогнать от себя вонь, но это мне это так и не удалось сделать. Утро всегда начиналось с солнца, которое все это время пряталось за далекими холмами, только теперь подымаясь на небосвод, вновь побеждая тьму. Я медленно потянулся и зевнув, снова почувствовал запах вина, не довольно поморщившись. С сегодняшнего дня мне предстояли тренировки наедине с учителем, и у меня появился уникальный шанс во чтобы то не стало наконец то докопаться до истины, получив ответы на все вопросы что засели в моей голове. Ответит мне учитель или нет, я не знал, но все равно стоило бы попытаться. А пока мне непременно нужно было помыться. Я заглянул в кувшин с вином и принялся, только теперь поняв, что смрад заполнивший комнату был не запахом вина, нет это был запах моего собственного тела, покрытого лечебным кремом и вспотевшим за последние сутки несколько десятков раз. Мне немного даже стало смешно от мысли что такой запах можно было бы использовать как оружие, и я с улыбкой на лице отправился мыться на первый этаж. Плевое дело, нужно было только найти одежду и натаскать воды из колодца, который был во дворе школы. Вспомнив о том, что учитель спрятал вещи в полотняный шкаф, я отправился к нему, найдя там пару неплохих штанов и рубаху с завязками на груди и воротником, скрывавшим мои ожоги, от прикосновений к которым становилось больно. Ничего не оставалось как отправиться в этой одежде грязным мыться, остальное просто было не по размеру и висело на мне как на пугале. Моего хранителя, что стоял в коридоре не было на месте, он так и остался для меня неизвестным. Никого так и не встретив я спустился во двор.

Омовение ледяной водой и хорошее натирание специальным камнем всего тела, наконец то смогли смыть с меня не только грязь, но и остатки усталости. Я был готов к тренировкам чувствуя прилив сил и уверенность в себе. С такими мыслями, я проследовал через весь двор, где еще никого из учеников не было в небольшой зал, туда, где меня уже ждал учитель. Он сидел на коленях с закрытыми глазами, но стоило мне только переступить порог, открыл их и поприветствовал меня:

— Надеюсь ты достаточно отдохнул, мой мальчик?!

— Спасибо учитель, кусок холодного мяса и пара глотков вина не показались мне лишними — моя дерзость осталась не замеченной, Серо будто проигнорировал мои слова.

— Твоей благодарностью станет отличная тренировка. Давай одевай доспехи и выбирай оружие! Хочу посмотреть все ли ты усвоил за годы обучения?

Я оделся наспех в кожаный доспех для тренировок и теперь стоял перед выбором что же мне взять для предстоящего урока. Ведь это был определенно урок, а не сражение, о котором я думал еще вчера. Затянув зубами рукавицы для защиты рук, и приковав все свое внимание на полторном мече, стоявшем отдельно от остального огромного арсенала, я уже сделал

свой выбор. Хотя здесь было из чего выбирать: мечи, булавы, рапиры и даже пики с алебардами. Все оружие было хорошей работы местного кузнеца, а некоторые экземпляры мне до этого видеть даже не приходилось. Стоило мне только сделать шаг в сторону стоявшего у стены полуторного меча, как учитель тут же перешел в атаку. В его руках была обычная тренировочная палка, которые мы использовали долгое время на тренировках во дворе. Урок начался раньше, чем я мог предполагать, чуть успев увернуться от первого выпада, я сумел парировать второй выпад защищенной доспехом рукой. Мне повезло что этот удар пришелся почти вскользь, но пульсирующая боль заставила меня отскочить назад.

— Чего же ты, возьми свой меч, Лад! Именно он тебе приглянулся? — учитель сжимал палку в обеих руках, широко расставив свои ноги, медленно продолжая двигаться вперед. У меня было всего мгновение для того чтобы предугадать куда же он снова будет бить. Поднырнув под удар учителя слева направо, и наконец оказавшись у заветного меча, сжав который я почувствовал себя гораздо увереннее. Еще один выпад мастера я заблокировал мечом, ловко переместившись в сторону и намереваясь атаковать в ответ. Серо сделал все один шаг назад и мой рубящий удар разрезал лишь пустоту.

— Ну что, думаю теперь можно начинать тренировку? — мастер Серо отошел на центр комнаты и занял оборонительную позицию подняв свой меч вверх, острием прямо на меня.

— Нападай, ты же ради этого сюда пришел?

— Вы все еще держите меня за мальчишку? Возьмите настоящий меч в руки, ведь тот что теперь я легко разломаю! — я крутил играючи полуторный меч в своих руках, почти не чувствуя его веса.

— А ты просто попробуй. Думаешь мне будет недостаточно простой палки чтобы тебя одолеть? — учитель не дал мне ответить на свой вопрос и перешел в нападение, переместив меч влево, намереваясь ударить рубящим с боку. Время для меня почти остановилось, я легко отражал все удары мастера, предвидя их заранее, только иногда отступая или уклоняясь. Учитель продолжал со мной играть, даже не пытаясь нанести какой-то серьезный урон, стараясь ударить так, чтобы я снова почувствовал боль. Мне очень быстро это надоело, и я перешел в атаку сам, не видя в деревянной палке, даже пускай в руках самого мастера фехтования, какой-либо опасности. Серо начал отступать, стараясь отразить все мои выпады понимая, что с каждым новым ударом шанс переломить его тренировочное оружие у меня был все больше и больше.

— Ну же, смелее, чего же ты ждешь? Разве кто-то из твоих старых друзей так медлил, как ты сейчас? Где же твоя скорость? — на мгновение в моей голове возник образ, сцена из прошлого. Мы сидели посреди одного из залов для тренировок на коленях ожидая для чего же учитель нас всех здесь собрал. Образ был такой яркий что я остановился, получив по своей руке удар палкой и скорчившись от невыносимой боли отступил назад, прикрываясь мечом.

— А ловкость? Какой же удивительной ловкостью обладал каждый из вас... — атаки учителя стали гораздо быстрее, он просто уклонялся от моих ударов и старался дотянуться до меня, чтобы снова ударить:

— Единственный кто из них остался — это Салли!

Мастер Серо словами отвлекал меня, заставляя медлить погружаясь в прошлое, образ рыжеволосого Салли застыл у меня перед глазами, и я получил в этот раз удар палкой по ногам, упав на пол. Кость не была сломана, но я почувствовал, как место, по которому пришелся удар начало гореть огнем.

— А сила, ты помнишь с какой силой бился лучший из вас? — учитель опять наступал на меня. Я чудом увернулся и перекатился в сторону уклоняясь от его очередного удара.

— У тебя ничего нет из того что я перечислил, ты обычный, совершенно обычный ученик! Тот, кто вообще не должен был пройти мое испытание стиранием памяти и так и остаться дураком до конца своих дней!

От обиды я даже вскочил на ноги и отразил последний удар, вложив все свою силу что только была в тот момент. Тренировочная палка в руках учителя переломилась и мой меч чуть было не достал его шею. Я снова перешел в атаку, делая замах замахом:

— Где они все, кого вы свели с ума, лишив памяти? Я ведь помню каждое лицо, каждый из них готов был отдать свою жизнь только чтобы научиться вашему мастерству. А вы так низко с ними поступили... — мои удары снова и снова не достигали своей цели, жажда убийства переполняла меня всего.

— Вы обманули их всех! Только я смог вернуть себе память! И я докажу вам, что мне хватит одной лишь ненависти чтобы расправиться с вами! — учитель схватил еще одну палку для тренировок и продолжил отражать все мои удары, один за другим.

— Ну же, я не вижу. Где вся ненависть, о которой ты говоришь? Где же она? — он смеялся мне прямо в лицо, продолжая играть со мной.

— Да что вообще мне мешает сделать тебя калекой? — учитель бил по полуторному мечу палкой что есть сил и от его ударов во все стороны летели щепки.

— Я вам не дам этого сделать! — я снова отразил его выпад и подняв меч над своей головой занес его для удара, сделав то к чему учитель точно не был готов. Стараясь отразить мой рубящий удар, он совершенно забыл про защиту снизу, чем я и воспользовался, ударив его ногой в живот. Палка треснула от моего удара мечом, а нога отправила мастера Серо на пол. Я даже не намеривался останавливаться, ведь жгучая ненависть заполнила мой разум, напрочь лишив зрения и здравого смысла. Прикрываясь остатками тренировочной палки, учитель отползал назад, я же с каждым новым ударом все ближе приближался к тому чтобы нанести свой последний удар — смертельный.

Перед глазами понеслись образы из прошлого: мы вместе с Салли смеемся над рассказом учителя; вот он ругает нас, а вот рассказывает о задании; смеется вместе с нами и вот опять стирает память очередному ученику, который падая с пеной у рта бьется в судорогах. Теперь перед моими глазами лежал тот, кто лишил всех моих старых друзей нормальной жизни, тот кто стирал мне память, тот кто должен был сейчас умереть.

— Давай, покажи мне свою ненависть! Ну же, хватит медлить. Я хочу увидеть твою силу, Лад!

Я взмахнул своим мечом, занеся его за свою голову высоко вверх и опустил его прямо лицо учителя намереваясь убить. Ненависть заполнила мой разум, я больше не хотел ничего знать от этого человека, сделавшего столько плохого всем вокруг. Описав дугу мой меч опустился прямо на учителя прикрывающегося только своей рукой, в которой ничего не было. Еще мгновение и мой меч ударился в невидимую преграду, оружие которое учитель теперь держал в своей руке и снова улыбался.

— А ты на что ни будь, да и сгодишься! — мастер Серо легко отразил мою атаку своим невидимым мечом и второй рукой лишь взмахнув, разрезал мне кожаный наплечник.

Я снова отступал, совершенно не понимая и не видя куда он будет бить своими невидимыми мечами, длину которых он с легкостью все время менял. По-другому это я никак объяснить не мог, видя, как он с легко разрезает кожаный бушлат на мне. Мне все

время не хватало длины клинка чтобы ударить его в ответ мечом, теперь казавшимся совершенно бесполезным. В последний момент, я увидел, как капли крови брызнули на пол, и я отскочив назад остутился и упал на колени:

— В этот раз я сдаюсь, вы победили...

— Каков хитрец! Ты же только что хотел меня убить, а теперь сдаёшься! А ну вставай! — я увидел, как от его взмахов руками и на деревянном полу остались отметины от лезвий. Я точно был уверен, что учитель сжимал невидимые мечи в своих руках.

— Ну что, теперь ты видишь разницу в нашей силе? Как думаешь, каково это жить с такой силой и не иметь возможности ее применять!?

— Я не верю, что вам мешает какое-то дурацкое обещание данное Владыке Вечности. Да им детей пугают с детства!

— Дурацкое? Да что ты знаешь о детях... Ты же сам еще совсем ребенок!

— За то вы хорошо разбираетесь! Скольких вы лишили памяти... — стоя на коленях я продолжал дерзить своему учителю, снова и снова.

— Ах, память. Ну вспомнил ты все что я стер до этого! Тебе что стало легче? Ну сам подумай, какой же беззаботной была твоя жизнь. Да тренировки изнуряли, выжимали тебя до суха, но ты к ним привык. Ты накормлен и одет, бегаешь с Салли по городу выполняя мои поручения и еще чем-то не доволен. Неблагодарный наглец, да ты бы мог гнить сейчас за стенами моей школы, прося милостыню и еще чего похуже. Ну подумай сам, я стер только все самое отвратительное, что вызывало в тебе ненависть и страх. Разве это плохо? — учитель навис надо мной, не боясь, что я в любой момент могу ударить его лежавшим у моих ног мечом прямо в живот.

— Да это плохо! Я совсем не помню своих родных, отца и мать. Сколько таких как я бродят во тьме, не понимая зачем они здесь! Смериться со своей судьбой? Зачем? Чтобы стать охранником каравана, нет уж, увольте!

— М-да. — учитель отошел от меня предлагая жестом встать.

— Если бы я мог тебя убить за твою дерзость, то с радостью так бы сейчас и поступил. А так вместо меня марают руки мои ученики и конечно же Тильда, добрейшая женщина на земле, пригрела на моей шее такую змею! — учитель с разочарованием посмотрел на меня и плюнул прямо на пол.

— Ну хорошо ответь мне, что тебе тогда надо? Ты хочешь уйти? Все бросить?

— Я хочу найти своих родных! Вы же сказали, что знали моего отца! Я хочу этого больше всего на свете...

— Хорошо я отвечу на твои вопросы, только если ты потом ответишь на мои?

Я поднялся на ноги снова сжимая меч, учитель не сильно меня ранил, и я спокойно мог продолжать поединок. Мне было все равно, что мастер Серо был куда сильнее любого в нашем городе. Я хотел продолжать, чтобы переплюнуть его, способности моей Воли для меня были полной загадкой, которую я непременно должен был разгадать.

— Задавайте сначала ваши! — сказав это я снова бросился в атаку наблюдая только за движениями кистей учителя в которых снова что-то было.

— Как ты смог вернуть себе память! — Серо ловко укорачивался от моего меча и отражал атаки своим, мне показалось я даже услышал несколько лязг металла.

— Я, я не знаю, просто захотел и все! — я мысленно стал достраивать перед собой траекторию его удара представляя, что в его руке меч. Мне удалось это сделать еще раз и потом еще раз, предугадывая его атаки и отражая его невидимое оружие.

— Так не бывает — он махнул рукой, так что будет бить сверху, а сам ударил меня ногой снизу, возвращая мне должок, за такой же удар от меня ранее.

— Со мной бывает такое, чего не бывает ни с кем! — я поднырнул ему под руку и присев на одну ногу что есть силы ударил учителя гардой в челюсть, снова угодив в невидимую преграду. Удар был такой силы, что Серо опрокинуло назад, но он сделал кувырок назад и снова был готов атаковать.

— А ты можешь удивить, это правда! Так что же вернуло тебе память?

— Я никогда не врал вам, я просто очень сильно пожелал этого так как не желал никогда.

— Сила что была в тебе все это время наконец пробудилась, твое обучение фехтованию окончено, я удовлетворен твоим мастерством. — учитель опустил руки и кивнув головой поблагодарил меня за поединок.

Трубка снова была в руках учителя, он закурил, отвернувшись от меня и сложив руки за спиной продолжил говорить, совершенно не обращая на ниспадающее с меня напряжение:

— Еще вчера я перед тобой извинился, такого я не делал никогда за все свою долгую жизнь. Наверное, мне еще многое предстоит сделать в первый раз, но сейчас не об этом. Я знаю, как минимум еще двоих, кто сумел так же, как и ты, только пожелав что-то непременно это получить. Я не знаю, что за силой ты обладаешь, но ее нужно постичь и научиться пользоваться, какой бы она не была. Вчера ты смог вернуться из темницы храма, а это на моей памяти никому еще не удавалось. Теперь задавай свои вопросы ответом на мой я уже удовлетворен.

Я, только дослушав Серо, опустил свой меч, во мне почти не осталось никакой злобы, но я снова был сбит с толку. Если хорошенько подумать, то учитель был прав, он не забрал у меня ничего хорошего из воспоминаний, а причина по которой я не помнил своих родителей могла быть абсолютно другой.

Воля внутри меня все также продолжала молчать не подводя никаких признаков жизни, просто игнорируя все мои призывы. Мне очень хотелось показать учителю, на что я способен, но, наверное, он и так был удивлен тем, что мне удалось сбежать из темницы. Теперь, проведя со мной личную тренировку, Серо сделал какие то выводы и был мной доволен.

— У меня к вам только три вопроса! — я поставил меч у стены и стал снимать с себя, ставший тяжелым, кожаный бушлат.

— Расскажите мне о том, как вы попали к Владыке Вечности! Все о моих родных и том, когда же закончиться мое обучение? Вы же сказали, что мое обучение фехтованию окончено!?

Учитель задумчиво сделал несколько затяжек и присев на скамью у самой стены предложил мне жестом сесть рядом, размышляя над тем как мне ответить.

— Давай я расскажу тебе о своих родителях. Нет не думай, что уйду от ответа, нисколько! Так тебе будет проще понять, как я попал к Владыке Вечности, да и вообще почему его так зовут.

Я вытер рубахой пот со лба, только теперь увидев в дверном проеме улыбавшегося широкой улыбкой Салли и молча начал слушать нашего учителя, оказавшегося не таким жестоким, как я себе на представлял.

Горы из рассказа Серо.

Салли продолжал стоять у входа, ожидая разрешения от учителя Серо, его глаза смотрели то на меня, то на мастера фехтования, переступить порок сам, он побаивался. Пауза затянулась и Серо, перехватив мой взгляд, махнул рукой, предлагая войти рыжеволосому мальчишке, замотанному по самую шею черными бинтами, служившими ему во время заданий одеждой.

— Учитель, — Салли поклонился и в несколько прыжков преодолел расстояние до скамьи, на которой мы с учителем сидели. Изогнувшись, как кошка, и вытянув свои руки

высоко вверх, он скрестил свои ноги, сев на пол, с интересом глядя на нас обоих:

— Как прошла тренировка? Лад, ты, наверное, опять все позабыл в самый нужный момент?

— Помолчи Салли, — учитель искоса глянул на распаленного от переполняющей его силы рыжеволосого мальчишку и хотел начать свой рассказ, но был перебит.

— Тренировка молчанием? А я-то думал... — Салли не стал договаривать, увидев, как учитель поднял свой указательный палец, готовый в любое мгновение применить силу.

— Если не замолчишь, мне придется это сделать. А пока я хочу рассказать историю моей встречи с Владыкой Вечности. Этот вопрос очень интересуется Лада, ну и тебе будет интересно послушать ее со всеми подробностями. А то мое нежелание убивать обросло таким количеством слухов, что скоро я и сам забуду клятву, которую давал Владыке Вечности! — учитель снова закурил и выдыхая густые клубы табачного дыма, наконец-то начал свою историю.

***

«Я родился далеко на северо-востоке отсюда, в деревушке, последи вечных снега и мороза, что пробирал до самых костей. Зимы там были настолько длинными и холодными, что почти все свое время мы проводили у печи, которую топил наш отец. В моей семье было много детей, я же был самым младшим и самым любознательным. Меня тянуло в неизвестность, туда, сквозь вьюгу и мороз, туда, где правила белая смерть. По несколько раз на дню я старался покинуть наш дом, чтобы пойти к соседям или увидеть что-то новое. Все мое семейство только и занималось тем, что дубило шкуры, да шило одежду из шерсти овец, которых у моего отца было огромное множество. Порой, дрова приходилось экономить, и мы всей семьей спали среди животных, хоть как-то пытаясь согреться, лежа друг с другом в обнимку. Потом мороз отступал и лед, тая, становился бесконечным потоком воды, что устремлялась вниз по склону, минуя нашу деревушку и по весне превращаясь в настоящую бурную реку. Все вокруг начинало расцветать, бесконечная ночь и ее морозы отступали и бесконечным становился день, что теперь никак не хотел заканчиваться. Лишь стоило реке успокоить свои потоки, образовав берега, к которым уже можно было подойти, не боясь упасть в воду, как зелень начинала пробиваться буквально повсюду. Так наступала пора работы, лето, жаркое и такое зеленое было очень коротким, чтобы им наслаждаться, просто купаясь в речке или дурачась с соседскими детьми, мы все были заняты, каждый своим делом. Отец и старшие братья косили траву, заготавливая скотине еду на долгую зиму, а я же пас коз. Целыми днями водя их от одного места к другому, я смотрел, чтобы они всегда были сыты, наедаясь до отвала травой. Вечером, каждого дня, мы доили коз и отдавали молоко соседям. Только потом я узнал, что из него делают сыр, творог и разные напитки. Лето всегда проходило очень быстро для меня, я постоянно отлынивал от своих обязанностей пастуха и наблюдал за птицами и другими дикими животными, люди летом меня совершенно не интересовали. Мать часто находила меня спящим на своем посту или вовсе не могла найти, ведь порой я уходил так далеко, что находил дорогу домой только ориентируясь по далеким пикам гор, висевших над долиной, в которой мы жили. Так продолжалось до тех пор, пора не пришли волки и не вырезали почти все наше стадо, за которым я должен был приглядывать, а на посту меня в тот момент не было. Пожалуй, это было последней каплей моих родителей, и они меня продали. Да вам не показалось, они меня обменяли, на дерево, хорошее дерево, которым можно было топить печь в нашем доме много ночей. По реке, откуда-то на западе, торговцы сплавливали лес и часто попадали к нам в

деревню, меняя свой товар на наши сыры и кожу животных. Вот только в этом году, почти все стадо убили волки и отец решил отдать им меня, в обмен на дрова. Сурово конечно, но справедливо, раз из-за моего любопытства вся моя семья чуть не лишилась всего что у нас было. Соседи, что также лишились возможности делать сыры из нашего молока, тоже продали часть своих детей. Конечно из шкур убитых коз родители могли сделать одежду, но отец решил, что ее они продадут следующим летом и не днем раньше. Стадо стало меньше, а значит заготовок травы для корма было уже достаточно для того чтобы семьи нашей деревни пережили еще одну зиму и не замерзли, и конечно не умерли с голоду. Я же, вместе с десятком мальчишек, отправился на восток по реке дальше, смерившийся со своей судьбой. Родители ненавидели меня за мой поступок. Так же, как и мои братья, и также как теперь и мои бывшие друзья, да, наверное, все из нашей деревни. Путешествие по реке было не долгим, несколько раз мы еще останавливались, чтобы продать лес, на котором передвигались по воде, обменивая его на руду и какие-то камни, ценности которым, я тогда не знал. Река принесла нас к тем далеким горным пикам, по которым я ориентировался, когда пас коз, совсем обмельчав у самого их подножья. Дальше мы шли пешком. Мои бывшие товарищи, да и дети постарше, ополчились на меня так, что еда, которую нам давали торговцы попадала ко мне все реже и реже остальных. Ее у меня либо забирали, либо вовсе забывали меня покормить. Я же, получая новые синяки и ссадины, во чтобы то не стало, решил выжить, хотя чувствовал, что меня поджидает самая что ни на есть голодная смерть. Совсем скоро горы перед нами расступились, впуская нас по тропинке, идущей через густой хвойный лес, в новую долину, медленно закрывающуюся в ледяную скорлупу. Здесь было куда холоднее, чем в родных мне краях в такую пору, там, кроме голодной смерти меня теперь подстерегал и холод. Торговцы во время сна использовали одеяла, чтобы согреться, мальчишки купленные по всему устью реки жалась к друг другу, а мне оставалось лишь наломать хвойных веток и пытаться согреться в них. Толи мое закалённое здоровье, толи большая удача, позволили мне всё-таки добраться до города, стоявшего в долине. Тогда, я помню, как подумал, что мои злоключения окончатся, и я наконец-то обрету новый дом, найду новых друзей. Вот только мы попали на невольничий рынок, где, можно было не только стать чьим-то рабом, но и угодить прямиком на стол в виде еды. Местные жители, да и приезжие тоже, не чем здесь не гнушались, истязали рабов, устраивали бои и споры до самой их смерти. Однажды ночью нас чуть было не похитили, именно тогда я увидел в первый раз что такое меч. Конечно не такой, как вы могли бы себе представить, с украшенной гардой, хорошейковки и идеальной заточки. Нет, скорее что-то другое, уродливое и сделанное наспех, но также являвшееся оружием в умелых руках. Так один из торговцев, что были все это время с нами, в момент нападения, один сумел расправиться с пятью противниками сразу, обратив остальных в бегство. Этот момент настолько врезался в мою память, что послужил для меня примером того, как и чему мне нужно было научиться, чтобы никто и никогда больше не посмел меня унижать и издеваться. Время неумолимо шло, нас кормили все меньше. Находясь в клетке с незнакомыми мне рабами, я стал получать больше пищи и уже совсем скоро свыкся со своей судьбой. Только изредка, вспоминая во время сна, как я, когда-нибудь научись владеть мечом настолько, что одолею любого на своем пути. Мои фантазии были совсем не долгими, нас всех, маленьких детей, не старше десяти лет купили, чтобы принести в жертву злему богу. По крайней мере, все взрослые так об этом говорили. Мы продолжили свой путь по долине, ориентируясь на далекий, теряющийся в облаках, пик, где мне суждено было встретить самого Владыку Вечности,

именно он оказался тем самым злым богом. Его боялись и почитали, веряв то, что, если принести ему маленьких детей в жертву, его гнев не упадет на город в долине. Этот ледяной пик был его домом, его крепостью и тюрьмой одновременно. Переступив окружающий его невидимый барьер ты уже не мог уйти назад, оставшись запертым навсегда подо льдами.

Я смутно помню, как оказался в стенах огромного ледяного замка, но так просто покинуть я его теперь не мог. Его стены были не преступны, хотя местами даже прозрачны, они тянулись острыми ледяными пиками, теряясь во тьме где-то над нашими головами так высоко, что невозможно было рассмотреть, где же они заканчивались. Здесь, на низших этажах, бродили потерявшие надежду, такие же, как и я сам, маленькие дети, которые в страхе жались к друг другу, смирившись со своей участью погибнуть голодной смертью под окружающими нас всех льдами. Я же не переставал верить, в то что непременно смогу отсюда выбраться. Мне было всего десять, но я точно знал, что это был еще не конец.

Кроме меня только двое, отказывались терять надежду. Выхода нигде не было, но я искал, ведь он просто обязан был быть. Я стал забираться все выше и выше вверх, понимая, что мои силы не бесконечны, а жизнь, вместе с уверенностью в самого себя, медленно покидает мое тело. Я отбросил все свои сомнения прочь и просто лез вверх, цепляясь за ледяные пики, не видя смысла продолжать ждать, там внизу. Я оставил остальных детей, они рыдали, спали, умирали, бились в истерике, умоляя маму их услышать, но стены ледяного замка были абсолютно глухи к их мольбам.

Там наверху, я встретил еще двоих, таких же, как и я сам, не сломленных, не потерявших надежду. Я помню, как мы втроем смеялись, обнявшись и не говоря друг другу не слова, просто лезли все выше, в холодную неизвестность. Бродили по бесконечным коридорам, спали, рассказывали дурацкие истории и снова смеялись, так, будто знали друг друга целую тысячу лет. Сил для наших поисков становилось все меньше и меньше. Один из нас был без сознания, но мы не собирались его бросить и таскали его на плечах, по очереди...»

В этот момент Серо прекратил рассказывать и я заметил на его глазах слезы, которые он, отвернувшись, смахнул рукавом и начал молча забивать трубку новой порцией табака. Молчание затянулось, мне хотелось продолжения, и я начал от нетерпения барабанить по скамье на которой сидел.

— Так что же было дальше? Интересно же, учитель! Продолжайте, не молчите... — Салли сказал за нас обоих, недовольно потягиваясь:

— Ну, пожалуйста!

Салли так протяжно сказал это слово, что даже мне захотелось на него шикнуть, чтобы он поскорее замолчал. Наши мольбы были, наконец, услышаны, мои молчаливые переживания, и призывы моего рыжеволосого друга. Учитель выпустил клубы густого дыма и, почесав свою бороду, продолжил рассказ.

«Очень долго блуждая по ледяным коридорам мы добрались до огромного зала, посреди которого нас ждал сам Владыка Вечности. Мы не боялись его, страха нас уже совсем не осталось, настолько мы выбились из сил, что просто повались на пол и заснули. Большая белая змея, именно в таком облики он предстал перед нами, подползла к нам и обвив наши тела чешуей своего тела, приняла нас, как своих собственных детей. Мы просыпались и засыпали, находясь все время будто в бреду. Чувство голода скоро совсем отступило, и сон, в котором мы находились, почти все время, захватил нас в свои объятия и не собирался отпускать. Теперь вся моя жизнь была во этом сне, который никак не заканчивался. Владыка

Вечности представлял передо мной в разных образах, будь то моя мать или отец, даже тот торговец с мечом был тут. Я спрашивал, а он отвечал, все они мне отвечали, учили меня и наставляли. Главным здесь было только мое желание, желание, во чтобы то не стало, научиться управлять мечом в своих руках так искусно, на сколько это только было возможно. Владыка Вечности знал абсолютно все и обо всем, он принял меня, дал мне то, чего я так хотел. Тренировал меня во сне, а потом просыпаясь я рассказывал об этом остальным детям, так же как я, попавшим в мир снов, созданный нашим новым учителем. Пока мы учились, позабыв о времени, а оно неумолимо крутило свое колесо за пределами ледяной тюрьмы, в которой был заточен наш учитель. За ледяными стенами проходили сотни лет, сменялись эпохи, исчезали и снова возникали города. Целые империи разрастались во все стороны и исчезали, становясь грудой камней и зеленой травой на поле, а мы продолжали жить. Продолжали учиться, став такими же узниками времени, также, как и наш учитель. Наша вера в свои силы продолжала крепнуть с каждым проведенным днем, а желание покинуть это место только росло. Настал момент, когда мы все трое решили покинуть ледяной пик и отправиться назад, домой, каждый из нас, туда куда захочет, еще не зная о том, как же изменился окружающий мир. Так, там на воле, среди мороза и бесконечных ветров, в постоянно меняющихся порах года, исчезло абсолютно все, что когда-либо было нам известно, ведь прошла целая тысяча лет. Учитель отпустил нас, взяв с каждого клятву, которую нарушив мы были обречены потерять все. Никто не знал, что же нас ждало, попробуй мы нарушить данное обещание. Но почему-то именно тогда, мы решили, что он заберет у нас то единственное, что было нам еще дорого — это нашу жизнь. Многим событиям суждено было произойти на моей пути сюда, в Гротеск, прежде чем я стал учителем этой школы. Моей школы фехтования. Так что теперь, вы знаете, почему того злого бога зовут Владыкой Вечности. Не я дал ему такое имя, само время, которому он не подвластен заставило его так назвать. Вот он я, перед вами, живой пример того, что оттуда можно вернуться, настоящий тысячелетний человек. Старый настолько, насколько только можно себе представить!»

Учитель закончил свою историю громко рассмеявшись и похлопав по плечу молчаливо обдумывающего все выше сказанное Салли. Мне же, он хитро подмигнул и поднялся со скамьи собираясь уходить.

— Мне больше нечему тебя учить в фехтовании, Лад. Ты хорошо усвоил все уроки, и мне осталось только узнать сможешь ли ты управлять своей силой. Даже тогда, когда мы с тобой сражались, и ты был в шаге от того чтобы стать калекой на всю оставшуюся жизнь, твоя сила так и не проявилась. Мою же силу, ты сумел довольно быстро разглядеть, хотя она и не видима для всех кроме меня самого, — учитель снова сжал правой рукой невидимый меч и провел по деревянному потолку кончиком его острия, оставляя после себя след.

— Но учитель?! — я протестовал, мне нужно было гораздо больше, Воля внутри меня продолжала молчать. Паника на мгновение охватила меня, и я встал со скамейки не веря, что это была вся история, которую хотел рассказать учитель.

— Моя сила совсем другая, я не понимаю...

— У Лада есть сила? А что это за сила, что она делает? — Салли вертел свое головой смотря то на меня, то на учителя, с открытым от удивления ртом.

— Сила? Применяя ее вне стен нашей школы, вы подвергаете себя большой опасности, ведь она везде под строгим запретом. Церковь и дворянство называют ее магией, за которую ждут пытки и смерть, хотя сами прибегают к ее использованию все чаще. Когда-то давно, я

также очень желал получить силу и Владыка Вечности дал ее мне. Вы должны поверить настолько сильно, на сколько только можете себе представить, чтобы заставить силу проявиться. Пусть это будет первым уроком для вас обоих. Помнишь Лад я сражался деревянной палкой, и ты не мог ее долгое время разрубить, хотя сам прекрасно знал, что металл куда сильнее дерева. Так вот, это я заставил дерево стать таким крепким, чтобы выдержать все твои удары мечом.

— Но как? — почти одновременно сказали мы с Салли, жадно наблюдая за каждым движением учителя. Мастер Серо снова взял деревянную палку для тренировок и проведя по ее поверхности средним и указательным пальцем сложив их вместе, передал ее мне.

— Теперь попробуй сломать! Так просто это сделать тебе не удастся.

— Так, что вы сделали? — Салли взял палку из моих рук и трогая ее не заметил совершенно ни каких изменений. Хорошенько размахнувшись он ударил по скамье, но палка не сломалась и оставила после себя только вмятину на деревянной поверхности.

— Эффект скоро пропадет, но суть вы оба поняли. Заставьте свое оружие быть прочнее. Проведите по его лезвию своими пальцами, поверьте в то, что сможете это сделать, представьте образ в своей голове как разрубаете, например, вон тот манекен и действуйте.

Пока Салли продолжал вертеть палку в своих руках, пытаюсь понять, как же мастеру Серо удалось сделать ее такой крепкой, я задал вопрос уходящему учителю:

— Сколько времени у вас ушло на то, чтобы все получилось?

Учитель остановился и не много подумав ответил на мой вопрос:

— Месяц, может чуть больше. Я же один тренировался... — он усмехнулся и покачивая своей головой исчез в дверном проеме.

Глава 13 "Трое заговорщиков"

Бар "Пьяное копыто".

В северной части города Гротеск, не было и капли того кровавого безумия, что

творилась все утро у восточных ворот. Самый бедный район города, казалось совсем не заметил нападения или ему было просто плевать на все это. Многие горожане этого района прозябали в такой беспросветной нищете, что им, на самом деле, было плевать на судьбу города, ведь даже о своей собственной, они не могли позаботиться.

Маркиза, укутавшись в свой темно-зеленый плащ, медленно брела по узким улочкам, посреди домов бедняков, стараясь не попадаться на глаза случайным прохожим и головорезам, которыми был заполнен, весь этот район. В темной подворотне, совсем рядом, несчастного избивали сразу трое, вот еще кого-то поволокли по мостовой, заливая все вокруг кровью. Толпа пьяных стражников хохоча, обнимая и тиская смазливых проституток, прошла мимо, не обращая на происходящее никакого внимания. Какой-то нищий молился, вскидывая свои руки вверх, его силуэт, еле различимый в свете факелов на стене одного из заведений, походил на жуткую статую горгульи. Миновав еще несколько домов, откуда доносились стоны и крики, Маркиза добралась до рынка. Несколько десятков палаток, освещенных редкими кострами, возле которых сидели уставшие за день мелкие торговцы, были завалены всякой утварью и ящиками с дурно пахнущей едой. Рвота подступила к горлу Маркизы, ей пришлось зажать рукой нос и ускорив свой шаг, чтобы скрыться за одним из грязных брезентов, натянутых поверх палаток. Оставшись не замеченной, она все ближе продвигалась к своей цели, хотя в Гротеске она была впервые. Помня, на увиденной ранее карте, то самое место, куда она должна была попасть и ориентируясь по крепостной стене, где-то справа, Маркиза двигалась к своей цели. Миновав длинные ряды торговых лавок, изредка появляясь в проемах между ними, беглянка, прячась в полах плаща, почти сливавшегося с грязной тканью построек в полумраке, добралась до товарных складов. Эти огромные здания, еле различимые во тьме, высились над остальными постройками вокруг. Когда до них оставалось идти всего несколько десятков метров, Маркиза остановилась, заметив, как свет факелов вырвал из тьмы несколько стражников делающих в патруле. Она свернула за поворот и направилась дальше, но и здесь стояла охрана, скучая и переминаясь с ноги на ногу. Теперь ничего не оставалось, как повернуть назад и идти в обход, вдоль рынка, стараясь обойти выставленные блокпосты охраны. Несколько раз появившись в свете горящих костров, фигура в темно-зеленом плаще, попала под уставшие взгляды торговцев, которым было абсолютно все равно, кто это мог быть. Маркиза облегченно выдохнула и, продолжая двигаться к заветной цели, ускорила шаг, стараясь побыстрее покинуть это жуткое место. Отвратительная смесь из экскрементов и стухшей рыбы, продолжала ее преследовать еще какое-то время, когда наконец, ноги сами не привели ее к «Пьяному копыту».

Неизвестно кому только могло прийти в голову такое название для питейного заведения, но здесь хоть было не так мрачно, как на рынке или возле амбаров. С десятков факелов висело на стенах, освещая все вокруг, тел спящих нищих или бьющих кого-то головорезов, нигде не было видно. Улица казалось абсолютно безлюдной, но так могло показаться только на первый взгляд. Из подворотни, напротив висевшей на дверях вывески, подымались клубы табачного дыма. Двое молодчиков, вооружённые топорами, без какого-либо интереса глянули на незнакомку и не заметив в ней ничего подозрительного, снова растворились во тьме переулка.

Маркиза поежилась от холода и направилась к двери, еще раз посмотрев на вывеску «Пьяное копыто», странно что лошадей рядом, нигде не было видно. Если на улице было совсем тихо и почти безлюдно, то внутри хорошо освещённого помещения, в которое она

вошла, был полный аншлаг. На сцене музыканты играли на самых разнообразных инструментах, толпа посетителей обнявшись орала какую-то песню, остальные свистя их подбадривали. Почти все здесь собравшиеся были настолько пьяны, что с трудом передвигались, многие просто спали прямо за столами. Один из пьяных головорезов начал мочиться прямо под стол, но охрана питейной, схватив его быстро под руки, выкинула наглеца за дверь, чуть не сбив Маркизу с ног. Пьяное хоровое пение продолжалось, горлопаны старались перекрикивать друг друга, толкаясь и кривляясь, каждый на свой лад, перед самой сценой. Новая посетительница окинула взглядом все помещение и, увидев несколько свободных столиков у противоположной стены, направилась именно к ним. Путь оказался не таким простым, несколько раз увернувшись от попыток головорезов ухватить ее за грудь или задницу, она достигла стола и устало повалилась на один из стульев, сбросив с себя капюшон. Охрана, стоявшая вдоль стен, очень быстро потеряла к ней всякий интерес, принявшись выталкивать еще одного окончательного напившегося посетителя. Музыканты перестали играть, а горлопаны петь, зевая и хохоча, расходясь за свои столы, обнимаясь и поднимая вверх кружки со спиртным. Сняв свой плащ и показав взору всех присутствующих доспехи Асторийской армии, изрезанные ударами топором и мечей, Маркиза положила на стол свой меч и принялась ждать трактирщика или его помощника. Взгляды мужчин, до этого так смело распускаявших свои руки, потеряли к ней всякий интерес, увидев эмблему на доспехах и оружие, которое теперь было на виду. Оставшись довольной от всего происходящего Маркиза, наконец, закрыла свои голубые глаза, чувствуя, что теперь она в безопасности, и погрузилась в размышления о событиях последней ночи.

«Стоило ей только расстаться с епископом, который все пытался вынюхать, откуда она приехала и с предельным интересом наблюдал за каждым ее движением, она так и не смогла нормально расслабиться. Этот старик приставил к ней двух служанок, явно намереваясь узнать через них еще что-нибудь, чтобы наверняка подтвердить свои подозрения, но Маркиза так и не дала ему повода для этого. Увы, но поспать она тоже так и не смогла, уставшее от долгой дороги тело было готово ко сну, но только не разум. Разум говорил ей ждать, ведь рыцари церкви могли прийти за ней в любую минуту. Так она и пролежала пол ночи в ожидании, изредка слыша аккуратные шаги служанок за дверью и их перешёптывания. Так, еще больше разозлившись Маркиза не дождалась ни слуги от герцога, ни рыцарей епископа, будто бы всем было вообще плевать на ее приезд. Ей нужно было действовать и как можно скорее. Улизнув тайком из храма, она всегда могла сказать, что ушла на поиски герцога, ведь дело очень срочное. С самого начала все пошло наперекосяк. Ни Трюдо, ни этот наглый пижон Сольвани, так и не появились на восточных воротах. Вместо них ее встретил это Пранко? Нет, не так. Вроде Франко?! Но не суть. Лишит другого жизни для него, что поссать сходить. Не больше не меньше.» Усталость начала снова одолевать, а мысли путаться и Маркиза провалилась в сон на несколько мгновений. Так ей по крайней мере показалось. Она пришла в себя только после того как услышала, что к ней кто-то подошел. Рука сама схватилась за меч на столе, а все тело приготовилось к прыжку. Но нет, открыв глаза она увидела коренастого мужчину средних лет всего перепачканного едой, в коричневом фартуке поверх серого кафтана. Он улыбнулся своими гнилыми зубами и повторил свой вопрос:

— Вы поесть или выпить? — говоря это, он продолжал смотреть на ее голые ноги, от чего Маркиза убрала их под стол переключив все внимание говорящего на оружие в своих руках.

— Так как? Немая, что ли?

— Злая, так точно! Давай налей чего-нибудь, да принеси поесть.

— А что предпочитает, дама? — он, подмигнув, оперся на стол и пододвинулся к ней поближе.

— Да ты я вижу слепой или смерти себе ищешь? — Маркиза зло посмотрела на него сдвинув свои брови, и трактирщик, отшатнувшись от ее тяжелого взгляда, промычал уходя себе под ноги:

— Извините...

Посетители не обратили на это никакого внимания и Маркиза, снова опершись на стол локтем, провалилась в раздумья.

«Чертов Франко, чуть не спутал мне все карты, перебив стражу на восточных воротах. Хоть старик, что признался во всем на допросе теперь мертв, этот уже ничего не расскажет. Значит остается только этот Франко. Гаденыш умеет пользоваться силой, его способность перемещаться в тенях впечатляет. Нужно обязательно все разузнать о нем у Трюдо, когда он придет. Этот продажный комендант города, рассчитывает на то что, предав своих и впустив Орден в Гротеск ему оставят его высокий статус. Безусловно висеть по среди площади, он будет на много выше остальных, уж я не сомневаюсь в этом. Да и вообще, как два таких разных по смыслу слова как хитрость и глупость, могут жить одновременно в одном человеке?»

Улыбаясь от своих мыслей Маркиза принялась есть принесенную еду, запивая все местным пойлом, которое было куда уж лучше той грязной воды, которую ей приходилось пить всю дорогу сюда. В руке трактирщика оказались две медные монеты, полученные от Маркизы, и он, проверив одну на зуб, ушел, оставшись довольным. Горячая каша и тушенное мясо сделали свое дело, она больше недели не чувствовала себя такой сытой, как сейчас. А потом, сверху, залив всю горячую пивом, Маркиза окончательно перестала сопротивляться сну, сжав покрепче свой меч. Сопротивление было бесполезно, ее голова намертво пропечаталась к столу, став самым тяжелым предметом на свете. Чем она была лучше или хуже остальных посетителей, многие так же, как и она спали. Понадеявшись на эмблему Асторийской армии и свою удачу, Маркиза провалилась в сон.

Сколько она проспала, десять минут или несколько часов. Из небытия и своих фантазий ее вырвали хохот, и очередная попытка посетителей спеть хором новую песню, но теперь уже на самой сцене. Высокий и сухопарый светловолосый усач Трюдо сидел перед ней за столом и молча рассматривал ее черные засаленные волосы на своей руке, только теперь заглянув в бездонное небо ее голубых глаз.

— Может мне стоит прямо сейчас убить вас и покончить со всей нашей сделкой? — холодный взгляд коменданта смотрел куда-то сквозь Маркизу, он будто увидел саму смерть за ее спиной.

— Зачем вы меня пугаете, отпустите мои волосы... — Маркиза вырвала прядь своих локонов из его рук, только теперь заметив, что, ее меча на столе уже не было.

— О? Вы, наверное, ищите свое оружие? Поверти, для нашего разговора, оно вам не понадобится. Вот лично мне, очень хочется лишить вас жизни, прямо сейчас, чтобы проверить наконец, правду ли толкуют про Орден Воскрешения? А вдруг вы оживете у меня на глазах, если вас хорошенько проткнуть?

— Интересно, а что еще вы еще хотите узнать про нашу веру, комендант? — стараясь не нервничать, Маркиза пыталась поменять тему для разговора.

— Да в печь вашу веру и все договорённости! — Трюдо взбешенно схватил Матильду за воротник рубахи под доспехами и подтянул через стол ближе к своему лицу.

— Какой я теперь комендант без гарнизона? Вы же мне обещали, что переубедите герцога!? Вы мне пообещали... — его трясло от внутренних переживаний, но Маркизе нечего было ответить на его вопросы. Она пока ни слова не понимала из сказанного Трюдо, находясь частично все еще в своих сновидениях.

— Вас что разжаловали? — не понимая, продолжила Маркиза.

— Смеесть надо мной? Да бросьте уже отпираться, вы с самого начала так и задумывали, чтобы посмеяться мне в лицо, дорогая Маркизе де Тэрау, или любое из придуманных вами имен. Давайте, начинайте отрицать, что не вы напали на восточные ворота и не убили весь мой гарнизон? Ну же, начинайте отпираться? Я жду, я уже готов пробить ваше лживое маленькое сердце своим кинжалом, стоит вам только начать мне лгать! — отчаяние охватило коменданта. Если его слова были правдой, то восточные ворота уже пали и нужно было искать возможность передовому отряду проникнуть, здесь на севере, за городскую стену. Мысли путались в голове Маркизы, перекрикивая одна другую, холодная сталь проникла сквозь один из рубцов на ее доспехах и уперлась ей прямо в ребра.

— Ну так что, я жду ответа, что же вы молчите? — глаза коменданта продолжали смотреть сквозь Маркизу, припираться дальше не было никакого смысла, если Орден атаковал восточные ворота, то только для отвлекающего маневра. Нужно было рассказать всю правду этому идиоту, ну или хотя бы какую-то ее часть, сейчас, в таком состоянии, он был очень опасен.

— Хорошо, вы правы! — лицо Маркизы снова стало абсолютно каменным и непроницаемым для любых эмоций.

— Орден напал на восточные ворота для отвлекающего маневра.

— Так что будет еще одна атака? Разве это еще не конец? — глаза Трюдо тревожно бегали по каменному лицу Маркизы, пытаясь понять, говорить ли она ему правду или все-таки нет:

— Где? Когда?

— Так, а мне откуда знать?! Раз нападение состоялось раньше задуманного, то для этого есть свои объективные причины! — Маркиза стала говорить чуть тише, чувствуя встревоженные взгляды прислушивающихся к разговору посетителей на себе.

— Куда? — Трюдо схватил ее еще сильнее и посмотрел прямо в глаза, не отводя своих глаз в сторону, продолжив:

— Так что же получается? Сейчас, когда вся городская стража в восточной части города сражается с врагом, Орден спокойненько входит в город через другие ворота? — вена на лбу коменданта Трюдо пульсируя надулась, готовая от перенапряжения вот-вот лопнуть. Маркиза даже на мгновение это представила и не смогла сдержать своих эмоций, улыбнувшись. Перед ее глазами, на одно мгновение, вспыхнула картинка, на которой Трюдо заливает все ее лицо своей кровью, валясь на пол и корчась от боли.

— Да как вы смеете? Я вас сейчас прирежу! Вы что, смеесть надо мной? — Трюдо пришел в полное замешательство, но Маркиза выскользнула из его объятий и отодвинулась сидя на стуле к самой стене.

— Я, думала про вас разное, но то что вы окажетесь таким трусом? Нет никогда бы не подумала?! — она разразилась громким смехом, совершенно позабыв о своей безопасности, будто провоцируя коменданта.

— Что же вы дар речи потеряли? Убивайте меня, смелее... Да у вас духу не хватит, ведь именно поэтому вы сидите здесь, со мной, а не сражаетесь у восточных ворот плечом к плечу со своей стражей.

— Ах ты мразь! — взревел разъярённо комендант, поднимая над своей головой кинжал, но так и не смог им ударить, его за руку уже схватил, стоявший все это время за его спиной, Франко. Это хитрец незаметно возник, перемещаясь от тени к тени и материализовался будто из неоткуда, прямо возле стола. Маркиза заметила его сразу и поэтому так быстро постаралась выбраться из объятий коменданта, понимая, что если бы он хотел ее убить, то сделал бы это уже давно. Теперь она готова была дать руку на отсечение, веря в то что Франко очень долго прятался в тени, подслушивая их разговор с самого начала.

— Комендант Трюдо, вот мы с вами снова и встретились. Кстати, ваша любовница передает вам привет, жалуется, что вы перестали ее удовлетворять! — Франко забрал кинжал у коменданта и упал на один из свободных стульев рядом, воткнув нож в стол. Он широко улыбался, наблюдая за реакцией начальника стражи, начавшего вертеть своей головой по сторонам.

— Что вы несете, юноша. Что за вздор!? — комендант поправил свой воротник на рубаше и отведя глаза в сторону, тяжело провел рукой по своей шее, чуть не задохнувшись от отчаяния.

— Хватит! Нагнали, на всех, жути. Бедную Маркизу напугали до смерти. Если бы я не вмешался, вы бы ее вообще убили, а как же наши с вами договорённости? — Франко вальяжно разводил руками в стороны понимая, что теперь он самый главный в сложившейся ситуации.

— Кто дал вам право говорить с нами на равных? — Маркиза опомнилась первой и пододвинув свой стул обратно к столу, напрочь позабыла о всякой вражде с комендантом, намереваясь преподать этому лысому выскочке Франко урок в словесной дуэли, предчувствуя, что этот трус Трюдо примет ее сторону.

— Да! По какому праву вы, жалкое ничтожество, вмешиваетесь в наш разговор с этой миледи! У нас с вами нет никаких договорённостей!

— Как интересно?! — Франко хитро улыбнулся и вставая из-за стола добавил:

— Сольвани не придет, его никто не видел уже целую неделю. Так что, один только я знаю, где спрятан ваш хлеб! Хотя в вас столько решимости и самодовольства, и откуда мне, жалкому ничтожеству, знать все это!? — он говорил все это Маркизе, делая вид, что коменданта для него вообще не существует.

— Ах да, бейте лучше первой, а то с вами случится тоже что и с его предыдущей любовницей! — Франко использовал свой последний козырь и ожидал реакции Маркизы, наконец то их глаза встретились.

— Давайте все успокоимся, сядем и поговорим! — Маркиза сказала это схватив Трюдо за руку, в которой он сжимал еще один кинжал, намереваясь в этот момент ударить им Франко.

После того как трактирщик принес шесть порций пива и подмигнув лысому головорезу Сольвани получил от него шесть монет, над столом повисло гробовое молчание. Трое искоса наблюдали друг за другом, медленно попивая резко пахнувший хмельной напиток. Трюдо переживал о том, что его карьере коменданта вот-вот должен прейти конец. Франко думал, как ему выкрутится из ситуации с хлебом, если остальные узнают, что амбар с провизией сгорел. Ну а Маркиза размышляла, как же ей избавиться от этих двоих, переживая за своих

людей, оставшихся в церкви у восточных ворот. Епископ точно не упустит возможности подвергнуть ее товарищей всевозможным пытками, если догадается о том, что они из Ордена.

— Я пришла сюда что бы выяснить, как мне встретиться с герцогом. Побывав в гостях у епископа, я надеялась, что он пошлет слугу к нему. Увы, он этого так и не сделал, скорее всего мои люди к концу дня уже будут мертвы...

— Кстати, тот старик, которого рыцари церкви взяли живым у восточных ворот, он проболтался? — Франко заговорщически стал говорить шепотом.

— Нет. Он мертв, но епископ знает, что он был из людей Сольвани. Он пообещал, что непременно разворошит ваше разбойничье гнездо в трущобах. И вас комендант, он тоже упоминал.

— Да? И как же? — вытирая рукой намокшие от пива усы спросил Трюдо.

— Он сказал, что именно вы наведете порядок и покончите с головорезами Сольвани.

— Хватит, что вы все заладили! Сольвани, Сольвани! Нет его больше и не будет! — вмешался в разговор Франко, недовольно скалясь при имени своего главаря.

— О это уже интересно? — воодушевился и снова поверил в себя Трюдо:

— Если и вправду Сольвани мертв, мне непременно стоит об этом доложить епископу!

— Может лучше сразу самому герцогу? Обвинить местных бандитов в сговоре с Орденом, предоставить в качестве доказательства амбар с хлебом, и ваши дела явно пойдут в гору! — Маркиза тоже перешла на шепот, в слух предлагая один из вариантов, что пришли к ней только что на ум.

— Вы мне все больше нравитесь. Вам ранее не доводилось участвовать в дворцовых интригах, миледи? — Трюдо не скрывая радовался подвернувшейся возможности все исправить.

— Вы в своем уме вообще? Мы сейчас находимся в самом центре трущоб, которые комендант собрался разворошить! Нет, я конечно не держусь хоть за одного из местных парней, но позвольте дать вам всем один хороший совет. Если кто-нибудь узнает о том, что вы тут задумали, они найдут вас и выпотрошат, как цыплят.

— Так давайте сделаем это раньше них. Я знаю, что сейчас все стражники связаны боем в восточной части города, а вы, как никто другой, имеете самый большой вес из всех нас. Вам будет нужно, чтобы Орден попал в город через Северные ворота так, чтобы никто об этом не узнал и да, постарайтесь убрать стражу, что охраняет склады за рынком, здесь не подоплёку! — Маркиза озвучила свою часть плана.

— Я постараюсь убрать стражу со складов, направив их к восточным воротам, думаю это будет не сложно. Ее пришлось поставить из-за вспыхнувшего пожара, сегодня ночью. Кто-то поджог склады с продовольствием...

— Как вы собираетесь пропустить войска Ордена без боя через Северные ворота? — перебил Трюдо Франко, начав нервничать, ведь он то точно знал, что сгорело сегодня ночью на этом складе.

— Ну я пока не знаю, не усыплю же я их как собак, чтобы они ничего не заметили? — растерянно начал оправдываться Трюдо.

— О!? А это неплохая идея! Я могу отравить воду в сторожке, будут спать, как младенцы! Вы уж мне поверьте! — коварный план зарождался прямо в голове Франко, и чем коварнее он был, тем все больше ему нравился.

— У нас будет всего несколько дней. Трюдо займитесь стражей и подготовьте почву для

разговора с герцогом. Я вам обещаю уютное гнёздышко в его замке, как только мы его заменим.

— Франко, на вас отравление стражи, завтра же ночью. Я уверена воины Ордена ждут моего приказа, где-то не далеко у северных ворот. Как только вы все сделаете, я проведу их в город прямо к складам, кому бы они не принадлежали. Глядя на всю окружающую нищету этих грязных улиц, я прекрасно понимаю, что местным нищим, голодающим день ото дня, будет абсолютно все равно, если власть в городе поменяется. Все эту разношёрстную армию головорезов нам не стоит бояться, ведь сегодня же днем комендант Трюдо устоит облаву, заставив их всех, словно крыс, забиться в самые потаённые углы города и дрожать от страха, боясь высунуть свой нос, — наконец план был озвучен Маркизой и стал приобретать, вполне реальные очертания.

— А мои деньги? Вы обещали мне золото? — Франко облизнул свои губы, хищно глядя прямо в голубые глаза Маркизе и не веря не единственному ее слову, чувствуя всем своим нутром, что где-то между сток, во всем выше сказанном был какой-то скрытый подвох. Какой-то элемент, который он не мог рассмотреть или потрогать, полагаясь только на свое чутье, которое его еще не разу не подводило.

— Вы знаете Франко, мне довелось побывать в местной церкви! По богатству она сравнима с королевской усыпальницей, не меньше. Когда власть сменится, я вам обещаю, все в этом храме станет вашим, все золото, до последней маленькой крошки! — говоря это Маркиза улыбалась, чувствуя, как жадность победила здравый смысл в голове закоренелого разбойника Франко.

Они хотели было уже ударить по рукам, каждый из них, довольные собой и готовые идти на этот риск, предвкушая большой куш, что им сулил, но тут засомневался Трюдо, справившийся с очередной кружкой пива:

— А какой вам Маркиза, со всего этого прок? Где здесь ваша выгода?

Глаза Франко загорелись живым интересом, вот он, тот не достающий кусочек всей этой истории, которую словно сладкую сказку, рассказала им двоим эта юная, но уже такая хитрая Маркиза.

— Когда это жиреющий день ото дня герцог будет в наших руках, а лично буду истязать его до самой смерти, которая придет за ним только тогда, когда мне этого захочется! — от ее взгляда веяло смертью и злобой так, что Франко и Трюдо отвели свои глаза в сторону, почувствовав одновременно ту кипящую ненависть, которая переполняла Маркизу, когда она говорила эти слова, одно за другим.

Кухня Тильды.

Прошло уже несколько часов с тех пор как мы вместе с Салли потеряли счет своим попыткам сделать деревянные палки хоть на чуть-чуть крепче. Каждый из нас сломал уже не один десяток инвентаря и в этом не было никакого смысла. Я заметил, как наши старшие товарищи, заходя к нам в зал довольно скалятся и ничего не говоря продолжают свои тренировки ничего нам двоим не рассказывая. Мне все больше начинало казаться что они что-то знают просто не говорят нам об этом. Можно было бы попробовать расспросить у них о той силе которой обладал наш учитель, но почему-то я был уверен, что они нам ничем не помогут.

Наше с Салли безрассудство продолжалось дальше. Что я, что он не переставали водить по тренировочному оружию руками, представляя, что оно стало крепче и после оба били что есть силы по манекену, каждый по-своему. Единственное что происходило от наших ударов, так это то что манекен с жутким скрипом только сильнее раскачивался на веревке и совершенно не собирался сдаваться под нашим градом ударов. Я бил и бил, снова и снова, до тех пор, пока либо усталость не заставляла меня остановиться, либо от оружия в моих руках не оставалась одна треть, а то и меньше. Я все больше и больше злился, не понимая суть нашей тренировки, водя пальцами по палке и уже абсолютно не веря в то что это хоть что-то да даст.

Салли бил реже чем я, больше наглаживая свое оружие и казалось даже шепотом что-то приговаривая, это вызывало у старших учеников громкий смех плавно переходящий в хохот. Нужно было хоть что-то с этим сделать, но Салли невозмутимо продолжал свои действия

совершенно ничего не замечая вокруг.

— Тебе еще не надоело? — Воля в моей голове снова, чуть сдерживая свой звонкий смех, появилась будто бы из неоткуда, где все это время пряталась, тихо подслушивая и подсматривая.

— Ты же знаешь, что мне надоело, чего тогда спрашиваешь? — зло ответил я, с размаху ударив по манекену, который ответил мне своим скрипом, не получив никаких видимых повреждений.

— Ну может ты плохо стараешься? Ты палке говорить пожалуйста пробовал? Ну так как ты это умеешь? — Воля снова издевалась и смеясь продолжала:

— Со мной у тебя получилось, вот и с палкой так должно выйти. Салли смотри как ее наглаживает, того и гляди она у него вспыхнет!

Хохот заполнил все мое сознание, он еще только больше меня бесил и отвлекал, совсем мне не помогая. Я снова лупил по манекену, понимая, что все мои попытки совершенно бесполезны и у меня ничего не получится.

— Ладно, мне уже и самой наскучило! Тебе же учитель сказал, что у него ушел на это целый месяц! А ты глупый думал, что у тебя за пол дня все получится?

— Вот же, гадина, а! — я снова ударил по качающемуся манекену разломав свое оружие почти на пополам.

— Еще раз назовешь меня так и я на тебя обижусь! — она вызывающе громко сказала последнее слово так, что я не вольно обернулся, боясь, что кто-то еще ее сейчас услышит.

— Что, страшно стало? Звал меня звал, а я все не приходила. Думал помогу тебе одолеть учителя? Еще чего... Вот сотрет опять тебе память и все по новой.

— Вот же стерва, если ты хоть что-нибудь об этом знаешь, то хоть сейчас помоги мне — шепотом себе под нос проговорил я, взяв в руки очередное оружие для тренировок.

— Ну, для начала перестань ломать палки, толку от этого не будет. Постарайся сосредоточиться на том чтобы представить... Нет не так. Поверить в то что она станет крепче, как железная. Как-то так.

— Думаешь я не пробовал так делать? — уже про себя сказал я продолжая вертеть в руках оружие и косо поглядывать на переставший качаться от моих ударов манекен.

— Конечно ты пытался, а теперь сядь и просто постарайся поверить, как поверил в меня! — ее тон снова стал снисходительным, она была абсолютно серьезна и совсем не шутила.

— Можно подумать, если я перестану в тебя верить, ты пропадешь из моей головы!

— Именно так! — она снова была серьезной.

— Да ты приходишь ко мне в голову, когда тебе вздумается. Верю я или не верю.

— Ты просто знаешь, что я есть, хочешь ты того или нет, но заставь себя поверить, что палка в твоих руках железная и она станет именно такой!

— Вот так просто?

— Да так просто. С ключами в темнице же получилось. Ты бы точно до них не дотянулся если бы не поверил, в то что сможешь дотянешься.

— Так это же ты сделала, а не я?

— Нет, не я!

— Нет, ты! — я был настолько настойчив, что не заметил, как сказал последнее слово в слух.

— Ну и мучайся дальше, раз моя помощь тебе не нужна...

Я снова остался один на один со своими тщетными попытками сделать орудие из деревянного железным. Салли подошел ко мне и широко улыбаясь провозгласил:

— Мне кажется я понял, что хотел от нас учитель!

— И что же это? — ответил я голосом полным безразличия, не веря что-то могло измениться за столь короткий промежуток времени.

— Учитель один тренировался, а нас то двое! Смекаешь? — глаза Салли горели от желания, смысл которого я до конца все равно не понимал.

— И что с того? — я не успел сообразить, как рыжеволосый жулик набросился на меня усыпая со всех сторон ударами и не давая мне опомниться.

Мы начали кружить, атакуя друг друга, я без особого азарта, не веря в то что это хоть что-нибудь даст, кроме очередной тренировки по фехтованию. В отличии от Салли, с особым цинизмом и жестокостью бьющего по моей деревянной палки до тех пор, пока она не сломалась у меня прямо в руках. Пропустив удар от Салли по своей руке, я взвыл от боли и отскочил назад, понимая, что каким-то образом оружие в его руках на самом деле оказалось прочнее моего.

— Ну и как тебе только удалось? — во мне больше не было сомнений, этот рыжеволосый хитрец, как-то умудрился повернуть этот фокус, который у меня никак не выходил.

— Я поверил в то что у меня то палка куда крепче твоей. И как видишь я оказался прав! — он вытянулся как струнка и улыбаясь показал мне свой язык.

Теперь я перешел в нападение схватив одно из тренировочных орудий и бросился в атаку, мысленно повторяя про себя, что моя палка куда крепче чем у Салли. Это совершенно мне не помогло, через семь или восемь ударов, я снова был безоружен.

— Ха, ну вот опять! У меня получается! — счастливо Салли не было предела, он с вожделением глядел на свое оружие, будто это был какой-то магический артефакт, а не обычная выструганная из куска дерева палка.

— Ну все я сдаюсь! Давай рассказывай, как у тебя это получилось?

— Ну, я просто поверил и все тут! Не знаю, сидел, смотрел, как ты лупишь по манекену и думал о том, что мое оружие не будет так ломаться как твое и все, наверное.

— Что-то ты брат темнишь? — я видел, как старшие ученики скалятся, глядя на нас ничего не говоря.

— Просто ты не веришь, вот и все! — выпалил Салли, даже обидевшись на то что я пытаюсь его уличить во лжи.

— Вот и ты туда же! Нужно просто поверить! Ага, сейчас! Думаешь я не пытался... — я пнул босой ногой куски деревяшек и почувствовал, как боль ответила мне на удар.

— Значит недостаточно! — продолжал Салли.

— Да что вы все заладили про веру, ну не может вера одного быть сильнее веры другого. Да и вообще, что такое эта вера? — моей растерянности не было предела, да и злился я из-за того, что у Салли начало получаться, а у меня все еще нет.

— А давай у Тильды спросим?

— Вот еще? А ей то откуда знать? О чем, о вере? — я видел, как остальные ученики покидают тренировочный зал, это могло означало только одно, что подошло время обеда.

— А знаешь, давай. Я уже устал махать мечом, да и есть очень хочется. — я согласился с другом, чувствуя, как в моем желудке что-то урчит.

— Она точно нам поможет! Вот увидишь! Помнишь, как она расправилась с теми

головорезам у нас во дворе? — Салли начал болтать без умолку вспоминая подробности стычки пару дней назад, так будто я этого не помнил. Он тараторил, махая руками, а я в это время погрузился в свои мысли, думая о том сколько еще нам придется разломать тренировочных мечей, прежде чем учитель прекратит все это безобразие, а Тильда хорошенько привяжет нас к позорному столбу во дворе школы. Но ведь и вправду кто-то же делает из дерева это оружие, а мы его только ломаем.

В общем зале не было ни одного места где бы нам сесть, и мы отправились напрямиком на кухню, совершенно не боясь, что можем схлопотать пару синяков от домоправительницы за такую наглость. Голод снова победил разум. Ученики помощники на кухне тонкой струйкой из живой плоти покидали стены кухни с подносами в руках, неся в своих руках пищу, завораживающую своим запахом наши желудки. Глаза сами устремились на все вынесенные с кухни яства, но разум настоятельно требовал бросить глупую затею и проследовать через дверь дальше, к самой хозяйке столовой. Изворачиваясь от того чтобы не столкнуться с учениками, мы проскользнули в святая святых тетушки Тильды, намереваясь расспросить ее о вере, ну и по возможно чем-нибудь перекусить.

На кухне во всю кипела работа: старший из помощников покрикивал на остальных, помешивая в большом чане еще готовящейся суп и периодически давал пинка или затрещину зазевавшимся подопечным на кухне. Стоя на стуле у плиты, он старался казаться выше, чем был, так как не мог дотянуться до краев огромного чана. С этого места было куда удобнее не только мешать готовящееся варево, но и раздавать тумаки окружающим. Мы с Салли ловко прошмыгнули мимо него оставшись незамеченными, только несколько раз встретившись взглядами с испуганными учениками помощниками, боявшимися не точно поднять тревогу, просто сказать что-то вслух. Они так же, как и мы с Салли, когда попадали в помощники на кухне, не потому что захотели, а потому что провинились и теперь отрабатывали свое наказание.

В соседней комнате в окружении овощей и салатов, в неизменном перепачканном теперь каким-то соусом переднике, стояла Тильда, склонившись над столом и что-то очень быстро нарезаю. Великанша была вооружена огромным тесаком, под лезвие которого попадало абсолютно все от картошки и лука, до мяса и экзотических фруктов. Она изредка вытирала пот со лба и вытирала свой нож об кусок ткани, висевший у нее на поясе. В тот момент, когда Тильда переставала нарезать овощи, сгребая их своей огромной рукой со стола в таз, ученики помощники ловко меняли посуду возле нее и снова заполняли все пространство вокруг тем что нужно было измельчить или покрошить. Без хорошей внимательности и знания своего дела тут просто невозможно было разобрать что куда нарезалось и за чем. Но этот механизм, за долгие годы в школе фехтования работал, не давая сбой, лишь изредка Тильда прибегала к силе заставляя всех вокруг работать именно так как ей того хотелось.

— Ваша наглость не знает границ, как я погляжу? Ну, зачем пожаловали? Неужели решили мне помочь на кухне? — она даже не повернувшись знала о том, что именно пришли, только как мне было не понятно.

— Что встали, помогайте голубчики?! А то если я всех не накормлю, грош цена такой хозяйке! — она повернулась и угрожающе потрясла тесаком в своих руках. Сразу было даже не понятно, что страшнее: быть зарубленным тесаком или разорванным ее огромными ручищами.

Мы с Салли переглянулись, и работа на кухне закипела с новой силой. Салли бросился

помогать с образующейся горой тарелок, которые нужно было срочно отмыть, ну а я встал рядом с хозяйкой, ловко сметая со стола ее нарезку в разные тарелки и блюда, уже через мгновения, исчезающие в руках помощников. Вокруг все жарилось и тушилось, шипя и булькая, еще больше дурманя наш разум, напроць захваченный желанием сытно поесть.

— Ну? На этот раз зачем пришли? Не красть же еду с моей кухни? — Тильда, не отвлекаясь от работы, начала задавать вопросы.

— Мы решили с Салли, что вы расскажите нам о вере? — сказал на прямую я, отправляя очередную порцию салата в подставленную мне тарелку.

— У нас с тренировками ничего не получается. А Лад вон вообще не верит, что получится. Так что пока моя вера сильнее его! — гордо разглагольствовал Салли продолжая протирать тряпкой тарелки.

— Вера во что? Или кого? — Тильда перестала стучать по доске тесаком, глянув на Салли так что тот забыл, что вообще спрашивал.

— Ну нам представить надо. То есть поверить в то чего нет, но на самом деле есть! Только поверить никак не получается... — Я сам удивился получившемуся каламбурю в словах, но объяснить по-другому просто не смог.

— Тут и представлять не надо. Вера она либо есть, либо ее нет. — сказала великанша и продолжила рубить кочан капусты ловко мной подсунутый в нужный момент.

— Как это понять? — снова отвлекся от мытья посуды Салли с интересом уставившись на Тильду.

— Ага. Я вот верю, но ничего не выходит! Не получается. — развел я руками, показывая, что не понимаю.

— Хм, вера! Ну и вопросы у вас ребятки в головах. Ладно расскажу, как сама знаю. Вера значит! — Тильда сняла передник, и сама сгребла остатки салата в чашу и села на табурет возле стола, устало зевнув.

— Ходвик, все уже нарезано! Остальное теперь за тобой... — она прокричала эти слова своему старшему помощнику и вытерла рукавом лоб уставившись на нас обоих.

— Ну что же, будет вам про веру! Я вот верю в то что непременно высеку сейчас вас обоих, но моя добрая душа не велит мне это делать. Хорошие вы мои. — управительница была совершенно серьезной говоря это.

— Так вот. Что я знаю про веру то и расскажу, а вы уж сами решите, что это такое. Расскажу, как? Вот... О трех сестрах что все время ходят за нами попятам: О вере, надежде и любви.

— Наверное мне было не больше шестнадцати, когда я впервые увидела настоящего рыцаря на боевом коне, закованном в серые, блестящие на солнце доспехи. Тогда в шестнадцать я была первой по силе в своей деревне и как минимум второй по красоте. Я сражалась с любым из мужчин на равных и каждый раз побеждала уже второй год подряд. Никому не удавалось победить Большую Тильду в схватке. Будь то копья, мечи, топоры или в рукопашную. В тот момент переполняемая надеждами на то чтобы встретить того, с кем проведу свою жизнь. Тогда я начала терять надежду в это, мужчины меня боялись, а женщины призирали и насмехались. Пока наконец не появился он.

Тильда провела рукой по своим начавшим по не многу седеть медным волосам и улыбнувшись самой себе продолжила:

— Высокий и чернобровый с острым как у ворона носом, он был первым мужчиной выше меня ростом. Закованный в свои серые доспехи и сидевший на мощном скакуне, тогда

еще совсем молодой девчонке, он мне казался вообще чем-то волшебным и не достижимым. Надежда в тот самый момент как я его увидела сменилась горячим чувством от которого болит сердце и щемит в груди, любовью. Я сражалась как горный медведь, когда он приходил посмотреть на наше ристалище, разя своими точными ударами одно противника за другим. Он же с полным пренебрежением и холоднокровием наблюдал за мной. Это так сильно задевало меня, что я вызвала его на бой, не смотря на то что он был в нашей деревне гостем и о чудо, он согласился. Так шаг за шагом, желание за желанием, мгновение за мгновением во мне все больше крепла вера в то что это именно тот, с кем я смогу провести всю оставшуюся жизнь. Так я по крайней мере думала выходя с ним на ристалище помериться своими силами. Он был хорош очень хорош, дрался как загнанный в угол зверь дерзко и отчаянно. Я могла победить его несколько раз подряд, но моя вера, что крепла в моем сердце победила, и я проиграла ему. Проиграла по тому что верила, и вера моя крепла с каждым его ударом, с каждым его взглядом, криком или выпадом.

— Уж поверьте он был очень удивлен, когда наш староста рассказал ему, что, победив женщину по нашем древнейшему обычаю, мужчина должен был забрать ее с собой. И о чудо он не протестовал, нет он был очень рад не скрывая этого. Вера?! Я на придумывала себе столько всего и поверила в это слепо и бесповоротно! Так что никто и не что не смогли бы меня переубедить в обратном. Вера! Моя вера была сильна настолько, что я закрывала глаза на все его измены, чрезмерное пьянство и жестокость, терпя побои и молча улыбаясь от сказанным мне унижительных слов. Я, маленькая глупая девочка, верила в выдуманного мной рыцаря, выполняя абсолютно все что только он мне не прикажет, до тех пор, пока моя вера наконец не иссякла. Он так и не дал мне того что я больше всего хотела, ни детей, ни семейного очага. Моя вера исчезла лишь тогда, когда он умер, сраженный смертельным ударом в бою, прямо у меня на глазах уверенный до последнего момента что его возьмут в плен. Вера испарилась, она исчезла куда-то, и я сразу все поняла, будто избавилась от оков, в которые заковала саму себя, веря в то что этот подонок, каким он был с самого начала, любил меня.

Мы с Салли переглянулись, не понимая до конца, о чем говорить Тильда, переставшая говорить. Она снова о чем-то задумалась и проведя своей рукой по медным волосам продолжила свой поучительный рассказ:

— Это была война, ни первая и не последняя, война между церковью Рассвета и Орденом Воскрешения. Мы верили в перерождение после смерти, а они в свое бессмертие при жизни. Мы молились, каждый раз перед боем, веря в спасение своей души, уповая на милость нашего господа. Они же шли без страха на смерть, веря, что их предводитель воскресит их, вернув в изрубленные нашими мечами тела жизнь назад. Я знала, я видела это сама, их предводитель мог вернуть забранную жизнь назад в тело умершего. Но стоя перед своим мертвым возлюбленным, я не хотела, что все что у нас с ним было повторилось опять и размозжила ему кувалдой голову, не давая ни единой возможности вернуться. В тот момент я ясно осознала, что все эти пять лет нашей жизни вместе с ним были сущим кошмаром и ужаснулась. От моей веры не осталось и следа, как и от желания участвовать в войне двух религий отношения к которым я никакого не имела. Это Он привел меня на войну, а я ушла с нее, потеряв всякую веру в любовь, которую так и не смогла на ней обрести...

Слезы бусинками покатались по щекам Тильды, но она быстро смахнула их рукой и продолжила стучать тесаком по доске, схватив первый попавшийся овощ, совсем позабыв о

нас с Салли.

— Ну и как нам этот рассказ поможет верить в то что деревянная палка станет железной? — рыжеволосый Салли совершенно был сбит с толку, глядя то на меня, то на Тильду.

— Не понимаю, во что нужно перестать верить, чтобы поверить в то что палка станет железной? — я сказал это чувствуя, что уцепился за какую-то тонкую нить размышлений, которые нам пыталась донести великанша.

— Ты почти правильно все сказал. Вам просто нужно перестать верить в то, что палка деревянная вот и все. Просто заставьте себя верить в то что она какая угодно, но только не деревянная. — Тильда сказала это с ухмылкой глядя на нашу реакцию и видя, что мы так ничего еще и не поняли.

— Это же принцип Веры. Чтобы обрести новую, придётся отказаться от старой, да так, что будто старой веры никогда и не было!

— Так, если вы оба и дальше будете продолжать делать вид что ничего не поняли. Я сделаю так что именно вы останетесь вдвоем убирать в общей столовой.

— Я вот сразу все понял! — выпалил Салли, кивая головой и медленно отходя от таза с грязной посудой.

— И я! — выпалил вслед за ним я, сам ретировавшись на приличной расстоянии от великанши.

Тильда молча посмотрела на нас, взглядом полным безразличия и после всё-таки улыбнулась:

— А ну пошли прочь с моей кухни! И скажите Ходвику, чтобы дал вам что-нибудь перекусить...

Мы выскочили за дверь услышав вслед протяжное:

— Ход-в-и-и-и-к! Покорми этих двоих, а потом вышвырни их за дверь! Чтоб глаза мои их больше не видели...

Чуть позже, обедая с Салли посреди двора, я продолжал обдумать слова Тильды, сказанные про веру. Неужели у меня и вправду может получиться забыть о том, что палка деревянная и сделать ее железной. Всего то?! Нужно было отказаться от старой веры чтобы обрести новую.

Черный рыцарь.

Колею дороги, разбитую колесами телеги медленно заволакивало туманом. Деревянная повозка жутко скрипя и шатаясь, должна была вот-вот испустить свой дух, будто стонущее от боли животное. Туман продолжал окутывать своими густыми клубами все вокруг, не давая возможности возникшему разглядеть куда ему ехать, хотя сейчас это ему и не было нужно. Дорога настолько была разбита, а колея глубока, что двое живых сидевших на повозке, заваленной трупами, и запряженной в двойку лошадей, просто спали, зная, что дорога непременно приведет их к тому месту к которому они движутся.

Так, начиная с раннего утра и до поздней ночи, повозка проделывала свой путь через поле от города к лесу, к самому обрыву у маленькой речушки, впадавшей в мертвое море, несколько десятков раз. Лошади вздрагивали, приближаясь к обрыву, из которого вырывались языки пламени, требовавшие все больше и больше подношений, которые, двое сжигателей трупов, исправно привозили ярким языкам пламени. Старые и молодые, толстые и худые, все от мала до велика оказывались в телеге сжигателей, когда в город Гротеск приходила война. Для кого-то эта война становилась ужасом, от которого нужно было бежать прочь, а для самих сжигателей это были горы трупов, за каждый из которых они получают несколько медных монет, один серебрянный за десяток, ну и золотой за целую сотню. Сотня, как давно смерть не давала возможно сжечь целую сотню и прикоснуться к золоту. А теперь, наконец-то такая удача, что от работы за целый день просто клонило в сон, количество тел перевалило за две сотни и продолжало только расти.

Возничего звали Колебан, а его помощника, тихо посапывавшего рядом, Патрик. Эта двоица узнавала о каждой случившейся смерти в восточном районе Гротеска от стражи. Каждая нелепая выходка, заканчивающаяся поножовщиной и трупами, была им известна, как и изнасилования, смерть от голода, четвертования и даже времени, которое никого не щадило, давая три медных монеты за каждую сожженную в пламени душу. Вот и теперь целый день свозя на свое огромное кострище Колебан вслух подсчитывал монеты, которые ему придётся затребовать у службы коменданта за каждого умершего. Никто, абсолютно никто не хотел связываться с мертвецами, но Колебан был не таков. Любой мертвец при себе мог хранить вещи, которые ему бы больше негодились, но непременно попадали в руки старика Колебана, продолжая служить свою службу новому хозяину. Так у него появлялись серебряные кольца, браслеты и цепочки, которые он с радостью принимал у усопших благодаря их за такую награду. Такое было конечно редким подарком, чаще доставались сапоги, ремни, не плохие камзолы и рубахи, а вот шляпы или балахон с капюшоном, что-то не разу. Ну и пожалуй, самым ценным подарком, что преподнесла ему судьба среди мертвых был настоящий, украшенный поблескивающими в свете огня камнями серебряный кинжал, показать который он мог разве что Патрику, все время боясь, что кто-нибудь захочет себе такой же. А Патрик был не таков, нет: его не тянуло не к золоту ни к серебру, а уж тем более к похоти или пьянству. Этот шестнадцатилетний беспризорный мальчишка, беззубый и вечно грязный обожал играть в странную игру, которая постороннего может и напугала бы, но только не Колебана, выдавшего вещи и поужасней.

Патрик любил мертвых женщин, всей своей черной грязной душой, если она у него и была. Он играл с ними, как с куклами переодевая и устраивая театральные представления. Давал им роли, рассаживая перед еще не зажжённым костром и говоря за каждую из них устраивая настоящее представление, смешивая и развлекая Колебана. Старик не любил сплетен и молчал о странных играх Патрика, а тот в свою очередь о найденном старым сжигателем кинжале. Они не говорили друг другу этого, не заключали пари, даже не были родственниками. Они просто дополняли друг друга, каждый держа тайну другого при себе и никого в нее не пуская.

— Патрик ты представляешь? Подумать только два золотых! И это еще не всех привезли... — Старик Колебан одел на лицо кусок ткани, так как подъезжая все ближе к кострищу вонь становилась просто не выносимой и тошнотворной.

— Ага! Красивых среди них не было? — Патрик, не открывая глаз, сказал это зевая, все время ища у себя за пазухой кусок ткани чтобы замотать лицо:

— Только та, в красивом платье, рыжеволосая. Как я же у нее кожа, она пахла цветами. Жаль...

— Ты про дочь торговца мехами? Эй ей же пол головы топором отрубил? — Колебан смеялся, наблюдая за реакцией мальчишки, изредка поглядывая на дорогу.

— Фу! — сморщился Патрик, будто увидел тело прямо перед собой:

— Не про нее конечно! Я же говорю, та рыжая была. Волосы спадали кудряшками до самых плеч.

— Да точно тебе говорю, у нее половины головы не было!

— Вот все время ты все портишь! И что с того что не было! А остальное, просто загляденье. Ты помнишь ее бедра?

— Ага. Я помню, как с ее головы слетел мешок, и все трепуха о которой она думала до этого оказались у тебя на штанах! — Колебан разразился громким смехом и закашлялся,

почесал свою лысеющую плешивую голову.

— Да-да! Поэтому мне пришлось одеть эти короткие штаны из парусины. — недовольно добавил рыжеволосой Патрик и скрестив руки отвернулся поглядеть не потеряли ли они кого-то из своих пассажиров. Все до единого тела, молча лежали на возе, попыток к бегству не было, и Патрик уставился в пелену тумана, придумывая новые правила для предстоящего спектакля.

— Что опять обиделся? Может среди этих кто-нибудь тебе приглянется. Вот увидишь, следующая красotka будет обязательно с головой! — Колебан снова рассмеялся и хлопнул по плечу своего помощника погрузившегося в свои раздумья.

Обрыв был совсем близко, туман постепенно расступался, а языки пламени извиваясь оранжево-красными лентами рвались высоко в небо требуя еще больше трупов. Колебан остановил пару лошадей и медленно слез с козлов. Маленький коренастый, вечно сопящий себе под нос, он очень походил на гнома. Женщины смотрели на него с отвращением и отказывались спать с ним даже за деньги, только лишь из-за того, что он был сжигателем, а не вызывал у них симпатий. Одно только это отталкивало всех от него, будто бы общение со склочным и плешивым стариком могло их привести к смерти. Доказательством нелепости этих сплетен был Патрик, который был настолько молчалив и застенчив, что и он вскоре стал скорее дополнением и еще одним сжигателем нежели простым горожанином, как и все остальные.

Меся грязь под своими ногами сжигатели принялись за свою работу. Они подходили к самому краю обрыва и раскачивая тело в большом куске материи, держа его в руках, бросали тело в пламя, так чтобы ткань оставалась при них. Они проделывали это действие столько сотен раз, что Колебан сбился со счета, так часто приходилось им это делать. Качаешь труп, качаешь, а потом бац и он уже летит в пламя, готовой поглотить любое количество плоти превратив ее в пепел.

Пока Колебан осматривал тела на наличия приятных находок, что дальше послужат ему долгу службу, Патрик же всматривался в лица, застывшие с гримасами боли, страха, ужаса, отчаяния, а иногда и радости. Вот он перевернул одно из тел и посмотрел на белокурую девушку, которая будто бы спала у него на руках. Вся в веснушках, с губами, измазанными кровью, она всем своим видом просто требовала Патрика разбудить ее. Рука мальчишки нащупала ее большую грудь, пальцы остановились на пунцовых сосках, выглядывающих из-под платя. Еще утром эти спелые формы вздрагивали при дыхании, увы, но теперь, рука ощущала только лишь холод, а разум мальчишки разочарование. Патрик поднял ее на руки и глядя по волосам понес к самому обрыву намереваясь сначала устроить представление перед Колебаном, станцевав с ней, а уже потом, если танцевать она не умеет или откажет, сбросить вниз.

Старик был не против выходок Патрика, кружащего с трупом на руках перед пропастью из которой вырывались языки пламени. Глядя на святящаяся от счастья глаза мальчишки, он думал о том, как потратит свои два золотых, честно заработанных за сегодняшний день. Не одна потаскуха в городе не откажет ему за такие деньжищи, вот только теперь он не даст им не гроша все оставив себе.

Представление затянулось, да и усталость давала о себе знать и Колебан решил прекратить это непотребство, нужно было успеть вернуться в город до заката солнца. Патрик сделал еще не сколько пируэтов намеривался бросить холодную незнакомку в бездну, но в последний момент остановился просто отпустив. Тело упало прямо в грязь, а мальчишка

поклонился своему единственному зрителю, так он в тот момент думал. Лошади тревожно заржали и захрипев подались с повозкой назад. Колебан поймал их за вожжи, не давая им возможности ускакать прочь. Но произошло то, чего никто из сжигателей и представить не мог.

Черный рыцарь, весь закованный в черную броню, не издавая не единого звука вынырнул из тумана и схватил тело мертвой танцовщицы Патрика за волосы. Незнакомец совершенно не обращал внимания на опешивших от удивления сжигателей и принялся отрезать ей голову своим волнистым мечом, как пилой. Проделав это, он спокойно повернулся к ним спиной и принялся стягивать остальные тела с телеги намереваясь сделать тоже самое с остальными. Оцепенение не пропадало, Колебан вцепился в вожжи мертвой хваткой и не отпускал их глядя на Патрика, упавшего на свою задницу и пытавшегося в панике отползти назад от обезглавленного тела. Рыцарь полностью игнорировал сжигателей стянув еще несколько тел и будто найдя подходящие с легким хрустом отрубал им головы, что падали в грязь по разным сторонам от телеги.

Колебан наконец-то взял себя в руки, замотав головой, пытаясь до последнего прогнать это жуткое наваждение, которое никак не пропадало. Пальцы нащупали кинжал, но что он мог сделать, защитить трупы, зачем? Нужно было бежать, бежать пока была возможность. Мальчишка наконец-то поднялся на ноги и не отрывая своего взгляда от еще одной отрубленной головы пятился прямо к старику, боясь проронить хоть слово. Как только Колебан почувствовал тепло тела Патрика, рука сама выхватила кинжал, который он выставил перед собой защищая им себя и мальчишку. Рыцарь остановился и повернулся в паре испуганных сжигателей и направился к ним продолжая не издавать ни звука. Теперь время будто остановилось, да оно почти замерло, ничего не было, вообще ничего. Только черный рыцарь с волнистым мечом в руке, языки пламени и потрескивание кострища требовавшего новых трупов.

Они бежали, нет как они бежали, душа ушла в пятки не иначе, грязные и измученные они оба, Колебан и Патрик уже ползли по грязи, пытаясь во чтобы не стало убраться поскорее прочь от этого места. Кто это был и зачем отрубал головы, сердце бешено колотилось в груди, а рука сжимала руку мальчишки и тянула его вслед за собой. Они падали и снова подымались, задыхаясь от сбивающегося дыхания и страха, что охватил их обоих. Нет, нужно было менять работу. Хоть в поле пахать, да хоть дерьмо убирать, как хотелось жить в этот момент. Даже кинжал, брошенный у самых ног рыцаря уже был не нужен, как и повозка с лошадьми оставленная там же.

Рыцарь молча проводил взглядом беглецов и отрезав остальные головы забросил их в телегу и отправился на ней назад в туман, из которого и возник.

***

Символ веры над самой головой слепил глаза своим золотым богатством, но умирающему епископу, лежавшему на алтаре было совершенно не до него. Боль была абсолютно везде, внутри него, вокруг и даже рядом с ним, нападая на него волнами, становясь то сильнее, то слабее. Старое, совсем не тренированное тело не выдерживало нагрузок, через которые оно прошло два дня назад. Опять боль, страх переходящий в ужас, и епископ проваливался в сон, из которого назад его вырывал монах помощник, продолжая свое лечение, которое не приносило никакого результата. Хотя если его помощник хотел, чтобы ему стало безумно больно, то у него это отлично получалось. Епископ даже

попытался улыбнуться от этих мыслей, но снова от боли проваливался в бездну лишившись чувств.

Он слышал голоса, много голосов, люди пели и молились, снова и снова. Это раздражало, его кидало то в холод, то в жар и даже трясло. Крепкие руки помощников держали его так сильно, как только могли, будто бы сама жизнь пыталась из него вырваться, а они ее не отпускали. Он опять просыпался по среди храма. Нет не так, скорее посреди боли, жуткой не выносимой боли, которой все не было конца. Ему уже надоело ждать, время потерялось между символом веры, пением и болью. Епископ хотел уйти, жаждал этого, но его желанию не суждено было сбыться сегодня и боль продолжалась.

В очередной раз просыпаясь, он видел лица людей, склонившихся над ним, совершенно разные, незнакомые, добрые и злые, чистые и грязные. Они целовали его, шептали ему на ухо слова, смысла которых он не понимал, слыша только боль и ничего кроме нее. А потом боль исчезла, она ушла так неожиданно, что епископ сразу открыл глаза и попытался вдохнуть полной грудью воздух. Дыхания не было, только пение, молитвы и символ веры: золотое солнце, тянувшееся своими лучами в разные стороны. Боли больше не было, нет это ли радость, его трясло и изо рта хлынула кровь, дыхания больше не было. Наверное, это конец, подумал епископ и снова провалился в сон, такой желанный и такой нужный. Пустота.

Пустота была не долгой и невыносимо короткой. Она так резко закончилась, что епископ, откашляваясь кровью вдохнул полной грудью, снова чувствуя боль. Символ веры блестел над головой, боль медленно отступала, она уже не была такой не выносимой или он просто привык к ней.

Старое тело, все покрытое язвами от ожогов, шрамами от десятков порезов, тощее тело старика, который нормально не ел несколько месяцев. Епископ смотрел на свою кожу обтягивающую скелет и по его щекам лились слезы. Нет не от боли, и даже не от того что он похудел за эти два дня на два десятка килограмм, а от осознания того что он все еще жив. Монахи, те что остались после резни в храме еще были живы, они стали намазывать его тело очень знакомо пахнувшим кремом, принесённым молодым человеком, одетым в доспехи охраны порта. Палочки, намазанные кремом, скользили по его коже, покрывая густой липкой янтарной массой его ожоги и шрамы, боль отступала, наконец, совсем прекратившись. Епископ закрыл свои глаза и погрузился в размышления, отбросив все сомнения о своей скорейшей кончине.

Пять лет он проводил опыты с кровью своей чернокожей пленницы, которая обладала поистине не вероятной силой, силой огня, живущего прямо внутри нее. Когда он увидел в первый раз ее тело без рук и ног он скептически отнесся ко всем рассказам о том, как удалось ее взять живой. Только после долгих изнурительных опытов он понял какое же чудо ему досталось. Ее кровь заживляла раны, наполняла все тело силой и после сжигало его изнутри превращая в горстку пепла. Епископ снова и снова приводил новых и новых подопытных, жителей своей темницы, готовых на все чтобы только прекратить те мучения, через которые они проходили каждую ночь. У него ничего не получалось, они, один за другим умирали, сгорая изнутри прямо у него на глазах. Он злился, снова и снова пробуя, попытка за попыткой обуздать эту силу. Убивал своих помощников боясь того, что тайна может покинуть стены храма и снова продолжал опыты с кровью. В какой-то момент совсем отказавшись от этой затеи он неожиданно для себя принял самое верное решение, попробовать самому, по не многу, по чуть-чуть смешивать эту кровь с вином. И о чудо, у

него получилось. Сначала это было очень больно, одной маленькой капли хватало для того, чтобы посеять в его желудке сущий хаос и покрыть ожогами всю гортань, которая после очень медленно заживала. Но он не отчаивался и продолжал свои опыты, мучаясь долгим ожиданием, пока все раны внутри него заживут. Постепенно его тело начало привыкать, с каждым разом все меньше страдая от ожогов в желудке. Так за несколько месяцев он смог выпивать по одной капле раз в неделю, теперь чувствуя сам огромный прилив сил, а не выслушивая предсмертные рассказы обреченных, становящихся горстью пепла. Он выжидал, долго и упорно идя к своей цели, медленно, но уверенно увеличивая дозу чудесной крови до одной капли в день. Епископ стал набирать вес и чувствовать будто он смог победить саму старость, которая отступив, сменилась стойкой верой в то, что он сможет обуздать ту силу, которая таилась в теле его пленницы.

Это вероломное нападение, заставило его поспешить, ускорить процесс, поверить в то что пришло время попробовать испить крови куда больше, для того чтобы доказать самому себе, да и всем окружающим, что церковь которой он служил всю свою жизнь это не пустой звук. Что ни одни лишь молитвы и слепая вера объединяют людей, приходящих в стены его храма. Нет теперь их объединяет настоящее чудо, чудо — создателем которого стал он сам.

— Ваше святейшество, вы меня слышите? — слова, сказанные прямо на ухо епископа, прокатились громом в его сознании, вырвав его из размышлений о прошлом, вернув в реальность. Он открыл свои глаза увидев перед собой своего помощника, глядящего на него с улыбкой.

— Вы живы, какое счастье, вы живы! Я верил в вас, в ваши силы, силы нашей церкви и бога. Слава богу вы живы, епископ Ульрик.

— Где герцог? — это единственное что в данный момент очень сильно беспокоило чудом оставшегося в живых, епископа.

— Он не появлялся. Но его рыцари с легкостью отбили последнюю атаку на восточные ворота. Если бы не они...

— Ты меня слышал? — недовольно прохрипел епископ, чувствуя, как боль, волна за волной прокатывается по его телу.

— Его никто не видел, ваше святейшество. — скрестив руки на груди с опаской ответил помощник.

— Тебе нужно будет написать письмо и отправить гонца в столицу за подмогой, и еще одно... епископ начал кашлять задыхаясь, но после продолжил, чувствуя, что спазмы прекратились:

— Отправь письмо к месту последней стоянки наших войск, они должны тоже узнать о нападении.

— Извините, я взял на себя смелость, пока вы спали и отправил гонцов туда заранее, ваше святейшество.

— Каков, наглец... — кашель снова захватил горло епископа и не давал ему договорить.

— Ты все правильно сделал. А сколько я спал?

— Со вчерашнего утра. Сейчас уже ночь. И о чудо, вы живы! Мы все верили и молились за вас. Многие люди не покидали стен храма все это время, боясь оставить вас, ваше святейшество. То, что вы сделали для города, для храма?! Вы доказали своим поступком, что сам господь ниспослал вас к нам во спасение наших душ.

— Хватит. Оставьте эти речи для прихожан. Я сделал точно должен был сделать. Я нарушил много заповедей, пусть и во благо нашей церкви и города. — епископ закрыл глаза

скорчившись от боли в груди.

— Тише, лучше молчите, эти ожоги, они будто внутри вас...

— Как смеешь ты наглец, мне приказывать... — епископ снова разразился кашлем пытаясь приложить к своему рту руку, но так и не смог. Он удивленно попытался пошевелить хоть какой ни будь из своих конечностей, но это ему так и не удалось.

— Что это, что со мной, почему я не могу пошевелиться?

— Вы парализованы, ваше святейшество... — помощник опустил свои глаза и замолчал, не зная, что ему говорить дальше.

— Я что не смогу ходить?

— Я не знаю?

— Я, я, я? — глаза епископа заметались по высокому потолку в поисках ответов, но он так и не смог их найти.

— А мое поручение? — епископ попробовал отогнать самые ужасные мысли прочь от себя, почему-то вспомнив того молодого человека, что стоял возле него совсем не давно в броне охраны порта.

— Которое? — монах наклонился к самому лицу епископа и перешел на шёпот, чтобы их никто не услышал.

— Что ты выяснил, про тот сок, которым были пропитаны бинты единственного беглеца из моей темницы? — епископ гнал прочь мысли о своем параличе переключившись на текущие задачи, которые требовали своего скорейшего решения.

— У меня не было времени для того чтобы выполнить ваше поручение, но проблема решилась сама собой.

— Это как же?

— Крем которым вы намазаны, сделан из сока того же дерева что были пропитаны те бинты и...

— Давай говори быстрее, не тяни? — злобно сквозь зубы прорычал епископ.

— Один из бывших учеников мастера Серо принес мазь, которая снимет боль и поможет вашим ранам перестать кровоточить.

— Кто это?

— Серо учитель фехтования в центре города...

— Да нет же! Тот ученик что принес мазь. Он, наверное, знает о бинтах... — спазмы в горле снова не дали договорить, и епископ разразился кашлем чувствуя, как боль захватила его тело в свои тиски.

— Я не знаю его имени.

— Так узнай, а лучше приведи ко мне. Живо. Чего встал, ищи давай! — вместо ответа помощник поклонился и убежал прочь, растворившись в толпе собравшихся прихожан, читавших молитву.

Епископ отвернулся от собравшихся и уставился на сияющий символ веры над своей головой. Теперь его мучал вопрос, жива ли Маркиза. А если и жива, то что она задумала, да и куда запропастился герцог? Неужели ему абсолютно нет дела до того что твориться в его городе. А еще проклятый Сольвани, это его люди напали на караул два дня назад. Картинка в голове никак не хотела складываться, нужно было больше информации, хотя бы от мальчишки, который спас ему жизнь принеся крем, который также был маленький нитью, связывающей всю эту историю.

Непогода в Гротеске.

Еще пол дня пролетело в тренировках с Салли. Мы снова и снова устраивали спарринги на деревянных мечах, пытаюсь перестать верить в то, что они и вправду деревянные. Звучало конечно глупо, но мой меч к позднему вечеру, за последний час ни разу не сломался. Я был очень рад, а Салли не отчаиваясь радовался вместе со мной. Всего за один день, вместе тренируясь, мы смогли сделать свое деревянное оружие настолько крепким, что оно хотя бы

перестало ломаться через несколько ударов.

Совсем уже без сил, но с довольной улыбкой на лице, я медленно шел к нашей с Салли комнате, в надежде по дороге перехватить чего-нибудь съестного. Но у вот не задача, ужин мы уже пропустили и теперь вряд ли могли на что-либо рассчитывать.

— Я, кажется, рук не чувствую? — улыбаясь проговорил, медленно бредя в след за мной, Салли, довольно зевая и закрывая от усталости свои глаза.

— У меня тоже сил почти не осталось. Только есть хочется, — я тоже стал зевать, глядя на Салли, все время не переставая думать о учителе.

— У тебя Лад, к концу дня лучше стало получаться.

— А вот и нет, Салли, просто ты перестал стараться.

— Нет, это не правда! У тебя стало лучше получаться, чем у меня! — Салли настойчиво пытался меня убедить в обратном моим словам, но я не уступал ему.

— Да хватит заливать. У тебя с самого начала все получалось, а потом ты просто стал мне поддаваться! — я остановился, и опершись о стену, посмотрел на Салли.

— А вот и нет! — ответил мне мой товарищ и обидевшись на мои слова вошел в дверь первым, оставив меня во дворе совсем одного.

— Ну, извини! — я сказал уже в пустоту деревянной двери, из-за которой не слышалось не какого ответа.

Руки и в правду просто отваливались. Такая насыщенная тренировка с учителем, а потом с Салли до самого вечера. Если подумать, то я несколько дней провалялся, весь в мази, в ушибах и ссадинах. Мое тело и в правду быстро восстанавливалось, но как мне показалось, очень быстро и уставало, мне непременно нужен был отдых. Сон как нельзя лучше подходил для того чтобы восстановиться, вот только желудок продолжал требовать пищу.

Ноги сами привели меня к большому залу общей столовой, а уже через него к дверям кухни. Той самой кухни, из которой нас с Салли выгнали пол дня назад. В самом зале несколько учеников убирались, кто-то носил воду для приготовления пищи завтрашним утром, кто-то таскал мешки или просто выжидал время до отбоя, который вот-вот должен был начаться. Мне не хотелось ничего красть, ища чем поживиться среди многочисленных полок и поэтому я несколько раз позвал Ходвика и хозяйку Тильду. На мой зов мне никто не ответил, и я стал рыскать в потемках, ища, практически на ощупь, что-нибудь съестное. Кроме того, что я создал огромное количество шума и окончательно не заплутал в темноте, а еще к тому же упал на пол, совершенно потеряв ориентацию, где же находится выход.

Теперь я просто лежал посреди кухни, в темноте и думал о том, как провел свой сегодняшний день. Все эти тренировки по увеличению крепости деревянных мечей казались мне самой глупой затеей, самой глупой из всех, в которых мне только доводилось участвовать. Я думал про себя, что вещь, просто излучающая свет, была бы куда полезнее нежели что-то сверх крепкое, пусть даже и крепче железа.

Меня осенила идея и я стал водить в темноте руками, пока не нащупал деревянную палку круглой правильной формы, это оказалась скалка для раскатывания теста. А идея была очень простой и в этот самый момент особо нужной, заставить скалку светиться в темноте. Я продолжал лежать на полу и положив скалку себе на грудь, стал водить по ней двумя пальцами правой руки так, как учил меня мастер Серо, мысленно представляя каким светом скалка будет светить. Конечно же у меня ничего не получилось, и я, недовольно выругавшись, встал на ноги, попробовав сделать это снова. Я водил пальцами по деревянной

поверхности представляя, как она начнет мерцать и совсем скоро зальет все вокруг своим белым светом.

Через несколько минут я чувствовал себя полным идиотом, пришедшим на кухню и не нашедшем там ничего. Ни еды, ни воды, ни даже хозяев. А еще к своему собственному удивлению, попытавшемуся заставить деревянную скалку светиться. Ага, единственное чего сейчас мне хотелось больше всего, так это найти заветную дверь в большой зал и отправиться побыстрее спать. Я медленно двигался вдоль стены, прислушиваясь к шуму вокруг, пытаясь понять, где же выход. Наверное, я бы еще долго блуждал в темноте, надеясь на чудо, если бы не Ходвик со свечой в руке, явно появившийся здесь не просто так. Стоило только отражению огонька свечи показать мне где дверь, я тут же бросился к ней, стараясь остаться не замеченным, перепрыгивая через кувшины и кастрюли, которые мне удалось уронить до этого, блуждая во тьме.

Оставшись не замеченным и благополучно добравшись без приключений до своей постели, я наконец-то даже забраться под одеяло. А перед тем как дунуть на одинокую свечу в нашей с Салли комнате, я взглянул на своего спящего друга и поблагодарил его про себя. Уже погружаясь в сон я подумал, о том, чтобы произошло, если бы у меня все-таки получилось заставить скалку светиться. С такими мыслями я провалился в сон и именно с такими же мыслями Ходвик теперь не мог уснуть. Он держал в руках святающуюся белым светом деревянную скалку и не мог отвести от нее своих глаз. Ему еще предстояло убрать битую посуду, расставить кувшины и кастрюли по своим местам. Сейчас это не имело для него никакого значения, лишь белое свечение перед глазами было важным и больше ничего.

***

Утро было холодным и шумным. За оком старшие ученики, еще до рассвета солнца, начали возводить стены, прямо перед входом в школу и так огражденного с этой стороны стеной. В чем была логика этих горе строителей, мне было не известно, но вот что точно мне было известно, так это то, что я так и не смог нормально поспать.

— Как думаешь? Может продолжим тренировки или лучше спросим у учителя, что дальше нам делать? — Салли еще не открыл своих глаз, а уже думал о предстоящем дне.

— Не знаю, Салли?! Мне кажутся, все эти тренировки глупой затеей, в которой я пока участвовать не буду.

— Ну как знаешь? А я хочу научиться...

— Да ты и так уже это умеешь. Ты вчера мне показывал, — я скептически отнесся к его попыткам продолжить меня тренировать, потому что я был абсолютно уверен, что Салли, как и остальные старшие ученики уже давно научились все это делать.

— Не надо только думать, что я настолько глупый, чтобы поверить в то, что у тебя получилось хоть что-то за один вечер!?

— Ладно уговорил. Да я вожу тебя за нос. Но что мне остается? Тебе же нужно научиться все это делать. Даже я многого не могу и не понимаю, да и учитель из меня так себе?! — Салли разводил руками в разные стороны, оправдываясь передо мной.

— Ну ты только пока учителю не говори. Главное мы с тобой знаем, а об остальном не думай. Мы же с тобой друзья всё-таки, — я подмигнул Салли, а он подмигнул мне в ответ. Дальше одевались быстро, будто готовились к очередному заданию и конечно старались попасть на завтрак, после вчерашнего пропущенного ужина.

Уже у самых дверей столовой Салли задал мне вопрос, перед тем как войти внутрь:

— Ладно, говори, что ты задумал? Ты же знаешь. Я с тобой до конца.

— Давай сначала поедим, а потом отправимся на место нашего ночного поджога! — я и в правду замыслил посетить это место снова, но теперь уже днем. Меня пол ночи терзали воспоминания о том задании и хлебе. Мы явно что-то не поняли или не увидели тогда, во тьме. Уж что-то мы и в правду сожгли, вот только это явно был не хлеб.

— А зачем нам туда возвращаться? — опешил Салли, даже от неожиданности растерявшись.

— Ну ты же со мной до конца? Там и узнаешь. А пока есть пошли, любознательный!

Наконец-то набив свои животы до отвала, но так и не получив никаких наставлений от старших учеников на день, мы вместе с Салли отправились через двор школы к выходу. Несколько десятков учеников не покладая рук с самого раннего утра возводили стену, стоя прямо за ней вышку из которой было видно улицу города и весь двор. Работа кипела во всю, живой поток из рук перемещал материалы для строительства уже на саму стену. Школа готовилась к самой настоящей войне, не иначе. Ученики строгаги копья, колотили из досок щиты, кто-то даже начал рыть ямы посреди двора, будто бы они могли стать преградой при нападении.

— Готовятся? — скептически спросил Салли.

— Вот только к чему? Ну да ладно. Поспешим, пока и нас с тобой не заставили помогать, — я миновал еще пока не достроенную стену и улыбнувшись увидевшему нас конюху, бессменно дежурившему на входе в школу, направился в город.

Мы не брали с собой никакого оружия, и одетые в обычные рубахи и полотняные штаны походили на простых городских мальчишек. Разве что ремни, которыми мы опоясались, имели кожаное крепление для оружия, лишь это выдавало в нас учеников фехтования. Рабских татуировок на нас не было, как, впрочем, и грамот о том, что мы вольны распоряжаться своими жизнями тоже. Нужно было, во чтобы то не стало, не попасться любопытному городскому патрулю, который с легкостью мог нас задержать, подумав, что мы работаем на Орден Воскрешения. Понадеявшись на свою удачу и возможность в любой момент скрыться от преследователей на крышах города, мы отправились в северный район. Туда где несколько дней назад нам довелось поджечь амбар, по приказу учителя.

Петляя по переулкам, практически сразу свернув с главной улицы в подворотню, мы быстро двигались на север. Город только просыпался, лавочники медленно расставляли свои новые товары: одежду, богатую утварь и даже мебель, где-то звенели новые блестящие доспехи, пахло свежими фруктами и румяным хлебом. Центр Гротеска не обращал никакого внимания на то, что война стучалась в двери и продолжал жить своей богатой жизнью, даже не собираясь экономить. Парочки богатых дворян прогуливались по главной улице без охраны, барды и зазывалы пели песни, предлагая посетить тот или иной магазин. Красочные и праздные картинки с обилием зелени, то появлялись, то исчезали перед моими глазами из подворотен, через которые мы бежали в самый бедный район нашего города.

Вот по самому ее краю, мы миновали площадь, на которой несколько дней назад казнили людей, которых обвинили в помощи Ордену. Эшафот был на своем месте в центре, с десяток виселиц одиноко торчало из досок, покачивая своими петлями на ветру. Место казни скучало по новым жертвам, не меньше нескольких стражников, опершихся на свои алебарды там же. Я еще раз глянул на площадь и поспешил вслед за Салли, скрывшемся за одним из домов. Мостовая становилась все уже и уже, мы пересекли каменную границу стены, с пустующей сторожкой без охраны, отделяющей центр от остального города.

Прямо за стеной трехэтажных домов уже не было, редкие двухэтажные и то были

большой редкостью, все склады, да амбары. Весь район раскинулся в разные стороны, бесконечными шатрами торговцев, палатками бедняков и скоплением ненужного хлама и мусора горами сваленного где попало. Так же нас ждал букет из разнообразных ароматов: алкоголя, мочи, рвоты и фекалий, смешанных с жутким смрадом от тухлой рыбы, который пропитал здесь все вокруг. Добравшись до рынка, длинными рядами разбросанного до самых складов, мы наконец-то увидели на самом краю у крепостной стены остатки каркаса амбара, сгоревшего от наших рук.

— Ну что, мы на месте. Что дальше, Лад? — Салли остановился в нерешительности возле крайних палаток, продолжая смотреть на остатки сгоревшего амбара.

— Будем ждать. Раз здесь нет никакой стражи, может я зря нервничаю?

— Так и чего нам ждать? Все сгорело и никому нет до этого дела!

— Хотелось бы подобраться поближе, вдруг найдем чего? — все продолжал настаивать я, пытаясь прислушаться к своей внутренней Воле, которая снова не хотела мне помогать, спрятавшись глубоко в моем сознании.

— На этом пепелище? Здесь все сгорело дотла... — Салли не смог договорить, потому что я заткнул ему рот и прижал к стене.

— Тихо, смотри. Мы не одни такие, — я указал рукой куда-то в сторону от обгоревших балок амбара, на одинокую фигуру в черной балахоне, стоящую без движения у самой крепостной стены.

Незнакомец долгое время находился без каких-либо движений, молча изучая все что осталось от огромного здания. На какое-то мгновение он будто почувствовал на своей спине наши с Салли взгляды и резко обернулся. Перед ним стояло двое любопытных мальчишек и никого более, поэтому незнакомец брезгливо отвел свои глаза в сторону и снова повернулся к нам спиной. Спрятав свои руки в полах черного балахона, он продолжил осмотр разрушений, теперь совершенно не обращая на нас никакого внимания.

— Как думаешь, он понял зачем мы здесь? — шепотом спросил у меня Салли.

— Думаю, да! Мы просто двое любопытных мальчишек, пришедших на пепелище с целью чем-нибудь поживиться...

Незнакомец был очень странным, как мне показалось с самого начала. Обшарпанный черный плащ, покрытый бурыми пятнами грязи, говорил о том, что он явно спал прямо в нем, где-то на земле. Когда он на мгновение повернулся я заметил, что из-под плаща торчала рукоять толи меча, толи кинжала. Одно меня точно радовало, что это был не стражник или того хуже Франко. Именно его головорезы охраняли амбар той ночью. Интересно тогда, кто же это мог быть? Может страховщик или настоящий владелец здания? Мысли и версии завертелись в моей голове, от чего я отвернулся от незнакомца и потерял его из виду.

— Лад, он уходит. Может пойдем вслед за ним? — Салли отдернул меня за рукав, предлагая понаблюдать за ним.

— А если это Сольвани? Так что тогда нам делать? Может лучше уйдем и обо всем расскажем учителю? — что-то мне самому, от моей идею прийти сюда, становилось не по себе.

— Сольвани гораздо выше и явно хуже чем этот крепыщ, — Салли, наверное, доводилось видеть главу местных головорезов, и я доверился его чутью.

— Ну тогда давай за ним понаблюдаем. Он странный какой-то, вот я только понять не могу чего. А еще он вооружен, сабля или кинжал, не иначе!

— Странный, говоришь. Да ты на его сапоги погляди. Они куда богаче чем балахон и

все что под ним. Одни пряжки чего только стоят?! — Салли довольно хмыкнул носом, давая мне понять, что я упустил эту деталь, хотя, наверное, именно она мне и показалась странной.

— Очень странный господин... — мы сказали с Салли эти слова друг другу и улыбнувшись переглянулись.

— Он явно что-то скрывает?

— Или прячет?

— Скорее ищет что-то?

Переговариваясь шепотом с друг другом и стараясь не привлекать к себе лишнего внимания, мы вместе с Салли отправились вслед за незнакомцем. Нас вило любопытство и желание доказать своему учителю, что мы сами без него на что-нибудь, да и сгодимся. Сами сможем выяснить, что тут делает это незнакомец и обязательно разузнаем про хлеб, который сюда привезли и потом охраняли.

Дальше мы шли почти не разговаривая друг с другом, иногда растворяясь во тьме переулков или прячась за палатками с товаром. Я хорошенько разглядел его кожаные сапоги и вправду украшенные серебряными пряжками и набойками, не менее блестящими в лучах солнца, поднявшегося довольно высоко над городом. Незнакомец кружил по рынку, иногда останавливаясь и с опаской озираясь, будто бы чувствовал, что мы идем по пятам. Он явно не собирался здесь что-то покупать, он просто запутывал следы, чувствуя нашу погоню. Так сделав несколько кругов по палаточному рынку, незнакомец свернул на восток и ускорив свой шаг отправился на восток уже больше не оборачиваясь. Он явно очень спешил, раз достигнув площади не перешел на бег, и мы чуть из-за этого его не упустили. Салли предлагал мне залезть на крышу, но я на отрез отказался, боясь снова потерять это странного господина.

Догадки, кто же это мог быть, сами стали появляться прямо перед нашими глазами. При виде идущего патруля незнакомец свернул в подворотню и долгое время простоял там во тьме, не выходя до тех пор, пока патруль не исчез за поворотом. Снова выбравшись на свет и натянув капюшон на самый подбородок, незнакомец направился уверенным шагом к церкви, на крыше которой нам с Салли доводилось много раз бывать ранее. Подойдя к воротам и перекрестившись, незнакомец вошел внутрь, оставив нас одних на улице. Дальше, чтобы понять кто он, нам нужно было бы попасть внутрь.

— А вот и нет! Я внутрь не пойду! — сразу же на отрез отказался подчиняться Салли, будто бы понял, что я задумал делать дальше.

— Думаешь, мне хочется? Я пару дней назад сбежал из темницы, которая прямо там, внизу. Я там такое видел... — и тут у меня перед глазами появилась снова чернокожая женщина, растянутая цепями во тьме камеры.

— Мы обязательно должны войти внутрь. Мы же с тобой решили все разузнать сами! — я настойчиво уговаривал Салли, а образ чернокожей смотрящей на меня своими хищными глазами, все никак не пропадал и продолжал висеть перед глазами.

— А если он все поймет?

— Да с чего вдруг? Мы просто мальчишки, которые пришли помолиться или что они там еще делают?! — я в нерешительности проговорил эти слова, уже сам не веря в то, что нам стоит туда идти. Ноги меня сами повели через мостовую, на другую сторону улицы прямо к церкви.

— Лад останись! Ничего хорошего из этой затеи не выйдет! — Салли пытался меня

остановить, но все его попытки были тщетны. Мы потратили на эту словесную перепалку слишком много времени, поэтому я не раздумывая подошел к двери и что есть сил дернул ручку на себя и вошел внутрь.

Прямо за дверь было просто не протолкнуться, народ стоял практически друг на друге, он что-то бормотал себе под нос, изредка повышая голос и переходя на пение. Я стал протискиваться вперед, чувствуя, как Салли вцепился мне в руку, чтобы не потерять меня из виду и протискивался вслед за мной. Как только толпа выплюнула меня вперед, почти в центр зала увенчанного десятком колон, высящихся над золотым солнцем, я снова увидел незнакомца. Плаща на нем теперь не было, лишь богатые сапоги выдавали в нем того странного господина. Лысеющая голова, маленькие бусинки карих глаз на пунцово розовых пухлых щеках. До боли знакомый маленький, не много даже уродливый крючковатый нос, нависавший прямо над маленькой полоской почти незаметных губ.

Я вспомнил что видел его где-то до этого раньше, вот только где? Мысли и воспоминания нахлынули на меня, но я никак не мог вспомнить, где же видел этого человека. Прихожане совсем рядом запели очень громко, от чего я опустил свою голову, боясь встретиться с незнакомцем взглядом. Но тот повернулся ко мне спиной и склонился над алтарем, на котором кто-то лежал. Попытавшись искоса рассмотреть, кто же это мог быть, я только теперь заметил еще одного знакомого мне человека, ученика, приходившего утром к мастеру Серо с просьбой, в которой ему было строго отказано. Теперь этот парень, что-то обсуждая с монахами проследовал в одну из дверей слева, за высокими перилами, тянувшимися до самого алтаря.

Чтобы понять, что тут вообще происходит мне непременно было нужно подобраться к незнакомцу, как можно ближе. А еще этот шум, молитвы и пение. Я увидел, как незнакомец наклонившись говорит о чем-то с лежавшим на алтаре. Теперь я просто обязан был все услышать, а если же нет, то зачем же я тогда сюда вообще пришел? Разгадка была у меня прямо перед глазами.

Молитва в храме.

Командир стражи с самого первого дня, как заступил на свой пост, понял, что без хитрости ему здесь долго не продержаться. Не самый сильный в бою и не самый быстрый и ловкий в исполнении поручений. Он не мог похвастаться даже харизмой или умением говорить красивые слова. Господь при его рождении отвернулся от его матери, когда создавал это мясистое не красивое лицо, в которое он не раз получал, то кулаком, то палкой. Весь окружающий мир был пронизан ненавистью и болью. Не должного уважения, ни состраданий, только одно глубокое отторжение всех окружающих его желания оказаться хоть для кого-то полезным. Так с самого детства он учился слушать, одного за другим, снова и снова. Нет не слушаться, а именно слушать, подмечая для себя слова сказанные тем или иным типом про другого. Так его знания об окружающих копились до тех пор чтобы

однажды не выплеснулись через край. Он всего то сказал правду человеку о мыслях, рассказанных его другом тайно. Правду, которую услышал тайком, прячась за спиной, правду, теперь торчавшую рукоятью меча из груди говорившего. Он был удивлен, нет даже скорее поражён тому, как легко оказалось можно заставить любого человека пойти на убийство. Та вера и легкомыслие, с которым доверяли ему люди его еще больше раззадоривала. Вроде никому не нужный, тучный и лысеющий увалень, вызывающий одну только жалость, но чаще брезгливое отвращение, стал командиром стражи.

Нет это было совсем не легко, даже очень. Ему не пришлось практиковаться с мечом с утра до ночи или бегать и прыгать, изнуряя свое тело бесконечными тренировками. Ему же пришлось снова много слушать и иногда говорить нужные слова и фразы, что заставляли кровь кипеть, а разум прятаться в самые далекие уголки. Так за довольно небольшой срок службы в каких-то несколько лет, терпя подколки и издевательства других стражников он добился того что так давно хотел. За это время он смог многому научиться и попробовать. Четверо убили своих товарищей, двоих заточили в темницу за взятки, один повесился из-за ревности, ну а последний просто спился, проводя долгие беседы в его обществе по ночам. Теперь у коменданта просто не оставалось выбора, кого назначать новым командиром на восточных воротах.

Старые подколки и издевательства сменились страхом и ненавистью, боязнью лишиться жалования, за сумму которого отвечал именно он. Чувство победы и превосходства заполнило его, заставило почувствовать себя в безопасности и забыть об осторожности. Все этот комендант Трюдо и его грязные делишки с Сольвани, будь он не ладен. По началу он даже обрадовался, получив первый раз свою долю за мелкое дельце. Но после эти мелкие дельца только накапливались, как и долг Сольвани перед ним. Ведь все деньги до последней монеты стал забирать сам комендант, унижая его при подчинённых и обвиняя во взяточничестве. Злоба копилась вместе с долгами, она росла с каждой новой телегой которая проезжала в город, с каждой подколкой и улыбкой этого Франко, чья голова отлично бы смотрелась на острие копья.

Он снова стал осторожен, он слушал и молчал. Он наблюдал за головорезами Сольвани, даже нашел амбар, в который они свозили все свое добро. Он начал выжидать, чтобы в нужный только ему одному момент снова применить свою скрытую силу, рассказав все. Нападение на город перечеркнуло всю гениальность безупречного плана, в последнем шаге от его завершения.

Горы трупов, пожар, крики, боль и ужас. Грабежи и убийства, потом снова трупы, трупы и трупы. Да кому теперь было дело то того что комендант Трюдо не чист на руку, когда в Гротеске твориться настоящая война. Отчаяние начало медленно стягивать на его шею удавку, а желанная месть уходила с отрешенным лицом прочь, как вдруг такая неожиданная удача. Кто-то из пришлых стражников рассказал ему о том, как они ночью тушили амбар, вместо того чтобы помогать на восточных воротах. Тот самый амбар где Сольвани прятал все что они с комендантом свозили все эти недели. Поначалу командир было подумал, что это была расплата, случайность, но потом его осенило. Комендант, а не эти головорезы, был замешан в этом нападении куда больше чем казалось на первый взгляд. Теперь, стоя посреди пепелища, он представлял в предвкушении как будет рассказывать о своих догадках не переставая, твердить: «Если бы не Трюдо, мы могли бы спасти гораздо больше стражников погибших на восточных воротах!» Они бы поверили ему, они бы его услышали. Вот только кто они?

Погрузившись в свои мысли, он бесцельно блуждал по развалинам и не найдя там ничего интересного вернулся к рынку, не замечая ничего вокруг себя. Идея, цель появилась в его голове и чем больше он о ней думал, тем больше убеждался в том, что он еще отомстит коменданту.

Нищета, кругом была беспросветная нищета и грязь. Он вырос здесь, он впитал в себя все отвратительные запахи вокруг. Но он не стал вором или убийцей, нет — он стал стражником, командиром стражи, который получит от всех вокруг их накопившееся долги перед ним сполна.

Кто же мог наказать коменданта Трюдо, кого же он мог бояться кроме дворян и самого герцога, разве что только церковь, которой принадлежало все вокруг по ту сторону крепостной стены. Разве мог он, командир стражи восточных ворот, спавший во время нападения у себя дома рассказать кому-то из монахов о случившемся? Нет не мог или... Он остановился и замотав своей головой наконец-то решил. Нужно во что бы то не стало увидеть епископа Ульрика. Его церковь при нападении не пострадала, но многие монахи были убиты, как и рыцари церкви. Именно этих смертей можно было избежать если бы Трюдо направил людей на подмогу, а не занимался спасением своей добычи, сторевшей в том пожаре. Его радости не было предела, он глянул на свои новые богатые сапоги и решив, что обязательно к ним купит дорогой кафтан, бросился бежать к церкви.

Тяжело дыша и чувствуя вкус крови на губах, он стоял в дверях большого храма, в дверях, что отделяли его от сладкой мести, время для которой он теперь выбирал сам. Ему уже не терпелось рассказать обо всем епископу, чтобы насладиться сначала удивлением на его лице, а уже потом гневом и приказами о взятии коменданта Трюдо под стражу.

За дверями оказалось очень шумно, людей было так много что невозможно было протиснуться через них в сам зал. Прихожане пели и читали молитвы, без конца крестясь и скидывая свои руки над головой, прося господу о чем-то. Когда командиру стражи удалось тяжело сопя и ругаясь всё-таки протиснуться через толпу он увидел десяток монахов возле алтаря, на котором, как ему показалось, подойдя по ближе, лежал сам епископ. Его круглое, покрытое морщинами лицо вытянулось, через тонкую кожу будто бы угрожающе, проступал контур черепа. От этого зрелища командира начало немного мутить, и он остановился на пол пути, стараясь отводит глаза в сторону от увиденной картины. Сомнения обуяли его разум, стоило ли вообще говорить о том, что он собирался сказать, человеку, пусть и наделенного такой огромной властью, когда он находился на смертельном одре. Он дождался пока молодой юноша, стоящий перед ним погорит с епископом и проводив его уход взглядом, снял с себя грязный плащ. Эмблема стражи на его груди безотказно подействовала и один из монахов поманил его рукой к алтарю.

— Ваше святейшество? — командир было попытался подойти к самому епископу, но монахи оттеснили его.

— Кто вы? И по какому делу? — монахи явно были настроены не дружелюбно.

— По личному, не отложному делу от коменданта Трюдо. Я командир... — ему не дали договорить, положив руку на грудь и снова остановив.

— От Трюдо? Пусть подойдет, — голос епископа был совсем слабым, но монахи его услышали и расступились перед командиром, давая ему возможность подойти к алтарю.

— Ваше святейшество... — снова заладил командир.

— Быстрее, ближе к делу. Вы что не видите, я разваливаюсь прямо на глазах?! — зло прошипел епископ.

— Я хотел бы донести до вашего сведения, что тех многочисленных жертв среди ваших монахов и рыцарей можно было избежать! — командир стражи тщательно подбирает слова.

— И как же? — епископ не довольнo отвернулся от лоснящегося лица пришедшего и закрыл глаза, своим вопросом требуя подробностей.

— Комендант Трюдо был занят тушением пожара, а должен был направить людей на подмогу к вам!

— Тушение пожара важное дело, не говорите глупостей.

— Но он помогал тушить амбар с награбленным... — монахи снова стали теснить командира от алтаря.

— Какой вздор. Уберите его. Я хочу отдохнуть от всей этой болтовни, — епископ разразился жутким кашлем, а помощники принялись наклонять его голову, так чтобы он не захлебнулся слюной.

— Вы не понимаете, они свозили запрещенные товары в этот склад, а Трюдо им помогал в этом! — командир пытался кричать, не понимая, что своими криками мог навлечь на себя гнев прихожан.

— Да заткните вы его кто-нибудь... — сдерживая кашель проговорил епископ с ненавистью глядя на лоснящееся лицо командира, его длинные нос и тонкую полоску губ, пытавшихся до него что-то донести.

— Я могу доказать, что он помогал Сольвани... — его крик потонул в толпе монахов, которые взяв его за руки и ноги понесли назад к выходу.

— Стойте! Пустите его назад! — монахи подчинились словам епископа, и словно личная охрана герцога повели кричавшего толстяка назад к алтарю.

— Назовите мне причину, по которой вы сюда пришли?

— Я устал смотреть на несправедливость и ложь, что льется бесконечными потоками из уст коменданта. Он уже три недели помогает привозить головорезам Сольвани запрещенные товары, держа в страхе остальную стражу. Берет взятки, много взяток, об этом все знают и еще... — маленькие черные глазки бегали из стороны в сторону, а разум все пытался подобрать нужные слова, но от волнения у него будто в горле пересохло.

— Это все? — снова засомневался в сказанном епископ, намереваясь в любой момент прогнать стукача, склонившегося над ним.

— Хлеб. С гербом Ордена Воскрешения... Тот который совсем недавно появился в городе? — командир наклонился над стариком и продолжил уже шепотом:

— Это дело рук Трюдо. Я могу доказать. Тогда ночью, когда было нападение. Комендант со своими людьми тушили тот самый склад, в котором хранился хлеб Ордена.

— Не мыслимо! Как я могу вам верить? Может вы клевете на коменданта? — снова сомневался в словах стукача епископ.

— Я командир стражи восточных ворот и доказал свою преданность городу. К кому, как не к вам, мне было идти, чтобы говорить эти слова. Я уверен, что дворяне или сам герцог не стали бы меня слушать. А комендант, узнав об этом, нашел бы способ меня повесить. Я здесь, и я в отчаянии. Я ведь мог это все предотвратить? — командир перешел на эмоции и даже попытался пустить скупую слезу.

— Я польщен, удивлен и раздосадован. От ваших слов мне стало гораздо легче. Мои люди проводят вас внутрь храма, чтобы дать вам все необходимое. И конечно... — епископ снова разразился жутким кашлем, но быстро пришел в себя, добавив:

— Я наделяю вас полномочиями моего поверенного в этом запутанном деле. Вы просто

обязаны мне помочь, да что там помочь мне, помочь городу, церкви и самому герцогу.

Эти слова воодушевили командира, и он улыбнулся тонкой полоской розовых губ, обнажив свои гниющие зубы. Его внутреннее самодовольство ликовало, теперь он стал самым карающим мечом церкви, занесенным над головой коменданта. С такими мыслями он поцеловал плечо епископа, всего пропахшего воском и дубовыми бочками, и направился следом за монахами. Теперь, находясь в прекрасном настроении, он обдумывал какие слова будет говорить своему бывшему начальнику, и по недоразумению коменданту города Гротеск.

Если бы командир остался у алтаря и послушал то, о чем говорил епископ своим помощникам, то он точно умер бы от страха прямо на месте. Но он настолько был уверен в том, что выкопал довольно глубокую яму Трюдо, что не заметил, как сам в нее угодил.

Епископ дал очень точный приказ своему бессменному помощнику, стоявшему постоянно возле алтаря:

— Я хочу, чтобы вы этого стукача приковали вместе с тем мальчишкой, что знает все про мазь и бинты. Еду никому не давать до тех пор, пока я сам не смогу их допросить. И да, обязательно поставь кого-нибудь подслушивать за дверь. Пусть рассказывает тебе обо всем что там услышит.

— Я вас понял, ваше святейшество. Отдыхайте вы очень устали...

— Запомни! Я хочу лично услышать, во всех подробностях, что Трюдо предатель!

— Непременно, во имя господи и церкви Рассвета.

***

В храме было довольно душно. Я старался не смотреть на монахов, которые подхватили незнакомца вслед за которым мы сюда пришли с Салли. Тучный мужчина, за которым мы наблюдали от самого пепелища до церкви оказался кем-то из стражи, герб на его груди говорил именно об этом. Незнакомец пытался вырваться из крепких рук монахов, но так и не смог, в последний момент прокричав на весь храм:

— Я могу доказать, что он помогал Сольвани...

Монахи подчинились приказу епископа, приказавшего отпустить незнакомца и последовали вслед за ним назад к алтарю. Народ вокруг возмущенно начал роптать о случившемся, но вскоре один из монахов снова запел, и остальные прихожане, подхватив слова песни, сразу позабыли о произошедшем.

Нужно было, во чтобы то не стало, подобраться поближе к алтарю, чтобы услышать, о чем тучный стражник говорит. Время ускользало, нужно было действовать и я, склонив свою голову, направился к алтарю. Не знаю, я был не силен в религии, да и бывать до этого в стенах храма мне не приходилось, если конечно не считать того случая, здесь же в темнице. Я почти сразу заметил, что все пришедшие смотрят на большой золоченный круг, так похожий на солнце с лучами разной длины, тянущимися во все стороны, висевший над самым алтарем. Никто не отрывал своих взглядов от золотого солнца, будто обращаясь к нему с молитвой. Я решил рискнуть, выйдя из толпы и глядя прямо на символ веры подошел по ближе. Никто меня не остановил или оттолкнул назад, как того стражника минуту назад. Монахи посмотрели на меня несколько мгновений и не увидев во мне никакой опасности продолжили петь со всеми остальными, стоя к алтарю спиной.

Я стоял очень близко, в ногах у епископа, ощущая резкий запах воска и дубовых бочек, аромат к которому я очень быстро привык, провалявшись два дня в постели учителя

намазанный кремом. У меня не было сомнений, кто-то из учеников мастера Серо принес нашу мазь сюда. Отогнав свои рассуждения прочь, я начал прислушиваться к словам епископа, стараясь разобрать то, о чем они говорили. Его губы медленно шевелились, и я старался прочесть по ним, но он, будто чувствуя мой интерес, все время сбивался и кашлял, не давая мне такой возможности. Мой слух был заполнен молитвой и пением, через которые было очень сложно что-либо разобрать, но глядя на губы говорящего я продолжал угадывать, слово за словом. Чем больше я узнавал, тем интереснее мне становилось, что же будет сказано дальше, но кашель снова оборвал мои планы, и я продолжил смотреть на символ веры сложив руки вместе, будто молясь.

Мне показалось что тучный мужчина в дорогих сапогах и эмблемой стражи на груди остался доволен. Он поцеловал епископа в плечо и направился в сопровождении монахов куда-то за алтарь в одну из дверей в глубине храма. Я еще раз глянул на тощее лицо епископа, на котором проступали контуры черепа, таким оно было худым и продолжил читать по его губам каждое слово, проговаривая их про себя. Последняя фраза заставила мое сердце очень быстро биться, как только до меня дошел весь ее смысл.

«Я хочу, чтобы вы этого стукача приковали вместе с тем мальчишкой, что знает все про мазь и бинты»

Меня всего затрясло в тот самый момент, когда наши взгляды с епископом встретились. Его глаза, выпученные из орбит, смотрели прямо сквозь меня, будто бы зная, что именно я услышал и о чем подумал. Я оцепенел, чувствуя на как неприятный холодок пробежал по моей коже и волосы повставали на руках дыбом. Я машинально почесал руку и виновато опустив свои глаза под ноги повернулся. Нужно было спешить к выходу, мне было душно и холодно одновременно, страх и сомнения захватили меня предлагая бежать. Я переборол все эти навязчивые желания и благополучно добрался до прихожан, начав проталкиваться через толпу, до последнего ожидая что монахи схватят меня и поволокут обратно в темницу. Я не мог дышать, голова стала какой-то тяжелой, а в глазах начало темнеть. Салли подхватил меня за руку и помог открыть дверь, только на улице, жадно хватая ртом воздух я осознал, что могу дышать.

— Ну что? Ты что-нибудь услышал? — я слышал то что говорит мне Салли, но ничего не хотел ему отвечать, по крайней мере прямо не сейчас. Мы перебежали на другую улицу и скрылись во тьме переулка, растворившись в городской суете.

— Да ответь ты что-нибудь? А то, как воды в рот набрал? Что с тобой? — не унимался Салли, схватив меня за рукав.

— Нужно спешить к учителю. Очень спешить... — я бросился бежать к школе, увидев не скрываемое удивление на лице моего друга. Больше он не задавал мне вопросов, стараясь не отставать.

Глава 18 "Сюрприз"

Франко собственной персоной.

Маркиза была довольна предстоящим планом. Проводя целый день в компании Франко, она постепенно привыкла к его заносчивости и самолюбию, практически не обращая на это внимание. Он был абсолютно безразличен к своим подчинённым, не выделяя среди них кого-то особенного, пускал любого в расход при малейшей на то возможности. Он определенно был опасен из-за своего не объятого желания не столько участвовать в убийствах, сколько наблюдать за ними со стороны. Маркизе порой даже становилось страшно от одной мысли, что могло заставить господина Сольвани, по рассказам показавшегося ей самовлюбленным пижоном больше пекущемся о своей внешности, посветить в свои дела Франко. Теперь он был главным в северном районе и с этим никто не

мог спорить, ведь те, кто попытался были уже мертвы.

Как и обещал, Франко принес зелье для того чтобы усыпить стражу на посту, но как он намеривался это проверить Маркизе было еще не известно. Они до сих пор находились где-то в тущобах и это заставляло ее всегда быть на стороже. Быть единственной женщиной среди отпетых мошенников и головорезов очень сложно, особенно когда каждый из этих мужиков желает тебя изнасиловать. С этими мыслями Маркиза покидала один из домов в которых они прятались от облавы, проводимой Трюдо по их ранней с ней договоренности и смотрела на небо.

К вечеру все вокруг наполнялось спокойствием и тишиной. Стражники за один день довольно хорошо потрудились, переловив всех подозрительных типов и посадив их в местную тюрьму. Кого-то ждала виселица, кого-то каторжные работы, а кого-то не минуемое рабство в доках до самой смерти. Зато теперь вокруг было тихо, ей, стоящей под огромным звездным небом смотрящей далеко за крепостную стену было даже не много смешно. Она как маленькая девочка радовалась своему мимолетному одиночеству, хоть в этот самый момент расслабившись и просто смотря на далекие недосыгаемые звезды. Маркиза улыбнулась самой себе и поежилась от холодного ветра, принесённого из доков. Она подумала, что в этот самый момент ей хотелось окунуться в теплую ванную и уснуть прямо в ней, смывая с себя все тяготы и переживания растворившись в небытии.

— Холодает? — Франко снова появился из неоткуда с плащом в руках и бесшумно набросил его на голые плечи Маркизы.

— Ты уж точно не знаешь, что такое на самом деле холод! — съязвила она, хотя почувствовала, что плащ был теплым, его не с коем случае не хотелось снимать и отдавать обратно. Успокоившись она повернулась и вопросительно посмотрела на лицо Франко в полумраке:

— Что тебе нужно?

— Мне нужно мое золото и больше ничего... — холодно ответил Франко и хитро улыбнулся, растворившись прямо в воздухе и возникнув опять возле самой двери дома, из которого совсем недавно вышла Маркиза.

— Спасибо за плащ... — бросила она ему вслед и отвернулась, уже почувствовав через мгновение его теплое дыхание на своей шее.

— Я могу сделать это в любой момент! — шепот зашелестел у нее в ушах и она, кругнувшись на сапогах успела отбросить плащ в сторону и выхватить свой меч. Но на улице никого не было, лишь одна она, ветер и звездное небо, нависшее в любопытстве над всем городом, с интересом подмигивая звездами со всех сторон. Маркиза спрятала меч в ножны и выругалась, списав мгновение с шепотом на свою бурную фантазию. Нужно было подождать еще одну ночь и начинать уже действовать. Тьма поглотила все вокруг, а на небе так и не появилось сигнала, который Маркиза ждала. Сжав от нетерпения свои кулаки, она отправилась спать в комнатушку, которую любезно ей выделил Франко.

***

Утреннее солнце заслепило глаза и заставило от его ярких лучей прикрыться рукой. Маркиза довольно потянулась и зевая, медленно стала выбираться из постели. День предстоял очень насыщенным на события. Трюдо должен был убрать все выставленные вчера патрули стражи, которые продолжали поиски нарушителей порядка или подозрительных личностей, которых с легкостью можно было обвинить в помощи Ордену. На самом деле Маркизу все это мало интересовало, она была уверена, что комендант с

легкостью справиться с этой задачей.

Трущобы накрыла утренняя тишина и покой, грязные улицы стали практически безлюдны. Не было слышно криков драки или песен все никак не лежащих спать головорезов, лишь никому не нужные нищие сновали то тут, то там, в поисках какой-либо еды. Никому не нужные, отчаявшиеся люди проживали свою жалкую жизнь прячась от дневного света в переулках и подворотнях, среди брошенного мусора и старых палаток, изъеденных временем до дыр.

— Никто и никогда не думал изменить все это вокруг? — Маркиза говорила эти слова не куда-то в пустоту, а обращалась к Франко, стоявшему за приоткрытой дверью.

— О? Вы меня все-таки заметили! — лысый головорез, скалясь от уха до уха, приоткрыл дверь и вошел внутрь. Его взгляд был как всегда надменным, а серые глаза хитро прищурены.

— Хм. Нет. Я сказала эти слова вслух, а вы мне на них ответили, — заносчиво ответила Маркиза глядя через окно на грязную улицу и нескольких нищих через мгновение исчезнувших во тьме переулка.

— Следующий раз я буду более осторожен, — Франко снова хищно улыбнулся и облезал пересохшие губы, продолжая наблюдать за своей гостьей.

— Я спрашивала, вам никогда не хотелось изменить эти трущобы, заставить этих нищих людей работать. Посадить деревья, цветы, убрать весь этот мусор, наконец, из-под ног? — Маркиза удивилась самой себе и зачем она задавала такие вопросы, да еще такому подонку, как этот Франко.

— Вы заговорили как господин Сольвани, будь он не ладен. Он как-то раз рассуждал на такие же, как и вы, возвышенные темы? На кобыле масть не поменяешь! — лысый головорез скрестил свои руки на груди и облокотился о стену, недовольно зевая.

— Ваши эти словечки, я совершенно ничего не поняла?

— А чего лукавить?! Как кобылу не крась, от этого она жеребцом не станет! Все здесь привыкли так жить, в нищете и мусоре. Вот вы говорите, что заставите их работать. Да они скорее сдохнут, чем возьмут в руки мотыгу или будут крутить жернова на мельнице. В нашем районе любят либо ничего не делать, либо ищут легкой наживы, — Франко засунул палец в нос и совершенно не смущаясь стал выковыривать оттуда скопившуюся грязь.

— Хотите зелени и чистоты, то вам в центр города, мы тут знаете ли, не привыкли к чистоте и богатству. Вы еще прикажите набрать вам ванну и принести свежее белье, госпожа! — лысый на последнем слове стал ржать, видя недовольство на лице Маркизы. Если бы он только знал, что попал в самую точку, своих язвительных слов, как с ванной, так и с чистым бельем.

— Ладно, хватит! Ты нашел большой склад, в котором нет ни одной живой души? — Маркиза решила поменять тему разговора, вспомнив о делах.

— Ну если не считать множества крыс, то такой склад уже нашелся. Комендант Трюдо великодушно попросил прошлых постояльцев съехать из него на неопределенный срок, — продолжал язвить и издеваться Франко.

— Давайте отправимся прямо сейчас туда. Захватите с собой зелье сна, приготовленное для стражников. Мне нужно быть уверенной, что склад нам подходит.

— Целый день еще впереди. Я так понял усыплять мы их всё равно ночью будем.

— Вот и займемся пока складом, — Маркиза взяла несколько яблок со стола возле кровати на которой она спала и отправилась за дверь напоследок бросив:

— Показывайте дорогу, я же не знаю, куда нам идти.

Франко взял с собой с десяток людей, и они отправились в путь по грязным улицам северного района. Маркиза больше ничего не говорила, продолжая ругать себя за то, что постепенно поменяла свое отношение к этому разбойнику, начав даже прислушиваясь к его словам. В какой-то момент она словила себя на мысли что та опасность и его полное безразличие к жизням окружающих ей даже начинают нравиться. Маркиза сравнивала себя с ним. От этих рассуждений становилось противно, она даже улыбнулась, как же слово «противно» очень точно характеризовало все вокруг. Так, молча, размышляя каждый о своем, они пришли к складу, из-за угла которого, в самом конце, довольно широкой улицы, виднелись северные ворота.

— Не слишком ли близко к воротам? — Маркиза попыталась разглядеть лица стражников, стоявших в дозоре на стенах, но так и не смогла.

— Это уже не вам решать. Хотели склад, получили склад. Точка! — Франко подошел к высокой оббитой железом двери и попробовал отодвинуть ее. Сил ему одному не хватило и парни, которых они взяли с собой навалились на дверь. Через несколько рывков, она поддалась и с жутким скрипом отворилась.

Склад внутри оказался практически пуст, лишь цепи свисали откуда-то с самого потолка, да несколько бочек было расставленных по углам, посреди следов разбросанной муки, впопыхах забранной стражниками отсюда, днем ранее. Как заметила Маркиза несколько мешков стражникам пришлось бросить здесь из-за то, что те были разорваны. Зерно в них не до конца было перемолото, и на нем во всю пиروвали мыши, совершенно не боящиеся приходя новых хозяев склада. Мрак окутал это место, и свет пробивавшейся через открытую огромную дверь не мог осветить всего помещения.

— Здесь больше никто не появится, владелец в тюрьме, товар растащили защитники коменданта. Как он заявил, для нужд его любимой стражи! — зло проговорил Франко.

— Я не пойму, это что зависть? От того что товар не достался тебе? — на этот комментарий от Маркизы подручные Франко стали скалиться, предвкушая перепалку между главарем и этой девицей в доспехах.

— Нужно достать свечи и хорошенько прибрать все вокруг, — Франко проигнорировал замечание Маркизы и резким движением убил своим сапогом пробежавшую жирную крысу.

— Живо за работу! — он пнул ногой умершего грызуна и сплюнул себе под ноги:

— Ты специально меня пытаешься задеть?

— Мне просто нравится, когда ты злишься, — Маркиза улыбнулась лысому главарю бандитов и ступила во тьму, царящую за порогом склада.

Понадобилось несколько часов, чтобы свет свечей залил все вокруг. Помощники убрали тюки сена, которыми была завалена вся противоположная стена, ее не было видно со входа. Бочки скатили в кучу, а мука тонкими дорожками так и осталась лежать под ногами. Также за это время здесь появилось несколько сундуков, пару кроватей, стулья и стол, за которым теперь восседал как какой-нибудь дворянин Франко, закинув на него свои ноги, довольный всей проделанной за день работой.

— Как тебе мое новое место? — язвительно и высокомерно спросил Франко ухмыляясь.

— Это место не для тебя, а для рыцарей Ордена, — холодно ответила Маркиза.

— Так прямо и для рыцарей? Что-то я тут не вижу большого количества кроватей, ты же сама сказала до этого, что вполне хватит двух! Можно подумать, что рыцарь будет всего один? Где же будут спать остальные солдаты?

— А это уже не твое дело! Ночь предстоит быть очень длинной, так что проверь, все ли

готово, а лучше поспи! — Маркиза встала в вызывающую позу расставив широко ноги в стороны и с ненавистью и пренебрежением посмотрела на своего лысого помощника, взгляд которого все продолжал хищно поедать ее аппетитные округлые формы груди.

— Как вам будет угодно. Моя госпожа! — снова съязвил Франко и цокнув языком подчинился приказу женщины, его подручные разразились громким смехом и ушли вслед за ним.

Маркиза сняла с себя, начавшие натирать кожу доспехи и отстегнув меч, повалилась на кровать. Ей совершенно не хотелось спать, разум противился, и она стала думать с закрытыми глазами о предстоявшей встрече.

Прошло уже два дня с того момента, как она в последний раз видела своих соратников из Ордена. А ее спутники, наверное, все до единого, погибли в той мясорубке возле храма. По рассказам подручных Франко, епископ у восточных ворот устроил настоящую бойню, говорили убил не менее трех десятков солдат, причем сам. Она прогнала эти мысли прочь, ведь простому люду было свойственно все преувеличивать, но, чтобы этот старик, да с мечом в руках. Нет, события не укладывались в голове, она не могла знать всего что произошло, да и, наверное, уже не хотела. Два дня это слишком много, рыцари церкви стали бы ее обязательно искать, если бы епископ был уверен в том, что она причастна к нападению. Ребят что согласились с ней пойти на это рискованное дело было жаль, но что поделывать, война не прощала ошибок никому.

Мысли то появлялись, то исчезали, заполняя сомнениями разум Маркизы. Она гнала их прочь, вспоминая о главной своей задаче и мечтала о встрече с герцогом, предвкушая как будет его убивать. Наконец-то сон овладел ей, и она провалилась в мир своих фантазий, состоящих из теплой ванны и ароматов цветов, тонким одеялом покрывавших все ее нагое прекрасное тело, которое принадлежало только ей одной. Руки сами заскользили под подол юбки, ища набухший бутон из плоти и жара.

***

Маркиза проснулась от скрипа открывающейся двери, через которую пробивались лучи, угасающего где-то далеко за крепостной стеной, солнца. Она проснулась совершенно разбитой и уставшей. Лицо сковало будто каменной маской, которую непременно нужно было сбросить. Замотав своей сонной головой и недовольно посмотрев на силуэт одного из головорезов Франко, Маркиза спросила:

— Тебе чего?

— Так вечер уже, Франко приказал вас разбудить! — виновато промямлил пришедший, уйдя с прохода и давая последним лучам багряно красного солнца ослепить на мгновение Маркизу. Она быстро оделась и проследовала к месту встречи, неподалеку от северных ворот, где их уже ждал Франко.

— Все готово. Эликсир у меня уж поверь, что надо, вырубит всех стражников на добрых полчаса, не меньше!

— Смена караула уже была? — зевая спросила Маркиза.

— А сегодня ее не будет. Трюдо отправил остальных стражников на восточные ворота, так что этих сменить будет не кому. Хе-хе. Вот-вот должен появиться его посыльный, он обрадуется этими вестями стоящих в карауле солдат. Они уж точно не будут этому рады...

— Кажется вон он идет, Франко?! — один из помощников головорезов заметил движение по улице, медленно погружающейся во тьму. Маркиза не обращала на это никакого внимания, продолжая наблюдать за ночным небом, на котором стали появляться

редкие звезды.

— Ты чего? — Франко отдернул Маркизу назад, так, чтобы они спрятались за бочками от глаз пробежавшего по улице посыльного.

— Отпусти, чего вдруг удумал, стервец? — злоба накатила на Маркизу, и она хищно глянула прямо в глаза Франко, лицо которого было совсем рядом с ней. Рука было потянулась за мечом, но лысый наглец только ухмыльнулся, заглянув в голубую бездну ее глаз и отпустил.

Маркиза продолжала смотреть на звездное небо, ей абсолютно не было интересно происходившее вокруг. Посыльный передал сообщение стражникам на воротах и растворился во тьме улиц. Франко снова применил свою силу слившись в единое целое с тенью, будто пробежал по самой ее кромке преследуя последние лучи солнца и возник уже возле самой сторожки, по верхнему этажу которой устало ходила охрана. Снова исчезнув в тени, он материализовался уже внутри сторожки, которая пустовала и достав из-за пазухи флакон с сонным зельем добавил по капле в каждый из стоявших на столе кувшинов и кружек. Остальное содержимое он вылил в бочку с водой и снова растворился прямо в воздухе.

Стражники бранились, всем хотелось вернуться после долго дня к своим родным и близким, но выбора у них просто не оставалось. Теперь им пришлось находиться в карауле до самого утра, а от этих мыслей становилось скверно. Стражники вернулись назад в сторожку и сев за стол выпили по кружке и легко перекусив, отправились назад по своим постам. Следом за ними спустились остальные и проделали тоже самое.

Франко с интересом наблюдал за ними выжидая, когда же зелье начнет действовать. Момент затянулся, и он отвел свои глаза на Маркизу, все также безмятежно стоявшую в полумраке и смотрящую на небо. Он попытался переместить свой взгляд вслед за ней и увидел далекую звезду, что светила гораздо ярче всех остальных. Она мерцая подымалась все выше и выше на небосводе, постепенно удаляясь, пока наконец совсем не исчезла. Это было сигналом к действию.

Маркиза опустила свою голову и встретившись взглядом с Франко зашагала в сторону ворот. Стражники на сторожке зашевелились и увидев одинокую женскую фигуру, уставились на нее. Вот первый из них повалился без чувств, за ним второй и третий. Раздался затаенный храп под самыми воротами. Когда Маркиза подошла к дверям сторожки вся стража до единого спала мертвым сном, совершенно не подозревая что же будет дальше.

Головорезы Франко выбежали к воротам и схватившись за рычаги принялись их подымать, быстро работая своими руками. Механизм заскрипел и подчинившись воле людей стал подымать огромные кованые решетки, закрывавшие деревянные ворота, вверх.

Поток холодного ветра прорвался через проем, от чего у собравшихся перехватило на мгновение дыхание. Ветер продолжал буйствовать еще больше усиливаясь. Ворота были полностью открыты, когда в них появился, вынырнув из тьмы, высокий рыцарь, закованный в черные доспехи. Прямо за ним на городскую мостовую ступили десятки ног молчаливой армии, которую он привел с собой. Одеты, кто в доспехи, кто в какое-то рванье, все они не были похожи на регулярную армию, а скорее представляя из себя какой-то сброд, собранный из окрестных деревень. Почти на всех были одеты шлема, на некоторых даже красовались кирасы с эмблемой Асторийской армии, все изрезанные отметинами от топоров и мечей. Черный рыцарь возглавлявший это войско остановился в нескольких шагах от Маркизы и сказал:

— Веди нас сестра.

Его голос был грубым, практически металлическим, резавшим слух до скрежета в зубах. Головорезы в страхе отошли в сторону прячась за своего командира, удивленного глядящего на рыцаря как на диковинку. Маркиза повернулась спиной к назвавшему ее сестрой рыцарю и пошла по мостовой, ведя все воинство к складу, в котором им предстояло ненадолго укрыться. Головорезы тихо роптали между собой с недоверием глядя на солдат в оборванной одежде. Франко приказал им заткнуться и дождавшись, когда последний солдат пройдет ворота, принялся их закрывать. Воинство скрылось за поворотом дальше по улице, когда наконец-таки ворота были закрыты и решетка опущена снова на свое место. Головорезы по приказу своего главаря разбили все кувшины в сторожке и перевернули бочку с водой, сломали несколько стульев и разбросали оружие стражников. Теперь все выглядело так, будто бы караульные напились и устроили небольшой дебош. Франко окинув всю созданную его людьми картинку остался доволен и проследовал вслед за ними, назад к месту встречи.

Когда Франко вернулся, черный рыцарь сидел на стуле и опершись о стол разговаривал о чем-то с Маркизой. Армия молчаливо стояла ровными рядами по периметру всего склада, ожидая своего командира. Главарь головорезов направился к Маркизе, приказав своим людям остаться на улице, и чтобы не произошло, не помогать ему, даже если завяжется бой.

— Ну что, я выполнил свою часть сделки, не пора ли поговорить о моем золоте? Помнится, ты обещала мне все богатство нашей церкви, но что-то мне подсказывает, глядя на этих оборванцев, что я ничего не получу? — Франко демонстративно достал свой кинжал и стал им играть, перекидывая острый клинок из руки в руку.

— Кто это сестра? — ответил вопросом на вопрос вместо Маркизы до этого молчавший черный рыцарь. Этот исполин совершенно не чувствовал никакой угрозы в действиях Франко, но шлема для того чтобы представиться, так и не снял.

— Не беспокойся о нем Рейнхард, он не доставит нам ни каких хлопот, вот увидишь! — Маркиза разговаривала с рыцарем, будто игнорируя ранее сказанные слова Франко, что его еще больше задевало.

— Ты не ответила на мой вопрос? — взревел от злости Франко:

— Как ты собираешься захватить город или поменять власть. Я уже не понимаю, что вы там задумали, да и не хочу знать! Мне нужно только мое золото!

— С начала скажи мне где хлеб, который мы свозили к вам в город столько времени. Он нам нужен. Сейчас же! — Маркиза стала снова серьезной.

— А мне нужно мое золото! Хлеб будем моей гарантией того, что вы меня не кинете!

— Да будет тебе твое золото, не отчаивайся, а то испортишь весь приготовленный сюрприз! — Маркиза засмеялась облокотилась на стол, наслаждаясь смятением Франко, готового в любое мгновение ударить ее кинжалом, но так и не решившегося на это.

— Сюрприз, который я тебе подготовила? Пусть он будет не таким желанным как обещанное золото, но очень неожиданным, уж поверь мне! — Маркиза снова рассмеялась.

— Рейнхард, который из них? — она вскинула руку указывая на молчаливо стоявшую армию.

— Тот что ближе всех, в первом ряду, самый крайний. Вон тот, — рыцарь указал рукой на стоящего самым крайним солдата и поманил жестом его к себе. Солдат повиновался и сделав несколько шагов вперед, молча замер, ожидая дальнейших приказов.

— Ну что же ты, Франко, подойди к нему и сними с него шлем, — Маркиза затворнически проговорила это подойдя в плотную к Франко и обняв его за талию

продолжила:

— Я обещаю, тебе это точно понравится. Иди же...

Франко подчинился, в его голове металась мысль о том, что не видать теперь ему своего обещанного золота, стоит только вскрыться истории со сгоревшим хлебом. Сомнения одолевали его, нужно было ударить это хитрую девку поскорее в самое ее сердце и бежать отсюда без оглядки. Но ведь тогда он не сможет получить обещанного ему золота, да и с чего он вообще взял, что она выполнит свою часть уговора.

— Ты же не струсил? Ну? — своими словами она подталкивала его к чему-то такому, что весь его внутренний разум протестовал против этого, требуя поскорее отсюда уйти, но Франко всё-таки решил подчиниться. Он ведь всегда мог раствориться, уйти в тень, исчезнуть и вновь вернуться за своим долгом.

Солдат продолжал стоять и ждать, когда же Франко наберется смелости. Главарь бандитов перестал сомневаться и подойдя к молчаливо стоящему воину, вскинул резким движением забрало его шлема. От увиденной картины его тело сковало оцепенение, ужас застыл на лице Франко, он чуть смог совладать с нахлынувшим желанием убежать, но быстро взял себя в руки. На него смотрел криво улыбаясь старик Гарри, от него явно разлило перегаром и свежей рвотой. Он был жив, в этом не было ни каких сомнений.

— Ну вот мы снова и свиделись командир. Я вернулся за своим долгом... — Франко не дал старику договорить, ударив его кинжалом в живот, что было силы, на что Гарри только еще больше заулыбался. Главарь бандитов отступил на шаг, засомневавшись, что правильно нанес свой удар под самое сердце.

— Помнишь, тогда ночью, ты обещал мне хороший куш, кстати он сейчас при тебе? — продолжал спокойно говорить старик.

— Да что ты такое? — взревел Франко, ударив вторым кинжалом еще несколько раз старика, казалось совершенно не чувствующего боли.

— Так что с моими деньгами, Франко? Ты принес их? — не переставал тараторить скороговоркой Гарри став серьезным. Он повернул свою голову так, чтобы лучше рассмотреть лицо главаря, своим единственным глазом и крутнув рукой свои густые усы, продолжил требовать:

— Где мой куш? Мы же договорились?

— Хватит! — прокричал Франко вытащив кинжал из плоти старика и отшатнувшись, начав пятиться назад к Маркизе:

— Что это за фокусы, я не понимаю. Прекратите этот балаган? Что происходит? Ты что солгала мне, когда сказала, что убила его на допросе у епископа? — вопросы лились бесконечным потоком из рта, обезумевшего Франко, как из рога изобилия.

— Успокойся! Я сейчас все объясню, — Маркиза не переставала улыбаться, глядя на замешательство, все время до этого момента, уверенного в себе главаря.

— Я не лгала тебе, когда говорила, что убила его раньше. Но сила которой обладает Орден вернула его назад. Теперь он с нами и он жив, как ты видишь. Они все живы, все до единого! — Маркиза обвила руками всех собравшихся солдат под сводами склада.

— По какой-то нелепой случайности, Рейнхард воскресил его и теперь ты сам видишь, что твое оружие ему не почем. Все эти люди погибли в той мясорубке три дня назад у восточных ворот, но теперь им дан второй шанс, они все смогут вернуться домой.

— Но как? — подавленно выдавил из себя два слова Франко, окончательно запутавшись в происходящем.

— Правильным вопросом будет не как, а зачем? И я расскажу тебе, чтобы ты перестал сомневаться в том, что золото ты всё-таки получишь.

— Все эти люди мертвы для своих близких, но Орден воскресил их, для того чтобы они могли прийти и рассказать всем о том, что произошло, став живым свидетельством могущества Ордена Воскрешения. Войска очень скоро возьмут город в осаду у восточных ворот, а наши воскрешённые солдаты любезно расскажут своим родным и близким, что нет никакой нужды сопротивляться. Настоящее зло — это церковь которой все вокруг принадлежит, а вовсе не мы, пришедшие спасти всех вас от ее безумия и рабства. Поверь мне, мы сможем освободить вас всех, всех до единого.

— Идите к себе домой мои дети. И возвращайтесь, как сделаете то, о чем я вас попросил! — металлический голос Рейнхарда жутко резал слух, солдаты подчинились его зову и один за другим принялись уходить. Только старик Гарри задержался в дверях и сняв шлем бросил его под ноги, обратившись к своему бывшему командиру:

— Франко в следующий раз не забудь о моем долге? И это... Раз Чак и Вико мертвы их доля теперь моя!

— Хорошо... — ответил куда-то в пустоту Франко нащупав рукой, стоявший рядом стол и сев на него.

— Я не понимаю, ничего уже не понимаю? — главарь обхватил свою голову руками прокричав:

— Да этого просто не может быть, не может... и все!? — последний раз, когда его охватывала паника, был снова перед глазами. Эти картинки из прошлого с тщетными попытками убить Сольвани стояли прямо перед глазами Франко. Старик столько раз издевался над ним, он надеялся, что этого уже и не вспомнит. В этот раз у него опять было это чувство, чувство своей полной бесполезности.

— Еще как может. Ты же перемещаешься в тених, когда этого хочешь. Вот и наш Орден обладает кое-какой силой. Успокойся и отдохни, завтра нас ждет очень тяжелый день. Всех нас.

— Да, да. Конечно. — Франко со всем соглашался, боясь, больше перечить этой женщине, что еще она могла выкинуть, он даже боялся представить, после сегодняшнего представления.

— Я видела сигнал в небе, сколько нас? — Маркиза обратилась к черному рыцарю.

— Все, кто остался после последнего сражения. Несколько тысяч, не меньше, сестра. — Рейнхард встал со стула и повернувшись спиной ушел в темноту, под своды склада.

— Не называй меня сестрой, для тебя, я просто Маркиза! — на эти слова черный рыцарь ничего не ответил, слившись с тьмой в единое целое.

В дверном проеме показались люди Франко, не скрывающие своего удивления. Они пялились на своего командира, сидевшего на столе и обхватившего голову руками, ожидая от него дальнейших приказов. Повисшую тишину разорвал шум шагов и лязганье доспехов спешившего к складу Трюдо. Он перевел дух и откашлявшись изрек:

— Маркиза, слуга будет ждать вас завтра на рассвете у входа в замок герцога. Я сказал ему что вы с очень срочными вестями о войне, он пообещал мне, что непременно отведет вас к герцогу.

— Прекрасно, Трюдо, ты просто не подражаем сегодня! — Маркиза будто бы вся расцвела после сказанным им слов и не скрывая своей радости подбежала к опешившему коменданту, поцеловав его в щеку.

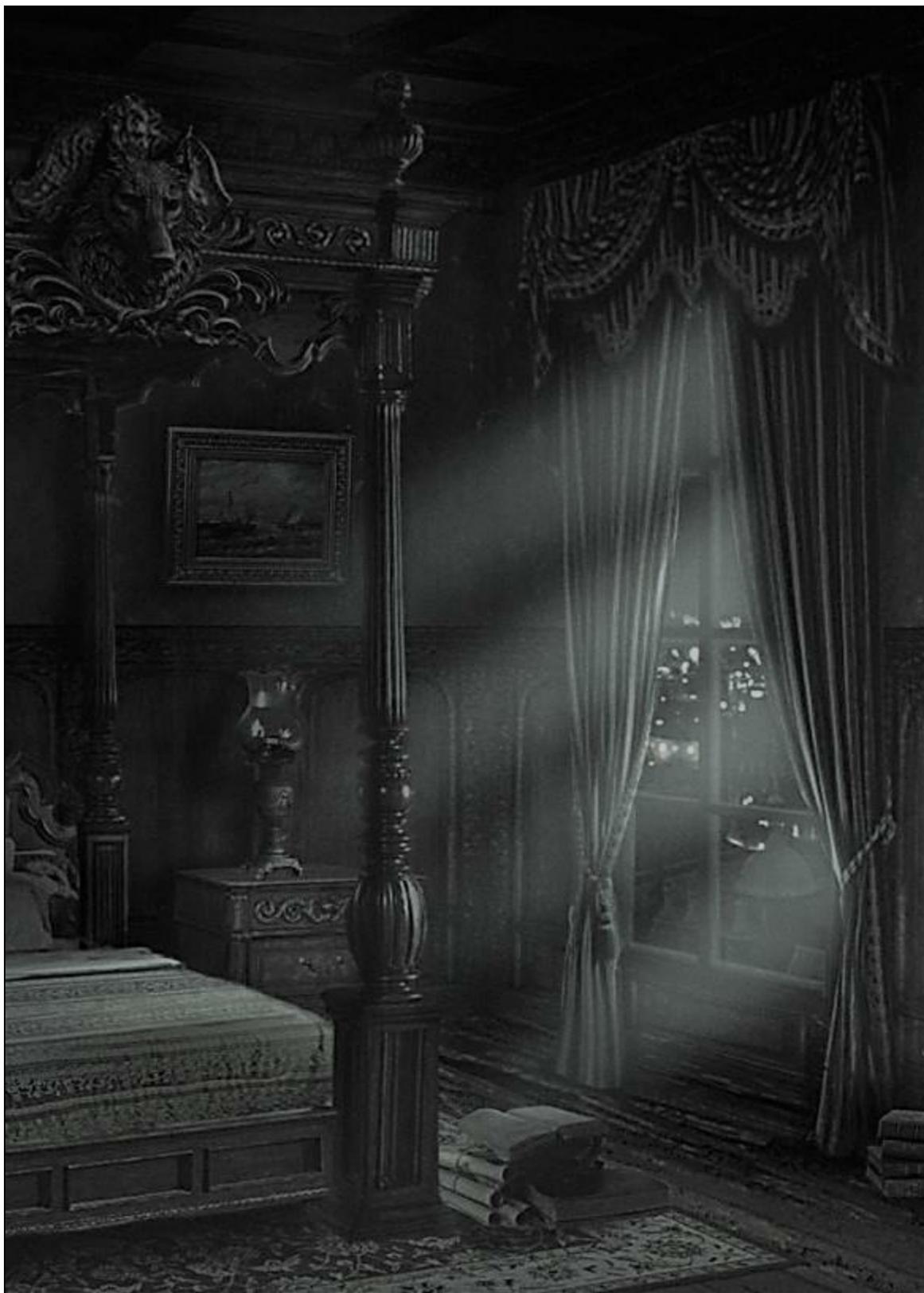
— Я никогда не забуду о том, что вы для меня сделали...

Трюдо тоже порозовел и приободрился с интересом наблюдая как бандиты ведут под руки своего командира, глядящего куда-то перед собой, будто бы увидевшего саму смерть.

— А с ним, то что?

— Это уже не важно! Главное, чтобы завтра побыстрее наступило... — Маркиза намеривалась уже уйти, но в последний момент остановилась:

— Трюдо мне кажется вам нужно спешить к восточным воротам, вас там все уже заждались!

Комната Мастера Серо.

Мастер Серо сидел на полу в зале для тренировок, когда мы с Салли влетели как ураган в помещение. Учитель был одет в черный балахон и льняные штаны такого же цвета, к моему удивлению его вечно растрепанные черные волосы, спадавшие до самых плеч, были

аккуратно собраны на затылке в пучок. Глаза мастера были закрыты, он будто бы не обращал на нас обоих никакого внимания, до тех пор, пока мы не отдышались, и я не поднял вверх свою руку, стараясь хоть так привлечь его внимание. Учитель зашевелил своими густыми усами и проведя по начавшей отрастать бороде открыл глаза и не довольно уставился на нас обоих:

— Ну, что опять случилось? Мне кажется, что у вас стало слишком достаточно свободного времени, чтобы свободно проводить его вне стен школы?

— Учитель...

— Не перебивай Салли, когда я говорю! Так вот. Мне начинает казаться, что я стал очень добр с вами. Вы перестали тренироваться, помогать остальным ученикам в школе, да и вообще. Мне стоит преподать вам урок? Как думаете, наказание вас уже заждалось или нет? — учитель хитро прищурил свои серые глаза и поднялся с пола, начав разминать затекшие мышцы.

— Мастер Серо, прежде чем вы нас накажите, можно я сначала расскажу вам где мы были, а потом вы решите, что с нами делать?! — я наконец-таки отдышался, мне не терпелось рассказать обо всем что мы с Салли узнали сегодня.

— Я если мне это не интересно? Ваши оправдания мне не к чему. Они никак не смогу повлиять на мое решение...

— Выслушайте Лада, учитель. Прошу вас, пожалуйста! — Салли снова при учителе превратился в преданную собачонку, готовую бросится к его ногам и терпеть любую боль и унижения.

— Хватит, — зло обрезал слова своего ученика Серо и положив руки за спину добавил:

— Хорошо, рассказывай Лад, но учти, я все равно вас накажу.

— Я понял, учитель, — сухо ответил я и начал свой рассказ.

— Сегодня утром, мы решили, то есть я решил, вернуться на место пепелища, того, что осталось от амбара, который мы с Салли подожгли. Не знаю, что-то внутри меня подсказывало мне туда вернуться и понаблюдать... — я пытался подобрать нужные слова и одновременно пытался оправдываться.

— Продолжай.

— Там, на пепелище мы увидели странного человека, он был одет в грязный плащ и очень долго ходил вокруг, что-то ища.

— Может это был мародёр или нищий. С чего вы вдруг взяли что он странный? — учитель остановился и посмотрел на меня, требуя ответа.

— Сапоги! — выпалил Салли и встретившись взглядом с учителем отвел свои глаза в сторону.

— Что сапоги, ну? Дальше...

— У него были очень дорогие сапоги, вряд ли кому-то из северного района по карману раздобыть такие. Это показалось нам странным, и мы начали за ним следить. Он очень долго петлял по улочкам и вокруг рынка, будто хотел от нас ускользнуть, но мы его не потеряли из виду и всегда были рядом. Так он нас привел к церкви у восточных ворот и вошел в нее. Мы последовали за ним внутрь. Вы же помните...

— Что именно? — учитель остановился и проведя рукой по своей шее замер, требуя своим вопросом продолжения.

— Тех троих, что приходили просить к вам помощи, они еще рассказывали о чуде и епископе? Один из них, самый старший вроде, был там, монахи увели его в темницу.

— С чего ты это взял, Лад? — учитель был заинтересован моим рассказом и просто стоял, глядя на меня.

— Я все подслушал. Когда тот странный человек пришел в церковь, он снял свой плащ, под ним была одежда стражника города. Ах да, епископ. Епископ при смерти лежал на алтаре, тот, старший из учеников разговаривал с ним, а потом его увели монахи. Этот стражник, тот что в дорогих сапогах, тоже требовал разговора с епископом, но монахи его хотели вышвырнуть из храма. Тогда он начал кричать что может доказать, что комендант Трюдо помогает Сольвани...

— Опять этот интриган и хитрец Сольвани, везде ему влезть надо. Не обращай на меня внимания Лад, продолжай рассказывать, — учитель жестом дал мне понять, чтобы я продолжал.

— Так вот. Я подобрался почти к самому алтарю и подслушал то, о чем тот стражник говорил с епископом. Комендант Трюдо вместе с Сольвани свозили хлеб для Ордена в тот самый склад, которым мы с Салли подожгли. Тот стражник рассказал об это епископу. Как только монахи увели его, епископ приказал бросить его в темницу вместе с тем учеником, для того чтобы потом пытаться.

— М-да. Прескверные новости, но ничего не поделаешь, они сами выбрали путь, по которому им предстоит идти.

— О чем вы учитель? Я не понял? — опешил я, совершенно не понимая, о чем говорит мастер Серо.

— Кстати, а как там, сам епископ? Он умирает? — учитель снова повернулся к нам спиной и положив руки за спину стал мерить шагами пространство зала.

— Единственное в чем я точно уверен, так это в том, что его всего намазали вашей волшебной дубовой мазью. Поможет ли она, я знать не могу.

— Вот же не послушный гадёныш. Ай-яй-яй. Плохо все это, очень плохо! — учитель снова остановился и повернулся к нам.

— Я? — я даже растерялся от его слов.

— Да не ты, не ты. О, Владыка Вечности, как же все это скверно. Я бы даже сказал ужасно. Но ничего, ничего...

— Нам непременно нужно спасти того ученика, — взмолился Салли.

— Нам? Отнюдь. Даже думать забудьте об этом.

— Но?

— Никаких, но, все, точка! Мы уже ничем им не поможем!

— Но у меня же, получилось сбежать!?! — настаивал я.

— Случайность. Просто нелепая случайность. Удача улыбнулась тебе, вот и радуйся теперь, что ты не на их месте.

— Учитель? — взмолился я.

— Мне что, теперь нужно повторять все по два раза, чтобы до вас дошло наконец?! — учитель начинал злиться, это видно было по его глазам, в которых на мгновение вспыхнул огонёк злобы.

— Я не все рассказал вам о том, что довелось мне видеть в темнице!

— А это тут причем? Ты вообще представляешь, что будет если церковь узнает, что мы все в этом замешаны? Да они отправят сюда толпу своих рыцарей, которые поубивают вас одного за другим, прямо у меня на глазах! Ты этого хочешь? А потом, они с легкостью обвинят меня в применении магии и повесят, как какую-то, собаку!

Воля внутри меня в этот момент оживилась, она будто схватила меня за голову, так, что мне от этого стало больно и я скривил лицо от неожиданности:

— Даже не думай ему говорить про ту чернокожую девку. Ты меня понял? Не вздумай, ты меня слышишь!? А если попробуешь сказать, я тебе больше помогать не стану, вот увидишь!

У меня в голове все смешалось. Одна моя часть умоляла, чтобы я непременно все рассказал учителю, а вторая, взятая под контроль моей внутренней Волей, требовала от меня просто заткнуться.

— Учитель, там в одной из камер темницы есть то, о чем вам стоит непременно знать, — я наплевал на все угрозы моей внутренней силы и решил открыться учителю.

— И что же это? Что может изменить мое решение? Владыка Вечности, ну почему мне попались именно такие любопытные дети? Их любопытство приведет всех нас на костер раньше времени!

— Я видел... — голова стала жутко раскалываться, и я обхватил ее своими руками и затряс, пытаюсь прогнать нахлынувшую боль.

— Я там видел чернокожую женщину, с отрезанными руками и ногами, она молила меня убить ее, но я не стал этого делать. Она источала такой жуткое тепло, что в камеру было трудно зайти так, чтобы не обжечься. Будто бы сам огонь ожил в ее груди... — боль стала просто не выносимой, и я упал на колени, продолжая обнимать свою голову руками.

— Мне кажется мой мальчик, ты просто бредишь. В том состоянии, в котором ты оттуда вернулся, это и не удивительно. А сейчас, глядя на тебя, я понимаю, что слишком рано решил закончить твое лечение. Салли уведи его обратно в комнату, ты что не видишь, что ему плохо?

— Учитель, мы должны их спасти. Я знаю, о чем говорю, я и в правду ее видел, точно! — глазах темнело и начинало казаться, что моя голова прямо сейчас лопнет.

— Мы никого не будем спасать, это мое окончательное решение. О том, что теперь наша школа должна будет сделать я расскажу вечером, перед отбоем. Всем ученикам и прислуге.

— Мастер... — я продолжал настаивать.

Учитель быстрым шагом подошел ко мне и положив свою руку на мою голову прекратил мучения, погрузив в сон. Я упал без чувств к его ногам и наконец затих. Боль наконец-то исчезла, и я погрузился в бесконечный разноцветный фонтан удивительных видений, сменявшихся одно за другим.

— Салли отнеси его в комнату и приходи во двор, чтобы получить свое наказание.

— Да, мастер, я все исполню.

— Будешь учиться терпению, перенося целый день тяжелый камень из одного угла школьного двора в другой, пока наконец до тебя не дойдет, что потакание во всех желаниях Ладу ни к чему хорошему не приведет. Ты меня понял?

— Да, учитель. — Салли поднял мое тело с пола и с улыбкой на лицо понес меня назад в нашу комнату.

***

Я проспал обед и вспоминая сегодняшней разговор с учителем не хотел выбираться из постели. А если я появлюсь во дворе сейчас, мастер Серо обязательно меня накажет, заставив делать что-то такое, от чего у меня совсем не останется сил. Теперь же, пока никто

не знает, что я проснулся, у меня было время чтобы все обдумать.

Зачем я здесь? Может бросить все и сбежать, только куда? Где мои мать и отец? Нужна ли мне вообще эта сила? Вопросов было огромное множество, но ответ у меня был только один. Я всем своим нутром чувствовал, что мое место не здесь. Не в этой школе, не в этом городе, даже не в этой империи. Меня тянуло куда-то далеко, только я совершенно не знал куда. Я просто продолжал верить в то что учитель однажды мне расскажет о моем отце и у меня наконец-то появится цель, к которой я буду стремиться. Моя сила, внутренняя Воля, такая наглая и своенравная девка, на что она была способна? Она приходила только когда желала этого сама, а все остальное время просто издевалась и не помогала. Наверное, я начинал жаловаться? Кому, самому себе, может своей Воле? Для того чтобы ей стало стыдно. Нет. Ей точно не могло быть стыдно, стыд это не про нее, будь у нее такая возможность она бы ходила голой и издевалась не только надо мной.

Воля так и не ответила на не одно из моих предположений окончательно обидевшись на меня за то, что я рассказал учителю о заточенной в темнице чернокожей. Мне показалось что мастер Серо не поверил не единому моему слову. Пропадая в своих размышлениях и ведя разговор с самим собой, я совершенно потерял ход времени и не заметил, как на небе стали появляться редкие звезды, а солнце стало клониться за далекий горизонт.

— Ой, дурак! — сказал в слух самому себе я и вскочил из постели, только теперь опомнившись что могу пропустить и ужин. Быстро набросив на себя рубаху и запрыгнув в свои штаны, я какое-то время помучился с портянками, никак не хотевшими наматываться на ноги. Сапоги были одеты, а ремень хорошенько затянут и вот я уже бежал по коридору вниз, туда где добрая сотня рук загребала из мисок кашу, наслаждаясь вечерней трапезой. Я чуть успел, Ходвик увидев меня широко улыбнулся и подал мне одну из мисок подмигнув и показав рукой на Тильду. Наша крепко слаженная домоправительница считала головы собравшихся в столовой не замечая меня. Я посмешил на свое место, где благополучно плюхнулся рядом с Салли и начал молча есть, понимая, что в любой момент ужин закончится. Тильда подала сигнал, и все начали вставать из-за столов, забирая с собой грязную посуду и неся ее к Ходвику, окруженному десятком помощников. Я успел справиться с едой и попав под пристальный взгляд Тильды с улыбкой покинул столовую вместе с Салли.

Во дворе было полно народу, все до единого ученики и прислуга были здесь. Даже кухонные помощники, которые должны были мыть посуду, покинули свой пост и толкаясь возле Тильды, зная, что в любой момент по ее приказу им придется вернуться назад на кухню. Солнце совсем исчезло и вокруг наступила ночь, факелов, висевших во дворе, явно не хватало для хорошего освещения, и Тильда приказала своим помощникам разобраться с этим. Через несколько минут на стенах вокруг всего двора появилось огромное количество факелов. Домоправительница осталась довольной и позвала своих помощников назад к себе. Учителя все не было, он должен был появиться прямо под сенью наших деревьев, которых во дворе было огромное множество. Мне почему-то показалось что он будет выступать под нашим с Салли дубом и оказался абсолютно прав. Мы с ним переглянулись и заулыбавшись друг другу стали протискиваться вперед чтобы лучше слышать то, что собирался нам всем сказать мастер Серо.

— Спасибо что смогли отложить все свои дела и прийти меня послушать. Для вас всех это будет очень важным событием. Я помню каждого из вас в лицо, каждого, кто пришел ко мне с нуждой или по неволе оказался здесь. Я помню, как многие из вас окончив обучение

мастерству фехтования отказались покидать стены этой школы, оставшись помогать мне. Я все это прекрасно помню. Всех, кто по началу ненавидел меня, а потом требовал и умолял продолжить обучение. Каждого, кто благодарил меня за ту науку которую я вам всем дал, постоянно наказывая и закаляя ваши тела в тренировках. Но мы собрались сегодня не для того чтобы вспоминать о том, что было, а для того чтобы решить, что с нами всеми будет дальше. В наши двери, в двери нашего города постучалась война, она пришла, но мы ее звали. Теперь для всех нас, жителей этого города наступило не легкое время тяжелых решений, которые предстоит сделать каждому из нас. Здесь, сегодня, сейчас.

Учитель откашлялся и глядя на всю нашу огромную молчаливую толпу продолжил свой монолог:

— Как вы все знаете я не присягал никому в верности в этом городе, даже в этой империи. Я не присягал никому из монархов, оставаясь верен самому себе и сторонясь любой политики, какой бы она не была. Я выбрал путь учителя не для того чтобы разбогатеть или сыскать славу, нет я сделал все для того чтобы мои знания не ушли вместе со мной в пучину времени оставшись ничем. Я заключил с гильдией торговцев соглашение и создал эту школу, нашел всем вам будущим своим ученикам работу, цель, смысл жизни, называйте это, как хотите. Я нес бремя вашей безопасности сквозь года отвечая за все ваши поступки в стенах школы, одевал вас и кормил, и теперь, спустя годы, я хочу у всех вас спросить — готовы ли вы пойти со мной до конца? Я здесь, сегодня, сейчас, нес, несу и буду нести, возложенные на самого себя обязанности учителя и впредь буду следить за тем чтобы вам всем хватало всего, что у вас теперь есть. Еды, одежды и крова над головой, ведь я несу за всех ответственность. Вы согласны с этим?

— Да, да, да! — крики доносились со всех сторон, и мы вместе с Салли вторили им.

— Поэтому я не могу, да и не буду нести ответственность за остальных горожан нашего города. У нас с вами есть все, для того чтобы переждать любую осаду здесь, в стенах моей школы. Мне все равно кто станет новым правителем, падет ли город или воины Ордена вырежут всех горожан до единого. Я несу ответственность только за вас и никого более. Также я знаю, что у многих из вас есть родные и близкие, которые отправили вас сюда на учебу, а может и продали, чтобы сбросить со своих плеч лишний рот, поэтому я не собираюсь здесь никого держать силой. Если вы решите уйти к своим родным, то сделайте это прямо сейчас, держать вас и останавливать никто не имеет права. Даю свое слово! Но у меня есть только одно условие, если вы готовы вернуться домой, то уходите, времени у вас до полуночи.

Учитель закончил говорить свою речь и вокруг наступила тишина, такая, что мне даже захотелось проверить, может быть это все сон. Никто не проронил не слова, не ушел, даже не шелохнулся. Слова, сказанные мастером Серо настолько всех, ошеломили, что многие боялись даже пошевелиться, чтобы не давать остальным повода усомниться в их преданности школе.

— Можете расходиться, времени у вас до полуночи. Я никого не держу. Если вы хотите вернуться домой, то уходите. Никто останавливать вас не будет! — учитель еще раз сказал эти слова и наконец все вокруг оживились. Толпа загудела от обсуждения, что же теперь делать дальше, многие начали спорить, кто-то даже заплакал. Я же, как и Салли, так и остались стоять, бежать то нам все равно было не куда.

— Мастер Серо, подождите, не уходите. У меня для всех нас хорошая новость. Да постоит ж вы! — Тильда протискивалась сквозь толпу собравшихся, держа какого-то

юношу за руку, на ее лице сияла улыбка.

— Постоите ж наконец. Мастер Серо у нас случилось чудо, не меньше. Ваш бывший ученик, которого считали умершим вернулся целым и невредимым. Ну это же чудо, господи спасибо тебе!

Тильда поровнялась с учителем продолжая держать худощавого юношу за руку. Он был одет с доспехи Асторийской армии, все изрезанные ударами мечей. Казалось он чуть стоял на ногах, медленно качаясь из стороны в сторону.

— Лад мне кажется с ним что-то не так? — Салли дернул меня за рукав рубахи и я тоже стал смотреть на пришедшего гостя.

Учитель повернулся чтобы заглянуть юноше в глаза и поздравить его с возвращением, как вдруг испуганно отскочил в сторону, вкинув два пальца вверх. Мастер взмахнул ими в направлении незнакомца, чуть выше его головы и тот покачнувшись упал на траву. Толпа снова замерла, в ожидании развязки. Никто ничего не мог понять в произошедшем. Только Тильда, схватившись за сердце принялась подымать юношу, трогать его за шею, пытаясь нащупать пульс.

— Он мертв, — холодно сказала она, зло добавив:

— Вы только что убили его!

— Нет я этого не делал, он был мертв, причем уже довольно давно! — невозмутимо ответил учитель, спрятав свои руки в полах широких рукавов своего балахона и направился к умершему.

— Да, вы убили его! Я только что с ним разговаривала, и он был жив! — взревела Тильда, сжав свои кулаки и приготовившись к атаке. Лицо учителя было таким же невозмутимым, он стоял с интересом наблюдая, что же будет дальше.

— А знаете, что? Я уйду. Мне надоело все время прикрывать вас. Вы его убили и точка! — Тильда развернулась и грозно озираясь по сторонам отправилась к себе на кухню. Все ученики в страхе разбежались в разные стороны, боясь попасть под ее гневный взгляд.

— Да будет так, — сказал учитель и сложив руки за спиной отправился в свою комнату. Толпа снова гудела, все расходились кто куда. Кто собирал свои вещи, кто рыдал, не понимая, что ему теперь делать, а кто принялся за работу на кухне, там скопилось целая гора не мытой посуды.

Мы молча добрались до своей комнаты вместе с Салли, ничего не говоря друг другу, боясь того что нас кто-нибудь услышит. Молча разделись и легли, каждый в свою постель. Я было готов был дунуть на свечу, но Салли рукой меня остановил и сел на кровать. По его лицу было видно, что он хочет мне что-то рассказать.

— Знаешь я устал молчать. Не только у тебя одного есть сила. У меня ведь тоже она есть, — он сидел, опустив свою голову вниз и глядел на деревянный пол.

— Ты не вини учителя, он сделал все правильно с тем парнем во дворе, я сам все видел. Знаешь я ведь могу видеть такое, что никто видеть не может! — он поднял свою голову и заулыбался. В том момент я понял, что он мне не врет.

— Тогда, когда тебя забрали стражники и бросили в темницу, я весь из переживался за тебя. Все винил себя за то, что оставил тебя там, одного и убежал. А потом, ночью ты вернулся в тех дурацких доспехах. Один только я смог тебя узнать... — Салли заплакал и обнял меня продолжая рассказывать:

— Я смог увидеть твоё лицо сквозь доспехи, понимаешь, только я один смог. Я если не веришь, то смотри!

Салли снял с себя рубашку показывая мне место от ожога в виде креста.

— Помнишь те медальоны, что дал нам учитель, в тот день перед поджогом?

— Ну? — ответил я пытаясь вспомнить.

— Когда кто-то использует силу они нагреваются, у тебя тоже осталась такая же отметина. Я задрал свою рубаху и вправду, нашел у себя чуть ниже шеи, справа, такой же крест.

— Вот и сегодня, когда учитель взмахнул пальцами перед тем парнем, я отчетливо видел, как длинный тонкий меч перерезал какую-то светящуюся нить над его головой. Только после этого он упал как мертвый. Ты знаешь, я теперь боюсь, что нами будет? — Салли снова зарыдал и прижался ко мне, а я не знал, как его утешить, погрузившись в свои мысли.

Теперь нам обоим нужно было нести свое бремя, бремя тяжелых решений, ведь до полуночи оставалось уже совсем чуть-чуть.

— Салли не плачь. Я тебе верю, — это все что я смог в тот момент придумать.

Городское восстание.

Утром я проснулся совсем разбитым, мы пол ночи вместе с Салли гадали, стоит ли нам оставаться или нет. Так и не решившись уйти в ждущую нас неизвестность мы всё-таки остались. Я, потому что учитель должен мне был рассказать о мои родителях и Салли, потому что я никуда не собирался уходить. На том и порешили. Молча одевшись и почувствовав медленно подбирающийся к животу голод, я отправился в столовую. Салли молчаливо следовал за мной, наверное, продолжая обдумывать, наше с ним вчерашнее решение.

Столовая была практически пуста. Тильда ушла из школы забрав вместе с собой своих помощников и теперь Ходвику приходилось отдуваться практически одному. Несколько помощников у него конечно было, но этого катастрофически не хватало. Он выглядел полностью разбитым, глаза выпучены, волосы взъерошены, а передник, весь перепачканный едой, был в нескольких местах разорван. Это было жалкое зрелище, пища была вчерашним ужином, холодной и не такой аппетитной, но выбирать нам теперь не приходилось. Он устало зевая кивнул нам и направился убратся на кухню, толи поспать, толи домыть скопившуюся там посуду. Ели молча, глядя как отлаженный некогда Тильдой механизм на кухне рушился прямо на глазах.

Подкрепившись и не почувствовав себя лучше, мы отправились во двор, чтобы потренироваться, но и тут нас обоих ожидал сюрприз. Старшие ученики, одетые в боевое

обмундирование, вооружённые кто копьем, кто мечом, раздавали оставшимся ученикам настоящее оружие. На ранее построенной ими башне уже красовались облачённые в синие туники лучники, под ними на крепостной стене, также появившейся только вчера толпилось с десятков мечников.

— По ходу, тренировок больше не будет? — с грустью в голосе промолвил Салли, заметив, что один из старших машет нам рукой.

— Не стойте в стороне, подходите. Я выдам вам оружие и доспехи, — монотонно тараторил ученик, глядя сквозь нас.

— Сколько лет занимаетесь? Каким оружием владеете?

— С фехтованием уже покончено, оружие любой меч, какой дадите, а ты Лад? — Салли улыбался предвкушая, как он будет выбирать оружие.

— Мне полуторный, если можно?! — я посмотрел на старшего ученика, но он ничего не ответил на мой вопрос.

— Берите доспехи и оружие и проходите дальше. Быстрее, чего встали? — старший стал нас подталкивать вперед, махая рукой следующим стоявшим без дела ученикам.

Мечи остались только короткие, а доспехи были либо малы нам, либо настолько большие, что в них, пожалуй, могла влезть даже Тильда.

— Да такими мечами только по манекену бить, смех, да и только, — я повертел в руках оставшиеся клинки и положил их обратно. Салли же присмотрел себе меч и был готов уже взять, но в последний момент я его остановил.

— Давай уйдем отсюда, на нас доспехов даже не нашлось.

— Стоять! Все должны быть через час готовы к осмотру, в боевом облачении и оружии! Приказ мастера Серо! — старший говорил это настойчиво, пытаясь нас убедить, что нам теперь не отвертеться.

— Да нас ни один доспех не подошел?

— Значит одевайте синюю тунику и берите лук со стрелами, раз вы у нас такие мелкие! — ухмыляясь съязвил старший, подталкивая нас рукой вперед к следующему столу, где лежали колчаны со стрелами.

— Еще раз так сделаешь? — я начинал злиться, после бессонной ночи и холодной пищи мне просто необходимо было спустить куда-то пар, раз тренировки не предстояло, почему бы не на этого выскочку.

— И что ты мелкий мне сделаешь? — он начал скалиться и похлопал по ножнам меча на своем поясе, давая понять, что непременно его применит.

Это было последней каплей моего терпения, я больше не стал сдерживаться. Сначала со всей силы ударил его ногой в пах, так что он упал на колени, а потом приложился кулаком по его лицу и повалил на землю, сев сверху. Старший тщетно пытался нащупать рукоять своего меча, я сумел выхватить его раньше из его же ножен, чем он что-то сообразил и приставил лезвие к его горлу. В глазах парня были страх и отчаяние, он извивался змеей подо мной, пытаясь подняться, но так и не смог, почувствовав на коже холодную сталь клинка.

— Может мне тебя зарезать, тварь? — я взревел, как обезумивший бык, готовый в любой момент лишить его жизни.

— Ну, отвечай, сука! — в этот момент я не чем не отличался от любого из головорезов, которыми кишел северный район, я потерял контроль над собой и был просто в бешенстве. Никто нас не разнимал, ни кричал остановится, все просто наблюдали, ожидая чем все

закончится.

— Не надо... — еле сдерживая нахлынувшие слезы, выдавил из себя юноша, осознав всю тщетность сложившейся ситуации. Салли также молчаливо наблюдал за моими действиями, не пытаясь остановить. Я встал с испугавшегося старшего ученика и брезгливо отшвырнул короткий меч в сторону, встретившись взглядом с Салли.

— Так, что тут происходит? Почему никто не одевает доспехов и не берет в руки оружие? — во двор из одной из дверей выбежал учитель. Его черные густые грязные волосы лежали на плечах и закрывали добрую половину лица, на котором читалось пока еще легкое недовольство.

— Я вас спрашиваю, что происходит?

— Все уже закончилось учитель... — зло сязвил я краем глаза глядя на все еще лежавшего товарища, испуганно смотрящего то на меня, то на учителя, от его былой спеси уже ничего не осталось.

— Все, вы! Чего встали, как вкопанные? Продолжайте готовиться, одевайте доспехи и оружие. Старшие товарищи после поделят вас на группы. Будем нести дежурство по четыре часа, по всему периметру школы, а потом манятся. Как только я буду знать, сколько нас всего, я вывешу список на эту стену, кто, с кем и когда будет дежурить! — учитель попытался сдвинуть на бок свои растрепавшиеся волосы, но у него этого не получилось.

— Так, Лад, Салли, а ну марш за мной! Совсем от рук отбились. Вперед, я сказал! — гнев вспыхнул в серых глазах учителя и это как всегда подействовало, ручеек из живой плоти снова пришел в движение. Все стали примерять доспехи и одевать на пояс оружие, кто-то из учеников поднял моего недавнего противника и отряхнул. Мы же вместе с учителем и Салли проследовали в здание школы.

***

— Лад что с тобой не так? Что опять случилось? — учитель устало повалился на свое кресло и закрыл лицо рукой, о чем-то задумавшись. Мы вместе с Салли продолжали стоять в дверях его комнаты, не переступая порога.

— Ай, да что вы стоите? Заходите и закрывайте за собой дверь! — учитель убрал руку от своего лица и поманил нас жестом, закрыв свои глаза. Мы повиновались и вошли.

— О, Владыка, за что мне все это? Тильда ушла, а теперь еще и наш казначей упорхнул вслед за ней. Я никогда не отказывал им обоим, абсолютно не в чем! Я сбит с толку... ну, а у вас обоих, что стряслось? — мастер Серо ударил себя ладонями по лицу, пытаясь отогнать дремоту в которую медленно погружался из-за длинной бессонной ночи.

— Это все из-за вашей вчерашней речи, учитель! — я без страха смотрел прямо в глаза мастеру, надеясь прямо сейчас его переубедить.

— Так, если вы хотели уйти, так чего не воспользовались моментом и не сделали это вчера? Я же говорил... А, понятно?! — он встал, зевая, и принялся забивать табаком свою трубку, прикурив от одиноко тлеющей свечи на своем столе.

— Ты, Лад, все ждешь, когда я расскажу тебе о твоём отце, ну а ты Салли, как преданная собачонка готов бежать хоть на край света, вслед за своим другом.

— Да это так и что с того? Разве вы не видите к чему все идет? — взмолился я, проигнорировав его обидные слова про Салли.

— И к чему же? Просвети меня? Давай? Я все эти долгие годы, только что и делал, как помогал всем вам встать на ноги! Но меня предали, половина из вас. Я бы даже сказал лучшая половина.

— Учитель, нам надо помочь городу отразить атаку. И народ сразу же вас полюбит. Я уверен, все еще вернутся. Они поймут, что вы сделали правильный выбор! — я был настойчив, как никогда.

— Зачем мне это? Те, кто остался, доказали мне свою преданность и дальше мы будем жить тем что имеем! Народ полюбит? Ага сейчас. Сегодня он любит, а завтра ненавидит и требует большего, зачем мне это? Вернутся, они, как же... — учитель выпустил густые клубы дыма и нервозно встал из-за стола, начав мерить комнату шагами.

— Может, я теперь не хочу, чтобы они возвращались. Они предали меня, вас, нашу школу! Все что мы создавали все эти годы! О, Владыка, да кого я обманываю, ни на что не годный сын продавших меня родителей. Я в отчаянии! — учитель снова сел в кресло и нервно куря уставился на деревянную поверхность стола позабыв о нас с Салли.

— Учитель, мы знаем, что вы не убивали того парня вчера. Салли рассказал мне! — я подошел к столу и оперся о него руками.

— Откуда? Просто поверили моим словам... — не подымая глаз ответил Мастер.

— Нет. Я сам видел, как вы своим невидимым простому глазу мечом перерезали тонкую нить, тянущуюся куда-то далеко на север! — выпалил из себя, все это время, молчавший Салли.

— Да, как?

— Я могу видеть ваше оружие! — настаивал на своем рыжеволосый Салл,

— А сейчас видишь? — учитель поднял свои затуманенные табаком глаза и глянул из-за меня на Салли.

— Это так не работает. Но я точно знаю, что я видел. — голос Салли начинал дрожать.

— Ладно я устал ходить вокруг да около, что вы мне предлагаете? Помочь городской страже? Приютить у себя родных и близких, сбежавших поджав хвосты, моих бывших помощников и учеников? Что?

— Найдем, место откуда тянулась та нить. Вы сказали парень был уже мертв, но кто-то же его оживил?

— Да известно кто, проклятый Орден. Я все равно не стану помогать городу, если я кого-нибудь убью оружием, то непременно буду отвечать перед Владыкой Вечности! — зло ответил учитель, отвернувшись от нас и подойдя к окну.

— Может быть настал тот самый момент, ради которого вы и жили свою долгую жизнь? Вы можете спасти всех нас своей силой! Я в этом уверен! — продолжать этот бесконечный диалог начинало казаться мне бесполезным.

— Да что ты можешь знать, мальчишка, о том, что мне пришлось пережить!? Все, абсолютно все вокруг вас, эти стены, одежда, даже еда в ваших маленьких желудках принадлежит мне. Вы оба никуда не пойдете. Мы будем оборонять нашу школу и точка! — учитель продолжал смотреть за окно больше к нам не оборачиваясь.

— А что вы сделаете? Остановите нас? Убьете? До этого самого момента, я еще верил в вас. В вашу силу и то что вы обязательно мне расскажите о моих родных. Теперь же, мне все это больше не нужно. Мы с Салли выясним, откуда тянутся эти нити и спасем город! Пойдем Салли... — я схватил обалдевшего от моих последних слов рыжеволосого мальчишку и направился к двери.

— У вас ничего не получится, даже я вижу эти нити не дальше десятка метров, вам то куда? Вы просто слабаки, чтобы тягаться на равных с Орденом!

— А вы трус! Раз за все это время не перестали бояться своей собственной смерти! Так

вы останетесь здесь совсем один!

На мои последние слова учитель взревел от злости:

— Пошли прочь, жалкие ничтожества! Вон, я сказал!

Он швырнул свою дымящуюся трубку в уже закрытую нами с Салли дверь и без сил упал на свое любимое кресло в отчаянии обняв голову руками.

***

Прошло двадцать минут с того времени как мы покинули стены школы. Мы двигались исключительно по крышам, снова замотанные в свои защитные бинты, пропитанные целебной мазью. Мы бежали на восток, ориентируясь на колокольный звон той самой церкви, из темницы которой мне удалось благополучно сбежать. Салли молчал всю нашу дорогу по крышам, ну а я отчего-то чувствовал, что он все время улыбается, довольный моим решением, сделанным за нас обоих. Колокольный звон прекратился, тогда, когда мы достигли крайнего здания перед храмом. Ловко цепляясь за парапеты и выступы, мы взобрались на колокольню, в душе надеясь, что звонарь не начнет свои оглушающие трели снова.

Отсюда открывался отличный вид на поле и далекий лес, стоявший стеной далеко за городом, но открывшаяся нам картина была не столь радостной, как мы предполагали. От края, до края куда только не падал наш взгляд, на поле, возле самой кромки леса стояло войско Ордена Воскрешения, молча ожидающее приказа. Стражники метались где-то внизу прямо под нами, на бегу одевая доспехи и хватая у подоспевших оруженосцев щиты из рук. Всем не терпелось взобраться на стену защищающую город, чтобы ужаснуться от увиденной картины. Лучники спешно складывали охапки стрел возле себя, рыцари церкви рассвета выстраивались у восточных ворот, их явно было слишком мало для того чтобы отразить натиск такого огромного войска. Стражники на крепостной стене жались друг другу, всматриваясь в лица стоявших воинов Ордена. Я ошарашенно глядел на это большое закованное в железные доспехи чудовище, растянувшееся по всему горизонту и готовое в любой момент броситься на город в атаку. Мне становилось не по себе, а каково тогда было стражникам, на городской стене, собиравшимся встретить эту армию, лицом к лицу.

Там внизу, у самых ворот, часть стражников отделилась от остальных и бросилась бежать по улицам растянувшись длинной вереницей, вслед за ними побежало и несколько десятков лучников, которых возглавлял сам комендант Трюдо.

— Я думаю, нам здесь делать нечего Лад. Мы тут точно не чем не поможем. Давай лучше посмотрим куда эти побежали? — Салли почесал, свою замотанную в бинты, голову и начал слезать с колокольни.

— Ты видел хоть одну нить, там внизу у ворот? — спросил я, последовав вслед за ним.

— Не знаю толи мое зрение не работает, толи этих нитей здесь просто нет! Давай дуй за мной! — усмехнулся Салли и оттолкнувшись от стены прыгнул на противоположную крышу устремившись к центру города вслед за вереницей лучников, бегущих по дороге прямо под нами.

Стражники бежали до центральной площади, которая была забита до отказа горожанами, ругавшимися на защитников города. Остовы виселицы, как и сам эшафот, утонули в людской массе, лишь одинокие балки, с качающимися на ветру петлями, были видны нам с крыши. Вот люди забрались на сам эшафот и сняв со столбов петли стали кричать хором, перекрикивая друг друга:

— Нет войне! Герцог трус! Нет войне! Герцог трус!

Прибывшие с восточных ворот стражники построились в шеренгу, а прямо за ними начали готовиться лучники. Впереди защитников города вышел сам комендант Трюдо, махающий руками и требовавший всех заткнуться. Мы вместе с Салли устроились поудобнее на крыше, возле одного из дымоходов, и с интересом наблюдали за происходящим, прекрасно помня, что за стенами города стоит войско Ордена. Постепенно толпа устала кричать свои лозунги и наконец решила выслушать коменданта.

— Граждане, наша стража нуждается в вашей помощи как никогда раньше. Орден стоит под нашими стенами. Нам нужно во чтобы то не стало защитить город!

— От кого? Там наши дети! — кто-то закричал из толпы в ответ на слова коменданта.

— Да! Мы не будем с ними сражаться! Там наши братья и сестры! — вслед за первым подхватил и второй голос. Толпа пришла в движение и загудела.

— Горожане успокойтесь. Прошу вас! Там за стенами стоят наши враги, а не братья и сестры!

— Нет не слушайте его! Это их враги, его и проклятой церкви рассвета! Там не Орден, а наша Асторийская армия!

— Да! — кто-то из стоявших на эшафоте поднял вверх руку продолжая кричать:

— Ко мне ночью вернулся мой брат, которого наша стража посчитала умершим и все рассказал! Стража лжет вам!

— Да! Ко мне отец вернулся! А ко мне сын! И ко мне! — толпа продолжала гудеть, вот-вот готовая начать невысказанное до этого момента дело, напасть на своих собственных защитников.

— Да что же вы успокойтесь! Враги за стенами города, а не внутри него! Там нет ваших родных, это все наглая ложь. Остановитесь, прошу вас! — комендант начал пятиться назад чувствуя, что общественное мнение ему больше не подвластно.

— Ложь! Вы хотите убить наших мужей! Твари, лжецы, подонки! Бейте их! Бейте! — крики доносились со всех сторон площади, лавина из живой плоти пришла в движение и потекла прямо на выставивших вперед свои алебарды стражников. Трюдо скомандовал стрелять и несколько десятков стрел пробили тела обезумевших горожан. Началась давка, в стражников полетели камни, они начали отступать, но толпа окружала защитников со всех сторон, норовя поглотить. Лишь коменданту чудом удалось вырваться из этого водоворота стали и плоти, и бросив свое оружие убежать назад к восточным воротам с ужасом на лице.

Мы вместе с Салли с не меньшим ужасом наблюдали сверху за происходящей вакханалией. Люди грабили богатые магазины центра города, вытаскивая трясущихся от страха дворян и разбивали им головы о мостовую. Рвали практически на части стражников, стягивая с них доспехи и протыкая мечами и кинжалами. Городское восстание било ключом, во всю свою силу, растекаясь реками крови по улочкам города в разные стороны от центральной площади.

Я затряс своей головой, не веря своим глазам, не зная, как мне подобрать слова чтобы сказать их Салли, молчаливо наблюдавшему за всем этим ужасом. Я тяжело выдохнул и собравшись с мыслями спросил, сам удивляясь, как я могу теперь думать о чем-то другом, кроме творящегося там внизу ужаса:

— Салли ты смог увидеть нити?

— Да, больше десятка! Они все тянутся куда-то, далеко на север. Я так далеко не вижу, но это точно, где-то в городе, — он говорил каждое слово так спокойно, что я начал подозревать что рядом со мной вовсе и не Салли. Я даже отошел на пару шагов, не

переставая за ним наблюдать. Толи все эти ужасные события, произошедшие за столь короткий период, на меня так повлияли, толи я окончательно усомнился во всем, что мы собрались вместе сделать. Я застыл в оцепенении, только теперь осознав, что там внизу, на площади, горожане убивают друг друга, пока по совершенно не понятной мне на то причине. Я снова затряс головой стараясь прогнать самые жуткие мысли прочь и прокричал:

— Салли показывай, куда тянутся нити! — выждав пока Салли спрыгнет на соседнюю крышу, я бросился вслед за ним, совершенно не подозревая что же нас может ждать впереди. Я бежал, погрузившись в тяжелые раздумья, а сможем ли мы и в правду переломить ход этих событий или всё-таки нам слабакам это не под силу, и учитель окажется абсолютно прав?

Черный рыцарь молитва.

Прыгая с крыши на крышу, мы продолжали свой знакомый с прошлого раза путь в северный район, который после того хаоса в который погрузился центр, казался теперь самым безопасным местом. Я старался не отставать от Салли, который бежал впереди, подняв свою голову вверх, наверное, все время высматривая невидимые для меня нити, двигаясь к их источнику. Так мы оказались у знакомого нам рынка, на котором уже не было той суеты, что царила раньше. Никто никого не бил и не насиловал. Торговцы сучающе поглядывали друг на друга и редких покупателей, район будто засыпал в своих рыбных

зловониях, абсолютно не зная о том, что сейчас твориться возле дворца герцога на центральной площади города.

Я спустился с крыши вслед за Салли и прижавшись к стене крался, стараясь спрятаться во тьме редких переулков от глаз случайных прохожих, которых теперь практически не было. Одинокие нищие не обращали на нас никакого внимания, прибывая кто в пьяной дремоте, кто, просто наслаждаясь обществом кошки или собаки. Рынок и его палатки со сваленными в кучу горами мусора остался позади, и мы миновали несколько питейных заведений, наконец оказавшись посреди высоких складов, которых здесь было больше десятка.

— Чего ты Салли остановился, какой из этих складов наш? — я чуть не налетел на зависшего в одной позе Салли, еле успев остановиться.

— Что ты видишь? Разве нитей больше нет? — я пытался угадать что заставило моего друга так замереть.

— Пытаюсь рассмотреть, что находится за стенами? — начал оправдываться Салли.

— И что там? Мы же нашли, то что искали? — мне уже не терпелось узнать конечную цель нашего поиска.

— Мешки со всякими припасами, бочки с вином, еще с чем-то. Крысы, огромное количество больших жирных крыс, они абсолютно повсюду, ты не поверишь... — Салли не договорил что-то все-таки увидев.

— Ну что там, не томи, говори давай!

— Да подожди ты. Я сам еще не уверен! А нет, точно, тебе понравиться!? — говоря эти слова Салли явно улыбался, я чувствовал это в каждом его слове.

— Что это? — от переполнявшего меня нетерпения я вцепился в рукоять своего коротенького клинка и стал с опаской озираться по сторонам.

— Пошли в тот дальний склад. Нет! В тот что справа, — Салли только теперь стал указывать мне рукой правильное направление. Мы, снова пригибаясь и слившись с тенями побежали к поставленной Салли цели. Я был абсолютно в нем уверен, а он был уверен в том, что видит сквозь стены. Салли подбежал к большой двери склада и озираясь по сторонам смело ее отворил, ведь та оказалась не заперта. Там внутри нас встретила тьма, которая для Салли оказалась не помехой, хотя, идя во темноте он все-таки ударился головой о низкую балку, а я, еле сдерживаясь, рассмеялся в кулак.

— Ты все видишь, а я все знаю! Ну-ну!

— Да тише ты! — шикнул на меня Салли и растворившись на несколько мгновений в крошечной тьме передо мной, вскоре вернувшись, держа в руках полторный меч, ничем не лучше, но и не хуже тех, которыми я тренировался в школе.

— Смотри какой. Думаю, он тебе пригодится, я просто уверен в этом, — Салли отдал его мне, жаль только он был без ножен. Но лучше оружие, к которому привык, чем этот ножик на моем поясе, который разве что выскочке в школе к горлу приставить можно. Я определенно был доволен данной находкой. Полторный меч больше метра в длину.

— А себе нашел что-нибудь? — я примерил меч в руке и несколько раз крутанув им остался доволен. Конечно он был не много тяжеловат, да и гарда явно была не отбалансирована, да и весила куда больше остального лезвия...

— Ты так и будешь пялиться на меч, Лад, пойдем! — Салли, толкнув меня, вывел из размышлений о качестве нашей находки.

— Так, а себе!? У тебя же кроме кинжала ничего нету?

— Есть кое-что. Я взял пару огненных подарков, которые мы использовали прошлый раз, — уже шепотом ответил мне Салли, выходя из склада и закрывая осторожно за мной дверь. Оглядевшись по сторонам, мы побежали дальше вдоль стены, продолжая двигаться строго на север.

— Как думаешь, это безумная толпа нападет на нашу школу? — я вдруг вспомнил о том, что творится в центре города.

— Не знаю Лад. Нам вон тот склад нужен. Я уверен в этом. Хотя постой. Давай найдем способ попасть на крышу, нити тянутся через нее внутрь склада.

— Ну так Салли посмотри сквозь стену, что там внутри! — уверенно сказал я.

— Может сначала залезем на крышу и попробуем разрубить нити найденным мечом? — засомневался Салли, в том, что нам стоит сделать сначала.

— Нет Салли — это глупая затея, я уверен, что даже этим мечом разрубить у нас ничего не получится!

— А от чего ты так в этом уверен? — не унимался мой спутник.

— Ну ты что? Забыл, что учитель перерезал нить своим невидимым мечом!?

— Ну блин, точно же... — Салли потерял свою голову: «- Да и в правду, что-то я совсем забыл об этом! Странно...»

— Ладно, вон наш склад. Рядом никого нет, Салли? Давай посмотри внимательно что там? А я пока подберусь поближе.

— Лад, стой. Там вроде никого нет, хотя подожди. Ага вижу, — Салли подошел поближе вслед за мной и остановившись, снова замер, подняв вверх свою правую руку.

— Там точно кто-то есть. Весь черный, высокого роста. Все до единой нити ведут к нему.

— Что он делает? — я уже подобрался к двери склада, которая была приоткрыта и из ее глубины виднелся маленький одинокий огонек свечи.

— Он просто стоит на коленях к нам спиной. Может молится? — неуверенно прошептал Салли.

— Лучшего шанса у нас может и не быть? — я уже сжимал свой меч обеими руками, приготовившись ворваться в склад, чтобы ударить в спину того черного незнакомца.

— Ты точно уверен? — прошептал мне голос, но это был уже не Салли рядом, а голос Воли в моей голове. Я ничего не ответил, просто подняв меч над головой и забежав в помещение склада, готовый даже убить, если это понадобится. Мой рыжеволосый спутник бросился бежать вслед за мной. Я же, держа меч очень высоко влетел в полумрак, намереваясь застать находившегося там врасплох и мне это удалось.

Высокий рыцарь, облаченный в черные как уголь доспехи, стоял ко мне спиной и молился. Я в несколько быстрых прыжков оказался возле него и замахнувшись, так и не смог ударить в последний момент, остановившись.

— Ой, дурак! — хохот заполнил всю мою голову, это Воля снова ликовала, смеясь над моей ошибкой. Я не смог ударить в спину стоящего на коленях человека, кем бы он не был, если бы я так сделал, то чтобы меня отличало от головорезов, жаждущих крови.

— Тебя и так ничего не отличает, наивный юнец! — Воля стала серьезной как никогда.

В этот момент прокричал Салли:

— Да бей же, чего встал?

Я упустил свой единственный момент, который у меня был, на слова, сказанные Салли черный рыцарь повернулся и поднял с пола свой огромный двуручный меч, намереваясь

отразить мою атаку. Началась битва, которой можно было избежать.

Я ударил что есть силы сверху вниз, но рыцарь с легкостью парировал мой удар своим огромным мечом. Нужно было отскочить назад, чтобы не дать противнику ударить меня снизу, но я продолжал усыпать его ударами, не давая подняться на ноги. В моей голове повисла мысль, переполненная надеждой, заветное желание, во что бы не стало, сделать свой меч крепче, так как учил нас мастер. Черный рыцарь отражал мой град ударов, но потом, подловив момент, оперся на дальнюю от меня ногу и оттолкнувшись, сделав выпад. Я чуть смог удержаться, чтобы не упасть на пол, почувствовав кистями рук, какой же он был сильный. Нужно было начинать парировать и уклоняться от его прямых ударов, против которых, я был абсолютно бессилен.

Рыцарь стоял, сжимая перед собой двуручный меч, не пытаясь меня больше атаковать.

— Гильдия убийц? Как интересно... — его металлический голос жутко резал слух, но я не подал виду, медленно отступая назад. Черный рыцарь перешел в наступление, повернув лезвие назад и намереваясь меня атаковать рубящим слева направо, так быстро, что я просто не мог предугадать траекторию полета меча, стараясь уйти в сторону, парируя его удар.

— Еще! — рыцарь взревел, снова атакуя, с легкостью перебросив меч в левую руку. Какая же огромная у него была сила, раз он не держал этот большой меч двумя руками. Выпады рыцаря становились все быстрее и быстрее, я же пытался не уступать ему в скорости, уходя от прямого отражения его ударов, боясь выронить меч. Снова и снова он атаковал, не сбавляя своего темпа, постоянно держа меня на расстоянии длинны своего клинка, а я только оборонялся. Годы тренировок не прошли даром, уже через несколько мгновений я стал замечать последовательность и прямолинейность его атак, ища бреши в его обороне. Я прекрасно понимал, что стоило ему хоть раз по мне попасть я тут и останусь лежать, зарубленным навсегда. Нужно было гнать эти паршивые мысли прочь и самому переходить в атаку, благо я не был, как этот рыцарь стеснен в маневрах тяжелыми доспехами, постоянно кружа вокруг него назойливой мухой.

Бой продолжался, мой противник не собирался останавливаться, я так и не заметил, чтобы его удары становились медленнее, единственное он стал чаще промахиваться, не успевая за моим танцем смерти. Вот дождавшись очередного момента, когда его огромный меч описав дугу врезался в деревянный пол, я нанес ему точный удар между шлемом и броней, намереваясь перерезать горло. Каково же было мое удивление, от того что мне банально не хватило длины полуторного меча, чтобы его достать. Противник был, ой как не прост, он полностью контролировал ситуацию весь бой, заранее зная, что я не смогу дотянуться и только поэтому допускал такие очевидные ошибки, совершенно никуда не спеша, будто бы играя со мной.

Мое дыхание начинало сбиваться, я молил всех богов, имен которых даже не знал, только бы Салли не вступал в наш поединок, став в нем обузой, но он, кажется и не собирался. Лишь на одно мгновение появившись в моем поле зрения и снова пропав, где-то во тьме склада.

— Проклятая Воля, да помоги ты мне наконец! Чертовка, если я сейчас умру, то и ты со мной вместе! — я умолял ее про себя, а она мне не отвечала, с наслаждением наблюдая за моими движениями, восторгаясь поединком, сидя в первом ряду.

— Знаешь. А интересный противник, правда? — она снова смеялась.

— Помоги говорю. Опять издеваешься? — я попал под прямой удар рыцаря и чуть не выронил из рук клинок, почувствовав, как дрожь пробежала по всему металлу моего оружия.

Мой противник снова наступал, а решение, что мне делать с ним дальше, так и не приходило в голову. Он был сильнее меня и гораздо опытнее в поединках, теперь я это полностью осознал, но сдаваться не собирался. В этот самый момент черный рыцарь остановился и опустил свой меч, прикрыв забрало шлема рукой. Я не стал дожидаться от него нового выпада, отскочив назад, не понимая, что же он задумал. Полуторный меч в моих руках вспыхнул ярким белым светом, ослепив не только противника, но и меня.

— Беги на мой голос, Лад! Быстрее... — это кричал Салли, а я совершенно потерял ориентацию в пространстве, пытаюсь разобраться, где же находится мой рыжеволосый друг. Вспышка была такой яркой, что рыцарь закричал своим металлическим голосом, полностью меня оглушив, наверное, это и был конец, или еще нет?

— Какой же я дурак, нужно было бить тогда, когда была для этого такая возможность. Дурак, дурак, дурак! — я мысленно начинал паниковать, понимая, что не смогу найти Салли и выбраться отсюда. Чья-то теплая рука схватила меня за запястье и потянула в неизвестность, ведь перед моими глазами все также висела белая пелена, от яркой вспышки света, образовавшейся на мгновение на лезвии моего оружия.

Глаза начали щипать и слезится, но я всё-таки смог понять, где я теперь нахожусь, сидя на мостовой, не выпуская свой меч из рук. Салли уже доставал одну из припрятанных у себя в маленькой сумке стеклянных бомб и намеривался ее бросить, куда-то во тьму склада, где все еще находился черный рыцарь. Я замотал головой, постепенно приходя в себя и не выпуская меча, поднялся на ноги, намереваясь продолжить поединок. Вот раздался первый хлопок и языки пламени вырвали из дверного проема, заставив меня лишний раз подумать, а стоит ли мне возвращаться назад. Затем второй хлопок, но уже совсем рядом с дверями, из которых вынырнул с испуганным лицом Салли, крича прямо мне в лицо:

— Побежали быстрее! Ну чего ты встал, как истукан?

Я даже не шелохнулся, продолжая смотреть на языки пламени, вырывающиеся из дверей склада, все ожидая, когда из тьмы помещения появиться «он». Черный рыцарь не заставил себя долго ждать, его руки были охвачены огнем, но он даже не собирался сбивать пламя, молча идя с мечом на перевес прямо на нас.

— Раз я могу заставить свой меч светиться, значит на что-нибудь да стою? Уйди с дороги Салли! — я оттолкнул товарища в сторону и бросился сам вперед, намереваясь ударить рыцаря первым. Вот только Салли мог видеть невидимые для меня нити, что, вырвавшись пушенными тонкими стрелами прямо из пальцев рыцаря, обвили мое тело и швырнули хорошенько о стену соседнего дома. Для меня простого падения теперь было слишком мало, все мое внутреннее естество требовало продолжения этого затянувшегося поединка. Я не знал, как заставил меч светиться, но он продолжал пульсировать у меня в руках, уже не так ярко, как раньше, но даже это меня теперь обнадеживало и подстегивало продолжать. Было больно, но я так привык к этому чувству, за все это время, проведенное в стенах школы, что после каждого падения, я продолжал вставать и идти на своего противника.

Он приближался, никуда не спеша, порывистый боковой ветер, не понятно откуда здесь взявшийся, постепенно сбивал пламя с доспехов рыцаря. В последний момент я успел подняться и поднырнув под его могучий удар, рубанул своим мечом прямо под доспехи, чуть ниже живота, оказавшись у его за спиной. Пригнувшись и опять ускользнув от его удара мечом наотмашь, я отрубил ему голову вместе со шлемом, в котором она и осталась звонко бряцая покотившись по мостовой.

Наконец-то можно было опускать свой меч и повалиться самому на мостовую, чувствуя, что сил продолжать поединок у меня уже не осталось. Я сидел и смотрел на черный шлем, украшенный причудливыми завитками тонкой проволоки, переплетающей весь его верх, образуя венки будто из стеблей железного дерева. Это по истине был шлем невиданного до этого момента мной качества, прочный, красивый и одновременно изящный. Не знаю почему в этот момент я думал именно об этом, я даже не знал. Только черный цвет меня отталкивал, будь эти доспехи моими я бы непременно их почистил, так, чтобы они заблестели в лучах солнца. Обняв, начавшую болеть, от огромного количества ушибов, голову я даже засмеялся, только теперь осознав, что смог победить.

Мое ликование было не долгим, я бы даже сказал очень коротким. Шлем пришел снова в движение, бряцая и бреча вернувшись назад на то место, где был до того момента, как я его срезал с могучих плеч. Тело черного рыцаря задергалось, и он начал подыматься, опираясь на свой огромный меч. Сил сопротивляться или просто встать и убежать у меня больше не было, вот теперь это точно был мой конец. Я смирился, мысль в моей голове заставила меня поверить в это, даже моя Воля спряталась в самый дальний и темный угол моего рассудка, не собираясь мне помогать. В этот самый момент рыцарь занес надо мной свое оружие намеривая убить, но подхваченный невидимой для меня рукой отлетел обратно в двери горящего склада.

Я замотал своей головой, пытаюсь понять, что же произошло и увидел своего учителя, стоявшего возле Салли и с улыбкой смотрящего на меня. На его лице больше не было того отчаяния, в котором мы его оставили, последи комнаты в любимом кресле. Нет, на его лице теперь было ликование. Он улыбался своей широкой улыбкой, медленно поглаживая густые черные усы, выпуская клубы белого табачного дыма. Одетый в блестящие легкие пластинчатые доспехи, и синюю тунику, он походил на какого загадочного паладина, о котором приходилось слушать сказки в далеком детстве. О всемогущем спасителе, побеждавшем любое зло и не знающим поражений, борющимся везде и всегда с наступающей тьмой. Моя память снова преподносила мне сюрприз, погружая в детские воспоминания.

— Где я? — испуганно спросил Салли, совершенно ничего не понимая:

— А не помню, как сюда попал?

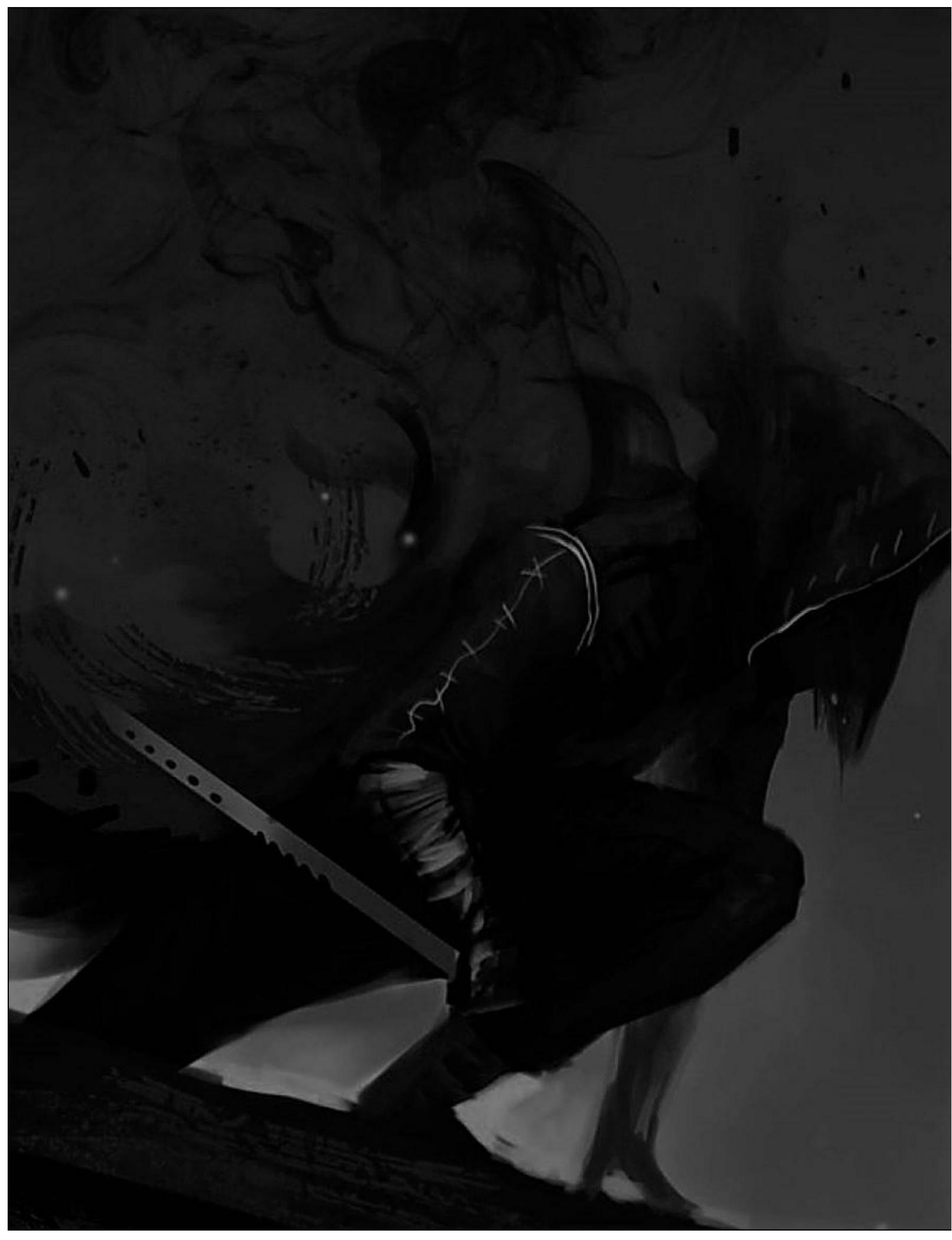
— Все уже закончилось мой мальчик. Забирай Лада и уходите отсюда. Я сам все закончу. Будьте уверены.

Учитель подошел ко мне и подал руку, взявшись за которую я с трудом поднялся на ноги.

— Ты хорошо сражался Лад. Годы тренировок не прошли зря, я горжусь тобой. Я это видел глазами Салли. Вы уж снова извините меня, за то, что так все вышло. Я все обдумал и решил с вами согласиться. Мы обязательно спасем город, а потом, я тебе обещаю. Я расскажу все, что знаю о твоих родных! — говоря эти слова мастер Серо продолжал улыбаться, он будто бы по-настоящему был счастлив. Таким его видеть нам еще ни разу не доводилось.

Из тьмы горящего склада вылетел огромный черный меч, но учитель с легкостью его отбил, разрубив бросившие клинок нити, и ринулся в самое пекло, туда, где за горячей стеной скрывался мой последний противник в черных доспехах.

Франко перед атакой во тьме.

На душе было очень скверно и совершенно не хотелось спать. Франко то и дело ворочался в постели, так и не раздевшись, он завалился под одеяло и просто ждал, когда к нему придут остальные, им убиенные за своими долгами. Он боялся так, как не боялся никогда до этого. Неужели Орден Воскрешения был настолько силен, что мог вернуть к жизни любого из умерших? Эта мысль никак не укладывалась в голове Франко, продолжавшего глядеть в темноту под самый потолок и продолжать прислушиваться, ожидая неожиданного нападения. В дверь напротив мог войти абсолютно любой им убитый и улыбнувшись своими гнилыми зубами промолвить, засевшую теперь в его голову фразу воскрешённого Гарри: «Где мой куш, Франко? Ты принес мои деньги?»

Франко опять обхватил голову ладонями, пытаясь закрыть свои уши, но мысли становились образами перед его глазами и продолжали снова и снова требовать свои деньги, тень к нему свои худые руки с черными ногтями. Должников в бывшей комнате Сольвани становилось все больше и больше, они толпясь старались лезть друг на друга, пытаясь добраться до Франко, прятавшегося от них под одеялом. Его трясло и бросало, то в холод, то в жар. Пот струился по лбу, а лица умерших продолжали стоять прямо над его кроватью и говорили уже еле слышно, шепотом, требуя вернуть деньги им по-хорошему. Голоса в голове никуда не пропадали, как бы сильно Франко не затыкал свои уши, в какой-то момент ему даже захотелось их себе отрезать, но что-то его остановило, и он, натянув на глаза одеяло, просто перестал их видеть. Его трясло, он слышал мерзкое копошение возле своей кровати, пришедшие за своими долгами и не собирались никуда уходить, продолжая висеть над своим командором, подельником, другом и для кого-то еще и родным братом. Ему казалось, что пришли все-таки не все, кого ему хотелось бы еще раз увидеть и это даже начинало немного веселить. Значит воскресать всех подряд Орден явно не мог, это вселяло надежду во Франко, ведь если им удастся вернуть сюда Сольвани, ему точно придет конец. В этот самый момент чья-то рука вырвала подушку из объятий расслабившегося главаря местных головорезов и десятки рук принялись рвать его на части. В этот момент Франко крича как резанный проснулся посреди комнаты, в которой долгое время жил Сольвани и теперь обитал он сам. Пуская слюни и тяжело дыша, Франко ощупывал каждый дюйм своего тела, продолжая думать, что все произошедшее ему не приснилось, а произошло на самом деле. Замотав головой и ударив ладонями несколько раз себя по лицу, он поднялся с постели и облокотившись на столик бывшего владельца комнаты призадумался.

Глаза очень быстро привыкли к полумраку, и он начал свой неспешный осмотр всего что ему досталось в награду после исчезновения владельца и по совместительству главного в северном районе бандита, мастера иллюзий и обмана господина Сольвани. Он был самым напыщенным пижоном, которых только видел за все свое время город Гротеск. Одевался Сольвани, в любые дорогие шелка или украшенные золотой ниткой одежды. Всегда имея при себе трость и шляпу, он походил на какого-то богатого вельможу, явно королевских кровей, раз мог себе такое позволить. Эх, среди того что теперь было в комнате, ничто не напоминало о том богатстве и лоске, в котором он прибывал каждый день. Одни только кожаные туфли, с позолоченной шнуровкой и украшенные бантом из драгоценных камней были дороже любой пары магазинов в центре города. Здесь, в его отсутствие ничего такого и близко не было. Куча разнообразной одежды, прозрачные шали, разноцветные сюртуки, и

несколько десятков сапог, да какие-то поношенные сандалии. Шкаф доверху был забит старыми дырявыми камзолами и ливреями, здесь также была кем-то брошенная конская сбруя, порезанная фетровая шляпа и пол буханки хлеба, за время отсутствия своего хозяина, превратившейся в камень. И нигде, абсолютно нигде не нашлось даже одной, ни то что серебряной, но даже и медной монеты.

— Старый скряга! — выругался Франко бросив рыться в шкафу Сольвани и ударив ногой по окаменевшему хлебу, напомнившему ему о том, что хлеб Ордена скоростижно сгорел в пламени амбара. Отчаяние снова медленно пробиралось вместе с сомнениями и чувством все бросить и убежать, куда глаза глядят, в голову Франко.

Именно сегодня наступал тот переломный момент, которого он так долго ждал и наконец-то дождался. Сольвани со своим учеником Моном отправились в эльфийские леса и так и смогли вернуться оттуда. Ведь оттуда еще никто и никогда не возвращался. Глупый самодовольный и надменный старик поплатился за свое высокомерие и непременно прямо сейчас его голова была нанизана на копьё и красовалась где-то на проселочной дороге, приветствуя своей застывшей ухмылкой одиноких путников, старавшихся объехать данный лес стороной. От этих мыслей Франко стало смешно, закрыв лицо руками и смеясь, все представляя, как эльфы разрезают на части старика, раздетого в свои дорогие одежды, а он все продолжает с ними торговаться, даже тогда, когда рук и ног у него уже не осталось. Вот с его губ срывается последние слова, и голова нанизывается на копьё и остается в лесу, став мертвым напоминанием для тех, кто еще раз решит нарушить запрет и прийти в лес к эльфам. Если ночной приход мертвецов и был плохим сном, то мысли о недавней смерти господина Сольвани были самой что не на есть явью. Эльфийский лес был местом, из которого никто еще не возвращался живым. Еще раз хорошенько ударив себя по лицу и убедившись, что он и в правду не спит, Франко начал мысленно готовится.

Продолжать оттягивать неизбежное было уже практически невозможно. Рано или поздно Орден мог узнать про хлеб, то есть про его утрату. Ведь даже если найти деньги или просто украсть такие же румяные караваи, это бы все равно не решило бы проблему. Франко был абсолютно уверен, что с этим хлебом явно было что-то не так. Да и та уверенность, с которой Маркиза была готова поменять амбар хлеба на храм, заваленный золотом еще больше настораживала бывалого разбойника. А может в том пожаре сгорело что-то настолько ценное, что это лысый бандит себе даже представить не мог. Что если самое настоящее богатство, которым он располагал так не долго на самом деле от него ускользнуло в языках пламени. Внутреннее чутье подсказывало ему: «- Нужно было получить хотя бы часть обещанного золота из храма и бежать из этого города так далеко, как только можно было.»

С этими мыслями, в полумраке и с закрытым руками лицом, Франко нашла вошедшая в комнату Маркиза, не имевшая ни каких намерений для убийства человека, которого и так ей удалось этой ночью унижить на столько на сколько это было только возможно. Она пришла за хлебом или хотя бы информацией о месте, где он находился. Любой исход теперь ей был выгоден, ведь с первыми лучами солнца она отправиться ко дворцу герцога, и остальная история теряла для нее всякий интерес. Она лишь пыталась выполнить свою часть сделки с Орденем, только и всего. Хотя нет, ей непременно хотелось напугать этого выскочку Франко еще больше, ведь после первого раза он еще явно не смог отойти, это было видно по его теперешнему состоянию нервного беспокойства и мучающей бессонницы.

— Франко, извините за столь ранний визит! Вы я вижу уже во всю бодрствуете? —

Маркиза улыбнулась в полумраке и затворнически прикрыла свой рот руками.

— Вы пришли для того чтобы подразнить меня? Ведь теперь мне никто не помешает, просто выпотрошить вас как глупую надоедливую курицу!?

— Ну что же, дерзайте, дорогой Франко! Вот только моего друга Рейнхарда интересует хлеб Ордена и больше ничего?

— Так мне стоит попробовать, добавить вашим одеждам не много бурого цвета. Вы не находите? — Франко все не убирал своих рук от лица, продолжая говорить и ничего более не предпринимая.

— Хватит нести чушь! Будет вам ваше золото, сколько захотите. Где наш хлеб? Хватит отпираться и бредить моей смертью. Уж она то вам точно ничего не даст! — Маркиза подошла в плотную, почувствовав смрад и холод исходившие от тела Франко, который весь дрожал словно боялся даже пошевелиться.

— Вы же слышали мой вопрос?! Хватит отпираться, просто скажите мне, где хлеб? — вместо ответа Франко неожиданно схватил Маркизу за руку и попытался приставить ей к шее один из своих кинжалов. Ей удалось вырваться и отскочив назад выхватить своей меч.

— Вы что меня совсем не слышите? Разве золото вам вообще не нужно? Дерзкий глупец!

— Отчего же? Очень даже нужно! Вот только теперь мне кажется, что ваш хлеб стоит гораздо больше той суммы, о которой мы с вами договорились? — Франко начинает торговаться, его глаза горят в полумраке, а руки сжимают клинки чувствуя, что простым торгом дело может не закончиться.

— Вы ведь даже не понимаете, о чем говорите? — Маркиза рассмеялась и опустила свой меч, продолжая наблюдать за Франко.

— Хлеб вам нужен больше, чем мне моё золото! Так дайте же мне сначала золото и тогда вы обязательно получите свой хлеб!

— Вы хоть понимаете, что больше никому его не продадите, по крайней мере по такой цене, как мне!? Это просто хлеб для любого из торговцев...

— Так отчего же он так ценен для вас. Для вас и этого рыцаря... Рейнхарда? — Франко не верил ни единому ее слову, намереваясь закончить эти торги здесь и сейчас.

— Ну хорошо. Если мы не получим этого хлеба в скором времени, все те воскрешенные непременно умрут, вы не поверите, но этот хлеб продлевает им жизнь. А Рейнхард их долго контролировать тоже не сможет. Поэтому выполните наш уговор, верните наш хлеб. Золото, я обещаю, мы вам отдадим, как только церковь Рассвета покинет город...

— Вы и в самом деле думаете, что я поверю в эту чушь? — Франко рассмеялся, его терпению приходил конец.

— Мне нет дела до вашей веры, я вам все сказала, как есть. Если вы не скажите мне тотчас же, я просто уйду на встречу с герцогом. Ну а вам предстоит самому говорить с Рейнхардом. Думаю, вы непременно найдете с ним общий язык. Обещаю вам, вы определенно с ним сможете договориться. Его предложения вновь воскрешенным это просто нечто. Уверяю вас, — она снова смеялась над Франко, все время напряженно ожидая от него молниеносной атаки, которой так и не последовало.

— Вы что, пытаетесь меня напугать? Вашим черным рыцарем? Да информация о месте нахождения хлеба является единственной гарантией того, что я смогу получить свое золото! Думаете я этого не понимаю? Сначала золото, а потом уже все остальное... — вот только ему никто уже не ответил, комната была абсолютно пустой, ведь Маркиза видя, как солнце

начало подыматься за окном поспешила на встречу к герцогу, не дожидаясь концовки длинного монолога Франко. Головорез громко выругался и уже собирался броситься вслед за Маркизой, но в последний момент передумал, решив, что она только этого от него и ждет. Он просто остался стоять посреди комнаты, продолжая обдумывать как же ему поступить дальше.

Как только он не пытался переиграть сложившуюся ситуацию, ему все равно приходилось идти на разговор с этим опасным черным рыцарем. Одно только его умение воскрешать вселяло во Франко ужас, ведь явно этот Рейнхард мог управлять этими мертвецами как ему только вздумается. От всех этих мыслей становилось только еще страшнее и желания заполучить золото начинали казаться совсем не достижимыми. Он мог собрать всю свою шайку и ворваться на склад к черному рыцарю чтобы проиграть, а мог прийти один и снискать его доверие указав место на карте где спрятан хлеб, хотя бы попытаться выиграть немного времени. Обрадовавшись этой идеи Франко, отбросил от себя все сомнения и только теперь заметил, что солнце уже было довольно высоко на небе. Ему нужно было спешить к складу, что-то ему подсказывало, что медлить дальше не было никакого смысла. Ведь если рыцарь придет сюда сам и остальные узнают о договоренности с золотом, ему точно придется делиться. Франко решил для себя, ни с кем не делаясь заявиться одному на склад и попытаться удачу с этим железным великаном, уж он то был явно сговорчивее этой хитрой бабы.

***

Ноги сами, шаг за шагом, привели Франко к складу у северных ворот. Здание заволкло дымом и где находился вход было совсем не разобрать. К его удивлению, никто из горожан так и не спешил тушить разгорающийся пожар, да и стражников нигде не было видно, хотя сторожка была совсем рядом, за углом. Немедля, Франко, закрыв нос рукой и рыдая от едкого дыма, стал пробираться вперед, сквозь повисшую серую пелену, намереваясь выяснить, что же произошло. Вот он смог различить черный дверной проем из которого валили серые клубы густого дыма, как вдруг прямо к его ногам выкатился черный шлем рыцаря, для разговора с которым он сюда и пришел. Может старик Сольвани вернулся? — мелькнуло в его голове на мгновение: — Да, нет. Этого просто не могло бы произойти. Он убить то никого не может. Он и этот Серо. Оба понадавали каких-то обещаний, которым следуют и ничего не могут с этим поделать. Смех, да и только.

Выставив оба своих кинжала перед собой Франко пригнулся, веря в то, что кто бы не оказался сейчас в дыму, он был очень силен, раз смог расправиться с этим черным рыцарем. Чувствуя неминуемую опасность Франко в туже секунду слился с тенью и растворился в дыму, наблюдая как что-то не видимое его глазу несколько раз разрезало клубы дыма в том месте где он только что стоял. Ожидание затянулось, а его противник, так и не появлялся. Потом резкий свист клинка, который Франко так и не смог разглядеть, и вот уже перед ним, серые закованные в узор бесконечных морщинок, глаза Серо, глядящие прямо на него в упор.

— Ответь мне? Почему я не могу поразить тебя, хоть и вижу где ты сейчас находишься?

— Но, как? — Франко от неожиданности пригнулся и сливаясь с тенями переместился дальше, вдоль здания, стараясь спрятаться даже в тонкой полоске тени от выступа стены.

— Ну я же все равно вижу, где ты! — Серо в несколько прыжков догнал убегающую тень и стал рубить стены своими не видимыми клинками, пытаясь достать Франко.

— Не пытайся бежать, дерись! Ты же так жаждал увидеть меня в бою? Так борись, не

пытайся сбежать. Вот же он, я! Давай... — часть стены рухнула внутрь склада и оттуда клубы пыли и дыма окутали все вокруг, заставив на мгновение поверить Франко в то, что у него появился шанс.

— Прежде чем ты попробуешь. Ответь мне только на один вопрос?

— Ты все равно ничего не сможешь мне сделать. Ты же дал обещание. Такое же, как и этот наглый старикан Сольвани. Вы оба бесполезны... — надеясь и веря в то что Серо не видит его из-за густой пыли, Франко стал медленно передвигаться, дожидаясь ответа Серо и последующей своей атаки на его голос.

— Кстати не подскажешь мне где твой хозяин, пес? — Серо явно знал, какие слова безоговорочно могли задеть самолюбие Франко.

— Замолчал. Думаешь сможешь на меня напасть? Как это глупо с твоей стороны! — Серо стоял в клубах дыма приготовившись к атаке, явно видя где сейчас находится Франко.

— Так что, твой хозяин боится на меня нападать и поэтому прислал тебя, пес? — Серо смеялся над Франко медленно отступая из клубов дыма.

— Не молчи! Мне же интересно, он наблюдает за нами сейчас или нет? — мастер фехтования не успел договорить, Франко выскочил прямо из остатков стены справа и ударил двумя кинжалами прямо в невидимую преграду. Оружие звонко лязгнуло по невидимому металлу, но на этом все не закончилось. Франко ожидая выпада от Серо ударил его ногой по голени, и промахнувшись сделал выпад вперед намереваясь поразить его под доспехи. Мастер не просто так звался мастером и с легкостью предугадал все его движения, всегда находясь на один шаг впереди.

— Так ты не ответил, где Сольвани? Скажи мне это, и я уйду, ты мне точно не нужен.

— Он мертв. Также, как и ты теперь! — Франко, надеясь на то что он гораздо моложе и быстрее и решил увеличить темп, нырнув в одну из теней и появившись прямо за спиной Серо, намереваясь ударить его по ногам, чтобы обездвижить. Клинки описали дугу, но ничего кроме воздуха так и не смогли разрезать. Серо подпрыгнул и вернувшись назад на землю ударил ногой Франко прямо в лицо, которое снова исчезло в тенях.

— Ну что ты, понял нашу разницу в силе, малыш? — Серо будто бы был озабочен своей испачканной туникой и поцарапанными доспехами больше, чем боем с головорезом Франко, это его еще больше взбесило.

— Сдохни, сдохни! — прокричал совсем сошедший с ума Франко, бешено вращая короткие клинки в своих руках намереваясь порезать старика в мелкую капусту.

— Я докажу, я смогу вас всех превзойти! Старые и жалкие... — Франко не смог договорить, налетев всем своим телом на ногу Серо и только потом, осознав это, падая на мостовую после второго удара гардой по лицу, из которого ручьем хлынула кровь. Он лежал, раскинув свои руки в разные стороны, пытаясь глотать своими легкими воздух, которого после удара в грудь не хватало. Мастер Серо с улыбкой стоял прямо над ним и улыбался, ничего больше не предпринимая:

— Я повторяю, где твой хозяин?

— Он мне не хозяин. Он мертв. А вы, вы? Вы не сможете меня убить, вы дали клятву Владыке Вечности! В отличии от вас я могу сделать все что захочу. Могу прождать несколько ночей наблюдая за вами, чтобы потом убить прямо у вас на глазах, кого-то из ваших любимых учеников. Нет?! — Франко улыбался, его дыхание остановилось, а самоуверенность окрепла на столько, что в данной ситуации он считал себя чуть ли ни самим богом, продолжая:

— Пусть это будет девчонка. Маленькая милая девчонка. Я бы непременно связал бы вас и смотрел, наслаждаясь тем как вы молитесь мне прекратить издеваться над ней! Вы бы ничего не смогли бы сделать, а просто смотрели, как я волосок за волоском срезал бы с ее головы, все ближе подбираясь к ее нежной детской коже, намереваясь срезать и ее тоже!

— А с чего ты вообще взял, что я тебя не убью прямо сейчас? Пес? — лицо Серо стало сосредоточенным, он поднял Франко с земли и хорошенько ударил его в кровотокающую переносицу, для того чтобы тот снова ощутил невыносимую боль и заткнулся:

— Думаю, что повторять свой вопрос не стану? Но нет, ты упрямый... Где твой учитель? Сольвани, где он? Быстро отвечай...

— Он сдох как пес, также, как и вы сдохните! — еще один удар в челюсть заставил Франко снова упасть на мостовую и ненадолго заткнуться.

— Я не верю в то, что Сольвани так просто умер! Не верю и все!

— Мне нет дела до вашей веры. Я все сказал вам как есть! — снова дерзил Франко, от чего-то ответив на слова Серо словами Маркизы перед самым ее уходом.

— Да будет так... — Серо раздраженно махнул своей рукой отгоняя клубы дыма прочь и поднял с мостовой черный шлем.

— Жаль, что доспехи оказались абсолютно пустыми, мне так и не довелось поговорить с их владельцем. Надеюсь хоть та, воскрешенная им нежить, теперь упокоилась. Ты что-нибудь об этом знаешь? Франко, я просто удивляюсь, золота нигде нет, а ты тут как тут, — ухмылка была на лице мастера фехтования.

— Будете вы прокляты... — Франко выплюнул свою зуб, пытаясь нащупать руками выпавшие клинки и намереваясь атаковать снова. На его действия Серо только лишь огорченно покачал головой и повернувшись спиной зашагал прочь от этого места, такой безнадежный дурак был явно не достоин наказания смертью.

— Вы слышите, я найду вас и убью. Слышите, Серо. Я обещаю, когда вы не будете это ждать я приду к вам в школу и вырежу ваших детей, одного за другим! Слышите... — отчаяние, смешавшись с безумием, охватило Франко. Он не мог подняться на ноги, а голова жутко кружилась и в ногах была слабость. Поэтому перевернувшись на живот, головорез просто полз, продолжая метать свои угрозы в пустоту перед собой, поклявшись никогда больше не оставлять никого в живых. Фантазируя и наслаждаясь своим замыслом, он перечислял всех, кого хотел убить и убил бы снова, до тех самых пор, пока черный волнистый меч не воткнулся прямо ему в спину, и не обездвижил. Удивление появилось на лице Франко, он даже попытался повернуться, но так и не смог этого сделать. Крепкие руки привычными движениями перепилили на затылке шею, из которой хлынули потоки крови на мостовую, закончив наконец этот долгий затянувшийся монолог.

Глава 23 «Маркиза и герцог»

Замок герцога Гротеска.

Маркиза вырвалась из душного, полностью пропахшего рвотой и тухлой рыбой,

северного района. Она наконец-то была в самом центре города, среди изобилия, богатства и не прикрытого размеренного умиротворения, царящего вокруг. Скрип колесных повозок, наполненных свежесрезанными цветами, заставлял ее глаза закрыться от удовольствия, а ноздри раздраженно зашевелились, вдыхая исходивший аромат полной грудью. Здесь хотелось остаться еще на несколько мгновений. Запахи дурманили и звали к себе, завораживая собой разум: мясо, зелень, разнообразная выпечка и снова цветы. В этих ароматах хотелось утонуть и раствориться в них без остатка, ставь маленькой еле различимой глазу пушинкой, довольно висящей на волнах фантазий.

Из сладких размышлений Маркизу вырвали крики горожан, что прибывали и прибывали на городскую площадь. Народ, толкаясь медленно, но уверенно заполнил все пространство вокруг, намереваясь поглотить и Маркизу, бросившуюся бежать прочь. Она явно слишком долго блуждала возле лавок с едой, теряя драгоценное время. Было бы очень обидно, если герцог уже устал ее ждать и покинул свой замок. Петляя у выставленных на улицу разноцветных лавок и продолжая удивляться тому, что в центре города, явно о войне ничего не слышали, Маркиза пушенной стрелой бежала к замку, что высился над остальным городом. Дворяне, явно из тех, что по богаче, при виде бегущей воительницы, облаченной в доспехи Асторийской армии, недовольно морщились и отводили свои глаза. А простые горожане, явно куда беднее остальных приветствовали ее улыбками и кивая головой расступались, давая ей дорогу сквозь толпу. Благополучно добравшись до высокого кованного забора, который окружал каменный фундамент замка, Маркиза наконец-то перевела дух и откашлявшись принялась искать ворота, чтобы попасть внутрь.

Забор был прекрасной работы, черная железная и рыжая медная проволока, сплетаясь воедино, опутывали собой все вокруг остроконечными стеблями лозы, создавая плетением неприступную структуру, которую пришлось создавать какому-то неизвестному кузнецу, наверное, ни один год. Маркиза на мгновение даже поверила, что металлическая лоза может оказаться живой и провела по ней своими теплыми ладонями, почувствовав холод и раздосадовано, убрав руку. На высоких воротах стояла скучающая стража, облаченная в куда более богатые доспехи нежели городская. Глядя на лысых молодых ребят, стоявших на воротах, она почему вспомнила про Франко, который так и не стал говорить ей о том, где спрятан был хлеб, хотя теперь это было уже не важно. Стражники улыбнулись вошедшей за ворота незнакомке и дали ей пройти будто бы знали о ее приходе. Прямо за их спинами, на каменной мостовой виднелись следы разбросанных лепестков роз, которые подхватывал своими порывали резкий ветер и уносил прочь, разбрасываясь по ровной глади воды под мостом. Маркиза подняла рукой один из лепестков и поднесла его к своему лицу, почувствовав тонкий аромат, который от них исходил. Цветы были свежими, запах мог бы давно улетучиться, но висел прямо над мостовой, заставляя верить в то, что лепестки были разбросаны не более получаса назад. Мост, через ров окружающий замок герцога, был довольно узким, на нем смогли бы разойтись не более трех человек. Покрутив в руках лепестки роз и улыбнувшись самой себе Маркиза отправился дальше через мост, теперь уже к воротам, висевшим над кронами деревьев и ведущим внутрь самого замка. Пройдя через аллею из редких яблонь и вишен, она достигла огромных ступеней, ведущих вверх к заветной для нее двери. Продолав весь этот путь, опираясь на позолоченные поручни, торчавшие прямо из каменного основания, ее не покидало всю дорогу странной чувство. Ей начинало казаться, что герцог обо всем уже знает и ей нет никаких причин увливать и хитрить в разговоре с ним, пытаясь врать, говоря, что она явилась к нему с хорошими вестями

военного толка, а не для того, чтобы убить. Волнения и сомнения, которые были так ей не свойственны, застигнули ее врасплох у самого входа в замок. Она провела рукой по своим засаленным грязным волосам и почувствовав неприятный запах, исходящий изо рта, стоило ей только прижать руку к губам. Она улыбнулась самой себе и наконец-то справившись с волнением, поправила складки своей короткой туники и наконец-то вошла внутрь.

От серого холодного мрамора, будто перемолотого в мелкую крошку сразу же зарябило в глазах. Камень был абсолютно повсюду, пол, стены и даже потолок. Маркиза недовольно поежилась после уличного тепла, окунувшись в этот серый холод и мрак. Свечей нигде не было видно, лучи серого, местами зеленоватого оттенка лились будто из неоткуда, вися синевато зеленой дымкой прямо вокруг нее. Эта дымка будто бы была живой, она освещала все вокруг Маркизы своим тусклым свечением, преследуя ее до огромного зала, в котором она оказалось, пройдя мраморный коридор до самого конца. Зал оказался довольно приятным местом, исполненный в тонах от темно-жёлтого до черно-коричневого, он насквозь пропах древесиной, запах которой забирался глубоко в ноздри носа и начинал их причудливо щекотать изнутри. Маркиза даже попробовала закрыть глаза, чтобы на мгновение оказаться посреди хвойного леса, в зелени которого хотелось утонуть. В ее поле зрения снова оказались лепестки, они были разбросаны аккуратной дорожкой что вела к самой лестнице, устремляющейся куда-то вверх, сделанной из белого мрамора, на ступеньках которого красные лепестки роз смотрелись еще более вызывающе.

Маркиза осталась стоять посреди деревянного зала. Ее заинтересовали статуи, стоявшие вдоль стен, кого они изображали ей было совершенно не известно. Взрослые и дети, целая экспозиция, каждый со своими эмоциями, улыбками и страхами, талантливый скульптор запечатлел эти чувства на их лицах, подчеркнув их движениями и контурами мышц. Маркиза потрогала скульптуры, снова ощутив холод их мертвой структуры, казавшейся на расстоянии такой живой и настоящей, но увы теперь оказавшийся всего лишь камнем. Подняв несколько лепестков с пола и вдохнув их запах полной грудью, она направилась по белой мраморной лестнице вверх, ведомая по этой дорожке из красных лепестков. Она улыбалась, теряясь в догадках чего еще ей ожидать от этой встречи, постоянно останавливаясь чтобы подобрать лепестки и вдохнуть их аромат. В очередной раз остановившись и подняв со ступеней желанные останки красных цветов она подняла свои глаза и встретила с глазами молодого человека, сидевшего прямо на ступенях абсолютно голым и улыбавшимся, наблюдая за движениями Маркизы.

На первый взгляд ему было не больше двадцати, черные короткие волосы, были аккуратно пострижены, а шея идеально выбрит. Его глаза, такие же бездонно-серые, с далекими темно-синими морскими волнами, бьющимися о черные бусинки скал, тонкие линии бровей, соколиный нос и пухлые алые губы на запеченной, коричневой с легким румянцем, коже. Изящное натренированное тело, с ярко выраженными переплетениями мышц, на руках и ногах, широкой груди, которая при дыхании двигалась, заставляя все женское нутро Маркизы, сгореть от стыда, но прикоснуться к этой светло-коричневой коже. Два ряда ослепительно белых зубов утонули в пучине его алых губ, и он встал перед ней заставив покраснеть и даже отвернуться, боясь поверить своим глазам. Он взял Маркизу нежно за пальцы и положил ее руку себе на пах, который находился теперь на уровне ее глаз, которые она от удивления зажмурила. Наконец ее рука почувствовала нежную теплую кожу, внутри которой прерывисто стуча билась жизнь. Она, не открывая своих глаз, боясь спугнуть наваждение, поднялась во весь свой рост так, что голова оказалась на уровне груди

незнакомца, и только после этого, открыв свои глаза вдыхая запах его тела, покрытого будто бы оливками и миндалём. Плоть в руке пульсируя и наливаясь теплом начала расти, от чего ее лицо еще больше покраснело и ей даже захотелось все бросить и убежать. Рука незнакомца не дала ей такой возможности заставив ее пальцы сомкнуться на ее крайней плоти, вот их глаза снова встретились. Он начал пятиться назад, подымаясь по лестнице и усыпая спрятанными в свободной руке лепестками ей лицо, а она, больше не открывая своих глаз просто следовала за ним, отдавшись этому чудесному наваждению, которое просто не могло быть правдой.

Лестница кончилась, за ней последовали залы и коридоры, она видела их, не открывая своих глаз, слышала, как менялся шум его шагов, ощущала его дыхание. Вокруг были только они вдвоем и больше никого. Бесконечные длинные коридоры, из мрамора и кирпича, дерева и камня, золото, серебро, кожа, драгоценные камни все теперь было совершенно неважно. Она начала раздеваться, вырывая свое уставшее грязное тело, изрезанное десятками шрамов из оков доспехов, веса которых она уже просто не ощущала. Как только последняя железная часть с лязганьем оказалась на мраморном полу, она вырвалась из своего ночного платья, держась за могучую грудь незнакомца, чтобы не упасть. Маркиза стала абсолютно невесомой, голой, грязной, с мозолями на ногах, потёртостями от ремешков и уставшим лицом, на котором теперь сеяло блаженство. Крепкие руки подняли ее в воздух, и она будто бы слепой котенок прижалась всем телом к вздымающейся при каждом шаге мужской груди и утонула в своих сновидениях, потеряв счет времени.

Сладкий сон прогнала влага, начавшая струится теплыми прикосновениями мужских рук по ее коже, нежными движениями смывая усталость и всю ту грязь, что накопилась за все это время в долгой дороге к герцогу. Кем был этот незнакомец ее совершенно не интересовало, она получала удовольствие, так нужное ей теперь. Она не открывала своих глаз, медленно растворяясь в тепле приятно пахнущей влаги, облокотившись спиной на мужскую грудь и слившись с его прикосновениями, казавшимися бесконечными. Его крепкие руки гладили ее грудь, заставляя все тело выгибаться, а потом прикосновения возникали внизу у самого горячего клубка ее мышц, и она застонала, требуя от него еще. Он усыпал ее шею поцелуями тщетно пытаясь вырваться из объятий, в которые она его взяла, оседлав как жеребца сверху. Вода все также продолжала струится по ее спине, возникая будто бы из неоткуда, и Маркиза не хотела открывать своих глаз, чтобы это узнать, продолжая двигаться все быстрее и быстрее, вцепившись мертвой хваткой в шею мужчины, ставшего будто каменным после долгих конвульсий и судорог. Она была в нем, а он был в ней, они оба стали единым целым, сплетясь плотью, окунувшись с головой в страсть. Наконец запрокинув свою голову назад, она ослабила хватку и ослепнув от счастья, повалилась без сил на спину, погружаясь медленно под воду, потеряв рассудок, просто растворившись в ней. Улыбка была на лице Маркизы не долгой, нужно было возвращаться в реальность и наконец-то окончить с герцогом раз и навсегда.

Она вынырнула из воды и замотав своей головой, провела руками по волосам, почувствовав, что они так и остались грязными. Повернувшись спиной к лежащему рядом черноволосому красавцу, она уткнулась в его пах своими ягодицами заставив обратить на себя снова внимание:

— Волосы помой мне хорошенько! Только чтоб не хуже, чем все остальное!

— А к чему такая спешка, нельзя ли еще поваляться? Как по мне, так приятное начало, вы не находите? — красавец зевнул и запустил свои пятерни на ее крепкую упругую грудь,

которая все пыталась вырваться из плена его больших пальцев.

— Я сказала волосы! Разве твой хозяин не научил тебя подчиняться любым прихотям гостей? — она убрала его руки со своей груди, будто наказывая его этим жестом. Сначала он должен был помыть ей волосы, а уже потом, если она ему разрешит, наслаждаться ее прелестями. Красавец не сопротивлялся, а просто решил сделать все по-своему. Поднявшись на ноги посреди огромной ванной, в которой все это время они оба находились и намотав волосы Маркизы на кулак он облокотился на противоположный край и потянул ее голову к себе. Она взывала от боли, но ничего не смогла поделать на несколько мгновений оказавшись под водой и потеряв дыхание. Вырываясь из его объятий и ударяя руками о воду, она поддалась нахлынувшей панике, но он схватил ее за руку и подтянул к себе и прижал к груди.

— Да не вырывайся ты. Никто тебя топить не собирается. По крайней мере сейчас. Успокойся, а то я точно волосы тебе так не помою, — он продолжал держать ее за волосы, а она стоя на четвереньках пялилась на его крайнюю плоть, злоба и ненависть на мгновение охватили ее. Горячие мужские руки действовали на нее успокаивающе, они впивались в ее заросли из сальных волос на голове и медленно массажировали, втирая в кожу капля за каплей ароматическое мыло. Она снова погружалась в мир фантазий, закрыв глаза и получая удовольствие. Ее руки снова нащупали пульсирующую плоть и принялись гладить, злоба постепенно исчезла, сменившись желанием страсти, прятанной все это время внизу у самых ног. Закрыв глаза, она поглотила пульсирующую зовущую плоть своим ртом, больше не сопротивляясь.

***

Прошло, наверное, не более двух часов с того момента, как Маркиза переступила порог замка, в котором, кроме этого, ненасытного красавца, лежавшего теперь рядом, никого не оказалось. Она поднялась на ноги, прикрывая свою наготу легким шелковым одеялом и принялась осматривать интерьер вокруг. Ванная, вмонтированная прямо в пол, в которой они провели большую часть прошедшего времени, была сделана из зеленого светящегося камня. Ей захотелось провести рукой по ее теплой мерцающей поверхности, но в последний момент она от этого отказалась, ища взглядом свою одежду, которой нигде не было видно. Свет лился ровными потоками из широких окон второго этажа, сине-зеленой дымки что встретила ее на входе внизу, здесь уже не было. Маркиза аккуратно на носочках прокралась к длинному ряду шкафов и стараясь не разбудить встретившего ее незнакомца, принялась искать одежду. Запрыгнув в легкие штаны, из полупрозрачной, почти небесного цвета парусины, а также завернувшись в нежную шелковую шаль ласково защекотавшую ее чистую кожу. Оставшись довольной, она повернулась и снова глянула на своего спасителя, так и продолжавшего делать вид, что он спит.

— Где сам герцог, красавчик? Я же не поверю, что передо мной сейчас именно он?! — глаза Маркизы горели живым интересом, она даже сама того не замечая положила прядь своих чистых черных волос себе в рот.

— От чего же, герцог не может быть таким красавцем, как я? Таким молодым и сильным? — крепко подмигнул ей и поманил пальцем к себе на пол, ухмыляясь.

— Извини, но мне нужен теперь только он. Позови кого-нибудь? Помощника, например, или дворецкого? Кто-то же должен приглядывать за всем этим огромным замком? Я уверена здесь слуг не меньше сотни, как и охраны.

— Да нет. Что ты взяла? Я здесь всегда один. Мне, конечно, иногда помогают, но

сегодня в замке я абсолютно один.

— Так, хватит шутить. Мой милый ненасытный красавчик. Ты очень опытный и страстный любовник. Но прошу перестань юлить и уходить от ответа на мой вопрос. Где герцог, мне нужен именно он? Я с огромным удовольствием поблагодарю его за столь богатый подарок с его стороны.

— Он перед тобой! Ну неужели ни как нельзя поверить в то, что я так молод и красив? — герцог, не прикрывая своей наготы, а скорее наслаждаясь красотой своего тела, поднялся на ноги и ухмыляясь направился к Маркизе, попытавшись вновь заключить ее в свои объятия.

— Мне нужен герцог, а не его любовник? Только попробуй ко мне еще раз прикоснуться... — лицо Маркизы снова стало серьезным, она давно заприметила свои доспехи и меч, лежавшими на полу у дальней от себя двери и намеривалась пустить оружие в ход, если это понадобится.

— Что же случилось? Я не понимаю твоих безразличия и холодности ко мне? Ты же была так страстна и ненасытна ещё пол часа назад? Что же изменилась? Тебе нужен герцог, так он перед тобой! Я не понимаю? — герцог, сбитый с толку, разводил руками в стороны с непониманием глядя на Маркизу, направившуюся за своим мечом.

Она взяла ножны в руки и медленно со скрежетом от трения металла о металл, выпустила свое оружие из долгого плена тьмы. Несколько раз крутнув мечом в воздухе и уставившись на самый кончик обоюдоострого лезвия, она, абсолютно оставшись довольной, направилась назад.

— Я очень не хочу, чтобы такая красота погибла от моих рук. Ни хочу и все! Отвечай, где твой хозяин?

— Я сам себе хозяин, что за вздор ты несешь? Остановись... — в глазах красавца появились некоторые сомнения, женщина явно не шутила и была настроена очень серьезно. Он оперся на локти, прикрыв своими широкими плечами тяжелый дубовый стул, стоявший прямо за ним у самой стены, надеясь использовать его в качестве оружия, но момент был упущен.

— Я не намерена с тобой играть! — Маркиза, замахнулась мечом и пройдя мимо зажмурившегося в страхе мужчины, схватила в руку стул и швырнула его в стекло, через мгновение выбив его. Потoki ветра, получив свободу бросились через разлом, разбрасывая все вокруг, подымая в воздух шелковые вещи, обрезки ткани и листки бумаги.

— Успокойтесь прошу вас, не надо? — сомнений у любовника никаких не осталось, юлить дальше не было никакого смысла.

— Ну так расскажи мне, что ты задумал? Нет, что задумал твой хозяин? — она схватила его за волосы и заглянула своими опьянёнными превосходством голубыми глазами в помутневшие хрусталики человека, охваченного страхом.

— Я ведь и в правду герцог. Сколько еще вам это повторять? Это что, какая-то новая столичная игра? Может продолжим ласки, а то у вас ко мне должок? — он снова улыбался, страх будто растворился в небытии, будто она была не настолько опасна, чтобы воспринимать себя в серьез.

Маркиза сделала свой первый шаг. Схватив ухмыляющегося любовника за руку и надрезав ему тыльную сторону ладони, так глубоко, что сначала кровь брызнула на занавеску, что развивалась на ветру и только потом, стала литься потоком на пол. Страх, шок, оцепенение, не понимание, отчаяние, понимание, ужас. Все перечисленные эмоции

сменялись одна за другой на лице красавца, начавшего истошно кричать, держась за свою разрезанную руку. Он был жалок, всю красоту будто смыло с него, даже то оружие, которым он располагал до этого уменьшилось до таких размеров, что теперь вызывало скорее смех. Маркиза засмеялась и бросила несчастному шелковое одеяло, которым он судорожно стал перематывать рану. Кровь не останавливалась, и любовник прижал замотанную руку к своей груди и стал отползать назад к развивающейся занавеске, оставляя после себя кровавый след.

— Что вам надо? Что вы задумали...

— Ах, да вы говорили о моем долге, тогда с него и начнем... — Маркиза подошла к испуганному истекающему кровью герцогу и засунула себе два пальца в рот склонившись над ним. Ее вырвало потоками слюны, желудочного сока и семени, которым он ее наполнил всего пол часа назад.

— Надеюсь я теперь вам ничего не должна? Давайте продолжим. Скажу сразу, если вы будите продолжать упрямяться и называть себя герцогом, вам это не понравится. Ведь перед тем как все закончиться, так или иначе, я хочу рассказать вас почему я здесь! — на все сказанные слова герцог утвердительно кивал головой, пытаясь вытереть свое лицо от собственного семени и рвоты.

— Так вот, я знаю, что вы не герцог. Этому старому извращенцу, а еще по совместительству моему отцу, уже далеко за шестой десяток. Вы не поверите, но мне кажется, что старик так не может выглядеть, это точно! — она снова смеялась, вытирая капли рвоты рукавом и глядя свои чистые черные волосы, продолжила:

— Так вот. Пять лет назад, этот старый козел решил убить мою мать. По какому-то недоразумению, он ее обрюхатил мной, больше двух десятков лет назад. Хотя я точно уверена, любил он больше всего мальчиков и желательно по моложе. Таких как ты, мой милый. Сильных, ласковых, нежных, страстных...

— Ах, да. Я ушла от темы. Так вот. Пять лет назад этот развратник приехал к моей матери, чтобы убить ее и конечно смог это сделать. Я не долго горевала, дом он сжёг, а сам скрылся ничего мне не оставив. Я начала думать, как думает ищейка — собака что ищет кабана по следу, с каждой минутой охоты все больше понимая, что кабан вот-вот будет настигнут! — Маркиза подошла в плотную выставив немного вперед лезвие меча, наклонилась переспросив:

— Я все ясно излагаю?

— Да, конечно...

— Я стала искать и что ты думаешь? Нашла мамины письма, все до единого, этому козлу герцогу. Всю их тайную переписку, в которой она скрывала все это время мое существование. Пока наконец не решилась во всем признаться, только для того чтобы вновь его увидеть. Вот тут-то вся картинка у меня перед глазами и сложилась. Понимаешь? Моя мать любила его всей своей душой, не смотря на его любвеобильность и страсть к мужчинам, она желала мне лучшей жизни, а не бесконечного и гнетущего ожидания смерти на севере в деревушке Тэрау. Она рискнула, все рассказав ему, а он испугался того что я заберу по праву рождения у него власть и решил убить мою мать и избавиться от писем, которые так и не нашел. Он не знал сколько мне лет, он даже не знал, что я вообще существую. Но он боялся доверить это дело кому-то и поехал сам. Он сделал все, чтобы власть у него осталась, вот только не учел одного, я смогла разыскать его и даже поставить в известность архиепископа Конрада Асторийского главу церкви Рассвета, продолжая писать от имени матери и требуя справедливости и передачи власти. Наши отношения с ним

окрепли настолько, что он дал мне свое благословение и теперь я здесь. В стенах своего замка, в котором по какой-то нелепой случайности живет мой отец, а также убийца моей матери.

— Я, ты, я... Не понимаю, как? Этого просто не может быть? — красавец, сидевший на полу, явно побелел от потери крови и начинал бредить.

— Говори, дай. Теперь ты все знаешь. Рассказывай, что задумал твой хозяин? Эти лепестки роз, отсутствие слуг и охраны. Я уж было думала, что он обо всем смог догадаться? Представляешь, я заручилась поддержкой как церкви Рассвета, так и самого Ордена Воскрешения. Отвечай, где твой хозяин? — Маркиза гневно схватила побелевшего красавца за волосы и стала трясти, требуя от него ответов.

— Но, я и есть герцог Берген фон Гротеск. Я не понимаю ничего из той истории, которую вы мне рассказали...

— Ты лжешь! Не вынуждай меня, ой не тут бабу ты взялся дурить красавчик. Ой не ту... — Маркиза перевернула меч своих руках схватившись замотанными в ткань руками за лезвие и ударила тяжелой гардой прямо по ноге, опешившему от ужаса герцогу.

— Говори где кольцо? Да не выключайся, ты! — она била его ладонями по лицу и трясла, держа за подбородок.

— Где кольцо? Если ты герцог, то ты знаешь, где кольцо? Символ власти, печать? Ну... — она снова поднялась и замахнувшись мечом ударила гардой, теряющего сознание герцога по второй ноге. Он снова кричал от боли, умоляя ее остановиться, но она, не веря не единому слову, продолжала его бить, до тех самых пор пока не раздался звон металла о мраморный пол.

Прямо из-за окна начали раздаваться крики собравшейся толпы горожан, они скандировали:

— Нет войне! Герцог трус! Нет войне! Герцог трус!

Эти слова остались где-то там за окном и больше ее не интересовали, теперь все ее внимание было приковано к кольцу, упавшему из одного из шкафов, которые она перекапывала до этого в поисках одежды. Маркиза подняла его и присмотревшись осталась полностью довольной, лишь прошептав напоследок самой себе:

— Мама, все будет так, как ты и хотела...

Глава 24 «Откровения учителя и правда о родителях»

Северный район Гротеска.

Наш долгий путь, вместе с Салли из северного района Гротеска, лежал через центр города, который был охвачен пламенем многочисленных пожаров, криками дерущейся толпы и за какие-то полдня превратившейся в место боевых действий. Я стал обузой, по крайней мере я теперь именно так считал, опираясь на плечо своего рыжеволосого друга и таща, вслед за собой, тяжелый полуторный меч, который сжимал в своей растянутой кисти и не за что, не желая его бросить. Растяжение обеих рук, вот что со мной сейчас случилось. Сражаться мечом я теперь не мог, кисти почти не слушались меня. Да и тщетные попытки взобраться наверх, по парапетах на самую низкую крышу, дали мне понять, что я теперь полностью бесполезен.

Все наше положение еще больше ухудшалось от того, что мы были замотаны в свои черные бинты и явно не могли не вызывать подозрений, у любой из сторон разразившегося

на наших глазах городского восстания. Мы прятались во мраке подворотен, среди пустых бочек и прочего мусора, с ужасом наблюдая из тьмы, как люди, может даже соседи, с глазами полными ненависти, убивали друг друга. Эта ненависть, что копилась годами из-за напыщенного превосходства одних над другими, вылилась в бесконечные потоки крови, что теперь лились по мостовой. Если бы в этот момент кто-то из сражающихся нас заметил, то они не стали бы даже сомневаться в том, что с нами им делать. Желание добиться своего, даже с помощью убийства победило здравый смысл, заставив людей ослепнуть от гнева. В нас с Салли, как у простых наблюдателей, а не участников мятежа, не было ни страха перед чрезмерной жестокостью безумцев, ни сострадания перед теми, кого на наших глазах эти безумцы забивали до смерти, не слыша их мольбы. Мы просто хотели добраться до нашей школы, чтобы наконец перевести дух и сбросить с себя бинты вместе с напряжением, в котором мы находились уже целый день, стараясь не ввязываться в драку, больше походившую на бессмысленную бойню.

Медленно, никуда не спеша, продолжая прятаться даже за одиноко лежавшими трупами, застывшими в разных позах, посреди узких улочек города, мы все ближе продвигались к заветной цели. Наконец, повернув за очередной угол дома, мы оказались прямо перед воротами школы фехтования, со стен которой на нас смотрели ошетиливших десятками копий защитники в синих туниках. Я попытался приветствовать их, подняв руку с мечом вверх, но этого у меня так и не получилось. Кисть окончательно ослабла и меч со звоном упал на мостовую, Салли попытался его поднять, облокотив меня о стену. Напряжение защитников школы нарастало до тех пор, пока мы не размотали бинты на своих лицах и под радостные возгласы толпы нас не пустили внутрь, отворив перед нами ворота. Салли кто-то хлопал по плечу, кто-то жал ему руку, радуясь тому, что он все еще жив. Я же стоял в стороне наблюдая за ним и радовался вместе со всеми, пока наконец четыре пары рук не подхватили меня и не понесли в здание школы. Я решил не сопротивляться несшим меня ребятам, просто погрузившись в прослушивание рассказа, со всеми подробностями от идущего впереди Салли, махающего руками и надувающим свои щеки, сжимая найденный нами меч в руках. Он не стал рассказывать про нити и то, как учитель управлял им, даже не обмолвился о нашем с ним спасении, присвоив всю победу над страшным черным рыцарем мне и себе, себе может даже в большей мере, хотя теперь это было не так важно. Когда меня положили в постель, а Салли, продолжая развлекать немногочисленных слушателей своим рассказом не исчез да закрытой дверью, я наконец-то облегченно вдохнул.

Я думал, что остался один в своей комнате, но я ошибался на этот счет, просто погрузившись в свои внутренние мысли и переживания. Кроме меня в комнате у окна, стоя ко мне спиной был еще Ходвик. Он чуть было не напугал меня, нависнув надо мной своей ухмыляющейся мордашкой, и потоками вьющихся черных волос, от чего я сначала зажмурился, а только потом напрягся, собираясь атаковать. Вот только мои руки, нет не так, мои кисти висели непослушными плетями и были теперь не на что не годны. Ходвик стал осматривать мои травмы и разматывая попутно черные защитные бинты, не обращая внимания на влетевшего в комнату с тазом воды Салли, насвистывающего себе под нос, какую-то мелодию. Теплая вода оказалась очень кстати и дела с моими бинтами пошло гораздо быстрее, размокая, они легко отлипали от моей кожи.

— Ну что герой. Обе кисти ты растянул очень сильно. Хорошо хоть не сломал. Это было бы гораздо хуже, — Ходвик продолжал ощупывать мои мышцы, аж до самого локтя, изредка недовольно качая своей головой.

— Честно сказать, я думал ты только Тильде на кухне помогаешь? Кстати, она не вернулась, случаем? — я старался не думать о своих травмированных кистях. Тогда во время боя, они меня еще слушались, пришли в негодность они гораздо позже, уже в пути назад в школу. Ходвик не стал отвечать на мои вопросы, продолжая осматривать руки, до тех пор, пока, не подав знак Салли и не отойдя с ним в сторону мне все-таки не ответил:

— Я много чем еще занимался. Вот, например, недавно нашел скалку на кухне. Очень странную, она вся светилась, причем довольно ярко. Не твоя случаем работа? — пока я думал над ответом, Ходвик снова что-то шепнул Салли на ухо и мой рыжеволосый друг усмехнулся и закивал головой.

— Ну даже если и моя? Что с того? Я пробовал сделать дерево железом, но у меня так этого и не получилось... — абсолютно расслабившись и на мгновение вспомнив о том вечере, когда я в темноте на кухне пытался найти выход. Я совершенно позабыл о действительности и закрыл свои глаза. Наверное, уже тогда, ночью у меня получилось заставить ту скалку светиться, интересно на что еще я был способен.

— Ты что уснул. Лад? Дай мне посмотреть на твою руку, — Салли подошел к кровати в плотную и сел на самый ее край отчего то повернувшись ко мне спиной и резким движением схватив мою руку чуть выше локтя.

— Эй, ты че? — я не понял, что задумал Салли, но он крепко вцепился и не отпускал.

— Хорошо держишь? Точно? — Ходвик взял меня за кисть, глядя прямо в мои глаза через плечо Салли:

— Расскажи мне как у тебя получилось заставить тот меч так ярко вспыхнуть?

— Ну? — не понял в тот момент вопроса я, как вдруг мою руку разорвала такая резкая боль, которая словно молния, ударила меня между глаз, на секунду оглушив. Я начал вырываться, предчувствуя что дальше будет еще только хуже.

— Да не вырывайся ты! Еще четыре пальца осталось... — я услышал хруст и боль снова резкой волной обдала все мое тело, заставив на мгновение даже вскрикнуть от неожиданности. Третий раз я хруста не услышал, провалившись без сознания в пустоту.

— Эй Лад? Ты чего, не вырубайся? — Ходвик хлестал меня по лицу, а я, вспомнив о своей руке, начал шевелить на ней пальцами почувствовав, что с ней теперь все в порядке, что-то внутри нее все еще покалывало, но с этим можно было смириться.

— Ну как рука? Пальцами пошевели, — Ходвик наблюдал за тем, как я шевелю пальцами и оставшись доволен снова повернулся ко мне и продолжил:

— Больно, конечно, но смотри, все же получилось, ведь правда?

— Еще бы, — я с опаской глянул через плечо Ходвика на улыбающегося Салли и взмолился:

— Только не надо больше так делать. Пожалуйста...

Они не стали мне отвечать, ни один из них. Салли схватил меня за вторую руку, а я только и смог что разинуть от неожиданности свой рот, как Ходвик уже вправлял мне ее. Боль была резкой, но не такой неожиданной, как в прошлый раз. Я больше не вскрикивал, а просто стиснул свои зубы от ненависти и злобы, прекрасно понимая, что так было надо. Последний рывок, острая боль и я снова провалился в небытие, растворившись в нахлынувшем на меня звоне, звоне заполнившим все вокруг меня: зрение, слух и даже обоняние. Я провалился в глубокий сон, и Салли наконец-то отпустил меня, поднявшись с кровати вслед за Ходвиком:

— Я останусь здесь и замотаю ему руки. Какое-то время он все равно не сможет их

использовать. Ты мне Салли будешь только мешать. Как будет можно, я тебя позову, а пока пара крепких рук не помешает во дворе школы.

***

Меня разбудил Салли, когда за окном снова было темно. С улицы не было слышно того дневного шума, ночь не была заполнена огнями сотен пожаров, мятеж в городе будто бы был уже закончен.

— Я что, все пропустил? — я виновато задал этот вопрос, уже через мгновение подскочив с постели и уже будучи на ногах, удивлённо прокричав:

— Учитель, что с ним? Салли, чего ты молчишь? Где он?

— Да живой, он, живой! Тебя видеть хочет. Зачем не знаю, но нервничает сильно и сказал тебя поторопить! — пожал плечами Салли и подарив мне свою широкую улыбку, растянувшуюся в свете свечи по покрытому веснушками лицу, приказал жестом следовать за ним. Я ловко запрыгнул в валяющиеся у постели штаны, попутно пытаюсь выпутаться из все это время висевших на мне, словно лохмотья, черных бинтов. Несколько раз выругавшись, но наконец-таки справившись с одеждой и бинтами, я несколько раз сжал и разжал свои пальцы в кулаки, намереваясь почувствовать резкую боль, но ее к моей радости абсолютно не было. Оставшись доволен и показав язык, уставшему меня ждать в дверях Салли, я направился вслед за ним по коридору. Мы старались идти очень быстро, но я продолжал останавливаться, вглядываясь в темноту за окном и намереваясь там увидеть пожары над городскими крышами, но к моему удивлению на ночных улицах города было совершенно спокойно. Наверное, я снова проспал самое интересное, хотя радовало меня теперь только одно обстоятельство, что учитель все еще был жив, а значит у нас предстоял разговор, которого я так долго жаждал. Не дожидаясь пока Салли постучит в двери учителя, а толкнул в сторону последнюю преграду, между нами и вошел в комнату, залитую светом множества свечей.

Учитель сидел в своем любимом кресле и запрокинув голову назад периодически прикладывался к кружке с вином продолжая смотреть в потолок. У его ног, на самом полу, сутилось несколько учеников и Ходвик, закончивший зашивать рану на его голени и теперь перерезавший нити швов. Помощники замотали черными бинтами ногу учителя и начали разрывать синюю тунику, чуть выше плеча, а после вообще срезав целый рукав ножницами, обнажили на всеобщее обозрение еще одну глубокую рану. Серо не обращал на все это лечение никакого внимания, изредка выпуская клубы густого дыма под самый потолок и продолжая делать вид, что нас Салли он все еще не заметил. Его растрёпанные волосы, с комками запекшейся крови на них, закрывали теперь добрую половину его не бритого лица, застывшая кровь была даже на его мокрых от алкоголя усах. А глаза все продолжали искать что-то на потолке, периодически закрываясь, и давая дорогу редким слезам от боли, которую причиняли ему ученики, зашивавшие все его раны и порезы. Сделав еще один жадный глоток и осушив кружку, Серо со злостью швырнул ее в стену, приказывая налить ему еще. Наконец его остекленевшие от боли и большого количества алкоголя глаза смогли сфокусироваться на мне молчаливо продолжавшего наблюдать за тем как ученики находили на теле учителя все новые раны.

— Ну наконец-то, ты явился... Давай садись, не будем тянуть с нашим разговором, — он откашлялся в кулак и увидев на ладони кровь хищно улыбнулся, продолжив говорить: «Раз я обещал тебе что расскажу о твоих родителях, то непременно сделаю это, вот увидишь!»

Я повиновался и сел на табурет напротив стола, за которым в кресле расположился учитель и приготовился слушать.

— Не долго мне осталось. Как видишь, изрядно меня покровсали... Ну ничего не поделаешь, я всем им показал, всем слышишь, Лад? — учитель смеялся и снова кашлял, ударяя себя в грудь, еле сдерживаясь от того чтобы его не вырвало прямо на учеников, суетившихся возле его плеча.

— Все хватит, пошли прочь. Ходвик перебинтуй меня на скорую руку и тоже проваливай, — пьяный взгляд учителя стал совсем хмурым и он, сделав глубокую затяжку табачным дымом, уставился на замершего на входе Салли, продолжив: — Тебя это тоже касается, пошел вон! И чтобы не подслушивать, а то знаю я тебя...

Так, я и учитель молча сидел друг против друга, дожидаясь, когда Ходвик закончит со швами на плече и забинтует рану, наконец-таки оставив нас наедине. Как только дверь затворилась, и мы оба услышали гул удаляющихся шагов по коридору, Серо улыбнулся мне и проговорил:

— Представляешь, Тильда вернулась. Вот так просто вернулась ко мне, рыдала как девчонка, глядя на то, что от меня теперь осталось!

— Да будет вам учитель, вы живее всех нас вместе взятых. Я уверен... — учитель поднял свою руку, своим жестом давая мне понять, что я должен заткнуться.

— Давай лучше вернемся к моему обещанию. Я не знаю, как лучше сделать, как рассказать, но попытаюсь донести до тебя именно так, как просил меня об этом твой отец.

«Когда в первый раз его увидел, ему было не больше чем тебе сейчас. У него не было одной руки, аж до самого предплечья и вырвана почти полностью нижняя челюсть. Красивый русоволосый мальчишка, без руки и с изуродованным лицом, которой и говорить то толком не мог, продолжая рыдать дни на пролет. Тогда в тот самый момент, когда его в первый раз увидел, во мне что-то сломалось. Я сделал, как по мне, тогда самую большую глупость, о которой я теперь несколько не жалею. Мне стало его жалко, не знаю я никогда не испытывал такого чувства раньше, то в тот момент это была именно оно. Мое чутье мне подсказывало что мальчишка был силен и духом, и телом. Просто в какой-то момент он потерял веру в самого себя, мне даже было страшно спрашивать у него что же с ним приключилось. Я просто его оставил при школе и начал учить. Уже тогда, впервые дни фехтуя только одной рукой, он знал уже многое, научившись этому не у меня. Я лишь дал ему маленькую надежду, возможность приносить пользу и конечно же, попытается поверить в то, что он сможет только лишь одним своим желанием вернуть себе, как и облик, так и руку. Сейчас, когда ты уже можешь заставляя свой меч светится ты понимаешь, я надеюсь на это, что понимаешь меня. Что твои желания что-либо изменить, если они очень сильны непременно сбудутся, стоит тебе только приложить к ним силу с правильной стороны и поверить в нее. Твой отец поверил моим словам, да и что ему оставалось? Он жаждал этого, больше всего на свете и однажды он смог этого добиться. Его безграничное упорство и способности, впитанные вместе с молоком его матери, принесли хорошие плоды. Вернув себе облик и руку, только лишь одним своим желанием, создав их своим воображением он вернулся к нормальной жизни. Став просто еще одним из моих бывших учеников, научившим меня, нет поверившим, скорее заставившим меня поверить в то, что я могу сострадать к людям, испытывать жалость, верить в то, что даже у такого жалкого уродя, каким он мне показался на первый взгляд, тоже может все получиться. Он стал мореходом, браконьером, называй, как хочешь, но он был лучшим морским волком, каких я только знал.

На этом бы вся эта история и закончилась, если бы однажды, он не появился на пороге моей школы с тобой на руках. Его силы были на исходе, толи болезнь, толи проклятье. Я не знаю, он не дал себе помочь, просто взяв с меня обещание, во чтобы то не стало, выучить тебя и когда ты будешь готов, наставить тебя на путь и дать тебе следующую цель, на твоём долгом пути в неизвестность. Я помню, как его голубые глаза светились счастьем, хотя черная хворь, что была на его теле пульсирующими язвами съедала его изнутри. Я сделал выбор, оставил тебя себе, пообещав все сделать как он мне велел.»

— Учитель скажите мне как его звали? — я был ошарашен его рассказом и мое сознание требовало больше информации, гораздо больше.

— Извини, я так увлекся, что совсем забыл тебе сказать его имя. Киль сын Торина, так он себя называл... — Серо прикрыл свои глаза руками и скорчившись от боли принялся искать возле стола на полу кувшин с вином:

— Да где же это проклятое вино? Ах вот же...

— Я понимаю, ты хочешь узнать гораздо больше... — он налил из кувшина в кружку и довольно облизнувшись сделал небольшой глоток, продолжив только после этого:

— И у меня есть кое-что для тебя. Подарок, напутствие, сейчас ты сам все увидишь.

Серо, поднявшись с кресла и прихрамывая на левую забинтованную ногу, отправился к полкам возле стола над которым висела карта города. Он долго копался среди книг и пергаментов, пока не нашел небольшую шкатулку, из которой он выудил письмо и кулон на серебряной цепочке. Глядя прямо в мои удивленные глаза, учитель аккуратно подал мне письмо, даже немного поклонившись, добавил:

— Твой отец так и не сказал мне кого же числа ты родился, поэтому я хочу, чтобы именно сегодня тридцатого августа был твой пятнадцатый день рождения! Если ты не против, то это письмо и кулон станут моим тебе подарком...

— Спасибо, — не скрывая нахлынувших слез, ответил я: — Конечно же я согласен, учитель!

— Возьми письмо и успокойся. Прочти его, оно ответит на твои вопросы. Если уж не на все, то точно на многие! — Серо махнул мне рукой приказывая читать, а сам, положив кулон на стол, сел в свое кресло принявшись снова забивать трубку табаком.

Я, выудив из конверта письмо и развернув, принялся читать его вслух, изредка останавливаясь и рыдая. Учитель ничего мне не говорил и не запрещал потоку моих слез вырваться наружу. Я видел, что он переживал не меньше моего.

«Мой дорогой мальчик, Лад. Раз ты читает эти строки, то меня больше нет в живых. Я уверен, что мастер Серо очень хорошо тебя воспитал и обучил всем премудростям оружейного дела. Я надеюсь, что только теперь ты задаёшься вопросом, где все эти годы пропал твой отец. Старый морской волк Киль, изуродованный своей собственной матерью и до самых костей пропитавшийся ромом, теперь, где-то на самом дне, кормит крабов в заливе Мертвого моря. Ты можешь меня смело обвинять в трусости, но подумай сам. Чему тебя мог научить однорукий и практически немой бродяга контрабандист, коим я и являюсь. Я оставляю тебе двадцать серебряных монет и этот кулон, который достался мне от моей матери. Мой дорогой мальчик, ты так похож на нее, на мою мать, что это так ужасно и прекрасно одновременно, и поэтому я хочу, чтобы ты сделал подарок своим единственным родственникам, которые остались. Они живут в непроходимых болотах на юге империи Заметания, на топях, что граничат с древним эльфийским лесом. Пусть это будем моим последним желанием. Лад ты должен найти своих родственников, моих родных братьев,

ведь они должны обязательно узнать, что у них есть племянник. Попав в те края тебе всего-то нужно будет поспрашивать Хозяина Стрэга. Поверь, работорговля не самое плохое дело Лад, мои братья одни из лучших в том, что касается охоты на живой товар. Думаю, ты и сам во всем быстро разберёшься. Ах да, самое главное, обязательно покажи Стрэгу мамин кулон и слушайся его так, как слушался мастера Серо, теперь, он самый старший из братьев. Я люблю тебя мой мальчик и всегда буду любить, помни об этом, глядя на кулон и никогда не забывай, ты единственная надежда нашего проклятого рода!»

Подпись Киль сын Торина.

Я не знал, как мне еще реагировать на все это и просто рыдал, а мой учитель, глядя на меня молча пил вино, в ожидании того, когда же я успокоюсь.

— Ну хватит... Хватит! А то разревелся, как девчонка. Прекращай давай, тебя же теперь ждут великие дела! — учитель улыбнулся мне, снова скорчившись от боли и устало откинувшись в кресле назад, снова уставившись в потолок.

— Извините, мастер Серо.

— Да ничего. Любой бы зарыдал... — мастер снова курил и пялился в потолок.

— Вы же мне поможете? Я один точно не доберусь до Заметании? Я, Астории то совершенно не знаю. За городом никогда не был, да и в Мертвое море никогда не ходил? Куда я без вас учитель? — я глядел то на письмо, то на устало смотрящего в потолок учителя.

— Давай так... — он выдохнул густые клубы дыма и улыбнувшись уставился на меня, продолжив говорить: — Я расскажу тебе о том, что ты пропустил за этот день, а потом ты сам решишь смогу ли я тебе помочь или нет. И главное — пообещай мне, что выполнишь мое поручение, так же как я выполнил свое?

— Какое? — не понял, о чем говорит учитель.

— Просто пообещай мне и все!

— Я не понимаю? — насторожился я, складывая письмо обратно в конверт и беря со стола кулон в руки.

— Ты можешь мне пообещать сделать то, что я тебе скажу, чтобы не произошло? — голос учителя был очень серьезным. Этот вопрос, вернее мой ответ на него был очень важным для учителя, поэтому он добавил еще больше интриги:

— Все, кого я попросил об этом ответили мне да! Все без исключения... — старик просто впился в меня глазами, заставив не отводит от него взгляда.

— Прежде чем я продолжу свой рассказ ты должен мне ответить? Ты пообещаешь мне, что выполнишь любое мое поручение, какое я бы тебе не приказал? Поклянись мне в этом, Лад...

— Клянусь! — я выдохнул это слово из себя, почувствовав, что мне стало наконец-то гораздо легче. Я сел на табурет продолжая рассматривать кулон в своих руках и не переставая думать над тем, как же выглядел мой отец, светловолосый контрабандист, в кожаных рыбацких сапогах, почти до самого пояса, с оголенной волосатой грудью, и саблей на перевес.

Стол учителя Серо.

Я не переставал крутить в своих руках кулон, оставленный мне отцом, и молча наблюдал за мастером Серо. Учитель вытряхнул остатки табака из трубки и начал забивать ее по новой. Только после того, как все приготовления были завершены, а кружка с вином заполнена до самых краев, он довольно сделал несколько глотков и глядя на меня своими начавшими мерцать в свете свечей глазами, начал свой долгий рассказ.

«После вашего ухода, мой бой с черным рыцарем продолжился. Этот толи мертвец, толи призванный доспех, оказался не так прост. Чары, которые на него были наложены были очень сильными. Сколько я не пытался его разрубить или ранить, у меня никак ничего не получалось, проклятые доспехи собирались снова воедино и оживали. Я потерял счет своим попыткам с ним справиться, когда меня наконец-таки не осенило. Отделив шлем от тела в очередной раз, я оставил его себе, а остальные части бросил огонь, упокоив ставшего практически непобедимым противника. Доспехи изрядно обгорели и чары, которые поддерживали в них силу окончательно пропали, став просто грудой изуродованного моим оружием металла, более не опасного. Я уже собирался уходить, как появился Франко, этот дерзкий самодовольный прихвостень Сольвани, жалкая тень этого короля хитрости и обмана. Его жажда убийства была настолько слепой, что он даже не смог понять нашу с ним разницу в силе. Я не стал его убивать, так сломал пару раз нос, да выбил зуб, может два. На ум мне приходит, только одно слово — жалкий, лучше про него и не скажешь. Та сила, которой он обладает требует неплохой сноровки и оточенного мастерства для применения, но его самоуверенность в своем безграничном превосходстве и слепой веры в свою уникальность, подвела его в последний раз. Я не стал его убивать, оставив отчаянно сыпать мне в след пустыми угрозами, не веря в то, что он проиграл этот бой. Его мучения были оборваны мертвецом, одним из тех, кого воскресил тот черный рыцарь, я слишком поздно это понял, лишь тогда, когда Франко был уже мертв.»

Учитель замолчал, сделав несколько глубоких затяжек и выпустив клубы густого дыма под потолок обратился ко мне с вопросом:

— Вот скажи мне, только честно? Вы и в правду с Салли намеривались спасти город? Горожан? Попытаться, хоть как-то повлиять на ход событий за стенами школы?

— Да. Безусловно, мы хотели этого! Вот только... — я задумался над тем, как бы мне ответить правильно, но учитель сказал это раньше меня самого.

— Вы очень слабы. Даже чересчур слабы. Но ваше стремление, наглость. Я даже не знаю... — Серо сделал глоток из кружки и продолжил: — Они вдохновили меня, на все это. На то что я сделал сегодня.

— По началу, глядя на ваши злоключения с тем рыцарем, я просто хотел вам помочь, спасти только вас, но потом, когда я уже был на месте схватки, все еще больше изменилось. Я уже уходил назад к школе, когда тот одноглазый худой старик отрезал, словно пилой, голову Франко. Он определенно знал его и говорил с его головой о каком-то долге, даже пытался убедить меня, что ему нужно отнести голову Рейнхарду, чтобы он непременно его воскресил. Не знаю, что на меня тогда нашло, я совершенно не чувствовал враждебности от того человека ставшего нежитью и просто на просто хотевшего чтобы Франко вернулся, для того чтобы отдать ему обещанный долг. Это было каким-то безумием, пока я снова не заглянул в сознание Салли и не увидел, что твориться в центре столицы вашими глазами. Безумие охватило этот город и мне показалось, что с этим уже ничего невозможно поделать, но я почувствовал. В тот момент находясь в голосе Салли, как он отчаянно переживает за городских жителей, которых даже не знает. Сказать, что я растерялся, было ничего не сказать, часть его переживаний передалось и мне, заставив меня решиться на невозможное.

— Того восставшего из мертвых старика звали вроде бы Гарри, он не сделал мне ничего плохого, скорее оказался очень полезен. Я легко отрубил его иссохшую голову и отправился на городскую площадь, где все убивали друг друга, веря каждый в свое. Старик был жив, даже тогда, когда от него осталась всего лишь одна голова, он улыбался, корчил рожицы и даже представился мне, весь путь до площади переживая о том, что так и не получил своего долга. На все это у меня конечно были смешанные чувства, он я до последнего момента, сам с трудом понимал, что я делаю, доверившись своим инстинктам, которые выручали меня столь долгое время.

Уже через какое-то время, прорываясь почти без боя к эшафоту, стоявшему в самом центре, я с ужасом смотрел на десятки трупов, разбросанных по мостовой, которая должна была быть усыпана цветами, а не быть залитой липкими реками крови. Смерть пиновала вокруг, собирая свою жатву, забирая одну жизнь за другой. По крайней мере приблизительно так, мне о происходящем вокруг, говорила голова в моей руке. Я не мог видеть нитей, понять кто из воюющих был живым, а кто уже мертв. Этот Гарри помог мне, я просто спросил его об этом и он ответил мне. Я отчетливо видел, как нить на его голове была оборвана, она словно маленький светящийся фитиль, догорала на нем не видимая для других. Даже потеряв связь с тем черным рыцарем он продолжал «жить», так я все это понимал в тот момент.

Вытаскивая одного за другим горожан из раскинувшегося вокруг боя я спрашивал у Гарри, это ли его брат или нет. Голова в моей руке отвечала, и я верил ей, отрезая головы своими невидимыми мечами только тем, кто уже был мертв. На эшафоте у моих ног и возле него лежало несколько десятков отрубленных голов, которые продолжали кричать, стонать, выпучивать глаза, корчить рожи и просто рассказывать истории из своей жизни. Люди,

живые люди, ошарашенно смотрели на это, не понимая, что же вообще происходит. Бой остановился, морок почти спал, горькое осознание действительности наступило так неожиданно что даже мне самому стало страшно. Горожане, измазанные в крови и внутренностях тех, кого до этого дня называли своими друзьями с ужасом и оцепенением, смотрели на три десятка головой продолжавших кричать и требовать продолжать кровопролитие. Какая-то женщина, вооруженная кузнечным молотом, размозжила одну из голов и потребовала от остальных сделать тоже самое. Виноватыми очень быстро были назначены мертвецы, а городская воля и кровожадность переросла в желание защитить город и дать отпор врагам, так подло обманувшим любящие сердца ни в чем не повинных горожан. Мятеж постепенно затухал по всюду. Мертвецы, потеряв свою связь с черным рыцарем погибали, либо горожане, наконец-то осознав свои ошибки, пробивали им голову, заставляя прекратить все их попытки продолжать грабежи и убийства. Я наблюдал за всем этим стоя на эшафоте и понимая, что именно вы заставили меня прийти к вам на помощь, развязали этот узел противоречий, сидевший во мне, заставив меня не только спасти город, но и осознать самому, как же я до этого был не прав...

Учитель перестал говорить и скорчившись от боли и, наверное, какой-то понятной лишь ему одному обиды, обнял свою голову руками, вырвав небольшой клочок волос из головы. Кровь запеклась в волосах и он, вырвав еще один клочок волос, уставился на поверхность стола, как мне показалось, окончательно опьянев.

— Я смог доказать горожанам, что Орден обманул их! Мы смогли, я, ты, да все мы понимаешь! Для города все закончилось... — учитель сделал еще один глоток из опустевшей кружки и недовольно поморщившись стал наливать себе еще.

— Я не убил Гарри, он так и умер у меня в руке, с улыбкой. Он был гораздо человечнее меня самого сегодня. Гораздо человечнее многих из нас, — его глаза затуманились, он начинал засыпать от усталости и такого количества алкоголя.

— А как же армия Ордена? Мы же видели с Салли, там на восточных воротах Стражникам города и рыцарям церкви Рассвета было точно не победить? Их было слишком много... — не унимался с вопросами я.

— Меня в сон клонит. Хотя постой, ты обязательно должен все узнать. Ведь завтра может и не наступить?! — Серо философски поднял свой указательный палец вверх, но задумавшись замолчал, снова проваливаясь в пьяную дремоту.

— Мастер, я уверен вы точно не умрете. На вас же нету ни одной смертельной раны.

— Ладно это уже не важно, Лад. Подойди ко мне, — учитель поманил меня к себе подняв передо мной свою руку:

— Я устал рассказывать, поэтому решил, что так будет гораздо быстрее. Только помни? Слышишь меня? — Серо вцепился мне в руку мертвой хваткой и заглянул мне будто бы в самую душу.

— Да, я слышу!

— Запомни. Ты дал мне обещание.

— Я помню.

— Хорошо. Поверь так будет гораздо проще! — учитель, держал мою руку в своей, а второй схватив меня за голову и положив на лоб, резко оттолкнул назад. Я было хотел упереться ногами чтобы устоять, но так и не смог этого сделать, провалившись в забвение чужих воспоминаний, воспоминаний моего учителя. Они бесконечным каскадом навалились на меня, поглотив под своей огромной лавиной.

Повсюду были слышны крики и детский плач. Мятежники вокруг снова стали обычными горожанами: кто-то связывал особо буйных товарищей, кто-то кричал не понимая, что же делать дальше, кто-то молча убирал трупы с мостовой на телеги, большинство же просто сидело и рыдало совершенно не понимая, как до такого ужаса вообще смогло дойти. Я глянул на отрубленную иссохшую голову в своих руках и испугался, признав по чертам его лица, того одноглазого старика, с которым мне довелось встретиться всего на пару мгновений, во тьме темницы, тогда под церковью. Я брезгливо отшвырнул голову в сторону, и она упала на доски эшафота и только потом на мостовую всю залитую кровью. Бойня прекратилась на какое-то время вернув людей в действительность, они медленно бродили по площади иногда останавливаясь и переворачивая очередное тело в надежде найти кого-то из своих родных. Все те, кого горожане считали давно умершими, те кто пришли и заставили их поверить в то, что все дворяне, как и городская управа, да и сам герцог им нагло врут, теперь снова лишились жизни. Но это раз был точно последним!

Я был в воспоминаниях Серо, так мне по крайней мере казалось. Мастер Серо, не выпуская волнистого меча, который еще совсем недавно принадлежал черному рыцарю, бросился бежать к восточным воротам, решив, что здесь он больше ничем помочь не может. Он бежал, не сбивая своего дыхания, не чувствуя усталости, лишь живой интерес и жажда решить любую проблему, не испытывая жалости и сострадания к противнику. Заливая лязганьем и звоном своих доспехов все вокруг, Серо бежал по главной улице, заставляя дерущихся горожан остановиться. Они удивленно таращились на высокого бородатого мужчину в синей тунике и дорогих доспехах, думая, что перед ними кто-то из знати. Единственное что их смущало, так это то, что он бежал к воротам, призывая всех вокруг сплотиться и помочь отстоять город. Кто-то плевал ему в спину и бранился, а кто-то, толкаясь и крича ему вслед бросался отстаивать свое право с мечом и щитом называться жителей Гротеска. Подбегая к самой церкви за спиной мастера Серо можно было насчитать не меньше четырех десятков добровольцев, это могло стать хоть каким-нибудь подспорьем оборонявшемуся рыцарям у самых ворот.

Лавина из стали и плоти уже хлынула за городские ворота стараясь окружить стражу города со всех сторон. Даже на крепостной стене, оборона начала сыпаться, тела защитников одно за другим падали вниз, под ударами наступавшей пехоты Ордена. Вот уже и лучники, потеряв веру в победу рванули назад с высокой башни, закрывающей крепостной вал, вниз, чтобы не остаться отрезанными от остальных защитников. Черные знамена ордена высились над первой линией стен города, а также воротах. Защитники бежали, потеряв всякую надежду на спасение, лишь комендант Трюдо крича на своих подчинённых продолжал требовать от них пойти в очередную атаку. Вот на крепостном валу вслед за пехотой Ордена стали появляться лучники, ситуация становилась настолько критической, что теперь город могло спасти только чудо, и этим чудо был мастер Серо.

Учитель крикнул так громко, как только мог на бегущих стражников, бросивших свои посты, что те испуганно сначала остановились не понимая, а потом развернулись и послушавшись приказа вернулись назад. Вот в них полетели первые стрелы неприятеля, а затем и камни, стража выстраивала стену из щитов, намереваясь дать еще один бой у восточных ворот, стараясь остановить волну атакующих Ордена Воскрешения. Мастер Серо не намерен был, сомкнув ряды с защитниками, принимать оборонительный бой на их условиях, а сам бросился в атаку, решив заставить противника отступить. Пока стража и

рыцари, прикрываясь щитами и ошестинившись несколькими десятками копий, во дворе у ворот, держали оборону, мастер фехтования прорубался с боем на крепостную стену.

Времени для настоящего мастера фехтования больше не существовало, лишь одиночные, живущие всего несколько мгновений, воспоминания, вопли, стоны и крики отчаяния, разрушаемые на куски. Руки, ноги, головы, фрагменты брони, пальцы и даже зубы, мелькали перед глазами, падая вниз за стену и исчезая в пустоте. Удар за ударом, Серо продолжал теснить неприятеля, заставив его сначала пятиться, а потом вообще устроить настоящую давку, только за одну возможность спрыгнуть назад за стену, чтобы не погибнуть от меча настоящего мастера своего дела. Даже лучники, все это время стрелявшие по стражникам внизу теперь переключили все свое внимание на учителя, стараясь в него попасть. Их стрелы разили других нападавших, только несколько раз попав по старику, который двигался настолько быстро, что предугадать его следующий шаг было практически невозможно. Так, продолжая прорубаться через врагов, что толпились на крепостной стене, он наконец-то достиг сторожки, на крыше которой были стрелки и заставив их отступить, назад за ворота города.

Стражники внизу, во дворе перед самыми воротами, перестали прикрываться от летевших в них сверху стрел и бросились теперь в атаку, видя, что лучников больше нет на крыше сторожки. Орден, потеряв первоначальное преимущество в страхе пятился к воротам, которые он с таким трудом смог ненадолго завоевать.

Серо, обозначив для себя такой важный успех для оборонявшихся возле ворот, продолжил прорубаться к краю стены, чтобы понять, что творится там, за ней. Над полем висела черная пелена дыма от подожжённой травы и разлитого обороняющимися масла, скрывавшая словно туман от пристального взора Серо нападающих. Там в дыму, могли быть если не сотни, так точно десятки врагов, готовых убивать любого, кто встретится на их пути. Серо остановился в замешательстве, глянув на защитников, теснящих к воротам Орден внизу и переведя свой взгляд за стену сделал единственное, как ему показалось, верное решение.

Золотистые мечи росли прямо из его ладоней, меняя свои цвет и форму, они словно хищные птицы устремляясь в поисках жертвы, ища их в дыму и с легкостью поражая, одного за другим. Мастеру Серо этого показалось мало и он, перепрыгнув через стену, растворился в черном дыму, решив встретиться с самой смертью в глазу на глаз. Теперь ему вокруг ничего не мешало, потому что вокруг были только его противники и никого больше. Он упал в грязь, намешанную сотнями сапог и поднявшись на ноги принялся рубить волнистым мечом всех вокруг без разбору, будто крутятся вокруг своей оси и даже танцуют. Лезвие перерубало на такой большой скорости сталь и плоть, дробило кости, и не застревало в преградах, которыми оказались несколько повозок и небольшая осадная башня. Чтобы не терять равновесия и продолжать свой танец смерти, учитель изредка выпускал из совершенно разных частей своего тела золотистые лезвия клинков, не давая вращению прекратиться, а телу, потерять ориентиры и попросту упасть в грязь. Он видел, он чувствовал, он понимал, став единым целым с оружием в своих руках, его глаза только успевали увидеть, разум подумать, а лезвие пронзить или разрезать, еще мгновение назад все еще живую плоть. Иногда его взгляд ловил в клубах дыма силуэты, над головами которых, были обрезанные волшебные нити, еще совсем недавно тянувшиеся к тому, кто напитывал эти мертвые тела своими чарами, заставляя их «жить» дальше. Их время угасало вместе с нитями, что над их головами становились все короче, пока совсем не исчезали и ходячий мертвец не замирал, оставшись лежать на земле.

Бой, нет скорее всего бойня продолжалась. Части тел, фрагменты оружия и доспехов взмывали в воздух после встречи с оружием Серо, продолжавшего рубить, колоть и калечить. Он все больше и больше наращивал темп своих движений, оставляя после себя лишь крики боли и стоны отчаяния. Ничто не могло его остановить и вот наконец-то армия Ордена побежала. Это был не страх быть убитым, а скорее всего ужас остаться разрубленным на поле брани, забытым и никому не нужным. Пропитанные чарами тела продолжали ходить, руки ползать, а головы разговаривать как ни в чем ни бывало. Живые, глядя на своих товарищей, разрезанных на части, с ужасом убегали прочь, потеряв не только желание воевать, но и саму веру в хваленное воскрешение Ордена.

Защитники города высыпали на поле перед стенами, оставляя после себя только трупы и победные вопли, что эхом раскатывались в разные стороны заставляя врагов поверить, что защитников Гротеска стало еще больше. Лучники на стенах стреляли убегаящим врагам в спину, а многие просто подымали вверх руки крича им вслед проклятия и радуясь победе, которая так неожиданно упала прямо к их ногам. Через пол часа все было кончено, дым постепенно рассеивался, а защитники собирали раненых, пытаясь спасти тех, кого еще было возможно.

Комендант Трюдо стоял в проеме восточных ворот, глядя на горы трупов своих подчинённых, которыми был завален почти весь проход. Эта была победа, вот только какой ценой. Да и кто должен был победить, по его немому выражению лица было совершенно не понятно. Он просто стоял и смотрел на облака дыма, из которых медленно опираясь на окровавленную ногу, вышел, покачиваясь из стороны в сторону, учитель Серо. Трюдо не проронил ни слова, сделав вид будто его он даже не заметил, просто замерев на месте и практически перестав дышать, до тех пор, пока мастер Серо не пройдет мимо. От взгляда оцепеневшего от страха коменданта не ускользнула ни одна деталь в облике главного спасителя города. Кровь была абсолютно повсюду, своя и чужая. На голове в волосах, лице, руках, сжимавших огромный волнистый словно пила меч, ногах, груди из которой торчали наконечники стрел. Только его глаза, серые бездонные хрусталики царившей в них пустоты, светились огоньками звезд, ликуя от проделанной мечом работы. Трюдо выдохнул и отвернулся, а мастер Серо сделал вид что не заметил этого испуга и молча прошел вперед, выйдя на свет из-под сводов ворот и каменной сторожки.

Толпа взревела, как загнанное в угол дикое животное, приветствуя своего спасителя, она выла, кричала, стонала и лезла, толкаясь и сопя, для того чтобы прикоснуться к тому, кто один смог победить не меньше тысячи. Серо улыбался, все время сдерживаясь, чтобы не закричать от боли, которую ему доставляло такое огромное количество, пусть маленьких и не смертельных, но всё-таки ран, из которых сочилась его жизненная сила. Он видел, как люди плачут, радуясь, он видел, как люди падают к его ногам называя богом. Серо делал вид что не замечает, как рыцари церкви и монахи, стоя в стороне от всех остальных обсуждают его дальнейшую судьбу.

Мастер прекрасно осознавал, что теперь его ждет. Он стал боготворим всеми горожанами за свое умение и храбрость. Для церкви он нарушил самый главный запрет, использование запрещённых чар, за которое его теперь ждала смерть. Вот только за сегодняшний день он столько раз бросал вызов смерти, что ему стало даже смешно. Серо улыбнулся брезгливо отвернувшись монахам и захромал дальше по мостовой, стараясь исчезнуть от посторонних глаз побыстрее. Люди ликовали, пили и целовались, плакали и радовались. Учитель нарушил данную Владыке Вечности клятву, он убил оружием человека.

Нет даже не так, он осознано убил их такое огромное количество, будто плевал в лицо своему бывшему господину, говоря ему:

— Ну что, теперь дело за тобой!!!

От этих мыслей Серо становилось весело, он даже забывал о боли и поглядывал на огромный меч в своих руках, до сих пор не веря в то, что произошло.

Глава 26 «Похороны и другие откровения для епископа»

Меч черного рыцаря.

Огромный иссиня-чёрный змей пришел в движение. Тысячи его чешуек переливаясь в тусклом свете всеми цветами радуги будто гипнотизировали стороннего наблюдателя, заставляя приковать его взгляд к этой волшебной пульсации цвета, которая умиротворяла и завораживала одновременно. Огромная змея, не издавая не единого звука, подползала все ближе, становилась все больше и больше, так, что начинало казаться, что ее огромная розовая пасть с острыми клыками закрыла собой все пространство вокруг. Желто-зеленые глаза хищно смотрели прямо в упор, как два солнца с узкими зрачками, в которых роилась бесконечная тьма, пронизанная мерцающими точками далеких звезд, от которых невозможно было оторвать свой взгляд.

— Ты нарушил данное мне обещание и ценой этой ошибки станет твоя душа. Ты ведь помнишь, о клятве что давал мне? Теперь твое время стало моим... — на последнем сказанном слове челюсти змеи сомкнулись, погрузив все вокруг во тьму, заставив меня в ужасе подскочить с постели и наконец-то проснуться.

Я очнулся в комнате учителя, голова жутко раскалывалась, будто бы это я вчера пил вино всю ночь, а не Серо. Растрепав свою русые волосы и несколько раз ударив себя ладонями по лицу, я, зевая выглянул из-за балдахина, который закрывал кровать от остальной комнаты. Учитель до сих пор не ложился спать, он что-то воодушевленно писал

на листках бумаги, которая горой, скомканных исписанных чернилами листков, лежала вокруг его стола.

— Честно, никогда бы не подумал, что, прожив так много времени, мне нечего будет написать в своем последнем письме?! Я уже пол ночи пытаюсь придумать напутствующие слова для учеников школы, но никак не могу подобрать нужный здесь темп, да задать присущий лишь мне одному воодушевляющий ритм. Пустое опять. Не то, все не то?

— Вообще то уже утро, мастер Серо! — я еще раз устало потянулся и потеряв веки руками, зевая подошел к столу учителя.

— Осталось там мало времени, понимаешь? Я ничего не успею... Время, время! — Серс забарабанил пальцами по столу, что-то обдумывая. Взяв в руки очередной исписанный листок, он что есть силы скомкал его и выбросил ко всем остальным, зло ударив по столу:

— Значит, так тому и быть! Ну буду ничего придумывать. По-простому, без излишеств.

Его рука снова начала что-то очень быстро и воодушевленно писать из-за чего мне захотелось заглянуть ему через плечо чтобы прочесть, но учитель, будто заметив мой маневр, закрыл написанное своим израненным плечом. На несколько мгновений остановившись и призадумавшись он внес несколько поправок и дописав пару показавшимся ему так нужных фраз, довольно растянулся в своем кресле.

— А что вы пишете, учитель Серо? — я все путался разглядеть, то, что было написано на листке, но мастер аккуратно сложил листок вдвое так, чтобы я ничего не смог увидеть.

— Это мое последнее письмо. Пожалуй, все уже в курсе событий, даже ты, мой мальчик, просто пока еще этого не понял. Ты же помнишь мои последние воспоминания, которые я тебе доверил?

— Бой на крепостной стене у восточных ворот? Какой именно из моментов? Может тот, что на площади? — пытался угадать я, но потом меня осенило, и я вдруг понял, вспомнив слова большого змея, сказанные про «клятву».

— Так, вы нарушили... — у меня перехватило дыхание, я остолбенел от нахлынувших на меня мыслей.

— Да, Лад, мое время подошло к концу. Я не знаю, что задумал Владыка Вечности, но просто так я ему точно не сдамся. Так и знай я еще всех вас удивлю! — после сказанных слов на лице старика заиграла улыбка, разрезавшая весь его лоб сотнями морщин. Только теперь я заметил, как сильно он постарел всего за одну ночь. Седина пробивалась в разные стороны, начав свой путь у висков и устремившись вниз по шее и вверх до самой макушки. Да учитель был прав, его время подходило к концу и нам ничего нельзя было с этим уже поделать.

— Не переживай ты так, я все продумал. Поверь мне, я еще смогу удивить Владыку. Может вы этого не увидите, но я абсолютно уверен, он не сможет получить мою душу легко. У я-то знаю! — старик, улыбаясь говорил эти слова, скорее пытаюсь убедить в этом не меня, а самого себя. Он продолжал говорить без умолку, а я, молча его слушал, понимая, что ничего не смогу сделать.

— Так вот, скажу честно, вам будет не легко, но вы все мне пообещали! Помнишь? Все до единого! Поэтому слушай меня внимательно и запоминай!

— Через час Тильда принесет новую чистую одежду, а конюх с Ходвиком новые начищенные доспехи. Салли, наверное, целую ночь чистит тот волнистый меч черного рыцаря и рыдает, но не суть, его тоже положите со мной в могилу! — говоря последнее слово он вскинул вверх свою руку приказывая мне жестом замолчать, заметив, как я хотел было его перебить на полу слове.

— Подожди с вопросами Лад. Ты помнишь ваш с Салли дуб, на котором вы прятали столько лет подряд ваши сокровища. Так вот, он также стар, как и я сам, он столько лет давал нам свой сок, из которого мы делали целебную мазь, что теперь он абсолютно пуст. Представляешь, старый дуб высох прямо изнутри и теперь я хочу наполнить его собой. Пусть его внутренняя пустота станет моим последним пристанищем. Да не рыдай ты, смирись, будь мужчиной! — учитель смахнул с моего лица нахлынувшие слезы и продолжил:

— Я прошу тебя Лад, чтобы именно ты залил меня еще живым горячим соком, оборвав наконец мою жизнь и не дав ее забрать Владыке Вечности. Ты помнишь, ты обещал?! Ты сказал, что выполнишь мою просьбу! Ну успокойся, будет тебе, хватит!

Я не смог найти сил чтобы ему сразу ответить, молча уставившись себе под ноги, будто бы я был в чем-то виноват и теперь испытывал чувство вины. А может и вправду именно я, ну может еще Салли, это все мы виноваты.

— Простите, учитель, это все мы! Я и Салли. Мы заставили вас изменить ваше решение и теперь... — угрызения совести съедали меня изнутри, в какое-то мгновение мне даже показалось, что лучше бы я умер тогда, от рук черного рыцаря и не дожидаясь этого самого момента.

— Так разве это плохо? Вы представьте только, скольких людей вы смогли спасти, переубедив одного лишь меня? Да я безгранично благодарен вам. Не будь вас, я бы так и продолжал сидеть в стенах школы, наблюдая за тем как горожане убивают друг друга. Я изменился, разве нет!? Я стал совершенно другим, сама смерть теперь меня не страшит, понимаешь?

Я ничего уже не понимал. Да мы вроде как спасли город, вернее мастер Серо спас, но теперь во мне что-то сломалось...

— Так нечестно! Просто нечестно! Вы же спасли всех! Может найдется какое-то лекарство? — я взмолился и обнял старика, от которого пахло потом и перегаром, он был смесью запахов стали, гари и табака, смешанного с сушеной вишней. Я боялся его отпускать, прижавшись к нему и рыдая.

— Перед временем все бессильны, мой мальчик. Еще вчера был твой день рождения. Ты же не забыл, что тебе теперь пятнадцать? Так вот. Ты должен отправиться далеко на юг и разыскать своих родственников, как велел тебе твой отец. Возьмешь с собой Салли, двадцать серебряных монет что оставил Киль и отправишься в путь. Ведь время тебе еще подвластно, и ты еще сможешь удивить даже его мой мальчик! Я уверен!

— А вы? Как же вы? — я не отпускал своего учителя.

— Я? Я еще совсем недавно стирал детям память, пытаюсь перехитрить самого бога вечности. Эх, я был так глуп, раз верил тогда в это? М-да. Но время летит и теперь есть ты и Салли, живые доказательства того что даже такой подлец как я, может воспитать что-то по-настоящему стоящее и ценное?

— Не говорите так, вы не подлец! — я не унимался и продолжал рыдать, не веря, что все может закончиться вот так вот быстро.

— Все, хватит! А ну-ка взял себя в руки! Или мне нужно применить силу? Уже совсем скоро войдет Тильда, утешь ее и помоги. Все остальные уже ждут внизу, они знают, что им делать! — старик снял с себя остатки разорванной вчерашними лекарями рубахи и сделав еще несколько глотков из кувшина повалился на кровать, сорвав полностью балдахин и уронив его на пол. Сделав одну глубокую затяжку табачным дымом, он тяжело откашлялся:

— А ведь довольно неплохо все получилось? Я решил стереть себе память, абсолютно

всю. Думаю, так Владыка Вечности не сможет меня найти. Никогда! Никогда, никогда! — старик кричал и смеялся, после снова закашлявшись и замолчав.

— Извините меня за то, что сомневался в вас!?! — я виновато стал у постели, боясь поднять свои глаза.

— В том нет твоей вины. Я вот в тебе никогда не сомневался! Так что престань рыдать и стань настоящим мастером фехтования! Пообещай? — он улыбался, глядя на меня сотнями морщин растянувшимся по всему лицу.

— Обещаю! — ответил я, взяв наконец себя в руки.

— И прошу сделай все красиво, ну как тогда, когда ты подумал, что я похож на паладина из сказок, которые ты слышал в детстве? Сделаешь, обещаешь?

— Да! Удивленно ответил я, — и в этот самый момент старик стал полностью серьезным, схватив свою голову обеими руками, закричав, что есть мочи, от боли. Я успел только хватиться за свои уши, как через мгновение все уже было кончено. Все до единой морщины на лице моего учителя фехтования растянулись, он помолодел сразу лет на двадцать. Его рот немного приоткрылся, а глаза чуть закатились вверх, лишь веки делали его взгляд осознанным и даже властным, что в какой-то момент я даже поверил, что он все еще тот самый учитель. Я подбежал к нему и схватил за голову, намереваясь схватить и начать трясти, чтобы вернуть его назад, но в последний момент остановился. Я ведь дал ему обещание сделать так, как он меня попросил, а не пытаться вернуть все как было. Я замер, глядя на него и только потом, отвернувшись, вспомнил про лежавшее на столе письмо. Дверь в комнату распахнулась, на пороге стояла Тильда, а с ней добрый десяток учеников, на их лицах было недоумение. Первой все поняла Тильда, она ударила что есть мочи в стену и отвернулась, закрыв от обиды лицо руками. Кто-то из учеников начал рыдать, кто-то попытался подбежать к кровати, но я перегородил им путь, требуя убираться прочь, все продолжая смотреть на лежавший листок бумаги на столе.

***

Когда мы вынесли мастера Серо во двор, все ученики опустили свои глаза под ноги, боясь даже взглянуть в лицо своему учителю, спящему крепким сном в балдахине, на котором мы его несли. Одетый в серебристые доспехи поверх черной, как сама ночь рубахи, он походил на закованного в броню сказочного героя, которым каждый из нас мог только восхищаться. Места для слез у меня не осталось, и я твердо решил выполнить каждую из просьб моего наставника. Единственно что меня очень взбесило, так это отсутствие Салли. Учитель говорил мне по то, что он возится с мечом, но это меня сейчас меньше всего интересовало, ведь во дворе собрались все кроме него. Мы медленно пошли вперед, осторожно, чтобы не уронить ставшего невыносимо тяжелым учителя на место, которое он выбрал для своего упокоения.

Огромный дуб в самом конце нашего внутреннего двора школы, был весь покрыт густой зеленью, и я готов был отдать руку на отсечение, чтобы поспорить с любым, что дуб внутри еще не был пуст. Каково же было мое удивление, когда невидимая моему глазу деревянная дверь, покрытая корой, отварила и из нее вышел Ходвик. Он виновато отвел глаза в сторону, встретившись со мной взглядом и опустив голову, исчез в толпе стоявших учеников. Я лишь вновь вспомнил о отсутствующем Салли и продолжил молча нести учителя вперед. Нас было всего восемь, и мы уже выбивались из последних сил, ощутив все разом, что учитель стал еще больше весить. Каждый наш шаг давался с таким трудом, что вены на моем

лбу надулись и готовы были вот-вот лопнуть. Все несущие переглянулись и из последних сил продолжили нести учителя, понимая если кто-то из них ослабит свою хватку, остальные его сразу же уронят.

Внутри дуба оказалось просторно, хотя снаружи мне он казался гораздо меньших размеров. Деревянный пол, стены, будто внутренняя поверхность мышц дерева, высохших за столь долгие годы и наконец в самом центре деревянного массива, узкая дубовая ванна. Именно в нее нам и пришлось положить нашего наставника, аккуратно перевернув его боком и вытащив балдахин. Перевернув его тело к нам лицом, мы все стояли, не зная, что нам делать дальше. Первым в себя пришел конюх, выудивший откуда-то из-за пазухи маленькую курительную трубку и аккуратно протерев ее своим рукавом положил рядом с учителем, проговорив:

— Покойся с миром, великий Асториец.

Вслед за ним каждый из несших своего наставника подходил к нему, говоря ему о том, что было у него в тот момент на душе. Я видел, что очередь уже дошла до меня, но не собиравшись подходить сейчас, помня о том, о чем меня попросил сделать мастер Серо. Поэтому я продолжал ждать, когда все, кто пожелает подойти и прикоснуться к наставнику, не сделают это. Ручеек из маленьких фигурок и слез не пересыхал довольно долгое время, кто-то даже молился, кто-то клал учителю деньги и какие-то записки, а кто-то, просто глянув на него всего раз с ужасом убежал прочь.

Я ждал до тех пор, пока наконец под дубовыми сводами последней обители моего наставника не появился Салли. От моего вечно улыбающегося рыжеволосого друга, почти ничего не осталось. Все его лицо жутко опухло от слез и глаз почти не было видно, но и они были багряно-красными, наверное, он не спал всю эту ночь. В его густых волосах отсутствовал довольно большой клочок волос, а сам он был весь перепачкан льняным маслом и больше походил на трубочиста нежели ученика школы фехтования, весь в черных пятнах и саже. Зато меч в его руках блестел как новенький, от его черноты не осталось и следа, если приглядеться, то можно было увидеть собственное отражение на его лезвии. Я ни стал ничего говорить своему опухшему от слез другу, решив, что для это просто ни то место и не то время. Да и вообще, кто я такой чтобы осудить его за то, что он так переживает. Скорее всего именно я узнал о грядущем событии самым последним, проспав вчера до самого вечера.

Салли аккуратно положил оружие в ноги мастеру Серо, так чтобы его руки легли на рукоять волнистого меча. Рыжеволосый перепачканный чертенок бережно провел по лбу своего любимого наставника и уже через мгновение громко заревев, бросился бежать прочь. Наступило время для самого тяжелого испытания, и мы, ни говоря друг другу не слова, выстроились длинной цепочкой, по которой стали передавать из рук в руки ведра с дубовым соком. Последним в этой длинной живой цепочке был именно я, поэтому стараясь как можно бережнее выливать сок, я наблюдал за тем как густая водянистая масса заполняет все пространство ванной собой. С каждым новым ведром сока, его густые маслянистые потоки все ближе и ближе подбирались к безмятежно спящему лицу мастера. Я видел сквозь коричнево жёлтое варево все те вещи, которые положили ученики, прощаясь со своим учителем. Постепенно, ведро за ведром, весь учитель из паладина в серебряных доспехах, одетых поверх черной рубахи, покрылся густым янтарным соком, поменявшим всему цвет. Выливая свое последнее ведро, я в глубине души хотел, чтобы мой учитель остановил меня в самый последний момент. Но этого не произошло, густая липкая масса сомкнулась над его

лицом окончательно поглотив в своей коричнево желтой пучине. Мастер не разу не моргнул, и даже не дернулся, так и оставшись лежать, даже не попытавшись вырваться из вязкого плена, оставшись на веке под дубом, в его спасшем столько жизней, дубовом соку.

Я бы так и остался стоять с ведром в руке, если бы не Воля в моей голове, наконец-таки не соизволила появиться в самый неподходящий момент:

— Своими неумными желаниями, ты умудрился свести в могилу, даже такого великого человека! Что еще должно произойти, чтобы ты наконец осознал, что ты опасен для всех остальных? — она игриво хохотнула.

— Заткнись, не сейчас... — шёпотом проговорил под нос себе я, намереваясь уйти, но Воля решила не останавливаться на достигнутом:

— Ну помогли вы городу и что с того? Уже через пару недель все забудут о твоём учителе и погрязнут в своих мирских делах даже не вспоминая об этой войне. А школа? Ты подумал, что с ней станет? Город они спасли, да кому нужны все эти жалкие алчные людишки? Взгляни хотя бы вон на того монаха?!

— Я повернулся ко входу в дубовую гробницу и увидел незнакомого молодого человека с интересом смотрящего на погребенного учителя. Я готов был поклясться, что до этого его точно никогда не видел в стенах школы:

— Вы кто такой? Да, именно вы? — я успел поймать его испуганный взгляд, и он тотчас же растворился в толпе остальных учеников. Догонять его не было никакого смысла, но все это было явно не с проста.

— Откуда ты узнала, что это был монах Воля? — я обратился молча к самому себе.

— Я его видела раньше, в храме, когда мы там были в последний раз! — она говорила серьезно и меня это еще больше настораживало. Я нащупал во внутреннем кармане своей рубахи листок, прихваченный со стола учителя и решил начал собираться к отъезду немедленно, чувствуя, что потом могу просто не успеть этого сделать.

***

Жар отступал, если он и был, то явно у кого-то другого. Епископ устал просто лежать и бездействовать. Его только вчера перенесли в личные покои, и теперь он продолжал сгорать от нетерпения и одиночества. Его мучали сомнения, все ли он сделал правильно, напившись крови своего надежно спрятанного в подземельях чуда. Ему ведь так не хватало всего пары капель ее красной, похожей на густой обжигающий ром, крови чтобы снова почувствовать невероятный прилив сил. Тут посреди подушек, своей необъятной кровати он был абсолютно бесполезен.

Его тело продолжало терять вес, аппетит так и не вернулся, а по всему телу была такая слабость, что самостоятельно он до сих пор не мог встать с постели. Все это его жутко угнетало и повергало в отчаяние, лишь мысли о том, что мазь, принесенная тем юношей чудесным образом всё-таки ему, помогла. Жар спал, волдыри, еще совсем недавно покрывавшие все его тело, теперь почти пропали, оставшись множеством бурых и красных пятен по всей коже.

Постоянно находясь в постели в комнате без окон, епископ окончательно потерял ход времени и совершенно не мог определить какой сегодня день и вообще сейчас могла быть и ночь. Он периодически звал монахов, которые его успокаивали, говоря о времени, дне и ночи, но теперь ему начинало казаться что все приходящие врут. Сомнения все больше одолевали епископа, он даже попробовал несколько раз стать с постели из-за чего оказывался на полу и с криками пытался взобраться обратно. Так происходило снова и

снова, до тех самых пор, пора в комнате не появился его помощник, которого он назначил главным вместо себя самого.

— Господь всемогущий, я уж было думал, что вы меня здесь бросили, дорогой друг!? — епископ изобразил на своем лице отчаяние, намереваясь, хоть как-то попытаться выведать у него что же происходит в городе.

— Да что вы? Помилуйте, ваше святейшество. Без вашей доблести и отваги, наша церковь была бы сейчас в руинах! — монах вскинул свои руки вверх, будто молясь.

— Неужели все настолько плохо? От меня же нету никакого проку, пока я отлеживаюсь здесь в своей постели? Мне непременно нужно в город, я должен видеть, что там происходит. Люди же соскучились по своему герою? — епископ ехидно улыбнулся, представляя себя с венком на голове в окружении рыцарей храмовников, идущем к самому императору, восхваляющему его за доблесть и отвагу.

— Непременно все так и произойдет, ваше святейшество! Но боюсь вы еще слишком слабы, чтобы простой люд и прихожане видели вас?! Это плохо для нашей церкви! — безразлично ответил монах, скрестив на груди свои пальцы.

— Я думаю, что для этого самое время. И не вам юноша решать, что плохо, а что хорошо для церкви Рассвета? — епископ Ульрик повысил свой голос, но это не произвело никакого впечатления на слугу.

— Это что такое? Я что взаперти? По какому праву, я вас спрашиваю? Вы что вздумали? — епископ потерял самообладание и был просто в бешенстве, махая руками и бранясь всеми запретными словами, которые только знал, понимая свою беспомощность. Слуга молча выслушал все косноязычные доводы епископа и хотел было уйти, но в дверях остановился, помедлив:

— Хорошо, я расскажу вам все что происходит и то только из-за того, что именно вы удостоили меня чести заменить вас на вашем посту. И именно вы дали мне право решать за вас, что будет лучше для церкви, ну а теперь просто слушайте, мой дорогой епископ! — отсутствие приставки «ваше святейшество» жутко резало слух, но епископ повинился и промолчал, решив услышать рассказ из уст своего слуги и только потом решить, что же он с ним сделает.

— Конечно, юноша, начинайте, я весь во внимании... — епископ сделал вид что до сих пор является хозяином положения и устроившись по удобней на своей постели и взяв яблоко с миски возле постели наконец-то замолчал.

— Как вы мне и сказали до этого, я решил отследить того, кто умеет делать из дубового сока целебную мазь, но мои поиски не увенчались успехом. Так вот, те юноши что принесли вам спасительное зелье и поставили вас на ноги, заставив ваши язвы закрыться, а раны перестать кровоточить до самой своей смерти отказываясь во всем сознаться...

— Вы так говорите, будто ставите мне в укор, то что вам пришлось сделать. Мол они меня спасли, а я их замучил? — епископ недовольно махнул рукой проговорив: «- Дальше!»

— Все трое молодых учились у одного мастера фехтования. Его школа находится в центре города и о чудо, именно он занимается зельями из дубового сока. Он представляет защиту гильдии торговцев. Я много у кого поспрашивал о нем. Его имя Серо. Репутация почти безупречная. Занимается охранной грузов. Причем настолько успешно, что гильдия наотрез отказалась говорить на тему его доходов, ссылаясь на подписанную с ним хартию о неразглашении. Так вот, почти вся гильдия разбежалась, а местная охрана толком ничего не знает, ни о учителе Серо, ни о мази с дубового сока. Мои поиски снова завели меня в

турик...

— Так почему же вы не разыскали этого учителя Серо. Привели бы в церковь, а лучше в темницу и хорошенько бы не допросили? — епископ хитро прищурился, не понимая на самом деле, почему его слуги не поступили именно так.

— Тогда это было практически невозможно. Он не покидал стен своей школы, уже несколько лет. Да и по его описанию, я понял, что его долго никто не видел и каждый с кем мне доводилось поговорить указывал совершенно на разные странности в его описании.

— Что вы имеете ввиду? — не понял говорившего епископ.

— Все говорили по-разному. Кто в шляпе, кто с длинными волосами, кто с короткими, высокий, худой, толстый, богато одетый, вообще лысый. Его явно очень давно никто не видел, как же было его нам искать.

— Нужно было перевернуть эту школу вверх дном и непременно кто-нибудь из его помощников или слуг сознался! Я уверен, мой мальчик, применив правильно боль можно получить нужный церкви результат! Дальше... — епископ укусил яблоко развалившись в постели и приказав жестом монаху продолжать свой рассказ.

— Мы не стали этого делать, потому что в городе поднялось восстание, а еще Орден взял Гротеск в осаду. Буквально вчера вечером все и решилось, здесь на восточных воротах, была настоящая бойня, — глаза рассказчика горели огнем, он рассказывал подробности сражения восхищаясь отвагой и самопожертвованием защитников. Вот только оборона не смогла выдержать под натиском Ордена и пала, стражники побежали, а наши рыцари почти все полегли на воротах, не давая врагам попасть к церкви.

— Ну продолжайте чего же вы замолчали! Ну же... Мы смогли победить? Бой что, еще продолжается? Ну не томите же... — епископ от отчаяния прикусил себе губу.

— Нас спасло чудо, которым оказался тот самый мастер фехтования Серо. Он практически один смог перебить тысячное войско Ордена, все это видели, он применял чары такой силы, что, наверное, ни один из телохранителей нашего императора даже не устоял бы?

— То есть ты мне сейчас хочешь сказать, что в Гротеске разгуливает мастер запретных чар, да еще учить этому ни пойми кого прямо у меня под носом? Немыслимо, просто немыслимо! Взять под стражу, пытаться, а потом казнить! — епископ взбешенно затряс своими руками, сжав их в кулаки.

— В этом уже нет никакой необходимости. Он мертв. Раны, полученные в сражении, не оставили ему шансов на выживание, — спокойно ответил монах.

— Откуда такая уверенность? Я должен видеть его тело? Немедленно! Как вы себе это представляете? — снова взбесился епископ.

— Я видел собственными глазами его мертвым. Мне больше не у кого спросить, как он это сделал, да и не зачем...

— Нет, нет! Все эти события требуют более тщательного расследования. Я его возглавлю, и мы непременно разберемся во всем произошедшем?!

— Нет, не возглавите и не разберетесь. У вас нет больше на это полномочий, Ульрик! — монах улыбался, глядя за реакцией епископа на свою последнюю реплику.

— Это почему же, кто так решил?

— Заповеди нашей церкви, вы нарушили их и теперь понесете за это наказание! Вы пили человеческую кровь и согласились прибегнуть к чарам и колдовству. Лишали лично жизни множество людей, что никак не положено вам ни по сану, ни по статусу. Все

горожане видели, как вы сражаетесь с врагами, даже я поначалу поверил, что вы делаете это все ради церкви Рассвета, но уже потом я понял, что вы просто отчаялись и воспользовались моментом, чтобы потешить свое самолюбие. Вы растеряли веру, погрузившись в пучину мерзкого чародейства и интриг прикрывшись нашим символом веры, которому поклонялись столько времени. Вы потеряли своих прихожан и доверие самой церкви Рассвета. Я послал письмо от своего скромного имени обличающее вас как не благочестивого вероотступника, судьбу которого будет решать сам архиепископ, — после услышанного монолога у епископа пропал дар речи, и он испуганно начал хватать ртом воздух, боясь задохнуться. Перед самым уходом монах поклонился и добавил, окончательно повергнув бывшего епископа в ужас:

— Чтобы хоть как-то вам помочь, я взял на себя смелость и распорядился расправиться с той черной женщиной в темнице. Так чтобы от нее не осталось никаких следов. Думаю, хоть этот факт немного сможет смягчить ваш приговор. Все хорошего, епископ, набирайтесь сил и помните. Вы сами мне дали возможность во всем разобраться.

Дверь за монахом закрылась, а епископ так и остался сидеть с открытым ртом, совершенно сбитый с толку и не понимающий, что же ему делать дальше.

Глава 27 "Сольвани и его запретные желания"

Мастер иллюзий и обмана Сольвани.

Все началось за долго до этого лета. Он прекрасно помнил свой первый день в этом ужасно пахнущем и дурно выглядевшем городе, заброшенном со всех сторон гигантскими охапками снега, далеко на северо-западе, скучающей на долгом морозе империи. На городских воротах его встречали озлобленные лица озябших стражников, которых так ярко и мимолетно смогла согреть лишь одна жалкая серебряная монета, за которую они чуть было не подрались, даже не поняв, что она не была настоящей. Гротеск — нетронутый девственный мир, в котором кроме пьянства и разврата никто и никогда не слышал о настоящей хитрости и изощренном плутовстве, присущим настоящему мастеру иллюзий обмана, коим и являлся Сольвани.

Замотанный в серую, заурядную шаль и тряпки, служившие ему теперь вместо шапки, он скорее походил на нищего, чем на человека, который собирался разворошить это пчелиное гнездо в поисках драгоценного меда. Этот город, такой бедный на севере и одновременно такой богатый на юге. Он готов был ударить в самое его сердце, в котором расслабленно проводили, казавшееся бесконечными, свои дни и недели, жиреющие на налогах члены городского совета, зажиточные торговцы и дворяне, которым принадлежало все вокруг. Тогда, в тот первый день, какой-то нищий, трясая своей костлявой рукой указал Сольвани на огромный высокий замок, расположенный на юго-западе от центральной площади и с умным видом, изрек:

— Я видел, как ты ловко обдурил стражу на воротах, вот только мелко все это. Пока такие как этот герцог будут править в городе, ничего не сможет измениться! Ну вот сам посуди, одурачишь ты еще несколько десятков человек, и они сдохнут с голоду, лишившись последних денег, которые ты хитростью у них отберешь. Нужно ставить для себя такие цели, от которых голова идет кругом и кровь закипает в жилах...

Старик был очень стар, он еле согревался бутылкой рома, поднимая ее своей единственной рукой, это все что у него осталось от тех целей, которые он перед собой до этого ставил. Вот он сделал еще один глоток и отвернулся, позабыв о том, что говорил еще мгновение назад. Тот нищий был прав, да, он не был похож на человека, которому стоило бы давать советы, самому сводя концы с концами, но Владыка меня забирай, он был абсолютно прав. Глаза Сольвани хищно глядели не отрываясь, на высокие своды башен замка, а пытливый ум перебирал в голове варианты, как же ему поступить. Он мог внушить любому, то, что хочет, создать иллюзию и свести своей силой с ума, нафантазив целый мир и поглотив им разум любого, стоило ему только этого захотеть. Увы, для него это был самый простой способ, пользоваться которым он побрезговал, поставив себе задачу, добиться всего хитростью и обманом.

Пройдет еще пять или даже шесть лет прежде, чем до него наконец-таки дойдет, как же проникнуть в святая святых закрытого мира дворян и богатых, прячущихся в своих имениях, хранящих не только вековые богатства, но и тайны, не используя своего дара. За это время он сможет переиграть во всех заведениях, во все что угодно, любого из местных завсегдатаев. Многих унижить и обратить в нищету, свести с ума или просто воспользовавшись бросить, оставив умирать с голоду. Местные банды много раз будут устраивать на него покушения, все время получая в итоге, лишь боль и страх, а не такое желанное для них отмщение. Но даже эти нападения очень быстро надоедают Сольвани, и он покупает небольшой домик в самом бедном северном районе, на самой его окраине и придаетя уединению, изредка

появляясь на людях. Его постоянное присутствие в местных заведениях наводило на всех ужас, а как только он купил дом и перестал в них появляться, всем стало еще страшнее. Слухи заполонили северный район, так Сольвани никого не убив, а лишь хитростью и своим колдовством, вода всех за нос, смог получить такой огромный авторитет, что однажды утром произошло не мыслимое для него дело.

В дверь его дома несколько раз постучали, но Сольвани и не собирался открывать. Он был занят очень важным делом, шитьем, ну или его подобием. В тайне от всех, он пытался научиться шить, делать выкройки по уже полученным вещам, что удавалось ему достать и наконец-таки сделать костюм, в котором ему бы было не стыдно появляться. Честно признаться, он не мог даже самому себе в том, что был настолько жадным и не жадным одновременно, что просто не мог себе позволить купить костюм такого дорого покроя. В дверь снова настойчиво постучали и Сольвани пришлось отложить свою работу, чтобы отправиться к дверям, чтобы наконец их открыть.

На улице перед самым домом оказался мальчишка, лет семнадцати, русоволосый и курносый с большими чувственными губами, испуганно глядящий себе под ноги. Он, потирая начавшие мерзнуть ладони, протянул листок бумаги и хотел было убежать, но Сольвани схватил его за рукав рубахи и потянул к себе назад.

— А ну-ка быстро отвечай, кто послал тебя? — мастер иллюзий и хитрости, заглянул в испуганные карие глаза мальчишки и обняв его посильнее, по-отцовски поцеловал его в холодный лоб, довольно улыбнувшись, только теперь почувствовав на своих губах сладкую пьянящую медовуху, которую пил ранее. Парнишка вырвался из объятий довольного собой Сольвани и бросился бежать по заснеженной улице, только у соседнего дома осознав, что в его руке лежит серебряная монета. Их взгляды снова встретились, и парнишка поправил свои растрепавшиеся русые волосы и вытерев намокший от поцелуя лоб, бросился испуганно бежать прочь.

— Ты еще вернёшься! Я тебе это обещаю! — крикнул, смеясь Сольвани и снова вернулся к себе в дом, стараясь больше не впускать холод и снег в свою теплую обитель, наполняя кружку пенящейся медовухой. Сделав пару глотков, он глянул на листок, где было нацарапано корявым детским почерком: «Возьмите меня в ученики». Прочитав эти слова еще несколько раз вслух и громко расхохотавшись, Сольвани сел на пол, продолжая свои занятия шитьем и даже не задумываясь о том, чтобы начать кого-то учить.

Время этих маленьких писем растянулось на целую зиму. Мальчишка снова и снова прибегал к его двери с листком в руках, принося все новые и новые послания, на которые Сольвани отвечал громким смехом, иногда хватая мальчишку за шиворот или предлагая жестом поцеловать себя в щеку, заставляя его от этого краснеть и убежать прочь. Так пролетела колючая морозная зима и наступила ветренная мокрая весна. Мастер иллюзий пошел за это время несколько довольно сносных костюмов из очень дорогой ткани, очень легкой и редкой для здешних мест. Он с нетерпением ждал, когда же весеннее солнце, наконец-то начнет согревать настолько, что он непременно появится в центре Гротеска, именно в этом наряде из белой шелковой ткани, с краями, расшитыми серебряной и золотой ниткой. Такой дорогой одежды, точно ни у кого не было, да и быть не могло, он был в этом абсолютно уверен. Радостным завершением его мыслей о теплой весне в тот день, стали крепкие объятия отважившегося прийти тайком мальчишки, повалившего Сольвани на пол погрузившегося вместе с ним в царство разбросанных одеял, в водовороты из похоти и самых запретных фантазий. Ему было абсолютно все равно с кем делить свое ложе, лишь бы только

обуздать свое неумное желание плоти.

Через несколько часов уставшие и довольные, они лежали на полу и смеялись, от того, что Сольвани так и не ответил ни на одно из писем парнишки, но все равно в итоге согласился взять его учеником. Смех и страсть смешались, накрыв Сольвани, которого вдруг охватило чувство паники, мгновение четкого осознания, что он нашел недостающую деталь, о которой не задумывался все это долгое время. Он даже вскочил на ноги и заметался в панике по комнате, ощущая, что все это время решение было прямо у него перед носом. Опять остановившись и погладив свои черные усы указательным пальцем слева направо, он что есть сил воскликнул:

— Ну, конечно же! Как же я сам, сразу не догадался? Им же непременно нужно общаться с друг другом. Тайная переписка, именно, что тайная и не какая другая!

Сольвани обнял мальчишку и поцеловал в лоб, резко с пренебрежением оттолкнув и улыбаясь продолжив:

— Ты хоть понимаешь, что ты лучше всех? Ты это нечто. Я бы без тебя... Ух!

— Меня вообще-то Мон зовут?!

— Хорошо Мон, ты зачем мне писал эти послания на листках? Да, эти твои попытки подкинуть мне в карман серебряную монету? Зачем, а ну отвечай? — Сольвани упал на разбросанные на полу одеяла и улыбаясь уставился на русоволосого мальчишку, с интересом наблюдая за движением его пунцово красных губ.

— Так вы бы меня в ученики никогда бы не взяли, максимум использовали бы, да бросили потом! — мальчишка потупил свой взгляд куда-то в сторону, боясь сказать чего-то лишнего.

— Ну и что же теперь, мне помешает сделать это сейчас. А? Отвечай, мелкий хитрец? Что ты задумал?

— Вы сами сейчас все поймете... — мальчишка в мгновение ока превратился в точную копию мастера иллюзий и хитрости, с той лишь разницей, что волосы у копии Сольвани были аккуратно уложены, усы тонко выбриты, а также маленький клочок волос присутствовал на узком подбородке. Мастеру хитрости и иллюзий что-то сразу подсказало, что данный образ обязательно должна была дополнить шляпа, которую он очень быстро нашел в одном из своих шкафов, забитых хламом, и тотчас одел на свою молча стоявшую копию, лучшую из тех, какие ему самому доводилось создавать.

— Ну теперь я считаю данный образ полностью завершенным. Знаешь, мне всегда хотелось попробовать, хорошенько изнасиловать самого себя. И честно признаться, я делал это уже много раз, но этот случай особенный... Ты же понимаешь?

— Вы даже не станете спрашивать у меня, как это мне удалось сделать? — пытался вырваться Мон, но Сольвани усыпал все его лицо поцелуями и не собирался больше слушать.

— Я хотел рассказать вам про мои монеты...

— Помолчи, ты же так, все испортишь... Урок первый, если перевоплощаешься в кого-нибудь, прежде, изучи тембр его голоса и саму манеру говорить, а не то, тебя непременно раскроют! — Сольвани зло ударил свою копию ладонью по лицу и зарывчав набросился на нее уже на полу, требуя беспрекословного повиновения.

***

Мальчишка, совершенно не осознавая того, открыл глаза Сольвани на казалось самые очевидные вещи, которые всегда были у него на виду. Письма, именно они открывали

безграничный доступ в мир богатых дворян, боявшихся друг друга, плетущих за спиной друзей интриги, которые приводили к войнам, голоду и осадам замков. Сольвани чувствовал, как его начинает трясти только лишь от одной мысли о том, что он сможет сделать, заполучив в свои руки корреспонденцию какого-нибудь лорда или графа, а может даже самого епископа или герцога. В его голове рождался план из сотен, не связанных между собой слов, а глаза продолжали смотреть на замок, казавшийся таким огромным и неприступным из северных тущоб. Ему нужны были люди, которые бы приносили ему деньги, за которые бы он стал скупать всех, до кого могла бы только дотянуться его рука, чтобы хоть одним глазком увидеть, то, о чем же пишут дворяне. Все слуги, посыльные и дворецкие, конюхи и даже проститутки. Абсолютно все, должны были рассказывать ему о том, что творится в богатых домах, где им доводилось бывать до этого.

План казался ему просто безупречным. Боявшиеся Сольвани бандиты служили ему, надеясь на звонкую монету, падающую к их ногам с его стола. Отморозки и головорезы грабили всех, о ком смогли узнавать его оплаченные серебром глаза и уши, разбросанные по всему городу. Но вся тонкость плана была в том, что его ребята грабили и убивали уже за пределами города, оставаясь все время не пойманными. Так денег начало становиться все больше и Сольвани, за каждую серебряную монету, становился все ближе к желанной переписке, узнавая все больше о тех, кто же отвечает за сохранность и отправку писем.

Звонкая монета решала в этом городе абсолютно все, здесь не было ни преданности, ни веры, одна сплошная жадность и глупость, с которой все охотно предавали своих хозяев, за столь ничтожные суммы, что становилось даже смешно. Сольвани, по сути, не разу за целый год не прибегнул к своим магическим уловкам и заклинаниям, просто исправно платя всем и вся, скупаясь и не скупаясь одновременно. Теперь он знал, о чем пишут торговцы, кузнецы и пекари, ремесленники всех мастей и даже командиры стражи. Знал, о чем признаются гулящие дамы из богатых семей, таким же богатым, но только уже женатым дворянам. Узнавал об убийствах и потехах, о которых и подумать не мог, ведь для него даже мысли о сладких утехах с мертвыми были омерзительны и совершенно не интересны. Заново открытый им мир был гораздо ужаснее, нежели тот, в котором он постоянно теперь находился. Его манило и тянуло к себе, больше, чем, нежная теплая кожа ученика Мона, пропитанная соком молодости, сладкое и такое желанное слово «Шантаж». Читая очередное письмо, он смеялся и дрожал от возбуждения, повторяя заветное слово про себя снова и снова, представляя, как уличенные в убийствах или хищении городской казны дворяне облизывают ему сапоги, но даже этого теперь ему казалось мало. Ведь замок герцога все продолжал стоять неприступной стеной в стороне, от сплетен, интриг, убийств и изнасилований. Ему так и не удалось перехватить оттуда ни одного письма, а это очень раздражало и заставляло искать новые способы для достижения заветной цели. Сольвани решил, раз он не может ничего узнать о герцоге, то непременно постарается разузнать все о епископе. Уж этот старый плут, которому принадлежали все пахотные земли за городом, точно должен был знать обо всем происходящем в городе, не хуже тайного совета и самого герцога.

Монахов, что служили при церкви нельзя было купить, как всех предыдущих посыльных, помощников и помощниц. Эти фанатично настроенные асторийцы, все дни напролет проводили в молитвах, изредка выполняя поручения за пределами храма, проводя почти все свое время внутри церкви.

Но случай обязательно должен был подвернуться, ведь тайна, которую знают двое, рано

или поздно, будет рассказана. Так Сольвани узнал о странствующих рыцарях церковниках, они в окружении своих помощников и оруженосцев преодолевали огромные расстояния из одного города в другой и только теперь становилось понятно на какие деньги им удавалось это делать.

Самую тайную корреспонденцию приносили в церковь, откуда она попадала в руки епископа или его помощников, сортировалась несколько дней, после чего, один из рыцарей в сопровождении своей охраны, отправлялся в нужный город чтобы передать в местную церковь, а уже оттуда конечному получателю тайного письма. Вот во время этих бесконечных странствий и нужно было перехватывать письма, надеясь, что одним из них обязательно окажется и записи герцога. Но эта работа была очень деликатной и подпускать кого попало к ней было бы большой ошибкой. Поэтому этим решил заняться сам Сольвани, оставляя вместо себя своего помощника и ученика Мона, с легкостью выдававшего себя за мастера иллюзий.

Первые несколько попыток, оказались не такими удачными, как того хотелось Сольвани. Он под покровом ночи приходил в лагерь, где спал, выставив дозор рыцарь и погружал всех в морок, даря кому-то страхи, а кому-то наслаждения, с легкостью заполучая письма. Пока охрана, как и сам рыцарь находились в плену его иллюзий, он перечитывал письма. В основном первыми письмами церкви оказалась переписки самого епископа с великим синодом в столице. Старцы, а как по мнению, самого Сольвани, безумцы, толковали о судьбе мира, на который не могли даже повлиять, находясь в облаках своих желаний, не имеющих никакой силы, кроме силы собственных фантазий. Несколько раз Сольвани попадались письма благодарности епископа к Валету плетей, как он узнал позднее, это была должность главного распорядителя рабов и о ужас, распорядителя из соседней империи Заметании. Церковь, располагая союзниками среди дворян по обе стороны двух империй, прекрасно себя чувствовала, скупая земли и владея десятками тысяч душ, стараясь не лезь в дела мирские. С каждым новым письмом картинка складывалась все четче и четче, вот только от герцога так и не было никаких вестей. Его никто не видел и не слышал, он будто специально сторонился всех и вся в своей замке, оставаясь загадкой, которую непременно хотелось разгадать Сольвани.

Так и было до тех самых пор, пока у него в руках, наконец-то, не оказалось первое письмо из долгой переписки герцога и какой-то дворянки с севера, из деревни, затерянной в далеких непроходимых снегах, в которые рыцарям с почтой необходимо было добраться. Местечко на письме называлось Тэрау, но судя по картам, что Сольвани доводилось видеть ранее, его на них не было. В это место почту возил один и тот же рыцарь и поэтому Сольвани переключился только на него. Письма писались регулярно, как герцогом, так и той дамой, которая старалась оставаться неизвестной. Текст погружал его в водоворот безумных отношений, которым судя по записям было несколько десятков лет. Они ругались и ублажали друг друга прямо на стоках написанных слов, умоляя друг друга непременно приехать. Сгорали от нетерпения увидеться и рассказывали о своих серых буднях, требуя ласки и нежности друг от друга. Герцог признавал их общую страсть своей главной ошибкой, но тут же сокрушался, что не находит больше удовольствия в маленьких мальчиках, как это было раньше. Она игнорировала его трепетные рассказы о молодых пижонах из местных семей, требуя от него приехать, чтобы разделить с ней постель и позабыть хотя бы на несколько ночей о мальчиках, богатстве, интригах дворян, желавших обогатится за счет герцога. От письма к письму тон, как и смысл слов, почти не менялся. Она хотела его как

никто другой на всем белом свете, а он, признавая ее власть над собой в постели, требовал давать ему больше свободы. Сольвани начало надоедать эта бесконечная переписка, состоящая в основном из описания мужских и женских прелестей, запретных желаний, и бесконечного потока милых слов, услышав которые, любое любвеобильное существо растаяло бы словно снег по весне, превратившись в воду. И вот ему досталось первое письмо с угрозами от дамы из далекой деревушки, в котором она писала, что она расскажет страшную тайну, если герцог к ней не приедет. Судя по ответу впавшего в панику и не находящего себе места и в этот раз, непременно обещавшего приехать герцога, дама на самом деле знала что-то от чего даже асторийцу такого высокого статуса становилось страшно. Так письма прекратились и время будто бы остановилось и с этим ничего нельзя было поделаться.

Ожидание было всегда самым невыносимым чувством из известных Сольвани. Ему доводилось пытаться людей, сводить их с ума, просто намекая им на то, что он собирается с ними сделать. Он играл со временем их жизни растягивая его, отталкивая неизбежный конец все дальше, продолжая наслаждаться тщетными попытками своего пленника играть словами, требуя финала, даже не подозревая о том, что мастер хитрости и иллюзий уже обо всем догадался. Ему начинало казаться что переписки больше не будет, и эта нить оборвалась и ему всё-таки придется воспользоваться силой иллюзий, войти в замок и заглянув в глаза герцогу, даже убить его. Но все это были лишь его желания в моменты слабости, он был абсолютно уверен, что на этом переписка не закончится и оказался прав, набравшись терпения. После было только одно короткое письмо от дамы содержанием которого Сольвани был потрясен, теперь ему было с чем идти в ворота замка герцога. Послание было очень коротким: «Я разочарованна вашим столь коротким визитом на мою могилу. Теперь мне непременно нужно будет явиться к вам самой, мой милый Берген»

Сольвани не знал, что же произошло и мог только обо всем догадываться. Но после этого странного текста, писем от дамы больше не было. Он продолжал ждать, обдумывая как ему поступить дальше, решив никуда не спешить и при возможности всё-таки попасть в замок, когда врожденное чувство интуиции подскажет ему это сделать. Погрязнув в азартных играх, нападениях на купцов и ставках на подпольных боях насмерть, Сольвани отвлекся от своего желания изменить этот город, чаще прозябая в пьянстве и разврате, не упуская возможности проводить в обществе Мона, свое драгоценное время. От скуки он даже принял к себе одного выскочку, обладавшего уникальной способностью уходить в тень и даже, дал ему задание убить самого себя за огромные деньги и тот согласился. Франко множество раз, прячась в тени, наносил свой последним удар по созданной Сольвани иллюзии и уходил ни с чем, первое время даже не догадываясь о том, что золото, которое заплатили бы за убийство, давал сам мастер иллюзий и обмана. Время медленно ползло, погружая во всю большую скуку до тех пор, пока не пришли вести о том, что грядет большая война и в замке герцога назначено неожиданное собрание. Это непременно был тот самый шанс, который нельзя было упустить. Поэтому Сольвани одел, свой, расшитый золотыми и серебряными нитками, камзол и взяв в руки дубовую резную трость, украшенную драгоценными камнями, отправился к местному управляющему. Этот пьяница и скряга должен был явиться в замок, чтобы доложить герцогу и тайному совету о торговых делах в северном районе. Но именно в этот раз ему очень сильно нездоровилось, головные боли и галлюцинации, поговаривали что ему каждую ночь снились кошмары, а стоило ему только остаться одному, так и сама смерть заглядывала к его дверям требуя впустить. Только из-за

этой столь незаурядной ситуации на собрание пришлось идти его заместителю, которым по совершенно случайному стечению обстоятельств оказался господин Сольвани. Стоя перед воротами замка и предвкушая горячую ночную беседу, он помнил о письмах, о каждом слове, прочитанном и выученном наизусть его феноменальной памятью. Постучав по кованым прутьям ворот своей тростью Сольвани улыбаясь поправил свою белую шляпу и улыбнувшись стражникам вошел внутрь.

Логос.

Меня все не покидало чувство внутренней пустоты, учителя больше не было и я, наверное, еще никак не мог осознать, что теперь я сам по себе. Не будет его нареканий и

угроз, уроков и тренировок, после которых мы вместе Салли отбывали свое очередное наказание у позорного столба. Все это осталось там в стенах школы, возле нашего огромного дуба, внутри которого спал вечным сном наш учитель. Теперь мы молча шли по улицам остывавшего после мимолетного мятежа города и направлялись вместе с Салли на юг, нагруженные вещами, словно вьючные мулы. Тильда наотрез отказалась нам давать лошадей и нам пришлось идти пешком. Как-то мы вышли из центра и оказались в южных кварталах Гротеска, я почувствовал жгучее желание никуда не уходить и остаться здесь, в этом городе, в этой школе. Не пытайтесь искать что-то новое, да и зачем, ведь у меня уже здесь все было: я здесь вырос и провел все эти пятнадцать лет. Я глянул на совсем поникшего и опустившего голову рыжеволосого Салли и погрузился в свои мысли.

Прямо после похорон я отправился искать своего товарища, который сидел в тазу с водой и пытался мыться, больше ревя. В таком состоянии, как попутчик он никуда не годился, а мне нужен был помощник, а не размазня. Я не стал его утешать, а хорошенько отхлестал по опухшему от слез лицу. Я был уверен, что именно так бы поступил мастер Серо, будь он рядом. После слов приободрения о том, что хватит уже быть тряпкой и пора бы взять себя в руки, Салли наконец пришел в себя. Он беспрекословно выполнял мои приказы, молча затаив на меня обиду. Я же решил разобраться в этом уже после, ведь сейчас нам нужно было готовиться в долгий путь и по быстрее. Если учитель был прав, а он всех оказывался правым, то нужно было поспешить уйти из города. Тот монах, который попал на похороны, воспользовавшись тем что на дверях в дозоре никого не было, явно мог вернуться в любой момент с рыцарями. Тильда рассказала нам о завещании мастера. Теперь школа принадлежала ей, как и все хлопоты по ее хозяйству, кто же будет учить старших учеников было не понятно. Выпускники этого года получили жалование и могли идти на все четыре стороны, а те, кто остались, были предоставлены сами себе. Нам же с Салли досталась пара рюкзаков, набитых едой и еще огромное количество вещей, которые могли пригодиться нам в походе. Тильда собирала все сама и поэтому я был уверен, что, если наши ноши и были такими тяжелыми, так это только по тому, что хозяйка положила туда все необходимое. Покинуть город было не таким простым делом, хоть мы и были с Салли людьми свободными, но без вольной грамоты или татуировки, будь то раба, торговца или военного, мы не могли. Поэтому Тильда, не спрашивая нашего на то разрешения, заклеила нас, оставив ожоги на запястьях с буквами МС. Которые расшифровывались как мастер Серо. Так мы и окончили школы фехтования, не доучившись в ней. Расставались в спешке, Ходвик крепко меня обнял и взял с меня обещание обязательно вернуться, ну а Тильда ударила меня довольно больно в плечо сказав, чтобы я обязательно вернул ей этот должок. Только Салли молча, словно тень отстоял в стороне ни с кем не прощаясь, и просто отводя глаза в сторону, наверное, переживая о потере такого близкого всем нам человека. Напоследок Тильда сказала мне разыскать торговца Вайса, которого учитель отправил в столицу с отрядом из сорока лучших учеников. Учитель написал в завещании что теперь этот отряд принадлежит мне, он будет охранять торговца Вайса до тех пор, пока я сам не заявлю о себе, и тогда они должны будут присягнуть мне в верности. Я скептически относился к такому решению учителя, совершенно не понимая зачем мне нужна охрана. Меня скорее беспокоило как нам вместе с Салли добраться до болот у эльфийского леса и не умереть с голоду. А если к этому прибавить еще сорок голодных ртов, задача становилась практически невыполнимой. Тильда дала нам карту Асторийской империи и по-отчески поцеловав, прогнала прочь разрыдавшись, она с ненавистью и угрозами потребовала от нас остаться живыми и не

ввязаться в какую-нибудь очередную глупость, которые, одна за другой к нам липли.

Одетые в кожаные штаны и бушлаты, поверх серых хлопковых рубашек, мы медленно брели к южным воротам, намереваясь найти в одной из здешних таверн попутчиков. Наши огромные рюкзаки за плечами выдавали в нас путешественников, а наброшенные и перевязанные темно-зеленые плащи на плечах говорили за нас любопытным, что ночевать мы собрались в поле. Только висевшие, на поясах двух безусых юнцов, широкие мечи отпугивали местных любителей легкой наживы, которые не решались вступить в прямой бой с теми, кто умел ими пользоваться.

Ноги сами привели нас на постоялый двор у самых ворот, у которых скучала, зевая, городская стража. Не глядя на вывеску и смело отворив дверь, мы вошли в просторный зал питейного заведения. Ничего не заказав у скучающего у стойки хозяина, мы отправились за один из пустующих столиков и расположились там, начиная в уме прикидывать как же нам поступить дальше. Мальчишка, не старше нас самих, увидев новых посетителей быстро подскочил к столику, намереваясь принять у нас заказ:

— Вы только с дороги? — сделал первое неправильное замечание паренек: «Холодный эль, хорошенько смочит ваше пересохшее горло... Может кусок горячего мяса или рыбу? Да, у нас огромный выбор рыбы...

Я глянул на рыжеволосого Салли и тот безразлично махнул мне рукой, уставившись на других посетителей:

— Заказывай что хочешь, мне есть, совершенно не хочется!

— Я тоже не голоден. Мы в дорогу только собрались, и мы сыты! — разочаровал я начавшего хмуриться после моих слов паренька.

— Но вам обязательно нужно что-то заказать, у нас тут знаете ли, не ночлежка для бездомных! — он был настойчив, а нам явно не был нужен очередной конфликт.

— Хорошо кружку эля. Две... — я снова глянул на скучающего Салли, который закатал рукав рубахи и аккуратно притрагивался пальцами к ожогу, оставленному Тильдой.

Когда мальчишка вернулся с двумя кружками пенящегося эля, я выудил из-за пазухи свой набитый серебром кошель и выудив из него пять медяков и положил на стол, спросив:

— А ты не подскажешь, как нам разыскать попутчиков на южную дорогу! Ты же явно знаешь, кто из постояльцев куда едет?

Мальчишка широко улыбнулся и глянув через плечо на хозяина таверны схватил монеты со стола, продолжив говорить уже шёпотом:

— На юг особо никто не едет. Скоро сезон дождей и дороги совсем развезет. Есть конечно двое, что туда собрались ехать, но у них совсем нет денег. Хозяин вот-вот их выгонит отсюда.

— И кто же это? — я выглянул из-за плеча своего собеседника смотря то на одного, то на другого посетителя.

— Это сжигатели трупов с восточного района. Жутковатые ребята, но готовые на любую работу. Боятся чего-то так сильно, что готовы уехать из нашего города. Колебан, тот что по толще, не высокого роста, а второй вечно смурной и молчаливый его помощник Патрик, — я поблагодарил паренька, дав ему еще один медяк и с интересом стал наблюдать за своими будущими попутчиками. Коренастый плешивый старик, с маленькими настороженно бегающими глазками, закутанный в кожаный плащ, походил на гнома, будучи ростом не выше стола, за которым сидел. Ну а рядом с ним, уставившийся в неизвестность, прыщавый паренек, скорее всего мой ровесник и был тот самый Патрик. Он почувствовал на

себе мой взгляд и посмотрев мою сторону улыбнулся черной беззубой пустотой своего рта. Я же отвернулся, сделав вид что больше на него не смотрю. Выглядели эти двое как минимум очень подозрительно и как мне казалось, от их компании не нужно было ждать чего-то хорошего. Я попытался отвлечься от глупых мыслей и как-то попытаться разворошить, совсем раскисшего Салли, нахмурено глядящего в одну точку, где-то на деревянной стене. Я пододвинул кружку эля ему под нос и выудил из внутреннего кармана рубахи последнее письмо мастера Серо:

— Салли я все ждал удобного момента, чтобы прочесть письмо учителя, но все не как не решался. Если хочешь, давай прочтем его вместе?

Его глаза оживились, он повернулся и даже попытался улыбнуться, но у него это получилось очень фальшиво. Я снова пододвинул кружку эля к нему поближе и он, сделав глоток, вопросительно уставился на меня, став на мгновение самим собой:

— Читай давай, мы же не пить сюда пришли? Что там, давай рассказывай? Мне так-то вообще не понятно куда мы с тобой собрались...

— Ладно, слушай и не перебивай.

— Вот еще?

— Салли?

— Да понял, я понял, — он улыбнулся в этот раз нормально и сделал еще один глоток, подперев свою голову руками. Я же развернул письмо и принялся читать вслух, но не очень громко, так, чтобы только нам двоим было слышно:

«Я прожил всю свою жизнь в страхе и преклонении перед могуществом Владыки Вечности, боясь переступить черту и нарушить данное ему обещание. Никогда ни будь таким трусом, каким был я, плюй смерти прямо в лицо и заставь этот проклятый мир упасть на колени перед тобой. Заставь этот мир измениться, сделай его таким, каким видишь только ты. У тебя есть все для того чтобы поступить именно так. Я понимаю, ты растерян и опустошён, но не останавливайся и иди дальше, отбросив все сомнения. Ты смог изменить мое твердое решение, а это чего-то да стоит. Ты влюбил в себя своим непостоянством Тильду, рассказавшую трагедию своей жизни, заставил поверить в чудо ворчливого Ходвика. Даже Салли, беспрекословно мне подчинявшийся, принял твою точку зрения и послушался меня. Они все доверились тебе. Оставайся таким и дальше, продолжая менять мир вокруг. Не думай, не сомневайся, стремись и добивайся. Ты способен удивить самих богов, я это понял, когда ты вернулся из темницы церкви, сделав то, что никому до этого не удавалось на моей памяти. Ты вернулся оттуда живым. Я уверен Владыка Вечности еще пожалеет о нашей с тобой встрече. Помни о моих словах и не забывай. Я в тебя верю и всегда буду верить Лад сын Киля. Найди ответы на свои вопросы. Вместе с Салли у вас получится свернуть даже горы, не сомневайся. Еще увидимся, под нашим старым дубом.

Учитель Серо»

Когда я закончил читать, я понял, что мое сердце замерло, от тепла и доброты, сокрытых в этих словах. Учитель никогда бы не сказал мне этих слов вживую, на раз он их написал, значит он так думал. Это меня тронуло, и я даже заулыбался, сделав несколько глотков пенного напитка, представляя, как учитель смотрит на меня своим хитрым взглядом из-под густых черных бровей. Салли заметил на моем лице улыбку и съязвил, поняв, о чем я думаю:

— Не зазнавайся! Он же написал, «вы с Салли». Так что ты теперь никуда без меня! — он скрестил руки на груди и надменно на меня посмотрел, требуя ответа.

— Да куда я денусь? — только и смог я развести руками, недоумевая, чем опять он не доволен.

— Ладно... Рассказывай где эти горы, которые нам над свернуть.

Я рассказал ему историю об отце, которую услышал от учителя и прочел письмо, оставленное мне отцом двенадцать лет назад. А не знал, живы ли братья моего отца, но они были моей единственной надеждой обрести наконец семью. Пускай Салли был мне самым близким другом, но я хотел, во что бы то не стало, узнать все о своих предках. Рыжеволосый Салли, выслушав меня наконец-таки, снова оживился, стоил гипотезы нашего дальнейшего похода и отпивая из кружки перечитывал письма, лежавшие на столе. Я еще несколько раз глянул на наших будущих попутчиков и уже практически решился к ним подойти, как сам того не осознавая выудил на свет кулон висевший все это время у меня на шее. Я стал вертеть его в руках, вглядываясь в его переливающееся всеми оттенками светло-синего, нутро. Как мне довелось узнать у Ходвика это был голубой берилл, заплетённый тонкими полосками золота словно в клетку.

В этот момент к нашему столу подошел высокий молодой человек, разодетый в красочные одежды, в цвета от зеленого да красного. Он слишком обаятельно и утонченно выглядел, даже напялив на себя эти разноцветные лохмотья, узкие холщовые штаны, и сапоги с клоунскими загнутыми носами. Его брови были аккуратно выщипаны, золотистые волосы были причесаны и прилизаны назад, лицо припудрено белой пудрой, а пухлые губы накрашены. На его ухе висела маленькая сережка в виде капли, а серые глаза горели, маленькими рыжеватыми крапинками зрачков, поглощено уставившись на камень в моих руках. Проведя по своему длинному острому носу пальцем, он, не скрывая своего интереса промолвил:

— Занятная вещица! — и даже не спросив у нас с Салли разрешения, сел на один из пустующих стульев, устало зевнув.

Мой рыжеволосый спутник попрятал письма за пазуху, ну а я, зажав кулон в одной руке, нащупал второй рукоять меча, готовый в любой момент к выпадам с его стороны.

— Я не сильно разбираюсь в ценности камней, но именно про этот могу сказать кое-что? — незнакомец подставил руки под голову и ехидно улыбнулся, глядя прямо на меня.

— Что вам нужно? Этот камень не продается! — парировал я, еще больше напрягшись и ожидая какого-то подвоха.

— Да ну что вы, именно этот камень не драгоценный, сушая безделица. Но вам он очень дорог, напоминает, наверное, кого-то? — незнакомец перестал на меня пялиться и принялся искать кого-то среди посетителей, игнорируя мой первый вопрос.

— Вам не место за этим столом проваливайте! — оживился Салли недружелюбно настроенный не меньше меня.

— Ой извините. Я чуть было не забыл. Людское общество мне так чуждо, я же совсем не представился. Меня зовут Логос. Ах да! — он повернулся к хозяину у стойки и принялся звать его чтобы тот подошел и принял у него заказ.

— Вы что не слышали? Проваливайте, да поскорее! Столов вокруг предостаточно... — Салли все больше злился и даже вынул меч из ножен, намереваясь прогнать нахального незнакомца силой.

— Да бросьте вы злитесь. Чем я могу вам угрожать, я безоружен. Разве что моя верная спутница, сможет вас еще удивить.

Он достал откуда-то из-под стола лютню и провел по ее струнам, продолжая сидеть за

столом, как не в чем не бывало:

— Ее Матильда зовут. Неплохое имечко для лютни, не правда ли?! — в этот момент к столу подбежал помощник хозяина, чтобы принять заказ у Логоса. Я чуть успел остановить Салли от необдуманного решения, он вот-вот готов был пустить оружие вход. Мне конечно не хотелось оставаться в обществе этого шута или кем бы он ни был. Нужно было поскорее обговорить все с Колебаном и Патриком и двигаться на юг. Логос снова зевнул и уставился на меня, продолжив разговор, абсолютно игнорируя жуткую гримасу, которую скорчил ему Салли:

— Я узнал от этого мальчишки, что вы ищите попугчиков на южную дорогу? — он указал на помощника, что до этого приносил нам эль.

— А вам то какое до этого дело? — этот Логос начинал меня напрягать.

— Мне как странствующему барду надоело путешествовать одному, а такая компания как ваша мне очень подойдет. Вы молоды и горячи, а впереди целый мир... — он провел рукой перед моим лицом, будто видел этот «мир» своими глазами.

— Зачем нам такой спутник, как вы? Вы петь только и умеете, ну, наверное, еще играть, на этом?! — Салли вмешался в наш разговор и указав на лютню рукой, добавил:

— На Матильде.

— Ну вообще-то я очень хорошо знаю южную дорогу, мне не раз доводилось по ней ходить. А без хорошего проводника у вас не так велики шансы попасть даже в ближайший отсюда город. Скоро дорогу совсем размочит осенними дождями, вы собьетесь с пути и заблудитесь... — мальчишка принес бокал пенного напитка и кашу в миске, получив несколько медных монет и оставшись довольным, снова исчез среди посетителей.

— Так, а вам то что с того? Ну заблудимся мы и что с того... Не ваше это дело, наше будущее путешествие. Попугчиков и без вас хватает.

— Ну хорошо. Давайте так. Я знаю, что у тех двоих, кого вы решили взять в попугчики нет и ломаного гроша за душой. Я уже спрашивал у них, сколько они хотят за то, чтобы пойти с ними. Пять. Вы представляете это просто не слыхано, пять серебряных монет. И мне почему-то кажется, что столько монет у вас точно не найдется?! — он снова ухмыльнулся и принялся есть кашу, оставив нас размышлять над сказанными словами.

— А что, если у нас есть такие деньги! — выпалил Салли и облокотившись на стол подошел к Логосу поближе. Я же похлопал его по плечу и усадил на стул обратно, сам подошед к нашему собеседнику.

— Ну хорошо. Допустим таких денег у нас с Салли нет. Чем вы, сможете нам помочь? — я с интересом смотрел в его серые глаза, пытаюсь разгадать, что же он на самом деле задумал.

— Я могу заплатить за вас обоих, ну и за себя конечно, — он сделал несколько глотков пенного и поднял было руку, чтобы позвать Колебана к нам за стол, но я его остановил.

— Я думаю мы сами за себя заплатим. Пять серебром не такие большие деньги.

— Ну вообще-то... — Логос начал водить по краю бокала своими длинными тонкими пальцами, опустив глаза на стол: «По пять серебром с каждого!»

— Не может быть? Да это грабеж какой-то? — только и смог я выдать из себя, обратно сев на стул и уже намереваясь самому подойти к Колебану и предложить снизить цену.

— Вот и я говорю. Но старик уперся, не хочет уступать. Старый скряга. Вот сижу, жду уже с самого утра еще кого-нибудь на южную дорогу.

— Я не пойму, а чего они цену то так ломают? Неужели мы и без них не доберемся? — я решил сначала у Логоса все разузнать, а уже потом отправиться за столик к Колебану.

— У них целая повозка, обтянутая крепкой тканью. А еще одеяла и одежда. Случишь что в дороге, неплохое подспорье. На лошадях к тому же, ехать гораздо веселее, чем идти. Да и в повозке спать теплее. Ночи скоро совсем холодными станут. Путь то не близкий, вот они цену и ломают.

— Так, а чего же они сами не уедут? — не унимался я.

— Толи у них еды с собой мало, то ли они жадные до жути! Я думаю, что скорее всего второе. Ну что ты надумал? — Логос дотронулся пальцами до висевшей на ухе сережки и хищно улыбнулся.

— Если вы заплатите за нас, то я точно не буду против вашей компании. А ты Салли? — я посмотрел на все еще дувшегося товарища, но тот махнул рукой соглашаясь.

Логос протянул мне руку, и я ее пожал. Он встал и позвал к нашему столу старика Колебана и его молодого спутника, а я же задумчиво стал наблюдать за ним. Почувствовав в тот самый момент, как только наши руки соприкоснулись какую-то скрытую опасность. Воля внутри меня продолжала молчать, но все мое естество твердило мне, что я совершаю ошибку, за которую потом поплачусь, если пойду вместе с ними. Я провел рукой по своей ладони, ставшей от прикосновения Логоса липкой и холодной.

Глава 29 «Маркиза Гротеска и злоключения Сольвани»

Образ Бергена созданный Сольвани после собрания.

Мы снова вернемся в прошлое, чтобы наконец-то размотать этот клубок, казалось бы,

совершенно не связанных событий, чтобы обрести спрятанную от нас истину.

Совещание проходило в форме доклада, все присутствующие выступали по очереди, но вся эта шумиха вокруг надвигающейся войны на севере абсолютно не интересовала Сольвани. Он скучающе зевал, а потом и вовсе наложил морок, став для всех присутствующих совершенно невидимым. Прогуливаясь по залам замка герцога, он восторгался красотой архитектуры, изящно выполненными скульптурами, вырезанными из камня. В большинстве своем это были голые мужчины, красивым телом которых Сольвани и восторгался, все то время пока докладчики без умолку продолжали зачитывать цифры своего имущества, пытаясь убедить всех остальных, что именно их бизнес был самым важным в Гротеске. Только лишь к вечеру, собрание наконец прекратилось и все начали расходиться, оставив герцога одного. Как заметил Сольвани, хозяин замка охраны внутри не держал, да и слуги, которые сновали целый день, то тут, то там, принося к столу все новые яства и напитки куда-то исчезли, стоило только гостям разойтись.

Герцог Берген остался молчаливо сидеть за столом бессмысленно глядя на гору бумаг, оставленных своими помощниками, так великодушно переложившими все свои проблемы на него. Толстый, нет не побоюсь этого слова, жирный боров, укутанный с белую, украшенную серебрянной ниткой тогу, снял с себя золотой украшенный камнями венец и вкушая виноград плевал косточками прямо на пол, совершенно не подозревая, что Сольвани все это время стоит рядом. Этим жирным боровом у которого лоснилась кожа и щеки висели практически на плечах и был герцог Берген. Сказать, что у мастера иллюзий он вызывал жуткое отвращение, это ни сказать ничего. Поэтому долго не думая, он создал иллюзию прямо на его теле, просто прикоснувшись. Теперь перед ним сидел молодой человек, не старше тридцати, в котором так или иначе читались черты герцога, но это был всего лишь плод воображения мастера и не более того. Погруженный в свои мысли за распитием очередного кувшина вина, коих за сегодня было выпито больше десятка. Он даже не заметил, как преобразился в отражении зеркал, висевших в зале для совещаний.

Сольвани появился для него неожиданно, сев за один из стульев и принялся молча нарезать ножом большой кусок мяса, аккуратно придерживая его большой вилкой, делая вид, что он был все это время рядом и никуда не уходил.

— Вы кто такой? — властно взревел боров и теперь находясь в этом красивом мужском теле его мерзкий свинячий голос выглядел очень комично. Сольвани ничего не ответил, наколов маленький кусочек на вилку и попробовав его на вкус остался доволен, запив приятно пахнувшее мясо бокалом дорогого вина.

— Да как вы смеете? Я прикажу охране вышвырнуть вас отсюда! Назовите себя немедленно! — Сольвани не знал какую гримасу сейчас скорчил на самом деле Берген и поэтому на его иллюзорном лице шевелились лишь губы, но он явно был очень разгневан.

— Все! Моему терпению пришел конец! — это были последние слова, которые сказал герцог, неожиданно для самого себя, резко замолчав. Он попробовал сказать еще что-нибудь, но это ему так и не удалось, потому что теперь у него на лице не было рта. Его охватила паника и он схватился за то место, где только что были губы, пытаясь их найти, но так и не сумел этого сделать.

— Да замолчите вы, хотя бы ненадолго! Мясо практически остыло, дайте же мне хоть немного насладиться этим шикарным столом! Я же вижу, вы так старались... — герцога не интересовали слова, сказанные Сольвани, ведь его теперь охватила паника, он не мог даже закричать.

— Ах, да. Ваш рот, просто посидите и спокойно послушайте, то что я вам сейчас скажу. Не надо меня злить, а то будет только хуже, — положив еще один кусочек сочного мяса ягненка себе в рот и зажмурив глаза от наслаждения Сольвани продолжил: «Кивните если вы меня правильно поняли?»

Герцог повинился, глазами полными ненависти, глядя на незнакомца, как сразу подметил Сольвани, этого человека было не так просто сломить, как показалось на первый взгляд, где-то под слоями этого необъятного жира, скрывалась храбрость, не иначе.

— Так вот. Я пришел чтобы поговорить с вами о вашей последней поездке в одно место, которое и на карте то не найти, такое оно маленькое. Деревушка, Тэрау кажется. Не припоминаете?

— Ну что же вы молчите, кивните если не помните? — герцог на эти слова никак не отреагировал, значит он не собирался отпираться, а это уже не могло не радовать.

— Давайте так. Я сейчас верну вам возможность говорить. А вы, мой милый, не будете кричать, ведь у меня есть одна плохая склонность, делать людям очень больно. Да так, что им жить потом не хочется... — еще один кусочек ягненка был запит глотком белого вина и Сольвани заметил появившуюся покорность в глазах своего кивающего собеседника. Взмахнув рукой, он отменил свое заклятие, вернув прежнюю возможность говорить герцогу.

— Если вас послала церковь Рассвета, то я готов вам заплатить в два раза больше! Нет даже в три... — Берген тяжело дышал, и предлагал суммы все больше и больше, не замечая одобрения на лице Сольвани.

— Я понимаю, вы узнали о моей дочери, и теперь мое место должна занять она, но я хочу жить... очень хочу! Пусть не здесь, да где угодно, только не убивайте меня, прошу.

Герцог начал рассказывать о том, что он очень долго сидит в кресле мера этого города и по законам церкви, которая управляет почти всем в империи, имея практически безграничную власть, его место может занять лишь родственник по крови. Вот только их у него не осталось, ни одного. Все попытки зачать ребенка еще в молодости, так и не увенчались успехом и единственное что теперь оставалось, для того чтобы закон продолжал действовать, так это ждать его смерти или сажать на его место ребенка, которого у него не было. Так думал и он, до тех пор, пока его давняя возлюбленная не призналась ему в этом. Сольвани знал, что в письмах об этом ничего не говорилось и герцог сам рассказал, как отправился далеко на север и при личной встрече услышал всю правду от своей возлюбленной. В тот момент всплыв и подумав, что она ему лжет, он убил ее и поджог дом, бросившись бежать назад в город. Где теперь он и сидел по сей день, стараясь не покидать стен своего замка, думая все дни на пролет о том, что она могла и не блефовать, говоря ему о том, что у него есть дочь на самом деле. Видя, что Сольвани никак не реагирует на его рассказы, он запаниковал, начав выкладывать на стол свои последние козыри, чувствуя, что его никчемная жизнь вот-вот оборвется:

— Прежде чем вы меня убьете! Я хотел бы вас посветить в одну удивительную историю, которая прольет свет на все мерзкие злодеяния, которыми занимается наша церковь...

— Давайте же, облегчите душу, я весь во внимании, мой дорогой герцог. Я с удовольствием вас выслушаю и возможно, это очень сильно повлияет на ваш финал? — на самом деле Сольвани и не подумывал его убивать, уже сам факт того, что язык герцога так быстро развязался, говорил о том, что помучить его всё-таки придется.

— Не может быть? — герцог вскакивает из-за стола только теперь заметив, как его тело изменилось под действием иллюзий Сольвани. Он водил по своему помолодевшему лицу, не

узнавая сам себя.

— Но это же ни я? Как такое может быть? Я думал, что меня уже больше не чем удивить, но вам господи прости, это удалось? — он ошарашенно снимает себя тогу и интересом разглядывая, как изменилось его тело. Новое молодое тело, которое он теперь видел не могло ему не нравиться. Герцог не переставая водил по своей накаченной груди, кубикам пресса, видя, как его крайняя плоть наливаясь кровью становится каменной в отражении зеркал. Сольвани добавляет еще больше колорита, создавая вокруг него несколько голых мальчиков и девочек, тянувших к нему руки, умоляющих обладать ими. Иллюзии прикасаются к нему, усыпая поцелуями, а он в нерешительности теряет дар речи.

— Вы что-то говорили о злодеяниях, мой милый? Законы церкви запрещают любовные утехи одинаковых полов и караются отрезанием всего не нужного... — герцог его больше не слышал, вино окончательно затуманило его разум и он, схватив одну из иллюзий за волосы заставил ее улаживать себя, второй он выдавил пальцем глаз и впился зубами в его шею, застонав от переполняющего его желания. В этот момент Сольвани отменил заклятия и в комнате снова был жирный боров, пытающийся в складках своего жира найти то, что когда-то он использовал от собственного удовлетворения.

— Верните все, как было, назад! — свинячий хрюкающий голос вернулся и был как нельзя к месту, герцог молил Сольвани окончательно запутавшись в том, что с ним вообще происходит.

— Вы говорили о злодеяниях. Я хочу их услышать! — Сольвани снова вернул ему облик накаченного молодого мужчины и продолжил, склонившись над очередным куском ягненка:

— Я не собираюсь вас убивать, я здесь чтобы помочь вам! Подскажите мне...

— Да, да! Я сделаю все что угодно, чтобы стать снова молодым и более того даже знаю, как! — герцог перевел свой взгляд и начал говорить. Теперь Сольвани был абсолютно уверен, что он будет говорить только правду.

— Я знаю о крови! О крови детей огня! Она делает вас безгранично сильным или убивает. Я знаю о том, что церковь проводит обряды с ее применением, пытаюсь постичь секреты бессмертия. Я готов рассказать вам об этом в обмен на вашу помощь в моем спасении...

— Вы не в том положении чтобы торговаться со мной, мой милый! Хватит говорить сказками, неужели вы не понимаете, что я могу убить вас в любой момент и никто вас уже не найдет, нигде и никогда! — эти разговоры начинали злить Сольвани, он пришел сюда шантажировать и манипулировать, влияя на решения целого города, а не выслушивать байки о бессмертии.

— Но постойте, я вас умоляю. Я расскажу вам все что знаю. Достаньте мне один плод эльфийской ежевики, а я смогу достать вам письма, подтверждающие мои слова. Епископ Ульрик прекрасно знает, о чем я говорю, но он никогда не подтвердит этого, — его голос снова стал более мягким и мелодичным, герцог, глядя на свое отражение явно начинал вживаться в свой новый образ.

— Что мешает мне самому проверить это? И чего вдруг вы решили, что меня не прислала сама церковь? — Сольвани самому начинало становиться все интереснее и интереснее.

— Я понял, что вы сюда пришли из-за писем. Вы знаете, о моей дочери. Я даже не против того, чтобы она правила вместо меня. Если об этом узнает церковь Рассвета меня непременно убьют или разыграют какой-нибудь кровавый спектакль, поверьте они это очень

любят. Просто достаньте мне ежевику, я брошу все и уйду сам из города, а Маркиза будет править вместо меня.

— Ну хорошо. Что же станет моей гарантией? — Сольвани отвлекся от мяса и вина, внимательно посмотрев в серые глаза герцога, продолжавшего трогать свое молодое лицо, глядя в свое отражение.

— Вы теперь и сами лучше меня понимаете это!

***

Сольвани договорился с герцогом, решив проверить в то, о чем он говорит, проведя долгие изнурительные часы за чтением в его личной библиотеке. Спустя несколько месяцев, кропотливой и изнурительной работы в поиске хоть какой-либо информации о ежевике, Сольвани практически ничего не нашел. Он был убежден что последнее письмо написала дочь герцога, в котором она пообещала непременно явиться к нему. Вот только это могло произойти, когда угодно, и он с новыми силами погрузился в работу в библиотеке. Ему стало интересно, если все сказанное окажется правдой, он бы и сам непременно воспользовался этим, все больше задумываясь о крови и ее силе. Пока жирный боров проводил все свое время с его иллюзиями предаваясь бесконечным утехам, Сольвани свободно разгуливал по замку, заставив приказать герцогу убрать всех слуг и охрану прочь, переключив все их заботы на свои иллюзии. Это забирало у него огромное количество сил, но и было одновременно хорошей тренировкой его способностей. Когда же мастер обмана покидал замок, жирный боров снова становился самим собой и прозябал в пьянстве, никого, не пуская к себе.

После нескольких лет поисков и приятного сотрудничества с герцогом, практически вся власть в Гротеске принадлежала Сольвани, он всегда находился в тени, окончательно помешавшись на поиске бессмертия. Даже пошел на сговор с мастером Серо, предлагая ему попытаться снять с себя бремя клятвы данной Владыке Вечности, ведь и он сам был связан ей не меньше старого друга. Перечитав около сотни книг о эльфах и их культуре, они вместе с учеником Моном отправились на поиски ежевики. Достать удалось все один плод, в обмен на мальчишку, который хоть и был симпатичен Сольвани, но больше точно не стоил. Поэтому, когда Сольвани вернулся в город с богатым подарком, в виде плода ежевики, радости герцога не было предела, он ликовал.

Когда же слуга известил герцога о том, что у него просит аудиенции молодая особа по имени Маркиза де Тэрау, ликованию борова пришел конец. Сольвани был даже рад тому, что так все обернулось и воспользовавшись отчаянием старого мерзавца, отдал ему ежевику, решив посмотреть, что же будет, когда тот ее съест. Желание жить в очередной раз смогло победить любой страх, такова была человеческая натура и Сольвани наслаждался своим экспериментом.

Мастер иллюзий снова сделал герцога боровом и с наслаждением смотрел, как тот рыдая поедает ежевику, до последнего, не веря в то, что она поможет. Но о чудо, он стал меняется прямо на глазах, будто само время повернулось вспять и отматывало бесконечно прожитые часы назад. Единственное что беспокоило теперь Сольвани, так это, что не приключится ли, тоже самое теперь с его памятью. Он оказался абсолютно прав и из жирного лоснящегося старика, получился высокий стройный, молодо выглядящий мужчина, уже ни имевший никакого отношения к тому, кем он был до этого раньше. Он с удивлением смотрел на себя в зеркале видя, что стал моложе на добрых сорок лет и не годом меньше. Теперь он не узнавал Сольвани, не помнил о их уговоре. Без умолку рассказывая о том, что

хочет стать музыкантом и странствовать по миру, слагая песни и легенды. Он снова стал тем высокомерным мальчишкой, каким был в своей далекой молодости, погрузившись в свои мечты и желания. Сольвани не без разочарования смотрел за его бесконечными переодеваниями и приготовлениями к долгой дороге. Он умудрился даже дать своей лютне имя и нацепил на ухо сережку, рассказывая о том, что именно так, по его мнению, должен выглядеть настоящий странствующий музыкант. Единственное что осталось от прежнего обладателя высокого августейшего сана, так это его желание забирать жизнь. Он все также играл с иллюзиями Сольвани, посвящая все свое время разврату и их убийствам, вот только времени становилось все меньше и меньше.

К приходу Маркизы все было готово, Сольвани пообещал Бергену, что к нему придет гостя и покажет удивительный спектакль. На что этот наглый мальчишка, ответил, что теперь его зовут Логосом и он не намерен слушаться и собирается уходить. Плен иллюзий оказался как нельзя кстати, хоть на какое-то время избавив Сольвани от хлопот, которые герцог начал ему теперь доставлять. Единственное для чего он был ему нужен, так это кольцо на его пальце, являвшееся символом власти, переходящей по праву крови. Проведенное время в библиотеке не прошло даром, и мастер обмана прекрасно знал, что, если кольцо останется без владельца, церковь непременно будет знать о том, что герцог уже мертв. Оставалось лишь выяснить, является Маркиза его дочерью или все-таки нет.

Сольвани обожал хитрости и обман, больше всего на свете. Лепестки роз, по всей алее да самых ворот замка. Иллюзия красиво сложенного мужчины, заставившего растаять молодую Маркизу, и конечно ванна, заполненная ароматными маслами из горных трав. Все было создано для того, чтобы эта юная прекрасная девочка получила удовольствие от предстоящего представления. Он предусмотрительно избавил герцога от возможности говорить и двигаться, а сам наслаждался своим спектаклем. Девочка явно соскучилась по мужским ласкам и практически сразу отдалась порыву нахлынувших на нее чувств. Сольвани восторгался самим собой, картинка двух сплетенных в ванной тел стояла перед его глазами, а стоны заполнили все пространство вокруг. Он был абсолютно счастлив, наблюдая за происходящим, находясь все время рядом и заглядывая в наполнение страстью глаза Маркизы, даже на подозревавшей о том, что он здесь. Во время кульминации он заполнил ее до краев, а она, не противясь его крайней плоти впитала в себя все его семя, оставшись довольной и удовлетворенной.

Дальше было еще интересней, Сольвани даже не стал гневаться на то, что она стала резать идеальную иллюзию своим мечом, а ведь на ее создание мастер потратил столько времени, даже кровь была натуральной. Она требовала, она унижала, как же это было по-дворянски, настоящую, пропитанную властью и высокомерием кровь, нельзя было ни с чем спутать. Она не верила, что перед ней сам герцог, она просто знала о том, что он стар и требовала настоящего снова и снова. Девочка приятно удивила Сольвани, так старавшегося с помощью иллюзий убедить ее в обратном. Она рассказала обо всем что ей известно и о матери, и о церкви. Даже поведала о том, что скоро прибудет сам архиепископ, заявив, что она все равно будет герцогиней. Умная, страстная и такая холоднокровная, как змея, она готова была пойти на все что угодно ради того, чтобы заполучить то, что принадлежало ей по праву рождения, требуя отдать ей кольцо.

Сольвани ничего не оставалось, он просто снял его с пальца этого наглого ноющего высокомерного мальчишки, в которого превратился герцог, теперь походивший больше на шута, в своих новых одеждах. С кольцом пришлось немного повозиться, оно острыми иглами

впилося в плоть бывшего владельца, который истошно кричал, требуя Сольвани остановится. Вот только его криков кроме самого мастера обмана больше никто и не слышал. Кольцо упало на пол возле Маркизы, став для ее видимым.

Мастер иллюзий не обладал возможностью, как его хороший знакомый Серо стирать память и поэтому просто наложил заклятие невидимости на окончательно обезумевшего Бергена. Продолжая кричать, что его зовут Логос, он убежал прочь, пообещав не вспоминать об этом дне больше никогда, ну а Сольвани остался дальше понаблюдать за Маркизой.

Девочка явно знала, чего она хочет и зачем сюда пришла. Одев кольцо и почувствовав, как оно десятками игл прокалывает ее плоть, упала на пол без чувств. Сольвани довольно долго ждал, пока она придет наконец-то в себя и даже начал скучать, присев рядом с ней и проведя по ее приятно пахнущим волосам, не боясь остаться замеченным. Его больше не интересовало тайное знание о крови, так оберегаемое церковью, его интересовал сам процесс инициации, которая проходила прямо на его глазах. В тот самый момент, когда он уже было подумал, что все оказалось тщетным и поднявшись с пола, решил отправиться на поиски Логоса, Маркиза пришла в себя.

— Я знаю, что вы здесь, господин Сольвани! — ее голос заставил холодной дрожью пробежаться по всему телу, опешившего от неожиданности мастера иллюзий и обмана, застывшего в оцепенении и боявшегося даже, повернутся, для того чтобы убедиться, что она его сейчас не видит.

— Я не вижу вас, но точно знаю, что вы находитесь в этой комнате. Я видела все что произошло с герцогом до этого, день за днем, год за годом. Абсолютно все! Думаю, вы очень удивлены и пойму, если вы так и не появитесь перед герцогиней Маркизой де Тэрау. Совсем скоро прибудет архиепископ Конрад Асторийский, я убеждена, что он уже знает о том, что власть перешла в мои руки. Я не буду спрашивать, что вы намерены сделать с этим ничтожеством, но надеюсь вы прекрасно понимаете, что мой отец больше не нужен. Я жду вас в любое время, в своем замке, если вы все еще не утратили тягу к тому, чтобы узнать о крови детей огня гораздо больше.

Сольвани ничего ей не ответил, решив оставить, все как есть. Он, погружившись в свои мысли, переполненные догадками и противоречиями, покинул замок, намереваясь не торопить события открывшись взору юной герцогини. Ему все больше становилось понятно, что он совершенно ничего не знает о законах, по которым живет этот удивительный мир вокруг.

Небо за пределами города Гротеск.

Мы спешно собирались в дорогу. Колебан так и остался стоять на своем, требуя по пять серебряных с каждого, на том и порешили. Мы помогли вместе с Салли грузить вещи на повозку, пока ее хозяин расплачивался за провизию, так нужную, для столь долгой дороги. Логос сидел на ступеньках, у входа в заведение, где мы познакомились и наглаживал свою лютню, изредка поглядывая на нас и широко улыбаясь. Меня все не покидало чувство, что с ним в дороге обязательно будут проблемы. Да и вообще куда он собрался ехать, он так и не сказал. При нем кроме небольшого мешка да лютни ничего не было, толи он был полным дураком, толи и не собирался далеко уезжать. Наконец Колебан расплатился с хозяином, который остался доволен от такой сделки и направился к нам. Патрик же все это время снаряжал лошадей, а после того как запряг их в повозку, устало сел за поводыя с интересом наблюдая за нами. Как только мы уже готовы были ехать, раздался звон местной часовни, который не предвещал ничего хорошего. Мы глянули в ту сторону откуда исходил звон, но Колебан толкнул меня по плечу, приказывая залезать всем в повозку.

— Чего встали, поехали! Не по нашу душу трезвонят...

Мы чуть было не забыли, зазевавшегося Логоса, который в последний момент забросил свой мешок и лютню, залезая на бегу сам. Повозка медленно покатила по каменной мостовой, скрепя и качаясь, на будто старое больное животное, воющее перед смертью, билось в агонии, отдаваясь на каждом ухабе и выбоине болью в пятой точке. Это сразу же заметил толстяк Колебан:

— Как из города выйдем, сразу мягче пойдет, старая она у меня. Всю жизнь меня кормит...

На его слова повернулся Патрик и с удивлением посмотрел на своего спутника, заставив его даже добавить:

— А что не так я сказал? Давно бы новую купили, если бы стражники не потеряли наши бумаги. Тогда отдали бы нам деньги за тот день. Век воли не видать, я бы стал богаче на два золотых! — Патрик, опять прищурившись, глянул на старика и тот снова добавил:

— Мы бы стали богаче, мы!

Дальше, до самых городских ворот, ехали молча. Салли закрыв глаза дремал, я наблюдал за Патриком и Колебаном, а Логос отвернувшись от нас, что-то искал в своем мешке. Мы остановились возле сторожки, и наш возничий принялся расхваливать местных стражей правопорядка, хотя минуту назад клял их, как только мог. Стражники осмотрели наш провиант и получив несколько медных монет с каждого за проезд пропустили, даже не проверив вольных грамот или наличие рабского клейма. Уже под сводами ворот я сумел расслышать короткий разговор двух охранников.

— Опять ты опаздываешь, Марк. Мне надоело прикрывать перед командиром твою тощую задницу.

— Так я это. Ты новости последние слышал? Говорят, в городе новый герцог. Даже сам архиепископ приехал его поздравить?!

— А со старым что? Не уж то переел и лопнул? — захохотал один из говоривших.

— Да вроде баба, какая-то? — неуверенно оправдывался второй.

— Ерунда все это... — голоса исчезли за воротами, и я больше не слышал то, о чем они говорили дальше.

Я переключил все свое внимание на бескрайние поля ржи, что лежали перед нами в долине. Здесь во всю работали люди стараясь успеть собрать хлеб до сезона дождей. Повозка и вправду пошла мягче и меня стало медленно укачивать, погружая в сон. Я глянул на спящих Логоса и Салли, тоже последовав их примеру, закрыл глаза и поддался нахлынувшей на меня слабости. Совсем скоро повозка совсем перестала скрипеть, ровно качаясь из стороны в сторону, будто колыбелька для детей. Не знаю, почему я об этом вспомнил в этот момент, представив, как отец убаюкивает меня что-то напевая. Было ли когда-то это со мной я не знал, но хотел в это верить, верить, что все было именно так, окончательно провалившись в сон.

Прошло довольно много времени и солнце, которое висело до этого довольно высоко, начало медленно садиться на западе. Поля постепенно сменились редким лесом, а потом и вовсе исчезли. Дорога стала куда уже чем была, и редкие ветки густого кустарника лезли к нам прямо в повозку, вокруг запахло деревом и влагой. Я довольно потянулся чувствуя, что спать мне больше совершенно не хочется. Посмотрев, что Салли все еще спит, а Логос увлеченно что-то пытается записывать на кусок бумаги, всматриваясь в местную природу, я пододвинулся поближе к возничим и решил завязать с ними разговор:

— Тяжело, наверное, все время путешествовать? — обратился я к Патрику, который с

удивлением глянул на меня прямо в упор и недовольно поморщившись отвернулся, ничего мне не ответив.

— Не обращай на него внимания. Это он пока молчит, а потом как разговориться, его и не заткнешь вовсе! — вмешался в разговор Колебан, защищая своего компаньона, после продолжив.

— Да мы не путешествовали вовсе. Всего делов то, три мили до оврага и назад. Вези да сжигай, дело то не хитрое, — я с трудом понимал, о чем говорил плешивый тучный старик, но продолжал его слушать:

— Мы же родились в Гротеске. Вот думали в нем и умрем. Только страшновато жить в нем стало. То война, то рыцари всякие, черные с рогами... Головы людям отрубают и тянут их в лес!

— Это вы меня так напугать пытаетесь? — спросил, зевая я, готовясь к очередной городской байке, которых на нашей кухне в школе фехтования ходило огромное множество.

— Да какое напугать? Правду говорю, сам видел! Скажи Патрик... — он толкнул молчаливого юнца пальцем в покрытое веснушками лицо, но так и не добился ответа.

— Мы почему уехать решили, страшное твориться. Людей вон сколько поубивали, я уж было думал жила золотая, так нет же... Стражники бумаги потеряли, говорят не могли мы с Патриком сжечь столько трупов, но я-то помню, я знаю, все записывал, а они?! Пусть теперь новых сжигателей трупов ищут. Вспомнят они еще мое славное имя, искать будут, умолять, а я взял и уехал! — После этих слов старик захохотал, и Патрик вслед за ним затянулся своим звонким голосом, обнажив свои черные десны и остатки зубов, заставив меня с отвращением отвернуться.

От хохота проснулись Салли и Логос и не понимая, о чем разговор тоже заулыбались. Наша повозка ехала через густой лес, которому не было ни конца, ни края. Солнце продолжало медленно садиться, заставляя мрак выбраться из тех мест, где он прятался целый день, чтобы начать окутывать в свое одеяло все вокруг.

Когда почти совсем стемнело мы выехали на довольно просторную лесную поляну, на которой решено было заночевать. Убрав повозку с дороги и привязав лошадей, Патрик насыпал из мешков им корма и остался возле них, намереваясь там провести до самой ночи. Я вместе с Салли принялся собирать хворост для того чтобы развести костер, который бы прогорел до самого утра, отпугивая диких зверей своим жаром. Колебан сел чистить плоды картофеля и купленную заранее рыбу, расхваливая свою будущую похлебку и только Логос, аккуратно положив свою лютню, направился куда в лес один. Как я понял, заплатив за нас с Салли серебром, он не собирался нам не в чем не помогать, намереваясь просто есть и спать всю дорогу. Когда костер был разведен, а собранного хвороста было достаточно для того чтобы поддерживать пламя до самого утра, мы собрались все вместе. Логос играл какую-то медленную мелодию, что-то бормоча себе под нос. Колебан помешивал деревянной ложкой закипающую в котелке похлебку, а Патрик, набрав хвойных веток, что-то мастерил из них.

Как оказалось, Колебан довольно неплохо готовит, ничуть не хуже нашей тетки Тильды, рыбная похлебка получилась просто отменной. Наевшись до отвала мы неожиданно для самих себя попали на ночное представление, устроенное нашим молчаливым театральным гением, все это время скрывавшимся под личиной Патрика. Разодевшись в одежды, сделанные из еловых веток он начал плясать у костра, рассказывая жутким голосом нам историю маленькой девочки, что искала свою любовь, но заблудилась в этом лесу. У него явно был талант, он разговаривал разными голосами и пародировал даже птиц и других

животных, что подстерегали девочку на пути. Он кривлялся и плясал, Логос, улыбаясь ему, во всю подыгрывал на лютне, ну а мы с Салли и Колебаном смеялись, позабыв обо всем на свете. Наше веселье прекратил резко начавшийся дождь, да так резко и неожиданно, что мы чуть успели под брезентовый навес нашей повозки, продолжая хохотать и смеяться, оставив часть вещей под дождем. Стихия все не стихала, раскаты грома разрывали своим грохотом небо, а молнии на мгновение освещали жутких созданий леса, все ближе подбирившихся к месту нашего ночлега. Через еще одно мгновение молния сверкнула, и я понял, что это мое воображение разыгралось, после театрального выступление Патрика, сделав из старого трухлявого дерева, чудовище, тянувшее ко мне свои кривые изогнутые лапы. Начался ливень, потушивший наш костер, и погрузивший все вокруг окончательно во мрак.

Колебан сказал, что дождь будет всю ночь и ждать его завершения нет никакого смысла, поэтому вещи придется оставить промокшими, а самим ложиться спать, не дожидаясь утра, когда станет хоть что-нибудь видно. Я решил послушаться старика, который не казался мне таким плохим, каким показался мне по началу и просто провалился в сон, доверившись шуму воды, ставшему бесконечным.

Вслед за мной заснули Колебан и Патрик, Салли продолжал ворочаться в полумраке, никак не находя подходящую позу. И только Логос, вытерев свою лютню от воды, продолжал молча смотреть на спящих молодых мальчишек, что-то задумав. Ему не хотелось спать и поэтому он решил развлечься разговором обращаясь к Салли, теперь сидевшему и смотрящему на жуткие силуэты намокшего леса.

— Тебя вроде Салли зовут? — тихо шепотом спросил Логос, пододвинувшись к нему поближе.

— Ну и что с того? — не охотно ответил Салли, отвернувшись от своего собеседника.

— Мне кажется, что вы с Ладом поругались, не из-за этого ли ты теперь спать не можешь?

— Даже если и так, то что с того? — Салли повернулся к Логосу и посмотрел на него.

— Я знаю отличный способ уснуть. Пойдем? — Логос встал со своего спальника предлагая Салли пойти за ним в лесную чащу.

— И что же это за способ? Да еще в такую погоду? Что вы задумали? — Салли прищурился, пытаясь разглядеть во тьме черты лица Логоса, но так и не смог.

— Я в лесу нашел озеро, довольно большое...

— И что с того, как мне это поможет уснуть? — не понимая, к чему клонит этот музыкант, спросил Салли.

— Ты когда-нибудь плавал под дождем, вода как парное молоко, горячая при горячая! — шепотом почти замурлыкал Логос, подвинувшись еще ближе к Салли.

— Мне кажется вы лжете?! — выпалил Салли и снова отвернулся, не веря ни единому слову этого странноватого похожего на шута человека.

— Как знаешь. Я просто хотел помочь. Смотри дождь ждать не будет. Мне вот тоже никак не заснуть пойду лучше искупаюсь, — Логос поднялся с земли и устало потянувшись, еще раз глянул на спину сидевшему парню, отправившись через густую чащу к озеру.

— Ладно подождите, я иду с вами, а то не хватало еще чтобы мы вас потеряли. Вы же за нас столько денег заплатили... — Салли поравнялся с начавшим намочать под дождем Логосом, и они отправились вместе в лесную чащу.

Пройдя несколько довольно густых зарослей, они оказались на берегу живописного озера, от красоты которого у Салли перехватило дыхание. Он заворожённо смотрел на

ночное звёздное небо, раскинувшееся мерцающим одеялом высоко над их головами с огромных размеров луной в самом его центре. Буря из дождя и грома была где-то позади, здесь можно было увидеть на далекой ровной глади воды самый край ливня, в котором они стояли.

— Ого! — только и смог выдавить из себя Салли, улыбаясь и не на секунду не сожалея, что согласился пойти. Логос его не слышал, он быстро разделся до гола и с разбегу полетел в воду сразу в нее нырнув.

— Давай ко мне, вода, как парное молоко! Хорошо то как. Ух! — Логос снова нырнул, исчезнув в черной пучине воды.

Салли не задумываясь последовал его примеру, раздевшись и с разбегу прыгнув в воду, ощущая все телом что вода и вправду оказалась очень теплой. Вынырнув и поправив свои рыжие вьющиеся волосы, норовящие залезть прямо в глаза, стал искать Логоса.

— Ну как тебе водица? Я же говорил, а?

— А в правду хороша.

— А то! — расхохотался Логос и поплыл назад к берегу.

Они купались всего несколько минут, но Салли и вправду почувствовал, что его начало клонить в сон, а значит этот музыкант не врал, теплая вода действовала, как надо. Еще несколько раз нырнув и проплыв до середины озера, Салли развернулся и направился назад на берег, ищи глазами куда-то пропавшего спутника. Когда он вышел на берег, куда-то пропавшего музыканта нигде не было видно, он хотел было закричать, но услышал хруст от сломавшейся ветки совсем рядом и повернулся на звук.

Логос стоял абсолютно голым в свете луны, он походил на сказочного ночного эльфа, о которых девчонки рассказывали много баек по углам школы. Он вызывающе трогал себе за крайнюю плоть с ухмылкой наблюдая за тем, как на него с удивлением смотрит Салли.

— Малыш скажи, я тебе нравлюсь? Мое тело оно же прекрасно, неправда ли? — Логос медленно шел в его сторону, продолжая гладить свою крайнюю плоть, видя куда устремлен взгляд удивленного парня.

— Если вы что-то задумали, то лучше остановитесь! — взял в себя в руки Салли, бросив взгляд на свою лежавшую на берегу одежду только теперь заметив, что, меча на месте нет.

— Не отпирайся. Я же знаю зачем ты пошел за мной. Вы с Ладом поругались, и ты решил, что я смогу тебя согреть своим теплом?

Салли бросился на Логоса, поняв, что медлить больше нет никакого смысла, поднырнув под его руку и повалив на землю. Они покатались вниз к самой воде стараясь бить и душить друг друга по ходу этого абсолютно хаотичного движения. Салли все пытался выбраться из-под насевшего на него Логоса и это у него не как не получалось. Он вцепился музыканту в шею, но несколько ударов по лицу вырубил его. Он начал проваливаться в забитее, напоследок громко вскрикнув, после этого получив еще один удар кулаком в голову.

— Мальчишки, вот все время с вами так. А ведь можно было и по-хорошему? Так нет же, все надо испортить, никакого чувства такта... — Логос отпустил потерявшего сознание Салли в воду и принялся целовать его раны на лице из которых медленно сочилась кровь.

***

Я проснулся крика или даже отчаянного вопля, вокруг была темнота леса и шум бесконечного дождя. Озираясь по сторонам и всматриваясь в кромешную тьму я с трудом понял где нахожусь, схватившись по привычке за свой меч. Как только мои глаза привыкли в царившей вокруг мгле, я смог различить силуэты спящих Колебана и Патрика, к моему

удивлению ни Салли, ни Логоса рядом не было.

— Воля, ты меня слышишь? — я обращался молча к самому себе, только гадая, что же могло произойти.

— Ответь мне, прошу. Сейчас не время для твоих шуток, это очень важно. Где Салли, я же знаю, ты все видела пока я спал?

— Да видела и что с того? — она надменно мне ответила, совершенно не заинтересованная продолжать наш разговор.

— Где они? Давай говори...

— В лес ушли, и что с того? — она зевала, будто и сама спала до этого момента.

— Послушай. Я тебе обещаю, что выполню любую твою прихоть только покажи мне куда они ушли!

— Так прямо и любую? — игриво ответила Воля и засмеялась, продолжив:

— Я подумаю...

— Не время думать веди давай. Только быстро.

Я схватил свой меч и бросился в лесную мглу внимательно слушая все то, что мне говорит Воля. Уже через минуту я был у кромки лесного озера, освещённого полной луной, молчалива висевшей над жуткой картиной, на самом его берегу. Логос трепетно гладил крайнюю плоть лежавшего без сознания Салли, облизывая его кожу, не замечая меня. Во мне смешалось одновременно столько противоречивых желаний, что я, сжав покрепче меч в своих руках, медленно пошел по склону вниз. Лицо моего друга было черным от крови, я надеялся, что он все еще был жив, хоть и не спешил спасти его. Внутри меня одолевали сомнения как правильно поступить, а сердце выбивало такой жуткий набат, которого я никогда раньше не слышал.

— Встань! — скомандовал я Логосу, больше не владея собой:

— Повернись!

Он послушался меня и повернулся, лица я его не видел луна была сзади, только черный силуэт бездонной черной пустоты, по которой я и ударил своим мечом слева направо, так быстро, что музыкант даже не понял, что же с ним произошло. Он схватился за свою шею и повалился на землю корчась от боли и пытаясь губами ловить воздух, которого теперь ему так не хватало, заливая все вокруг своей кровью. Я больше не смотрел на него, мой взгляд был прикован к белому овалу полной луны с ухмылкой, наблюдавшей за тем, что я сейчас сделал.

Салли пришел в себя и набросился на корчившегося в конвульсиях Логоса, усыпая его искривлённое лицо ударами кулаков, заставляя красоту его линий, исчезнуть вместе с ним. Снова и снова рассекая ему кожу, без остановки продолжая бить, выкрикивая какие-то ругательства и слова, смысл которых я уже не слышал. Все закончилось, Логос раскинул в стороны свои руки и затих, только вздрагивая под бесконечным градом ударов, наносимых ослепленным яростью Салли.

Я хотел было что-то сказать, но яркая вспышка открывшегося прямо перед нами на самом берегу озера портала заставила меня закрыть лицо руками. Я сделал несколько шагов назад, не понимая, что же происходит. Громкий голос прямо из самой глубины слепящего глаза света произнес:

— Вы обвиняетесь в убийстве герцога Бергена, владыки западных земель и славного города Гротеска. Не пытайтесь уйти от глаза господня, но все видит и слышит. Ждите пока кара настигнет вас!

Нахлынувшее на меня оцепенение спало, и я бросился было помогать застывшему на песке Салли, но ударился о невидимую стену, что теперь окружала меня. Эта защитная пленка будто струилась прямо из моей шеи, тонкими светящимися нитями и окружив меня непроходимым барьером, не давая сделать хоть шаг вперед. Мой амулет, тот самый что достался мне от отца, защищал меня и не давал сделать этот не обдуманный шаг, поэтому мне только и оставалось, что просто наблюдать за происходящим. На руках и ногах Салли светились петли, которые не давали ему двигаться, а из портала прямо на нас вышло двое рыцарей в светящихся доспехах. Они молча взяли тело Логоса и парализованного каким-то заклятьем Салли и ушли обратно в портал. Святящийся разлом повисел еще какое-то время в воздухе и стал закрываться, пока совсем не исчез, оставив меня в темноте одного. Я был абсолютно уверен, что рыцари меня даже не видели.

Луна продолжала насмехаться надо много, то появляясь, то исчезая за облаками, а я продолжал молча стоять, не понимая, что же мне теперь делать дальше. Мастер Серо, а теперь и Салли, я остался совсем один, один на своем пути в неизвестность.